

НЕВА

5
2017

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Наталья КРАВЧЕНКО

Стихи • 3

Борис КРАСИН

Поручик Л. *Ненаписанная повесть* • 8

Андрей ШАЦКОВ

Стихи • 41

Евграф СВЕТЛАНИН

Убежать от тени. *Повесть* • 47

Виктор ШИРАЛИ

Стихи • 95

Александр ЛОМТЕВ

Очень средняя Азия. *Повесть* • 99

Татьяна СКРУНДЗЬ

Рассказы • 119

ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь ЯКОВЕНКО

Интеллектуальное мужество • 137

ИЗ АРХИВА

Александр ГЛАДКОВ

Дневник. 1975 год (январь — июнь).

Публикация и комментарии Михаила Михеева • 163

РУССКИЙ ТЕЗАУРУС — XXI

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

Неопавшие листья русского языка • 193

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Портрет поэта. Альберт Измайлов. «Чем проще стих, тем он труднее...» **Рецензии.** Вера Харченко. Всегда по-своему. Роман Кацман. Учиться ходить. Елена Зиновьева. Судьба поколения. **Книжный обзор.** Публикация Елены Зиновьевой • 208

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)
Святыни Елеона (по запискам русских паломников).
Часть 5 • 231

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Наталья КРАВЧЕНКО

ПРОХОДИТ ЖИЗНЬ...

* * *

А телеграммы радости скупы,
но боль щедра, и горечь хлебосольна...
Не отыскав нигде своей тропы,
не стала я ни Сольвейг, ни Ассолью.

Я так от этой жизни далека,
где все прекрасно: лица и одежда.
Грызет меня всеядная тоска.
Соломинкой прикинулась надежда.

Я жизнь свою сумела не прожить
по-своему, как я того хотела.
Зачем сейчас все это ворошить?
Душа достигла своего предела.

Жить не сумела? Чем-нибудь другим
займись... Как небо — предвечерним светом...
Решай загадку замогильной зги,
что нам была предложена поэтом.

Уходят дни, неудержимо мчась,
летят, как пух от ветра дуновенья.
Проходит жизнь. Особенно сейчас.
Особенно вот в это вот мгновенье.

Наталья Кравченко родилась и живет в Саратове. Филолог, член Союза журналистов, работала корреспондентом ГТРК, социологом, редактором частного издательства. Читает публичные лекции о поэзии разных стран и эпох. Автор 18 книг стихов, литературных эссе и критических статей. Публиковалась в журналах и литературных альманахах «Саратов литературный», «Эдита», «Русское литературное эхо», «Сура», «Параллели», «RELGA», «Новый свет», «Фабрика литературы», «Порт-фолио», «Артикль», «Эрфольг», «45-я параллель», «Семь искусств», «Лексикон», «Золотое руно», «Гостиная», «Подлинник», «День и ночь». Лауреат 13-го Международного конкурса поэзии «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, второе место). Финалист 5-го Международного конкурса поэзии им. Владимира Добина (Ашдод—Израиль). Лауреат международных поэтических конкурсов «Серебряный стрелец», «Цветаевская осень», «45 калибр», «Эмигрантская лира — 2013/2014», конкурса имени Игоря Царева «Пятая стихия», конкурса имени Дюка де Ришелье (Серебряный Дюк), международного конкурса «Серебряный голубь России-2016» (Санкт-Петербург, четвертая премия), финалист и дипломант межобластного конкурса поэзии «Чем жива душа...» (Ярославль, 2016), международного литературного конкурса «Родной дом» (Минск, 2016), лауреат литературной премии «Свой вариант» (Луганск, 2016).

* * *

Дождь вырвался из плена облаков,
Запрыгал — посмотрите-ка, каков!
Взломал свою небесную тюрьму.
И пляшется, и плачется ему.

Мой водный знак, самой стихии брат!
Нет никаких нигде ему преград.
Скосил глаза куда-то на висок
и пишет что-то мне наискосок.

А что в письме? Размытая строка...
Течет любви условная река.
Живой воды таинственная власть
на мертвенную сушу пролилась.

Не плачь, мой дождик, лучше попляши,
расплескивая жалобы души.
О сколько слез! Прими же их, внемли,
жилетка безразмерная земли.

* * *

Уютный комнатный мирок
с родными старыми вещами,
без обольщений и морок,
из сердца вырванных клещами.

Отброшен гаршинский цветок,
не надо ран очарований!
Мой домик, угол, закуток,
что может быть обетованней?

Принять неспешный твой уклад,
тонуть в тепле облезлых кресел
и на домашний циферблат
глядеть без Батюшковой спеси.

На коврик, чашки, стеллажи
сменить бездомность и огромность.
Не блоковские мятежи,
а Баратынского укромность.

О здравствуй, снявшийся покой!
Ты наконец не будешь сниться!
Утешь меня и успокой
в ладонь уткнувшейся синицей!

Повисло облака крыло —
прощай, мой путеводный пластырь!
На все, что мучило и жгло,
налепим стихотворный пластырь.

Уходит завтра во вчера
без жертв, без жестов и без тостов.
Дней опадает мишура
и остается жизни остов.

И пусть из зеркала не ты
глядишь, какой была когда-то.
Закроет бреши темноты
заката алая заплата...

Ну что, купились? Я смеюсь.
Сменю ли крылья на копыта?
Все, что люблю, чему молюсь —
о, не забыто, не забыто!..

* * *

Я знаю, истина в вине.
Не в том, что плещется на дне —
в неискупаемой, нетленной.
Она лежит на дне души.
Ей тяжело дышится в тиши.
Она одна во всей вселенной.

Неутолимая печаль
меня терзает по ночам.
Кому поведать? Богу? Людям?
И я бреду в своем аду
и повторяю, как в бреду:
«О, как убийственно мы любим!»

Ночной звонок: «Але! Але!»
И мысль безумная мелькнет:
а вдруг твой голос я услышу?
Раздастся в дверь тревожный стук,
и — сердца вздрог: а вдруг? А вдруг?!
Но это дождь стучит по крыше.

Плесну в бокал себе вино.
Но, словно кровь, оно красно.
Мы пьем и пьем хмельное зелье,
не понимая, что хмельны
не от вина, а от вины,
и будет ужасом похмелье.

Пройдет сто лет, сто раз по сто...
Ничто не сгладится, ничто!
Она навек со мною слита,
как горб проклятый за спиной.
О как в сравнении с виной
легка и сладостна обида!

Вина дается нам сполна.
Ее не вычерпать до дна.
И каждый день мой ею мечен.
Я от нее не излечусь.
Я с ней вовек не расплачусь.
Хотя платить уж больше нечем.

Я знаю истину: она
для понимания трудна,
пока не бьешься в исступленье.
Я знаю, что такое Бог.
Бог — это боль, что он исторг.
И — искупленье, искупленье...

КУКУШКА

Кукушка-высочка в часах
не обещает жизни долгой.
Оно понятно, не в лесах.
Кукукнет пару раз — и в щелку.

Почти живое существо.
Вещунья, пифия, сивилла...
Я не боялась ничего,
не верила и не просила.

Но вот тебя прошу сейчас,
боюсь и верю в это чудо —
о накукуй мне лишний час,
моя домашняя пичуга!

О наколдуй мне лишний день,
и юных нас, от счастья пьяных,
и всех любимых мной людей,
что скрылись в норках деревянных.

Кукушка, стой, не уходи!
Но мне за нею не угнаться...
О знать бы, что там впереди,
когда сердца пробьют двенадцать.

* * *

Привыкшие к телесным пеленам,
мы не подозреваем о свободе,
той, что от века недоступна нам,
а только снам, парящим в небосводе.

Я говорю с тобой, как на духу,
на языке, понятном лишь поэтам.
Такая грусть и нежность наверху,
а нам внизу неведомо об этом.

Отбросить страх и повседневный прах, —
земля лишь для того, чтоб оттолкнуться —
и взмыть туда, куда нас тянет в снах,
откуда не захочется вернуться.

Взойдет звезда над письменным столом,
в окне распишет бисером полотна
и защитит невидимым крылом
все, что еще бесплатно и бесплотно.

Борис КРАСИН

ПОРУЧИК Л.

Ненаписанная повесть

Модному беллетристу эта история могла послужить основой увлекательной криминальной драмы или психологического триллера. Для этого лишь нужно было ввести в сюжет несколько персонажей из числа сотрудников спецслужб и сместить акценты повествования. Большой писатель, напротив, нашел бы в ней аллегорический смысл и сочинил бы притчу о нешуточных страстях, которые порой обуревают современного человека.

Но я хочу сохранить правду жизни, а она не вписывается ни в один из популярных литературных жанров. К тому же в этой истории и без нагнетания страстей не было недостатка в драматизме. Во время нашей последней встречи с ее главным героем, когда, по его словам, одной ногой он стоял в будущем, в нем чувствовалось такое смятение, внутренняя опустошенность и душевный разлад, что хватило бы на братьев Карамазовых, вместе взятых.

В молодые годы мы с ним работали на радио: Андрей — наладчиком в Доме звукозаписи на улице Качалова, я — звукооператором в старом здании Радиокomiteта на Пушкинской площади. Мы были едва знакомы и лишь изредка встречались в дни зарплаты у кассы бухгалтерии, в нашем клубе на праздничных вечерах, на комсомольских собраниях. Рослый, с умным, волевым лицом, он уже тогда казался мне не совсем заурядным человеком. В нем было что-то от обаяния персонажей, сыгранных Александром Абдуловым в фильмах Романа Балаяна «Поцелуй» и «Талисман», нечто такое, что выделяло его среди сослуживцев, — впоследствии это стали называть харизмой. Он был мне интересен, но я не решался познакомиться с ним ближе — рядом с Колчановым я особенно остро чувствовал собственную заурядность.

Когда я поступил в институт и ушел из Радиокomiteта, то потерял его из вида. Но однажды в день рождения Коли Панкратова в старой радиокomiteтской компании среди гостей я увидел Андрея. Он сам подсел ко мне за столом, завел какой-то разговор, держался просто и дружелюбно, приятно удивил живостью ума и чув-

---

Борис Всеволодович Красин живет в Москве, окончил 1-й Московский государственный институт иностранных языков им. М. Тореза по специальности «Английский язык». По опыту работы — журналист, политолог. Член Союза журналистов. Работал корреспондентом на радио, в газете «Московский комсомолец», ведущим научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Писал сценарии для телевидения, публиковался в журналах «Ковчег», «Мировая экономика и международные отношения».

ством юмора. После вечеринки мы долго шли с ним от Таганки по ночной Москве. Не помню, о чем говорили, но хорошо помню, что расстались за полночь на Арбатской площади возле «Праги» с таким чувством, будто были дружны всю жизнь.

Почти два года после этого мы были неразлучны. Мы читали одни и те же книги, много говорили о прочитанном, вели бесконечные разговоры «за жизнь». В компании приятелей и друзей кочевали по каким-то квартирам и дачам, ходили в кафе на Калининском проспекте, чаще всего — в «Ивушку», где была особая, теперь забытая атмосфера, когда казалось, что все собравшиеся в зале — одна большая и дружная компания. Изредка ездили на ипподром, азартный Колчанов — в расчете на выигрыш, я — ради красоты зрелища, чтобы побывать на этом многолюдном ярком празднике, полюбоваться зрелищем бегов.

Летом по выходным, когда родители уезжали на дачу, наша просторная квартира в Брюсовском превращалась в гульбище. Брат — обаятельный добряк, заядлый картежник и душа богемных компаний — приводил из Дома актера на Пушкинской старых и новых знакомых, у меня собирались друзья и друзья друзей, после вечерних концертов в консерватории захаживали ребята из Баршаевского оркестра. Мелодичная музыка тех лет, фоном звучавшая из моего старенького «Телефункена», погружала компанию в атмосферу дружелюбия и уюта. Кто-нибудь из гостей, взяв мою гитару, мог спеть что-то из репертуара Козина, Окуджавы или Вертинского, другие развлекали собравшихся историями из богемной жизни. У меня еще со времен работы на радио сохранилась небольшая, но очень хорошая подборка музыкальных записей, и среди гостей нередко находились желающие потанцевать мэдисон или рок-н-ролл.

Спиртного почти не пили, веселья и куража хватало без выпивки. Она была нужна лишь для того, чтобы собрать за одним столом едва знакомых людей, вызвать их на душевный разговор и за один вечер сделать добрыми приятелями, а старым друзьям напомнить, как хорошо снова быть вместе.

В наших вечеринках нередко участвовал Колчанов. Обычно он приходил с девушками, как он их называл, с которыми знакомился на улице Горького или на Калининском проспекте. Как я сообразил намного позже, в этом был тонкий расчет. Атмосфера нашего дома располагала к сближению. Квартира была обставлена старинной мебелью, сохранилось кое-что из картин, которые когда-то собирал мой дед, в угловой горке поблескивали кобальтом и позолотой остатки прекрасного фарфора. Все это, должно быть, производило должное впечатление на колчановских подруг — я не раз видел их округлившиеся глаза, когда они озирались, разглядывая непривычную обстановку, — и новые знакомые сразу проникались к нему доверием и симпатией.

Потом он уводил их к себе на Композиторскую и в тиши большой коммунальной квартиры, населенной деликатными старушками из числа арбатских старожил, норовил добиться окончательного сближения, или, как мы тогда говорили, совершить таинство любви. При этом он действовал настолько решительно, что доверчивые девицы, которые не были готовы к столь стремительному развитию отношений, пытались спастись от его домогательств, улепетывали по коридору коммуналки, иногда почти нагишом, чтобы укрыться в покоях какой-нибудь сердобольной старушки. Должно быть, это добавляло ему адреналина и куража — он не раз говорил, что не знает лучшего развлечения, чем дружба с девушками.

Не всегда инициатором наших затей и приключений бывал Колчанов. Например, слетать в середине мая на несколько дней в Крым предложил я. После весен-

ней сессии в инъязе, где я заканчивал тогда вечернее отделение, до выпускных экзаменов оставалось больше недели, а в Ялте, в Доме творчества «Актер» отдыхала моя мать, с которой мы были очень дружны.

Я впервые попал в Крым, и меня ошеломили красота, простор и воздух этого благодатного края. Но для начала не обошлось без происшествий. В троллейбусе по дороге из Симферополя в Ялту Андрей проиграл почти все наши деньги двум карточным шулерам. Он требовал, чтобы я отдал ему последнюю трешку — у него якобы пошла карта, и он вот-вот сорвет банк, — но я наотрез отказался. На эти деньги мы колесили потом по ночной Ялте на такси в поисках места в гостинице, а утром пошли в «Актер» — у нас не осталось даже мелочи, чтобы отправить в Москву телеграмму и попросить кого-нибудь из друзей выслать перевод.

В Доме творчества только что кончился завтрак, и его обитатели не спеша разбредались из столовой. Моя мама сидела на лавочке в тени кипариса и в глубокой задумчивости, медленно двигая спицами, сосредоточенно вязала. Оказалось, что перед завтраком она звонила домой узнать, как я сдал последний экзамен, но брат сказал, что я еще не встал, так как вчера наверняка отмечал с приятелями окончание сессии и, должно быть, лег спать очень поздно — он даже не слышал, когда я вернулся домой. Теперь моя мама обеспокоенно размышляла о том, не слишком ли большой урон я нанес своему здоровью вчерашней вечеринкой и когда лучше позвонить, чтобы застать меня дома.

Мы сели рядом. Не обращая на нас внимания, она продолжала вязать. Немного выждав, Андрей сдержанно кашлянул. Она повернула голову, посмотрела на меня и...

Только ради того, чтобы увидеть в эту минуту выражение ее лица, стоило предпринять такое путешествие, пройти через все мытарства, проигратся в карты, выдержать унижительный разговор с администраторшей гостиницы «Массандра», не желавшей пускать нас на ночлег даже под залог двух паспортов. Но потом еще был город-праздник, набережная, залитая солнцем, нарядная толпа курортников, морская даль, маяк на конце мола как живописная деталь морского пейзажа и чайки, множество чаек в небе над пляжем. Денег было мало, но мы не унывали — по несколько раз в день закусывали вкуснейшими пирожками с мясом и бульоном, которые продавались тогда в киосках на набережной по пятнадцать копеек за порцию, пили молодое вино по восемнадцать копеек стакан. Один вечер провели в ресторане «Ореанда» в обществе Вагана Геворгяна, корреспондента из редакции «Последних известий», встретив его с женой на пляже «Актера».

Из написанного Василием Аксеновым мне больше всего нравится рассказ «Жаль, что вас не было с нами», должно быть, потому, что он снова переносит меня в Ялту нашей молодости, возвращает упоительные ощущения тех майских дней в Крыму. Но нам повезло даже больше. У Аксенова они приехали туда ранней весной, было пасмурно и ветрено, накрапывал дождь, море штормило, а мы побывали там, когда все цело и благоухало, воздух был особенно ароматен и свеж, а в Ливадии в зарослях у бывшего свитского корпуса не умолкая звенели птицы. Никогда больше у меня не было такого неба, такого простора и воздуха, такого волнующего ощущения радости и полноты жизни. И когда я думаю об этом, то неизменно вспоминаю Андрея.

Ему я обязан и самым ярким любовным переживанием тех лет. В конце октября он пригласил меня и еще двух приятелей поехать в Переделкино в гости к девушке, с которой познакомился накануне в «Книжной лавке писателей» на Кузнецком мосту — Настя работала там кассиршей. Она встречала нас у станции — стояла возле

газетного киоска в пальто из темно-зеленого букле и вязаной шапочке с большим помпоном, высматривая Андрея среди сошедших с электрички, — и сразу поразила меня выражением задумчивости в мечтательных и доверчивых глазах. Лицом она напоминала волоокую восточную красавицу, но была высокого роста, и дома, когда она сняла пальто, взглянув на ее статную фигуру, я подавил невольный завистливый вздох.

Мы долго гуляли тогда в ее лачуге — у нее был конфликт с родителями, и она жила в отдельно стоящем маленьком домике в глубине сада, который летом сдавали дачникам. Из большого дома пришла ее старшая сестра с мужем, чуть позже появилась соседка, еще какая-то разбитная девица, работавшая официанткой во Внукове. Когда компания стала расходиться, мы остались втроем — Андрей, Настя и я. Пили чай с остатками торта, слушали музыку. Колчанов был в ударе, много острил и балагурил, излучал мужественное обаяние, предвкушая радости уединения с хорошенькой девчушкой. Она звонко смеялась, раздумянилась и была похожа на девочку, очаровательную девочку, которая не догадывается о своей красоте или не придает ей значения. И я, забыв о зависти, откровенно любовался ею — столько в ней было женственной прелести, мягкой застенчивости и целомудренной красоты, что, пожалуй, именно тогда мне стали понятны чувства художников и поэтов, восхищавшихся этой красотой и поклонявшихся ей.

В начале двенадцатого, когда я собрался уходить, чтобы оставить Колчанова наедине с его подругой, в дверь постучала ее сестра и попросила сигарету. Андрей вышел к ней на веранду и долго не возвращался. Встревоженная Настя выглянула в дверь и обомлела: мой приятель совершал с ее сестрой таинство любви, пристроив ее в подходящей позиции на столе. Позже он рассказал, что, взяв у него сигарету, Галя подняла руки прикрыть пламя зажигалки, полы ее шубки разошлись, и он увидел, что под шубкой ничего нет. Такого случая мой приятель упустить не мог и, не мешкая, сотворил с ней физическую близость. За этим занятием их и застала оторопевшая Настасья. С мертвенно-побледневшим лицом она сняла с вешалки его куртку, приоткрыв дверь, швырнула ее в темноту веранды и заперла дверь на крючок.

Колчанов снаружи дергал ручку, мычал что-то невразумительное, что-то бубнил, видимо, пытаясь оправдаться, но она с непроницаемым лицом допивала свой чай. Я встал, собираясь уходить, и тут она, не поднимая глаз, попросила меня остаться. И более яркого и сильного чувства у меня не было, пожалуй, за всю жизнь. Невозможно забыть эти поездки в Переделкино, когда поздним вечером — зимой оступаясь в темноте на узкой тропинке и проваливаясь в снег, — я шел мимо Святого колодца на Чоботовскую аллею, отпирал калитку и, крадучись вдоль забора, чтобы незаметно обойти стороной большой дом, пробирался к ее лачуге, светившей мне теплым светом своего оконца из глубины заснеженного сада. Настя встречала меня тихим русалочьим смехом, протягивала ко мне руки и обнимала так, что у меня подкашивались ноги.

Я обмирал, глядя, как она возится с электроплиткой, готовит завтрак, листает книгу, чтобы показать мне понравившийся стих, — и все это с выражением той кроткой застенчивости, которая делала ее невыразимо пленительной. Иногда, буд-то стесняясь своих чувств, она поднимала на меня глаза, и в ее взгляде было столько нежности, что нет такого поступка, даже самого безрассудного, который я не совершил бы тогда ради этой девочки, — чувство к ней поглотило меня целиком, лишив воли и способности соображать.

Весной она перешла работать в булочную на Кутузовском проспекте, у Триумфальной арки, стала звонить реже, а когда мы встречались в Москве, дважды приходила на свидания заметно навеселе, отчего казалась мне еще более трогательной

и беззащитной. В начале апреля, когда она не появлялась почти неделю, терзаемый самыми мрачными догадками и подозрениями — накануне выяснилось, что она заразила меня триппером, — я поздно вечером отправился в Переделкино, проделал путь до Чоботовской аллеи, а войдя в калитку, в темноте сада не увидел привычного света в ее окне. Отворив дверь лачуги — она никогда не запиралась снаружи, — я обнаружил, что ее дом пуст и не протоплен. Совершенно убитый, я ползл обратно к станции.

А через день она как ни в чем не бывало позвонила мне опять. Насчет триппера, чуть смутившись и глядя на меня невинными глазами, она лепетала, что этого не может быть, здесь какое-то недоразумение, ошибка, должно быть, я что-то перепутал или неправильно понял, во всяком случае, она тут ни при чем. И я готов был малодушно поверить, что она не врет, хотя знал наверняка: никаких других причин для этого бесславного недуга у меня не было и быть не могло.

И снова какое-то время все было по-прежнему: в маленькой уютной комнатке горели свечи, в печурке потрескивал огонь, из магнитофона приглушенно звучала баллада Элвиса Пресли «Любовные письма», «Поцелуй огня» в исполнении Билли Экстайна, «Глаза испанки» или «Последний вальс» Хампердинка. Все было по-прежнему, лишь Настя казалась более задумчивой, рассеянной и грустной.

В последних числах мая был ее день рождения — Насте исполнялось девятнадцать, и она захотела, чтобы мы отметили его вдвоем. Она была задумчива, печальна и особенно хороша собой. Потом она пошла проводить меня до станции, у мостика через ручей возле Святого колодца остановилась, обняла меня и под хрустальный звон струйки родниковой воды, падавшей в озерцо с каменного желобка, поцеловала одним из тех поцелуев, которые помнятся потом не только до конца жизни, но и в могиле — кажется, так написал великий Бунин в самом моем любимом из его рассказов — «Ида». Во всяком случае, я до сих пор помню вкус этого поцелуя у Святого колодца, когда она, отводя глаза, сказала, чтобы я больше не приезжал.

Я вернулся домой в невменяемом состоянии, думал, что никогда не оправлюсь от этой потери, и некоторое время чувствовал себя тяжелобольным. Я запретил себе думать о Насте, но забыть ее так и не смог. Оказалось, что воспоминания об этой девочке и о времени, проведенном с нею, красивее, чище и светлее, чем сама любовная интрига. Все прошлое и неприятное, что было в этой главе моей жизни, забылось, и в памяти остались лишь упоительные вечера и ночи в уютном домике, где на комод горят свечи, в печурке потрескивает огонь, звучит тихая музыка и целомудренная девочка с лицом восточной красавицы с нежностью смотрит на меня через стол, а из-под черной бахромы ресниц мне светит тусклый огонь ее испеляющей чувственности.

С тех пор я не верю в так называемые великие романы, которые якобы потрясли мир. Не верю, что они могут быть хоть в чем-то ярче и сильнее, чем страсти, которые порой тлеют и кипят в самых скромных интерьерах. Не верю, что возможно чувство более чистое, романтическое и красивое, чем то благоговейное обожание, которое я испытывал к девочке с русалочьим смехом, ожидавшей меня по вечерам в своей лачуге в глубине заброшенного сада.

И этим я тоже обязан Андрею.

Но праздник молодости кончился, наступили будни взрослой жизни, и мы с ним расстались. Теперь у меня были совсем другие интересы, другие заботы, другие знакомые — тоже по большей части семейные. Я был загружен домашними делами, помимо основной работы, по старой памяти подрабатывал внештатным корреспон-

дентом на радио, словом, жил, как все — проблемами, радостями и печальми добропорядочного обывателя.

В Институте проблем мирового развития, где я работал, после периода растерянности и неразберихи начала девяностых годов жизнь постепенно наладилась. Те из наших сотрудников, кто был поамбициознее, ушли в разные ведомства и корпоративные структуры — опыт работы в академическом институте, глубокие знания и широкий кругозор позволили им занять там солидные позиции. А тех, кто остался, новая жизнь еще больше сплотила — сказывались общность интересов, привычка к вдумчивой работе, потребность делать что-то полезное.

Среди повседневных забот иногда удавалось повидаться со старыми друзьями, побывать в пивном погребеке Дома журналиста, где по-прежнему царил атмосфера бесшабашного веселья. От общих знакомых я слышал, что Колчанов ушел из Радиокомитета, одно время почему-то торговал книгами на Курском вокзале, по мелочи занимался фарцовкой, что у него были неприятности, кажется, даже непродолжительная отсидка.

Я часто вспоминал нашу молодую вольницу. Я не хотел бы вернуть ее — всему свое время. Те из моих приятелей, кто задержался в эмансипированных холостяках, производили безрадостное впечатление и чем больше хорохорились и бодрились, становясь старше, тем более жалкими выглядели их потуги продлить то, что продлить нельзя. И чем дальше в прошлое уходили эти персонажи, события, приключения и переживания, тем более красочной, романтической и притягательной казалась наша прежняя жизнь.

Еще очень далеко было до той поры, когда воспоминания становятся лучшей частью повседневной жизни, но я уже почувствовал вкус ностальгии и, стоя в очереди, в метро по дороге в институт, работая над очередным переводом, с удовольствием вспоминал нашу беспечную, свободную и, как теперь стало казаться, счастливую молодость, где Андрей Колчанов был одной из самых ярких и дорогих для меня фигур. Стоит ли удивляться, что я искренне обрадовался, когда он позвонил мне в середине девяностых. Очевидно, не сомневаясь, что я сразу узнаю его, будничным тоном, словно мы расстались только позавчера, а не больше десяти лет назад, он сказал.

— Добрый день, Гера. Как поживаешь?

— Поживаю трудно, но интересно, — ответил я так, как отвечаю на этот вопрос уже много лет.

— Не хочешь ли увидеться?

— Хочу, — сказал я, выдержав паузу, чтобы скрыть свою радость.

— Тогда через десять минут я жду тебя у арки.

Это было традиционное место наших прежних встреч — у арки на углу Брюсовского и улицы Горького. Стоя возле крайней колонны, он разговаривал по телефону, и, подходя, я успел разглядеть его. Мой приятель мало изменился: такой же поджарый, прямой, высокий, только на голове вместо косога пробора теперь топорщился аккуратный ежик темных волос с красивой проседью. На нем был элегантный бледно-голубой пиджак из какой-то сильно мнущейся ткани, который очень шел к его явно нездешнему загару. Обернувшись, он изобразил на лице подобие приветливой улыбки, хотя его карие глаза при этом не улыбались — смотрели спокойно, жестко и как бы испытующе.

Был теплый солнечный день середины сентября, мы шли вниз по улице Горького мимо телеграфа, театра Ермоловой, гостиницы «Интурист», «Националя». Прямо как в доброе старое время, думал я, когда на Броде можно было встретить

стиляг и легендарных фарцовщиков: Сэма Павлова, Игоря Данилова, Сашу Рабиновича, а мы разгуливали здесь, молодые и беззаботные. Как и прежде, мой приятель поглядывал на встречных девиц, но теперь это был другой Андрей Колчанов. Раньше повадками он напоминал папуаса, который вышел на охотничью тропу, где за каждым поворотом, под каждым кустом ему мерещится возможная добыча и он в лихорадочном возбуждении ожидает встречи с ней. Теперь это был уверенный в себе хозяин жизни, который осматривает пасущееся стадо, где он может выбрать любую телку, чтобы заказать себе какое-нибудь блюдо, причем не примитивный эскалоп или отбивную, а что-нибудь изысканное, к примеру фрикасе под бешамелью.

Особенно хорошо произошедшую в нем перемену я почувствовал, когда мы пришли в «Метрополь». В манерах и барственной осанке, в неторопливой речи и басовитом вибрато его голоса угадывалось спокойное достоинство человека, который уверенно и комфортно чувствует себя в респектабельной обстановке Европейского зала. Два его службиста — я обратил на них внимание еще у арки на углу Брюсовского, но лишь теперь, увидев их в Европейском, сообразил, что они сопровождают Андрея — расположились за столиком на почтительном расстоянии у него за спиной и заказали себе большой графин какого-то сока.

— Чего-нибудь перекусим? — тоном гостеприимного хозяина, для которого нет ничего невозможного, осведомился он.

— Нет, спасибо. Но я бы с удовольствием выпил хорошего чая.

— Нам чаю, пожалуйста, — веско проговорил Колчанов, когда пожилой официант с усталым лицом почтительно склонился перед ним, чтобы принять заказ.

Я предвкушал удовольствие отведать по-настоящему хорошего сортового чая без парфюмерной примеси ароматических отдушек и потому сперва не поверил своим глазам, когда официант поставил перед нами фарфоровый чайник, из-под крышки которого свисали на ниточках ярлыки от пакетиков «Липтона». Меня подмывало спросить, нет ли у них за такие деньги — в меню стояли какие-то неправдоподобные цифры — приличного чая, но потом решил не обнаруживать столь явную неосведомленность в нравах высшего общества и сообразил, что платить здесь придется не за первосортный продукт, а за манерность официанта, за сдержанную помпезность зала с лепниной, бронзой и колоннами из красивого искусственного мрамора, за особую атмосферу заведения.

Оказалось, он основательно «раскрутился», и теперь у него фирма с экзотическим названием «Ракорд», очевидно, навеянным воспоминаниями о работе на радио. На мой вопрос, каков ее профиль и чем они занимаются, он, как мне показалось, чуть уклончиво, но многозначительно проговорил:

— Всем понемногу, — и уточнил: — Всем, из чего можно делать деньги. Это приносит неплохую прибыль. Во всяком случае, я живу вполне комфортно. Приезжай ко мне на Фрунзенскую, посмотришь, как я устроился. Думаю, тебе понравится.

— С удовольствием, — сказал я из вежливости.

— А ты что подельываешь? Насколько я помню, после «Московского комсомольца» ты работал в каком-то институте.

— Я там и работаю. Это Институт проблем мирового развития.

— Ну, и чем вы там занимаетесь?

— У нас исследуют, что происходит в экономике и политике зарубежных стран, как развивается современный мир.

— В общем, как в доброе старое время, за государственный счет удовлетворяете собственное любопытство.

— Можно сказать и так. Но, разумеется, не для своего удовольствия, а для общей пользы.

- В чем же польза?
- В том, что мировой опыт нам нужно знать, если мы хотим построить цивилизованное общество, а не начинать все с нуля.
- Что ж в этом плохого? Все так начинали.
- Так начинали, когда не у кого было учиться и набираться ума. А теперь есть.
- Все эти премудрости никому не нужны. Я вот уже сколько лет убеждаюсь, что в бизнесе все просто, как мычание.

«В таком бизнесе, как у тебя, возможно», — хотел сказать я, но вместо этого проговорил:

- Жизнь все же не сводится к одному только бизнесу.
- Но это — главное. Экономика — базис, как нас когда-то учили, все остальное — надстройка.
- Опять-таки, бизнес — это еще не вся экономика. И потом, базис может быть цивилизованным, а может быть как в первобытном стаде, где все решает право сильного.
- По-моему, это нормально.
- Нормально для стада, но для цивилизованного общества едва ли годится, — сказал я и с раздражением почувствовал, что ни убедить, ни переспорить Колчанова не смогу, особенно после того, как ответил на его следующий вопрос.

- Ну, и сколько ты за это получаешь?
- Не много.
- А все-таки?

Я назвал сумму и с удовольствием отметил, что хоть чем-то могу пронять своего приятеля — у него буквально отвисла челюсть.

- Сколько?! — переспросил он.

Я повторил.

— Действительно, не густо, — приходя в себя, проговорил он. — Хотя, поскольку вы занимаетесь схоластикой, на более приличные бабки рассчитывать, конечно, не приходится.

— Ошибаешься. Эта схоластика имеет самое прямое отношение к реальной жизни. Поэтому наши спецы востребованы в очень серьезных структурах.

- Где, например?

— Один теперь работает начальником управления Центробанка, другой стал членом правления крупной государственной корпорации, третий был замминистра финансов, четвертый — губернатор и так далее.

— Выходит, из вашей науки тоже можно делать деньги. Тогда я не понимаю, почему ты там сидишь. Не век же тебе барахтаться в этом придонном слое.

- Во-первых, я не барахтаюсь, а спокойно плыву, а во-вторых, почему придонном?

— Потому что ниже уже никого нет, только одинокие пенсионеры, бомжи и попрошайки. Нет, с этим надо что-то делать, — заключил он решительно. — Можно будет организовать из ваших спецов какой-нибудь экспертный совет или фонд, выйти на нужных людей, договориться о финансировании. Ты не представляешь, какие сейчас возможности! — Он усмехнулся. — Помнишь, кем я был? Инженер-ришка на сто двадцать рублей! А теперь я миллионер.

Он произнес это слово, упирая на двоящее «л», и, должен признаться, прозвучало оно довольно внушительно. Но, видимо, сообразив, что такой разговор может быть мне неприятен, особенно после того, как я назвал ему размер своей зарплаты, Андрей резко переменял тему. Он спросил, вижу ли я кого-нибудь из старой радиокомитетской компании. Я сказал, что недавно встретил Коржова, иногда вижу Томочку Ребякину, поскольку она живет недалеко от меня, но отношения поддерживаю только с Валею Смолиным, который полгода назад вернулся из Чернобыля.

— Он был в Чернобыле?! — встрепенулся Колчанов.
 — Да, шесть лет работал дозиметристом на саркофаге.
 — Тогда у него наверняка есть льготы...
 — Не знаю насчет льгот, но скоро он должен получить квартиру за свою чернобыльскую эпопею.

— Наверняка есть льготы, — повторил Колчанов, что-то соображая. — Значит, можно будет привлечь несколько мужиков из тех, кто был там вместе с ним, и учредить филиал моего «Ракорда». Или создать самостоятельную фирмочку и через нее проворачивать большие дела. Насколько я знаю, чернобыльцам полагаются серьезные льготы на предпринимательскую деятельность. Вот что, приезжайте-ка с ним ко мне на Фрунзенскую, подумаем, как организовать это дело, чтобы всем было хорошо. Кстати, посмотрите, как я устроился. Обязательно приезжайте! — повторил он.

Продолжение этого разговора происходило у него на Фрунзенской, куда мы с Валентином приехали через несколько дней после чаепития в «Метрополе». Андрей вышел к нам в прихожую чем-то озабоченный, торопливо пожал руки, мельком, но внимательно смерил взглядом Смолина и пригласил нас пройти за ним. Перед закрытой дверью он секунду помедлил:

— Извините, ребята, сейчас я закончу один деловой разговор и тогда займусь с вами.

В просторной светлой комнате на диване сидел крупный мужчина лет сорока пяти, как потом оказалось, заместитель генерального директора охранной фирмы «Кордон». Андрей сел напротив, и они продолжили прерванный разговор. Мы с Валентином уселись поодаль в кресла, и я осмотрелся.

Комната была обставлена довольно безлико, но уютно — уже не гостиная, но еще не кабинет гендиректора процветающей фирмы: добротная массивная мебель, удобный диван, торшер, портьеры с ламбрекенами, на стенах несколько пейзажей в резных деревянных рамах. Из окон открывался живописный вид на Москву-реку и Нескучный сад на том берегу — весь в ярких красках золотой осени, чуть приглушенных легкой дымкой, висевшей над рекой. Ощущение уюта и покоя нарушал лишь монотонный голос человека из «Кордона», вещавшего о прослушке и «жучках», о черных поясах каратистов-охранников, о том, как они могут организовать охрану складов, какое установят оборудование.

Когда посетитель ушел, Колчанов подсел к нам и, обращаясь преимущественно к Валентину, стал объяснять, чем занимается его «Ракорд». Торгуют пока в основном напитками и продуктами, но это себя оправдывает: оборот компании уже доходит до четырехсот миллионов в месяц. Бывает трудно пробиться на новые рынки, тогда приходится заинтересовать кого надо, прижать конкурентов, но в результате операции быстро расширяются. Андрей встал и подошел к висевшей на видном месте карте нескольких областей Центральной России с воткнутыми в нее двумя или тремя десятками разноцветных фишек. «Это наши точки», — пояснил Андрей. Он с видимым удовольствием разглядывал россыпь своих «точек» на карте. Признаться, и я удивился размаху его операций.

Потом он повел нас показывать свои владения. Он купил две соседние квартиры и занимал теперь шесть или семь комнат. Его хоромы даже по современным меркам выглядели весьма внушительно. В просторной комнате за мониторами расположились человек семь сотрудников, в основном — девицы; по коридорам деловито сновали люди с бумагами в руках. Со всеми, к кому он обращался, Колча-

нов разговаривал подчеркнуто вежливо и на «вы», но я обратил внимание, что при этом его службисты ощутимо напрягались и цепенели.

Похоже, мой приятель сам еще не вполне освоился с ролью хозяина этих обширных владений и населяющего их персонала. В осанке, в выражении лица с легким налетом самодовольства, во внушительной басовитости голоса, когда он обращался к сотрудникам, слышалась по-отечески снисходительная интонация. При этом я заметил, что он искоса, но внимательно и с видимым удовольствием наблюдает за Валентином.

Тот был явно подавлен. Мне казалось, что человек, побывавший в такой горячей точке, как Чернобыль, должен иметь отменное самообладание и утратить способность удивляться чему бы то ни было. Но, очевидно, владения Андрея, вся обстановка и деловитая суэта его службистов произвели на Смолина столь сильное впечатление, что он почти впал в столбняк. Отчасти мне было понятно его настроение: когда-то в Радиокomiteе мы все были на равных, и Андрей, во всяком случае с точки зрения Валентина, ничем среди нас не выделялся.

Сам я, напротив, не испытывал ни удивления, ни восхищения, наблюдая показательную демонстрацию колчановских достижений. Наоборот, в этом эффектном шоу мне мерещилось нечто комичное. Вероятно, я вообще не испытывал бы никаких чувств, если бы не Валентин. Было тяжело видеть моего млажавого, мужественного и всегда уверенного в себе приятеля в таком подавленном состоянии. На лице у него застыло неприятное, напряженное выражение, и за все время нашего пребывания на Фрунзенской он произнес лишь несколько слов, причем явно стараясь высказаться впопад.

Очевидно, решив, что нужный эффект достигнут, когда мы вернулись в кабинет, Андрей обратился в Смолину:

— Герман сказал, что ты был в Чернобыле, и у меня есть к тебе интересное предложение. Если ты готов поучаствовать в моем бизнесе, надо будет привлечь еще несколько мужиков из твоих чернобыльцев, зарегистрируем вас как филиал или дочернюю компанию моего «Ракорда», и вы с вашими льготами сможете очень прилично зарабатывать. Короче, это тот случай, когда всем будет хорошо — и тебе, и мне. Подумай, если ты согласен, начнем действовать.

Ксюша, фигуристая секретарша в модных очках и с очень высоким боковым разрезом на юбке — она все время маячила поблизости, на редкость собранная и предупредительная, — принесла на подносе три чашки кофе, сахарницу и вазочку с бриошами. Комната наполнилась кофейным ароматом. Андрей достал из тумбы письменного стола бутылку «Реми Мартин» и три серебряных стаканчика.

— Спасибо, мне не надо, — сказал я.

— Я тоже не пью, ты же знаешь. Это только для аромата, — пояснил Андрей, разливая коньяк. — Я недавно летел из Швейцарии с одной респектабельной дамой, и она очень рекомендовала такое сочетание. Ну, парни, — он поднял свою чашку, словно готовясь чокнуться, — как говорится, за нас с вами, за хрен с ними, за то, чтобы у нас все было и чтобы нам за это ничего не было...

Под впечатлением от увиденного на Фрунзенской Валентин с большим усердием взялся за дело. Филиал «Ракорда» решили не создавать. Смолин привлек несколько человек из своих бывших сослуживцев по Чернобылю, и они стали работать как индивидуальные предприниматели, используя каналы «Ракорда». Андрей сделал Валентина координатором этой команды. После монотонной рутины Чернобыля в «Ракорде» он нашел выход своей энергии и работал с полной отдачей сил.

Колчанов редко вспоминал о нем — очевидно, Смолин был слишком мелкой фигурой в разбухающем штате его компании, — но неизменно говорил о нем с одобрением.

В свою очередь, Валентин первое время с большим воодушевлением делился со мной впечатлениями о том, как хорошо Андрей поставил дело, как четко руководит компанией. Правда, скоро эйфория сошла на нет. Он сетовал, что у его чернобыльцев, как он выразился, «откусывали» слишком большой процент прибыли, а общая атмосфера в компании, по его словам, напоминала шарашку, описанную Солженицыным.

«Ракорд» процветал. Впрочем, меня этонисколько не удивляло, поскольку мне было хорошо известен незаурядный склад ума моего приятеля. Он и в молодые годы отличался способностью быстро сориентироваться в обстановке, найти выход из самого, казалось бы, безвыходного положения. Помнится, он был единственным, кто не растерялся, когда много лет назад в разгар вечеринки на квартире у нашего приятеля Виталия Короткова около полуночи раздался звонок в дверь.

Веселье было в самом разгаре, в квартире царил кавардак. В это время я развлекал компанию рассказом о том, как месяцем раньше во время языковой практики в институте выгуливал по Москве шестерых студенток преподавательского колледжа имени Марии Грей из Мидлсэкса. У девочек было хорошее чувство юмора, мы много шутили и балагурили. В Парке Горького у пруда, где вдоль берега степенно дрейфовал выводок лебедей, я, понизив голос, доверительно сообщил моим девочкам, что на самом деле это вовсе не лебеди, а замаскированные и специально обученные утки, в оперении которых спрятаны микрофоны для подслушивания разговоров посетителей. Почему утки? Потому что лебеди о себе слишком высокого мнения, ленивы и плохо приспособлены для выполнения заданий контрразведки.

Начитавшись книжек Флеминга о похождениях Джеймса Бонда, будущие учителя британской начальной школы слушали меня недоверчиво, но с округлившимися глазами. Первые смешки раздались, когда вместо слова «оперение» — я не знал, как сказать это по-английски, — я употребил слово «мех» или «шерсть, шкура». Но окончательно они раскусили мой подвох, когда я, так же опасно озираясь, предупредил их, что пожилая рыхлая мороженщица, у которой я купил для всей компании эскимо, на самом деле загримированный ветеран советской разведки — легендарный майор Пронин. Девочки очень воодушевились и после этого почти в каждом встречном старались распознать контрразведчика. При этом они с чисто британским юмором высказывали такие смелые предположения, что компания у Короткова покатывалась со смеху.

И тут, когда стих довольно дружный гомон и не совсем трезвый смех, в наступившей тишине, как раскат грома, раздался звонок в дверь. «Родители приехали!» — выдавил из себя побледневший и мгновенно протрезвевший Коротков. Для тех, кто был знаком с его матерью, сразу стала понятна серьезность ситуации. Добрая, но строгая Нина Григорьевна, перед которой, как мне кажется, робел даже ее супруг — боевой генерал, судя по количеству орденов, полученных на войне, человек отнюдь не робкий, — очень неодобрительно относилась к нашим сборищам в их просторной квартире, обставленной добротной трофейной мебелью и увешанной картинами. Она не раз предупреждала нас, что если застанет дома бардак, то нам несдобровать — она не поленилась обзвонить наши отделы кадров и комсомольские организации, чтобы товарищи по работе нас образумили. До сих пор нас выручало то, что пожилые родители Короткова после майских праздников на все лето уезжали к себе на дачу в Заветы Ильича и в темное время суток, когда мы собирались у них дома, не решались ехать в Москву.

«Быстро допиваем!» — скомандовал Андрей, и едва все поставили рюмки, сгреб со стола скатерть вместе с посудой, связал ее углы на манер поклажи мешочника и вынес этот узел на темный балкон. Потом он достал из кармана колоду и велел Толе Половинкину раздать карты. Через полторы минуты вся компания сидела за столом, как бы разыгрывая партию в «подкидного дурака», а мы с Андреем на диване в эркере торопливо расставляли фигурки на шахматной доске. «Откройвай!» — крикнул он Виталию, который все это время делал вид, что не может отпереть заклинивший замок. Через секунду раздался громкий нервический хохот нашего хозяина. Теснясь и толкаясь, мы высыпали в прихожую. На пороге стоял растерянный молодой парнишка-почтальон. «Вам же срочная телеграмма...» — повторил он. Виталий, давась от смеха, проговорил: «Он ошибся... перепутал адрес!» Естественно, следующий тост подняли за Андрея.

Такая находчивость очень помогала ему в организации бизнеса. Он, например, придумал скупать в Европе продукты с истекающим сроком годности, которые продавались там за бесценок. Крупные партии этого товара свозились на склады «Ракорда». Потом «высококачественные продукты из Европы по доступным ценам» сбывались оптовым поставщикам его «точек», количество которых, как я мог убедиться, изредка бывая на Фрунзенской, неуклонно росло.

Думаю, такая коммерция приносила сумасшедшие прибыли. Это сказалось и на настроениях Андрея. Он купил дом в предместье Берлина, не очень большой, но, судя по фотографиям, красивый и с хорошим участком, перевез туда на ПМЖ жену с сыном. Первое время он навещался в Берлин почти каждую неделю, однако скоро потерял интерес к этой стороне красивой жизни: его деятельная натура требовала непрерывной активности. Однажды, переключая каналы, я увидел на экране телевизора своего приятеля. Герой программы «Сделай шаг» Андрей Григорьевич Колчанов рассказывал нескольким десяткам молодых людей, собравшимся в студии, как стать успешным бизнесменом.

Он обзаводился престижными знакомствами, повадился ездить на самые модные курорты Европы, однажды зимой отправился в Вербье покататься на лыжах. Очевидно, его ввела в заблуждение обманчивая легкость, с какой лыжники носились по крутому склону. Он отмахнулся от наставлений инструктора, в первый же заезд упал и расшибся так, что попал в больницу. Это отбило у него охоту к великосветскому развлечению.

Все это время нечасто, раз в две-три недели, но с удивительным постоянством Андрей звонил мне. Мы вели долгие разговоры по телефону, иногда он приглашал меня в «Пушкин» на Тверском бульваре, в «Националь», на прогулки по местам боевой славы, как он говорил: на улицу Горького, Арбат, в Спасопесковский сквер, где на углу Трубниковского и Композиторской еще стоял с заколоченными окнами, дожидаясь сноса, их двухэтажный особняк.

Андрей с удовольствием разглагольствовал о новых временах, о том, что «все получилось даже лучше, чем можно было мечтать», что в новой жизни для самых энергичных и целеустремленных нет ничего невозможного, можно добиться всего, чего захочешь, была бы голова на плечах и желание заработать. Мы вспоминали молодость, старых друзей и подруг, наши приключения. Я очень дорожил этими воспоминаниями, памятью о нашей прежней беспечной и свободной жизни, наполненной яркими впечатлениями, а присутствие Андрея, персонажа из нашего общего прошлого, делало это прошлое еще более реальным, притягательным и живым.

Теперь я могу признаться себе в том, что мне не то чтобы льстили, но были приятны его внимание и дружелюбие — не потому, что он разбогател и принадлежал

теперь к той прослойке общества, которая считает себя элитой, цветом нации. Мне не стыдно признаться в этом потому, что я по-прежнему убежден в незаурядности Андрея. Помимо обаяния и парадоксального склада ума, который я всегда считал признаком неординарности человека, он, безусловно, был наделен творческим даром, способностью в обыденном и заурядном распознать нечто недоступное пониманию прозаика и тугодума вроде меня. Я, например, никогда не догадался бы подсказать Толе Половинкину простой, но остроумный выход из отчаянного положения, в котором он оказался много лет назад после той вечеринки у Короткова.

Под утро у Половинкина состоялось долгое и очень болезненное выяснение отношений с любимой девушкой. После этого он взялся отгладить ее блузку, чтобы проводить подругу на работу в пристойном виде. В расстроенных чувствах, погруженный в свои безрадостные мысли, Толя стоял у окна, обреченно всматриваясь в перспективу проспекта Мира, и встрепенулся лишь тогда, когда из-под утюга, который он оставил на блузке своей любимой, заструился легкий дымок и в комнате запахло паленым. В полном смятении и растерянности Половинкин позвал нас. «Не переживай, — сказал Андрей, разглядывая отчетливый коричневый отпечаток утюга посередине спины светло-серой блузки. — Что-нибудь придумаем».

Через двадцать минут ничего не подозревающая Ева с победоносным видом вышла из квартиры в свежееглаженной блузке. По совету Андрея Толя, помогая своей подруге одеться, изловчился подать ей эту деталь туалета так, что она ничего не заметила, тем более что ее мысли в этот момент, скорее всего, были заняты другим. То, как суетился и хлопотал вокруг нее щупленький Половинкин, наверняка добавило ей победного настроения. Она покинула квартиру с гордо поднятой головой и выражением лица триумфатора и, надо полагать, с таким же видом прошествовала по проспекту Мира до метро, а потом явилась к себе в магазин «Галантерея» на Арбате, напротив «Праги», где работала продавцом. При мысли о том, что ожидает бедного Половинкина при следующей встрече с любимой, я поежился. Думаю, не лучше себя чувствовали и остальные весельчаки нашей компании — из квартиры Короткова красавицу Еву мы проводили в скорбном молчании.

С возрастом Колчанов не утратил склонности к курьезам, но его импровизации стали менее аляповатыми. Однажды в Доме кино — пропуск на какой-то просмотр ему дал один из новых уважаемых знакомых, и Андрей не решился ему отказать, хотя всегда был равнодушен к кино, — в очереди у кафетерия за нами встала Елена Коренева. Заметив ее, он обернулся и, заглядывая ей в глаза, проникновенно проговорил: «Простите, вы не могли бы встать впереди нас». — «Почему?» — удивилась актриса. «После того, как сам барон Мюнхгаузен сказал, что на свете нет другой такой прекрасной женщины, нам неловко стоять к вам спиной».

Но особенно мне нравилось, когда Андрей, по его собственному выражению, прикладывал мордой об стол наиболее чванливых представителей своего делового сословия. Во время нашего с Валентином первого визита к нему на Фрунзенскую, например, в разговоре с заместителем гендиректора фирмы «Кордон», крупным человеком с большим животом, который, развалившись на диване, важно цедил сквозь зубы какие-то фразы о суперсовременном оборудовании для прослушки и черных поясах своих телохранителей, Колчанов неожиданно воскликнул: «Коллега, о чем базар! Мы же с вами интеллигентные люди и прекрасно понимаем друг друга! И мы никому не позволим внаглую себя колпачить!»

Я не раз задавал себе вопрос: что побуждает Андрея с такой настойчивостью звонить мне, вести долгие разговоры по душам, тратить время на встречи? Казалось бы, я не должен был представлять для него никакого интереса — мой придон-

ный слой отделяла от его респектабельного зазеркалья глубокая пропасть, и в новой жизни у нас с ним не было ничего общего, кроме общего прошлого. Но если меня эти разговоры погружали в благодатную ностальгию — мне нравилось вспоминать наших друзей, наши приключения, наших девчушек, — то у Андрея они чаще всего вызывали досаду и раздражение. «Сколько времени потратили впустую! — сетовал он. — Ведь уже тогда можно было проворачивать большие дела вместо того, чтобы заниматься всякой чепухой!»

Сначала я объяснял его звонки тем, что с моей помощью он рассчитывал организовать из сотрудников нашего института экспертный совет, который позволит ему «делать деньги из воздуха». Он раз или два упоминал об этом, но постепенно идея сошла на нет — что-то не заладилось с госфинансированием. Потом я решил, что, будучи человеком пытливым, привыкшим во всем докапываться до сути, он хочет понять, почему я, находясь в столь отчаянном положении в своем придонном слое, не суечусь, как Валентин, не хочу воспользоваться его предложениями поучаствовать в бизнесе и как следует заработать.

Он, например, хотел поручить мне организацию нового направления деятельности «Ракорда». В Германии Колчанов нашел фирму, которая выпускала мебель в стилистике антиквариата. «Помнится, ты неплохо разбираешься в этом, так что тебе и карты в руки», — сказал он. «Не то чтобы разбираюсь, но я всю жизнь прожил среди таких вещей, поэтому легко могу отличить буль от жакоба». — «Больше ничего и не требуется, — заключил он, не заметив подвоха. — Эта публика все равно ничего не смыслит. Им главное, чтобы было побольше завитушек и позолоты».

Андрей поручил это направление брату своей жены, симпатичному сорокадвухлетнему Косте, по профессии архитектору, а по складу характера — созерцателю и эстету. Андрей вытащил его из какой-то архитектурной мастерской, чтобы пристроить к бизнесу своего человека, но Косте, по его словам, явно не хватало деловой хватки, и пока он не угробил перспективную затею, Колчанов решил поручить это дело мне. К его удивлению, я наотрез отказался: к этому времени я уже достаточно понаблюдал нравы и порядки в его компании, да и по рассказам Валентина составил представление о том, чем и как они занимаются, какая атмосфера сложилась в «Ракорде». К тому же я не забыл, как однажды, словно размышляя вслух — речь шла о конфликте с кем-то из его партнеров по бизнесу, — Колчанов задумчиво проговорил: «Все-таки прав был Макиавелли. Самая прочная основа человеческих отношений — это страх». А главное, я вовсе не хотел для себя такой жизни, как у него. Жизни, где в погоне за деньгами и положением в обществе нет ни времени, ни желания, ни сил перечитывать Лермонтова и Бунина, слушать Бетховена и Баха, погружаться в мучительную и сладкую стихию шумановских «Грез» в гениальной интерпретации Горовица, наслаждаться красотой природы.

Я бы так и не узнал, почему Андрей вернулся ко мне из своего зазеркалья. Я строил на этот счет самые разные догадки и предположения, но ясность в них внесла лишь Маша — единственная из его девушек, которую в молодые годы Андрей понастоящему любил. Вернее, его чувство было похоже на болезненную страсть, с которой он не мог справиться. Однажды, например, после очередной сцены ревности он на руках принес Машу от метро «Смоленская» к себе на Композиторскую.

Она была необыкновенно хороша собой, настоящая красotka с задорным личиком, пышными пепельными волосами, кукольной фигуркой, неизменно приветливая, улыбочивая и всегда какая-то радостная, словно узнала что-то очень для себя приятное. К ней благоволили даже деликатные старушки, соседки Колчанова

по коммуналке, хотя гражданские браки тогда были еще в диковинку, и ее положение при Андрее в качестве его сожительницы, с точки зрения общественных приличий, казалось весьма двусмысленным.

Мы случайно встретились с ней много лет спустя, уже в новой жизни. Она шла по Столешникову переулку располневшая, не по возрасту красивая, но какая-то потухшая и бесцветная, словно припудренная пылью прошедших лет. С тех пор мы изредка перезваниваемся. Она одинока, постоянно грустна и склонна к ностальгии, растит внучку, так как у ее дочери — современной, деловой и тоже одинокой дамы — нет ни времени, ни желания заниматься своим ребенком. Мы подолгу разговариваем, вспоминая прошлую жизнь и населявших ее персонажей, чаще всего, конечно, Андрея.

Оказалось, что в ее жизни он оставил даже более глубокий след, чем я мог предположить. На целую минуту лишив меня дара речи, Маша призналась, что ее Алиса — дочь Андрея, причем он случайно узнал о своем ребенке от общей знакомой, когда девочке было уже четыре года — Маша ушла от него раньше, чем стала заметна ее беременность. Его реакция меня откровенно покорила. «Это не моя проблема. Раз она бросила меня, пускай теперь разбирается сама», — сказал он и никогда, ни разу не пытался увидеть дочь, не захотел помочь Маше хотя бы деньгами.

— Почему же ты ушла от него? — спросил я.

— Потому что без памяти его любила и не могла вынести того, что он себе позволял. Не хотела верить, что он мне постоянно изменяет, — продолжала она с горечью. — Но однажды и его мать сказала мне: «Вы думаете, вы у него такая одна?» Этого мне было достаточно.

Маша говорила об этом так, что я подумал: «Она до сих пор не может его забыть, не может примириться с тем, что прожила жизнь одна, без Андрея». Она так и не вышла замуж и ограничивалась непродолжительными гражданскими браками, может быть, в надежде, что когда-нибудь он вернется.

Но еще больше я удивился, когда Маша сказала, что в молодые годы Андрей считал меня своим самым близким другом. Он повторял некоторые мои высказывания, ценил мой вкус, считался с моим мнением, причем настолько, что ставил ей в упрек то, что она мне не нравилась. И с опозданием на тридцать с лишним лет мне пришлось оправдываться, объяснять, что это было не совсем так, просто мне нравились совсем другие девочки, не такие яркие, красивые и самоуверенные, а более скромные, застенчивые и милые.

Маша усмехалась в трубку, успокаивала меня, говоря, что все это давным-давно не имеет никакого значения, да и прежде было неважно, поскольку в молодости ею увлекались такие мужчины, что мнение даже самого близкого друга Андрея для нее мало что значило. И она назвала одного из самых известных кумиров нескольких поколений. Его имя я не решаюсь повторить, чтобы нельзя было заподозрить Машу в бахвальстве, но не сомневаюсь, что, встретив ее в одной из богемных компаний, он был настолько очарован этой девочкой, что не смог отпустить ее от себя, и год с лишним она была его гражданской женой.

Я уверен, что она не солгала мне — у нас такие отношения, что мы не можем хоть в чем-то быть неискренними друг с другом. Достаточно малейшей фальши или самой маленькой неправды, чтобы красочный мираж нашей прошлой жизни рассыпался в прах. Поэтому я не сомневаюсь, что и говоря об отношении ко мне Андрея, она не лукавила. Меня удивило лишь одно: за все время нашего знакомства он ни разу не дал мне повода думать, что принимает меня всерьез. Скорее, наоборот — в его отношении ко мне временами сквозила легкая, но вполне ощутимая ирония.

После этого разговора стало понятно: Андрей вернулся ко мне из своего зазеркалья, чтобы поставить победную точку в наших с ним давних спорах и разговорах «за жизнь», доказать — очевидно, в первую очередь самому себе, — что правда была на его стороне. Стал понятен и смысл фразы, которую я однажды услышал от него, когда мы сидели в «Национале» с его очередной девчушкой, на этот раз — из кордебалета Большого театра.

— Что бы ты ни говорил, мир держится на самых сильных, энергичных и волевых.

Сказано это было таким тоном, что стало понятно: он определенно причисляет себя к людям, на которых держится этот мир. Мне было что ответить Андрею, но я ограничился тем, что сослался на одного из самых почитаемых им авторитетов.

— Солженицын думает иначе. Вспомни-ка «Матренин двор».

— Ну, он имел в виду совсем другое... — протянул Андрей.

— Он имел в виду, что мир держится на трудягах, которые работают не за страх, а за совесть и не ради собственной выгоды, но для общей пользы.

Мне было что ответить Андрею, поскольку в таких разговорах у меня был прочный тыл — компания институтских сослуживцев. Раз, а иногда два раза в неделю во время обеденного перерыва мы собирались на чаепития у нашего старейшины Бориса Марковича Литаврина, чтобы обменяться впечатлениями об увиденном, прочитанном, услышанном. Один расхваливал постановку «Шутки мецената», которую видел в театре Маяковского, другой побывал на выставке Сергея Андрияки и уверял, что со временем его наверняка признают выдающимся художником, поскольку никто из живописцев за последнюю сотню лет не показал людям в окружающем мире столько красоты. Мы дружно сокрушались о памятнике Окуджаве, который соорудили на Арбате. Сошлись на том, что автор этого изваяния не знал, не понимал и не любил Окуджаву, если мог изобразить поэта, который вдохнул в нашу жизнь столько душевного тепла, сердечности и доброты, в виде эдакого ханыги из арбатской подворотни.

На профессиональные темы говорили редко, да и то лишь когда вызывал изумление какой-нибудь особенно смелый кунштюк наших молодых реформаторов вроде обвальная либерализация цен или народной приватизации. Нас больше интересовало, куда идет страна по избранному ими пути, как это скажется на состоянии общества, жизненных ценностях, отношениях между людьми, на развитии культуры. Поэтому довольно оживленную дискуссию вызвала публикация статьи академика Боголюбова в одной из центральных газет, где он утверждал, что «сначала надо накормить себя, одеть, построить крышу над головой, а уже потом думать о нравственности».

Наш спец по экономике промышленности и заядлый рыночник Юра Ладнов с энтузиазмом подхватил идею академика. Он соглашался, что конкуренция и нравственность несовместимы, но считал, что без этого невозможен прорыв к изобилию и процветанию. Только так, настаивал Ладнов, можно добиться перелома в настроениях людей, преодолеть апатию, а дефицит нравственности нужно компенсировать жесткими, как в Америке, законами. На это заведующий сектором развития и модернизации, а по образу мыслей эстет и идеалист Федя Тропольский возражал, что жесткими законами и посадками нравственность воспитать сложно, для этого в первую очередь нужно создать культурную среду, способную формировать здоровое общественное сознание. Володя Ганичев из отдела инвестиционных исследований с некоторым раздражением отвечал, что это пустая трата времени, поскольку искусство всегда было лишь средством развлечения, а потому оно никак не может влиять на взгляды людей. «Ошибаешься», — возражал Тропольский и ссылался на высказыва-

ние Бродского о том, что если бы Пилат читал сочинение Вергилия «Буколики», где говорилось о пришествии Мессии, то его разговор с Иисусом закончился бы иначе, и тогда развитие человечества пошло бы другим путем.

Заговорили о том, что современное искусство, особенно наиболее продвинутое, вообще ничего, кроме дурного вкуса и искаженного взгляда на мир, сформировать не может, поскольку его основная движущая сила — эпатаж, всевозможные стилистические и смысловые выкрутасы. В этом, сокрушался Федор, проявляется общий упадок мировой культуры, ее декаданс. «Но без декаданса невозможен ренессанс!» — запальчиво возражал Ладнов и напомнил, кстати, что Серебряный век состоялся в условиях рыночной экономики.

Сам Литаврин обычно не вмешивался в такие споры. Похоже, ему претила излишняя горячность этих дискуссий, и он не хотел давать лишних поводов для новых препирательств. Однако в нем чувствовалась закваска мудреца, который испытывал потребность поделиться с кем-нибудь своими мыслями, и в моем лице он нашел благодарного слушателя, тем более, что после одного пустячного случая, как мне казалось, относился ко мне чуть более доверительно, чем к другим.

Раньше он одевался с неброским щегольством, шил костюмы в ателье Союза композиторов у знаменитого Шнейдермана, носил элегантную обувь, но после инсульта, который у него случился в шестьдесят три года, плохо владел левой рукой и не мог сам зашнуровывать ботинки. Заметив однажды, что он засовывает шнурки внутрь башмаков, я присел на корточки и, не обращая внимания на его протестующие возгласы, завязал их бантиком. Этот ритуал повторялся потом не раз, пока жена не купила ему мокасины без шнуровки. Видимо, я переступил тогда какую-то незримую черту, которая порой разделяет даже близких людей, и в разговорах с глазу на глаз он иногда углублялся в дебри таких умозрительных построений, что окружающий мир оттуда казался законченным воплощением абсурда.

Хорошо помню одно из его высказываний, тем более что оно имело прямое отношение к нашим спорам с Андреем. «А знаешь, — сказал он однажды, — общество потребления, которое навязали всему миру американцы, поработает человека сильнее, чем любая деспотия. Там, выполняя определенные предписания правящего режима, он остается внутренне свободным, сохраняет способность и потребность мыслить самостоятельно, обо всем иметь собственное мнение. Здесь же он сознательно и с полной отдачей сил следует образцам потребления, поведения и образа мыслей, которые внушены ему телевидением, массовыми изданиями, всем строем современной жизни. Прав был Бердяев, когда писал о гибели великой европейской культуры в современной бездушной цивилизации. Обществу, где главной целью и смыслом существования стало стремление наслаждаться жизнью, получить как можно больше благ и удовольствий, духовная культура не нужна и даже вредна, поскольку она заставляет усомниться в такой системе жизненных ценностей. А в результате развитие человечества повернуло вспять, к нравам первобытного стада, где все решает право сильного. Самым сильным, энергичным и ненасытным членам племени достаются лучшие места у костра, лучшие куски мяса, лучшие самки. И то, что в современном мире это обставлено роскошью и гламурными эффектами, ничего не меняет по существу и лишь создает иллюзию респектабельности такого образа жизни, вызывает восхищение и зависть толпы. Однако ничего рационального в таких несметных богатствах нет, кроме того, что они дают этим людям ощущение превосходства над другими, иллюзию собственной исключительности. Эта иллюзия и составляет главное содержание их жизни». Не поручусь за дословную точность его высказывания, но суть была именно такой.

Впрочем, не разговоры были самым притягательным в чаепитиях у Литаврина. Теперь я понимаю, что больше всего нас привлекала атмосфера, дух, который сохранился в таких заповедниках осмысленной жизни у нас в институте с доперестроечных времен, когда на творческие вечера к нам приезжали Тарковский, Трифонов, Михалков, Иоселиани, а еще раньше — Окуджава и Высоцкий. Душой компании был сам Литаврин. Он не говорил ничего из ряда вон выходящего, не умничал, но в его манере разговора, во взгляде, в интонациях было столько внимания, понимания и дружелюбия, что это создавало вокруг него особую атмосферу искренности, доверия и взаимной приязни.

Тем, кто не знал его близко, он должен был казаться всего лишь очень пожилым, немощным калекой. По существу, тяжелый инвалид — после инсульта он до конца жизни подволакивал ногу и с трудом владел рукой — он, ничего для этого не предпринимая и наверняка не осознавая этого, был для нас образцом высокого достоинства, камертоном и эталоном, с которым мы невольно сверяли свои намерения и образ мыслей. Рядом с ним невозможно было предаваться унынию, проявлять слабость, поскольку и самое глубокое отчаяние было несравнимо с тем, что должен был испытывать этот человек, лишенный самых простых, доступных каждому радостей жизни, обреченный доживать свой век в состоянии постоянного психологического надлома от сознания собственной беспомощности.

Теперь, вспоминая нашу прежнюю жизнь в той компании, я думаю, что силой духа, бескорытием и бездонной добротой — не перечеть, сколько он, помогая другим, предложил идей, отредактировал текстов, дал советов — этот человек в немалой мере повлиял на наше отношение к работе, к людям, к жизни. Тогда мы не задумывались об этом, и лишь когда его не стало, когда проститься с ним в просторном холле института собралось столько народа, сколько не приходило ни к кому из наших сотрудников, нашлись слова о мужестве и стоицизме, а по существу — о настоящем человеческом подвиге. Для всех нас это была большая, а для некоторых — невосполнимая потеря, но тогда мы еще не знали, что с ним уходила в прошлое наша жизнь.

Я не посвящал Андрея в подробности своей работы в институте и лишь однажды во время нашей первой встречи в «Метрополе» в самых общих чертах рассказал, чем мы занимаемся. Колчанов с его цепким умом все запомнил, и эта тема неожиданно снова всплыла в наших разговорах. Он позвонил мне в начале октября и сказал, что накануне вернулся с французской Ривьеры, где познакомился с первым помощником одного из вице-премьеров. В разговоре с ним Андрей как бы между прочим упомянул, что у него на неформальном уровне сложились хорошие отношения с людьми из авторитетного академического института, где занимаются исследованием проблем современного развития. Если первого помощника интересуют свежие идеи ученых мирового уровня, то он, Колчанов, может посодействовать налаживанию деловых контактов. Помощника — живого, смышленного и, по словам Андрея, очень хваткого сорокалетнего парня — свежие идеи интересовали, и он попросил по возвращении в Москву показать ему что-нибудь из разработок нашего института.

— Понимаешь, Гера, это наш с тобой шанс, — возбужденно басил Андрей в трубку. — Я давно ждал случая выйти на такой уровень. А для Таганцева это тоже реальная возможность отметиться перед своим начальством. Так что давай, не мешкая, посоветуйся со своими мужиками, подберите какую-нибудь бумагу — справку, что ли, или как это там у вас делается, — чтобы через пару-тройку дней я мог отдать ее эту чину.

— Нет, так дело не пойдет, — возразил я. — Чтобы произвести нужное впечатление, надо дать ему не что попало, а подготовить материал по профилю его ведомства.

— На это уйдет слишком много времени, а тут все надо провернуть как можно быстрее, пока он не забыл о нашем разговоре.

— Не беспокойся. Завтра я поговорю с людьми, послезавтра соберем их у тебя на Фрунзенской — в институте нам заседать неудобно, поскольку это все же «левая» работа.

— Не вопрос! Все обставим по высшему разряду! И предупреди своих: если ваша разработка будет на уровне, я очень хорошо заплачу. Ты понимаешь, насколько это важно для меня, так что скупиться я не стану. Кроме того, если все получится, потом под это дело наверняка можно будет организовать госфинансирование, и внакладе никто не останется.

На следующий день утром я первым делом пошел к Литаврину и рассказал ему о предложении Андрея. Упомянул и о том, что тот обещал хорошо заплатить. Литаврин предложил об оплате пока никому не говорить: заплатит — хорошо, не заплатит — горевать не станем. С нас будет достаточно и того, что мы сможем довести до сведения вице-премьера точку зрения серьезных исследователей, минуя бюрократические инстанции его ведомства.

Литаврин считал, что для этой работы лучше всего подходит жанр обзоров, которые во времена перестройки я писал по распоряжению директора института «на самый верх» по публикациям западных советологов о реформах в СССР. Мы тогда очень поднаторели в изготовлении таких материалов — Литаврин выступал в качестве консультанта и редактировал мои тексты, — и я не раз слышал одобрительные высказывания относительно их уровня от заместителя директора, который курировал эту работу.

Андрей обставил заседание экспертного совета с большой помпой. В пятницу после окончания рабочего дня нас доставили на Фрунзенскую на трех автомобилях, в просторной светлой комнате с большим столом две девицы модельно-делового вида обносили участников сбора кофе, работали две стенографистки. Мои коллеги, не избалованные таким приемом, приосанились, излагали свои соображения четко, хотя, стараясь быть убедительными, порой излишне пространно. Я делал себе пометки, чтобы сразу выделить главное, и уже к середине обсуждения стало ясно: если убрать длинноты и спрямить некоторые сюжетные линии, из всего сказанного получится очень добротный аналитический обзор.

Материала оказалось много, даже слишком много — почти шестьдесят страниц машинописного текста. Времени было в обрез, два дня и часть ночи я работал не вставая и в понедельник утром отнес распечатку Литаврину. Он подредактировал текст и, возвращая его мне для внесения окончательной правки, сказал: «Думаю, нашему заказчику не к чему будет придраться».

Еще до обеда я по электронной почте отправил обзор Андрею и хотел предупредить его, чтобы он не откладывая прочитал наш материал. Однако на мой звонок секретарша ответила, что у господина Колчанова совещание, и просила позвонить часа через полтора, а лучше через два. Я не стал ждать и набрал номер его мобильного. Он сразу ответил на звонок, видимо, держал телефон под рукой. Я в телеграфном стиле отчеканил, что отослал ему наш обзор, и попросил, чтобы он как можно скорее прочитал его.

Думаю, тоном моего торопливого, но четкого высказывания мне удалось донести до него важность момента и то напряжение, которого потребовала эта работа. Не прошло и двадцати минут, как у меня в кармане затрезвонил телефон, и Ан-

дрей, как мне показалось, в приподнятом тоне поделился со мной впечатлением о нашей записке.

— Классная работа, Гера! Все очень четко и понятно. Я и раньше пытался читать то, что пишут серьезные спецы, думал почерпнуть для себя что-нибудь полезное. Но они умничают, разводят такое наукообразие, что ничего невозможно понять. Я сегодня же созвонюсь с этим Таганцевым, перешлю ему текст, а еще лучше встречу с ним и сам отдам ему распечатку. Так оно будет вернее. Да и напомнить о себе лишний раз совсем нелишне.

Договорились, что, как только он получит от Таганцева ответ, сразу свяжется со мной. Признаться, я с нетерпением ждал его звонка — любопытно было, что получится из нашей затеи, а кроме того, я вовсе не прочь был заработать сам и дать такую возможность нашим ребятам. Но ни во вторник, ни в среду звонка от Колчанова не было, и я забеспокоился. Наконец в пятницу, как раз когда мы собрались в обеденный перерыв у Литаврина, в трубке своего мобильного я услышал вкрадчивый голос Андрея.

— Гера, ты не мог бы заехать сегодня ко мне в удобное для тебя время? Есть небольшой разговор.

По его тону невозможно было определить, что ждет меня на Фрунзенской. Я решил, что таким образом мой приятель хочет подчеркнуть значимость момента — выплаты гонорара за «классную работу». Когда часом позже вслед за секретаршей я вошел в его кабинет, Андрей встал мне навстречу, лучась дружелюбием.

— Андрей Григорьевич, подать кофе? — спросила секретарша (теперь это была крупная блондинка в очень короткой юбочке).

— Мне кофе, а господину Травину, пожалуйста, чай. Вероника, тот самый, не в пакетиках, помните? — уточнил он.

— Конечно, Андрей Григорьевич, не беспокойтесь.

Не успели мы расположиться на диване за журнальным столиком, как раздался несмелый стук в дверь. В приоткрывшуюся щель заглянул молодой службист с одутловатым, как бы отечным лицом, в мешковатом свитере. Изредка бывая на Фрунзенской, я еще раньше обратил на него внимание и почему-то решил, что он пользуется особым расположением гендиректора.

— Андрей Григорьевич, разрешите?

— Что у вас, Гена?

— Я хотел доложить...

— Что-нибудь срочное?

— Нет, не очень, — чуть замявшись, проговорил службист.

— Тогда попозже. Сейчас я занят, — и как только дверь за Геной закрылась, обратился ко мне: — Очень старается парень, далеко пойдет. Я поручил ему втихаря отслеживать моральный климат в компании, чтобы люди не сачковали и не злоупотребляли моим доверием. Знаешь, это очень оздоравливает обстановку. Каждый старается работать и вести себя так, чтобы не к чему было придраться.

Чувствуя, как во мне нарастает раздражение — не для того я в рабочее время тащился на Фрунзенскую, чтобы распивать чай и выслушивать соображения своего приятеля о современной деловой морали, — я решил набраться терпения, хотя благодушный настрой Андрея явно настораживал. Как назло, едва он успел высказать свои соображения о пользе стукачества, в дверь снова заглянула Вероника.

— Андрей Григорьевич, к вам Рома Пинчуков. Примете его?

— Да-да, конечно! Я давно его жду...

В дверях, переминаясь с ноги на ногу, возник крупный малый с красным, как бы удивленным или недоумевающим лицом.

— Заходите, Роман. Как дела? Удалось объяснить этому невеже, что он не прав?

Роман, поминутно спотыкаясь и перемежая свой рассказ многочисленными «в общем, это», «короче» и «значит, так», поведал о том, как они подкараулили «невежу» у его базы, поехали за ним, в подходящем месте перегородили ему дорогу, вытащили из тачки и хотели посадить в свою, чтобы отвезти в место поспокойнее и там разобраться с ним, однако он сильно сопротивлялся и стал громко кричать: «Помогите! Убивают!»

— В общем, короче, это — пришлось стукнуть его по тылке и отвалить, — мрачно заключил Роман, глядя в сторону.

— Что думаете делать дальше? — проговорил явно недовольный Колчанов.

— Не беспокойтесь, Андрей Григорьевич, все продумаем, сделаем и доложим, — промямлил Роман, который во время доклада стоял почти навытяжку с повисшими большими красными руками.

— Вот и действуйте, — отчеканил Колчанов, а когда Роман вышел, сокрушенно покачал головой. — Неправильно все сделали, ребята. Никак не освоят современные политехнологии. Сколько раз я им объяснял, что надо действовать жестко, но вежливо. Кстати, не подумай плохого, — спохватился он. — Это я велел им немного проучить директора базы, который взял у нас партию товара, выплатил задаток, а теперь говорит, что больше нам ничего не должен... Ну да ладно, не таких обламывали, и этот никуда не денется.

— Может, все-таки вернемся к нашим баранам? — сказал я, уже не пытаюсь скрыть раздражение.

— Да, конечно, — начал он, неторопливо прихлебывая остывший кофе. — Понимаешь, Гера, тут какая история. Ваша записка этому Таганцеву, как и мне, понравилась. Он прямо сказал, что ему нечасто приходится читать такую толковую аналитику. Все выглядит на редкость убедительно, но есть одна проблема. Ваши идеи очень здравые, но слишком радикальные. Чтобы их использовать, пришлось бы перестраивать механизм управления этими отраслями. Не знаю, показывал ли он вашу записку своему шефу или высказал только свое мнение, но это уже неважно. Короче, он эту работу не принял, поэтому платить мне твоим спецам пока не за что. А тратиться впустую, сам понимаешь, неохота.

— Конечно, я понимаю. Но ты мог бы сказать мне об этом и по телефону.

— Погоди. Ты не переживай. Лично твой интерес не пострадает. Для нас с тобой все только начинается. Вчера вечером я встречался с этим Таганцевым и, знаешь, вполне реально почувствовал, как изменилось его отношение ко мне. Он наверняка понял, что мы можем быть ему очень даже полезны. Так что я твой должник и в долгу не останусь, — с этими словами он полез во внутренний карман пиджака, достал конверт, сложенный под размер купюр, и с доброй, почти отеческой улыбкой положил его передо мной на журнальный стол. — Тут очень приличная сумма. Уверен, что мало тебе не покажется.

Боюсь, что у меня на лице отразилась растерянность, а может быть, и замешательство. Откровенно говоря, я меньше всего ожидал такого завершения затеи с экспертным советом и с благодарностью подумал о предусмотрительности Литаврина. Если бы не он, не представляю, как бы я после этого разговора с Колчановым смотрел в глаза самому Борису Марковичу, Тропольскому, Ладнову и остальным.

— Ну что ты, Андрюша! — воскликнул я с самым простодушным видом. — Это совершенно лишнее! Мы же не ради денег старались. Для нас важна была идея. Конечно, мужики огорчатся, что их соображения не дойдут до вице-премьера. Нам всем хотелось сделать что-то полезное, но если они там и правда считают такой подход слишком радикальным, их можно понять — радикальных идей никто

не любит. Так что оставь эти бабки себе, ты наверняка найдешь им лучшее применение. В конце концов, сделаешь внеплановый подарок Веронике.

Во время этой короткой отповеди я внимательно смотрел ему в лицо и с удовольствием отметил, что снова могу чем-то пронять своего невозмутимого приятеля. Такого ответа он явно не ожидал.

— Ты это серьезно? — спросил он недоверчиво.

— Вполне.

Андрей поджал губы и изменился в лице. Я всегда был силен задним умом и только позже сообразил то, что сразу уловил мой приятель: этим отказом я поставил себя выше тех отношений, где все решают деньги, выгода, личный интерес, а значит, выше него, респектабельного бизнесмена и миллионера Андрея Григорьевича Колчанова.

— Ты не прав, — сказал он твердо, поднялся с дивана и стал ходить по комнате. — Нельзя так жить, Гера! Нельзя быть таким лохом. Ты потому ничего и не добился в жизни, что не используешь даже тех возможностей, которые сами плывут тебе в руки, — говорил он, отдельно и внятно произнося каждое слово. — Запомни, Гера: с волками жить — по-волчьи выть, иначе всегда будешь оставаться в дураках.

Мне было что возразить Андрею. Я мог бы сказать ему, что, возможно, он прав, но, к счастью, не все думают так, как он, что имеет право на существование и другая точка зрения. Просто мы с ним по-разному смотрим на многие вещи и потому не можем понять друг друга. Мне было что ответить ему, но я промолчал, потому что уже в начале его короткой, но энергичной тирады потерял интерес к разговору и стал смотреть в окно.

Там жила знакомая картина — живописная печаль и красота Нескучного сада в красках осени, колоннада белой ротонды у воды на фоне золотых крон деревьев набережной, небо, подернутое легкой дымкой; над водой, медленно взмахивая крыльями, скользили две белые чайки. Вспомнилась «Осень в дубовых лесах» Юрия Казакова, мелькнула неуместная и нелепая мысль: кругом столько красоты, жить бы да радоваться, а мы заняты какой-то возней, когда каждый, по выражению самого Андрея, выкручивает свою поганку.

А между тем он продолжал свой монолог:

— Знаешь, Гера, ты мне сильно напоминаешь того чистоплюя, помнишь, у Шульгина, поручик Л.? Армия разбита и драпает, каждый тащит все, что плохо лежит, сынки из благородных семейств мародерничают, а этот придурок делает вид, что его это не касается. Дескать, он выше такой прозы. Нельзя так жить! — повторил он убежденно.

Тогда я пропустил его слова мимо ушей, мои мысли были заняты другим, но позже я вспомнил этот разговор. Вспомнил, что еще в ту пору, когда мы много читали и много говорили о прочитанном, я раздобыл у одного старинного друга нашей семьи, профессора-востоковеда, две потрепанные книжицы мемуаров Шульгина, изданные в двадцатые годы, — «Дни» и «1920». Как видно, поручик Л., о котором писал Шульгин, все эти годы продолжал жить в каком-то закоулке души моего приятеля, время от времени напоминая ему о себе.

Позже, вспомнив этот разговор, я купил новое издание мемуаров Шульгина, в главе, посвященной «ледовому» походу остатков разбитой Белой армии, покидавшей Россию, отыскал этого человека, и мне стало понятно раздражение Андрея. Поручик Л. не вызвал ни уважения, ни симпатии, может быть — немного сочувствия, настолько он был не от мира сего. Вот что писал Шульгин: «Я чувствую твердую опору в поручике Л. Он самую малость сноб. В сущности говоря, ему нравится следующее: взять ванну, сесть за стол, покрытый чистой скатертью; выпив кофе, он

покурил бы и написал бы небольшую статью; потом бы сел за рояль и сыграл „Valse triste“ Сибелиуса. Но за неимением всего этого он сохраняет неизменную любовь ко всем и ласковость к некоторым. И этим держится. Это своего рода защитный цвет, выработанный „драпом“».

Несходство наших взглядов проявилось еще в те годы, когда мы были дружны и много времени проводили вместе. Однажды Андрей увидел у меня на столе страничку с машинописным текстом — я напечатал на ней несколько понравившихся мне выдержек из «Доктора Живаго». Роман мне дал на два дня сам Колчанов, в свою очередь получивший его от бывшего школьного товарища, ставшего известным диссидентом.

— Неужели тебе это нравится? — удивился он. — А я такую тяготию обычно пропускаю.

— Как же это может не нравиться? — возразил я. — Послушай: «В час седьмой по церковному, а по общему часоисчислению в час ночи, от самого грузного, чуть шевельнувшегося колокола у Воздвижения отделилась и поплыла, смешиваясь с темною влагою дождя, волна тихого, темного и сладкого гудения. Это была ночь на Великий четверг, день Двенадцати Евангелий».

И я стал увлеченно говорить о том, что без этого фона, без таких настроений это была бы совсем другая книга, может быть, не менее душещипательная, но другая — лишенная воздуха, света, ощущения красоты и радости жизни, которое придает особый трагизм судьбе ее героев, что Пастернак наверняка сам пережил нечто подобное, раз смог так написать об этом. Андрей внимательно, не перебивая, выслушал меня и очень серьезно сказал:

— Все это одни фантазии, которые существуют только в твоём воображении. Ничего этого в реальности нет.

Я промолчал. Мне нечего было возразить ему, кроме общих слов, а они, как известно, ничего не говорят. Думаю, его не убедила бы даже ссылка на Лермонтова, записавшего в «Журнале Печорина», что есть вещи, ускользающие от определения, но понятные сердцу, — она наверняка показалась бы Андрею красивой, но пустой игрой слов. Эту же мысль, хотя в другой фразировке, высказал однажды случайный сосед по столику в пивном погребке Дома журналиста. Строго глядя на меня осоловелыми водянистыми глазами и назидательно подняв палец, он хрипло проговорил: «Учти, русский человек пьет не оттого, что ему плохо живется, а потому, что хочет понять чего-то такое, что понять никак невозможно».

Я ничего не ответил Андрею и лишь подумал тогда, что, похоже, для моего приятеля осталось недоступным лучшее, что есть в романе, — мир высокого строя мыслей, проникновенных настроений, красивых чувств, утонченное ощущение внутренней свободы и окрыленности. Мир, реальность которого я чувствовал, когда читал роман и, особенно отчетливо, когда в доме Пастернака в Переделкине, прежде чем меня остановил гневный окрик сотрудницы музея, коснулся рукой его темно-синего плаща из прорезиненной ткани, который висит там на втором этаже на крючке в торце шкафа. Плаща, в котором он запечатлен на известном фотоснимке в своем осеннем саду, — одинокий, подавленный и отрешенный, как сам Юрий Андреевич Живаго в конце романа.

Наверняка именно в этом плаще он ходил к Ивинской, жившей в Переделкине на даче за прудом, той Ольге Ивинской, с которой он писал свою Лару. Не ту Лару, которую сыграла в кино Джули Кристи, а спустя сорок лет — Чулпан Хаматова, но подлинную Лару, которую можно увидеть в старой семейной кинохронике, когда в кадр попадает очаровательная и застенчивая Ольга Всеволодовна Ивинская.

Только увидев ее, можно понять, какие чувства должен был испытывать Пастернак, когда писал роман, пытаясь воссоздать этот образ, обессмертить свою любовь. И тогда слова, с которыми к ней обращается со страниц романа Юрий Живаго, уже не кажутся слишком напыщенными и потому фальшивыми.

Если прав был Андрей, мне пришлось бы признать, что не существовало всего того, чем жил тогда Пастернак и что до сих пор заставляет людей в последних числах мая съезжаться в Переделкино к этому дому и зачарованно слушать звуки рояля, доносящиеся из его окна, словно из прошлой жизни — той жизни, где была его Лара, где было так много чистых, искренних, красивых чувств, драматичных переживаний. Но с этим я согласиться не могу, потому что тогда мне пришлось бы считать, что не было и самого лучшего из всего, что осталось в моей прошлой жизни.

Не было, например, вечера, который однажды на Святках благодаря Бунину я провел в Большом Московском в компании знакомого композитора и его друзей. Но я слишком хорошо помню зал этого ресторана в бледном свете зимнего дня, столы, покрытые тугими белоснежными скатертями. Помню рассказ композитора о его встрече с Идой на второй день Рождества в буфетной зала ожидания какой-то узловой станции, когда она увела его на дальнюю заснеженную платформу, чтобы там, среди морозного безмолвия, признаться ему в любви. Помню белизну заваливших все вокруг сугробов, искрящийся на солнце снег, аромат морозного воздуха, помню фиалковый цвет глаз и внезапную бледность взволнованного лица прелестной молодой женщины, только что решившейся на самый, может быть, отчаянный поступок в своей жизни. Слишком хорошо помню все это, чтобы допустить, будто в моей жизни этого не было.

Ведь если так, то не было и Насти, потому что все, связанное с нею, существует только в моем воображении, — нашу лачугу давно снесли, сад вырублен новыми хозяевами, а сама Настя смотрит теперь на окружающее своими мечтательными и доверчивыми глазами с овального медальона на скромном надгробии неподалеку от сторожки переделкинского кладбища. Она умерла в сорок два года от внезапной остановки сердца — взшла на веранду, тихо ойкнула и повалилась без чувств. Об этом мне рассказала ее соседка, когда, принимаясь за эти заметки, я поехал в Переделкино, чтобы снова пройти по знакомой дорожке от станции до Чоботовской аллеи, попасть в реальность прошлой жизни.

Наконец, если прав был Андрей, не было и вечера на Ратлэнд-гейт у соседки и приятельницы моей лондонской тетушки, миссис Тёрл. Но с этим я ни за что не соглашусь хотя бы потому, что никогда больше не испытывал того, что пережил в этой голубой гостиной, обставленной ампирной мебелью, нигде не встречал таких людей. Джордж Уэбстер, очень пожилой седовласый джентльмен в роговых очках и с тростью, восседал в кресле, словно живой персонаж, сошедший со страниц моих любимых романов Ивлина Во или Ричарда Олдингтона. В нем было спокойное достоинство человека, который помнил могущество империи и знал лучшие времена, о чем напоминала красная гвоздика в петлице его элегантного клубного пиджака. Как рассказала мне потом тетушка, он принадлежал к известной фамилии потомственных дипломатов, немало сделавших для славы и величия Британии.

Не могу забыть и Татьяну Ивановну Бенкендорф. Глядя на благородные черты лица этой пожилой дамы, любясь неброской изысканностью ее манер, подмечая красоту ее языка, когда она переходила на русский, дивясь точности и остроте ее реплик и замечаний, — за три с половиной часа, проведенных в ее обществе, я узнал о том, что потеряла, чего лишилась Россия в результате революции семнадцатого года, больше, чем из всех документальных фильмов и мемуаров эмигрантов первой волны, вместе взятых.

Или сама миссис Тёрл... Пожалуй, ни в ком, кроме Литаврина, я не встречал такого дружелюбия, искренности и простоты. Через десять минут после знакомства, пока остальные гости взволнованно обменивались впечатлениями, разглядывая привезенный мной подарочный альбом с видами храмов и монастырей, эта маленькая, круглая, как колобок, очень пожилая женщина обратилась ко мне с такой сердечной улыбкой, словно мы были знакомы и дружны много лет: «Знаете, больше всего на свете я люблю поиграть в бридж и немножко выпить в приятном обществе. Вы составите мне компанию?»

А я не мог отвести взгляд от иконы с образом Богородицы в золоченом киоте, висевшей на стене, обтянутой голубой тканью. Заметив это, миссис Тёрл пояснила, что ее родственник в девятнадцатом году командовал линкором, который увозил из Крыма в эмиграцию вдовствующую императрицу. Икону подарила своему спасителю сама Мария Федоровна или по ее повелению кто-то из ее ближайшего окружения — кто именно, я не запомнил, настолько меня поразила мысль, что этот образ Богородицы был не просто свидетелем, но участником одной из самых страшных катастроф, унесшей и исковеркавшей миллионы жизней, изменившей ход мировой истории.

Не берусь передать свои ощущения, но этот образ в золотом киоте стал для меня средоточием бездонного драматизма событий восьмидесятилетней давности. Именно там, на Ратлэнд-гейт, я с особой отчетливостью и остротой прочувствовал их не только как одну из трагедий, не имеющих срока давности, но и как нашу семейную драму, потому что лавина той вселенской катастрофы обрушилась и на мою родню: один с женой-француженкой и двумя детьми погиб в восемнадцатом году под Владикавказом от рук каких-то головорезов, другой сгинул в парижской эмиграции, третий канул в небытие в тридцать седьмом в одном из лагерей смерти. Еще один, мой дед, был репрессирован в тридцатом году по делу Промпартии — первому из сфабрикованных тогда политических процессов.

Должно быть, что-то делалось с моим лицом, потому что миссис Тёрл обеспокоенно спросила: «С вами все в порядке?» Впрочем, если прав был Колчанов, то мне пришлось бы согласиться, что все вышесказанное — лишь фантазии, которые существуют только в моем воображении. Но с этим я, даже из уважения к памяти Андрея, ни за что не соглашусь.

Этот вечер на Ратлэнд-гейт мне вспомнился много позже, когда я был в Петербурге. Надо сказать, что у меня особое отношение к этому городу, потому что там остался главный корень моей жизни и души. Там, на Гороховой, под номером сорок, до сих пор стоит дом, который когда-то принадлежал моему прапрадеду, где появилось на свет несколько поколений моей родни.

Меня гонит туда застарелая тоска по прошлой жизни, по тому величию и красоте, которая сохранилась в облике этого прекрасного города. Я брожу по улицам и набережным каналам, иду в Екатерининский сквер, в Михайловский сад к павильону Росси, люблю виды Невы и Петропавловской крепости, архитектурой храмов и дворцов. У Спаса на крови в который уже раз перечитываю на мраморной плите слова обета Александра Второго, данного им при восшествии на престол: «...иметь всегда единою целью благоденствие Отечества Нашего».

Мне необходимо хотя бы изредка бывать там, чтобы не утратить ощущение реальности пусть навсегда ушедшей, но от этого не менее близкой, понятной и дорогой для меня жизни, где было столько высоких помыслов, подлинного достоинства, искренних чувств, душевных привязанностей, где дружба и любовь рождались из взаимных симпатий, а не соображений выгоды или престижа. Я знаю эту жизнь по

рассказам старейшин моей родни, которых застал в живых, по письмам и семейным фотографиям, которых у меня сохранилось великое множество, — от выпуска Павловского института 1904 года с моей восемнадцатилетней бабушкой среди трех десятков других институток и их профессоров в не существующем теперь саду на Знаменской до последнего съезда нашей родни на какой-то юбилей в усадьбе в Стругах Белых незадолго до революции. Их письма хранят дух, атмосферу, чувства и настроения прежней жизни, с этих пожелтевших страниц и старых открыток до сих пор веет сердечностью и добротой, заботой и участием, тревогой и радостью за самых близких и дорогих.

И куда бы я ни шел, тяга к этому прошлому приводит меня на Гороховую. Я сижу в скверике во дворе их дома, смотрю на окна их бывшей квартиры во втором этаже, предаюсь размышлениям о катастрофе, которая прервала ту жизнь, разорила наше родовое гнездо, разметала по всему свету мою родню. Там, во дворе дома на Гороховой, я и вспомнил вечер в гостиной миссис Тёрл, где на меня такое ошеломляющее впечатление произвел образ Богородицы, когда-то подаренный вдовствующей императрицей капитану линкора, увозившего ее из Крыма в изгнание. А потом, рассеянно размышляя о превратностях судьбы, я вернулся мыслями к Андрею.

Мы не виделись больше двух лет, но я часто думал о нем с тех пор, как узнал от Кости, что мой бывший приятель неизлечимо болен. Тогда, в Петербурге, я думал о том, что он должен был тоньше и острее меня чувствовать былое величие этой страны, гордиться им, помнить о своей — пусть самой скромной — причастности к той культуре, которая породила это могущество и красоту. Ведь если мой предок был всего лишь купцом второй гильдии, то Колчанов по материнской линии вел свою родословную от одного из видных просветителей и творцов той культуры, которая стала основой этого величия и славы. В эпитафии его предка с полным основанием могли бы стоять известные слова о том, какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало.

Я не решаюсь назвать его имя, хотя оно известно каждому, потому что тогда особенно удручающей покажется картина всеобщего упадка и деградации, если даже отпрыск такого славного предка погрузился в стихию отношений, где всем движут личная выгода, деньги, корысть и зависть, где процветают лицемерие, фальшь и откровенный обман. Хорошо зная Андрея, зная его способность к парадоксальным решениям житейских проблем и неожиданным выходкам, я мог ожидать от него чего угодно, но не допускал мысли, что он способен опуститься до откровенного бандитизма.

После размолвки из-за оплаты обзора по материалам нашего экспертного совета Колчанов мне больше не звонил. Я решил, что он обиделся, и, признаться, почувствовал облегчение. С некоторых пор меня стали тяготить наши отношения и его напор, которому я ничего не мог, да и не считал нужным противопоставить. Я был уверен, что на этот раз он исчез из моей жизни навсегда, но снова ошибся. Он неожиданно позвонил на исходе зимы и после короткого «Привет!» подчеркнуто жестким тоном спросил:

— Где твой приятель, которого ты мне рекомендовал привлечь к работе?

— Какой приятель? — переспросил я.

— Ну, этот, как бишь его зовут... Который был в Чернобыле.

— Его зовут Валентин Смолин. Но я его тебе не рекомендовал, а всего лишь сказал, что он несколько лет работал там дозиметристом. Идея использовать его льготы для бизнеса пришла в голову тебе самому, — отчеканил я, почуввав недоброе.

— Короче, он задолжал моей фирме приличную сумму и теперь вздумал от нас бегать. Мои люди уже неделю не могут застать его дома. Где он?

— Не знаю. Я уже не помню, когда в последний раз общался с ним.

— Если он появится, скажи, что у меня к нему есть серьезный разговор, — сказал Колчанов и положил трубку.

Я действительно не знал, где Валентин. Мы лишь изредка разговаривали с ним по телефону, а виделись последний раз, пожалуй, не меньше полугода назад. Он много работал, видимо, хорошо зарабатывал, потому что повадился ездить в Турцию, в Египет, в Эмираты, в деревне под Муромом перестраивал дом, доставшийся ему от кого-то из родных.

Звонок Андрея меня встревожил. Я пробовал сам дозвониться Смолину, но к домашнему телефону он не подходил, а по мобильному был «временно недоступен». Сестра — ее телефон я отыскал в старой записной книжке — сказала, что Валентин уже несколько дней у нее не появлялся. Полина, бывшая жена, не видела его и того дольше — тех пор, как он привез какие-то лекарства для их дочери.

А на третий день после звонка Колчанова объявился сам Валентин. Он позвонил и сказал, что ему нужно срочно со мной поговорить. Я предложил, как обычно, встретиться на Арбатской площади у метро и пойти в Дом журналиста, но он мрачно ответил, что не может отлучиться из дома. Войдя через сорок минут в его квартиру на Октябрьском поле, я понял почему: на левой щеке у моего приятеля был кровоподтек зловещего лилового цвета, а на скуле — большая марлевая наклейка.

Не стану дословно пересказывать наш разговор, он занял довольно много времени, поскольку мне пришлось по нескольку раз переспрашивать и уточнять детали. В рассказе Смолина были неточности и нестыковки, а тут нужна была полная ясность, поскольку — и это стало понятно сразу — мне предстояло очень неприятное объяснение с Колчановым.

Вот что поведал мне Валентин. Накануне, когда в одиннадцатом часу утра он вышел из дома, во дворе к нему подошли два плечистых молодых человека и сказали, что у гендиректора «Ракорда» есть к нему вопросы, а поскольку дозвониться ему невозможно, они сами проводят его в офис компании. При этом они предложили ему занять место в стоявшем тут же «гелендвагене», где сидел еще один такой же здоровяк. Смолин пытался возражать, тогда они силой затолкали его в машину.

Поездка закончилась не на Фрунзенской, а где-то за городом — где именно, Валентин сказать не мог, поскольку скоро перестал ориентироваться и даже не мог сообразить, по какому шоссе они выехали из Москвы. Отъехали сравнительно недалеко, проезжая через какой-то поселок, свернули с трассы в боковой проулок и скоро оказались на безлюдной опушке леса. Там все трое вылезли из машины и высадили Валентина. «Будешь платить долг?» — спросил один. «Я никому ничего не должен», — ответил Валентин, но не успел закончить фразу. От сильного удара в лицо он упал в снег. Трое службистов стали молча избивать его ногами, потом привязали к дереву, и перед тем, как уехать, один из них пригрозил: «Учти, если не заплатишь, в следующий раз с такой прогулки не вернешься».

Очевидно, они намеренно привязали его так, чтобы он мог самостоятельно освободиться, и, провозившись минут двадцать, Валентин сумел распутать веревку. К шоссе он шел, едва переставляя ноги, его шатало, тело болело от побоев, голова гудела, до лица нельзя было дотронуться. На его счастье, когда он вышел на трассу, мимо проезжала патрульная машина ДПС. Они подобрали Смолина и, выяснив, в чем дело, отвезли его в районное отделение РУБОП. Там ему предложили написать заявление и сказали, что будут ждать от него сигнала, чтобы дать этому делу ход.

Разговор с Валентином вышел долгим и болезненным для нас обоих. Я до тошно выпытывал у него подробности этой истории, чем вызвал его раздражение и откровенное недовольство. Оказалось, что некоторое время назад Смолин отправил одному из своих клиентов в Курск партию товара на консигнацию, то есть без предварительной оплаты. Все сроки давно прошли, но деньги на счет «Ракорда» оттуда так и не поступили. Валентин пытался дозвониться до своего клиента, даже ездил в Курск, но разыскать партнера не смог: его контора была закрыта, а других адресов Смолин не знал. Стало понятно, что тот намеренно скрывается от него. Неприятная новость дошла до гендиректора. Колчанов вызвал Валентина к себе и предложил подумать, как он будет погашать долг, иначе, сказал он, могут быть серьезные неприятности. Самое простое, по его словам, — продать черныбыльскую квартиру.

Рассказ Смолина поверг меня в шок. Хорошо зная Андрея, я все же не предполагал, что он может опуститься до примитивного бандитизма. Сначала я хотел ехать прямо на Фрунзенскую, но, взглянув на себя в зеркало в прихожей Валентина, решил, что в таком состоянии встречаться с Колчановым не следует: у меня было неестественно напряженное лицо, глаза лихорадочно блестели. Я чувствовал себя выбитым из колеи, а потому решил отложить визит до завтра. Необходимо было успокоиться и все тщательно взвесить. Иначе, подумал я, Колчанов с его волевым напором легко загонит меня в угол, и результат разговора может оказаться прямо противоположным тому, на который я рассчитывал.

Передышка пошла мне на пользу — когда на следующий день в двенадцатом часу я поднялся на четвертый этаж дома на Фрунзенской и позвонил в офис «Ракорда», то был не только спокоен, но и настроен весьма решительно. Вероника доложила шефу о моем приходе и попросила немного подождать. Прослонявшись у двери его кабинета больше десяти минут, я сообразил, что Андрей намеренно выдерживает меня в прихожей, а потому, ни слова не говоря, надел куртку, вышел из квартиры, без стука прикрыв за собой дверь, и вызвал лифт. Через несколько секунд дверь колчановских хором распахнулась, и из нее вылетела взволнованная Вероника.

— Господин Травин, куда же вы?! — воскликнула она. — Ведь Андрей Григорьевич вас ждет!

Он был в кабинете один, сидел за письменным столом и просматривал какие-то бумаги. Он не встал мне навстречу, не подал руки и после короткого «Привет!» кивнул на диванчик, стоявший перед его столом. Опустившись на него, я сразу стал почти на целую голову ниже Колчанова и подумал, что сюда он сажает провинившихся сотрудников, чтобы поставить их на место.

Я прямо перешел к делу.

— Ты интересовался Смолиным. Вчера я видел его.

— Значит, теперь ты в курсе наших проблем, — сказал он, откладывая бумагу, которую держал в руках. — Тем лучше. Поможешь нам разрулить эту ситуацию.

— Чем же я могу помочь?

— Будешь у нас третьей стороной как незаинтересованная сторона.

— Вряд ли я смогу быть объективным, поскольку вы оба — мои старые приятели. Надо придумать что-то другое.

— Что, например?

Мне с самого начала не нравилось, что Андрей смотрит на меня из своего кресла сверху вниз, как бы свысока, поэтому прежде, чем ответить, я встал, взял от большого стола один из стульев и сел напротив него.

— Валентин мне достаточно подробно рассказал, как твои бандиты...

— Это не мои бандиты! — перебил Колчанов.

— Пусть не твои. Но действовали они наверняка по твоей наводке.

— Я действительно поговорил с профессионалом, который решает эти вопросы, — есть такой спец Джага. Объяснил ему ситуацию и поручил выбить бабки из курского клиента Смолина, который не расплатился с нами. Он обещал, что пошлет туда свою бригаду. Но такие подробности меня не касаются, мне важен результат.

— Теперь я тебе скажу, как ситуация выглядит со стороны. Ты поручил этому Джаге получить долг с курского купца, но либо он сам, либо его бандиты решили, что тащиться в Курск по морозу им не резон. Поэтому одно из двух: или ты сам дал команду прессовать Смолина...

— Я такой команды не давал! Я дал команду вернуть мне бабки!

— Если ты не поручал этому Джаге колбасить Смолина, значит, его бандиты превысили полномочия. И будет странно, если ты не выставишь ему счет за то, что его люди изувечили одного из твоих лучших сотрудников и к тому же героя Чернобыля.

Колчанов слушал меня внимательно, но на его лице появилась снисходительная ухмылка. Это добавило мне злости и куража, и я продолжал более решительно:

— Имей в виду, в этой истории есть явные нестыковки. Например, непонятно, почему ты повесил этот долг на Валентина...

— Но это его клиент, за надежность которого он поручился.

— Не поручился, а всего лишь сказал, что имеет с ним дело уже полтора года и никаких недоразумений с платежами до сих пор не возникало. К тому же, насколько я знаю, решения о консигнации, или как это у вас называется, в твоей конторе принимают не рядовые сотрудники вроде Валентина, а менеджеры среднего звена. Вот с них и спрашивай. И потом, ты сказал, что когда вы обговаривали условия его сотрудничества с «Ракордом», Валентин якобы поручился своей чернобыльской квартирой за возможный кидняк. А он говорит, что обещать этого никак не мог, поскольку в квартире живут его бывшая жена и их дочь.

— Мало ли что он говорит!

— Извини, но я больше верю Смолину. Хотя бы потому, что он действительно не может оставить без жилья свою дочку и ее мать.

— Короче, меня эти подробности не интересуют, мне важен результат — вернуть свои деньги.

— А меня интересуют. Поэтому я действительно помогу вам разругать эту ситуацию. И тут годится твоя идея насчет третьей стороны. Но нужен человек, который хорошо разбирается в таких проблемах. — Я сделал паузу и с самым простодушным видом выложил свой главный козырь: — Поэтому я еще вчера позвонил в «Московский комсомолец». Правда, в нашем отделе не осталось никого из ребят, с кем я работал, последним ушел Юра Некрасов, — добавил я для достоверности. — Но я посоветовался с Пашей Агароновым. Он считает, что эта история наверняка заинтересует их отдел криминальной хроники, тем более что Смолин — герой Чернобыля. — Я помолчал, задумчиво глядя в сторону и как бы собираясь с мыслями. — Так что они вплотную займутся этим сюжетом и во всем разберутся. В результате может получиться интересная публикация о том, как оргпреступность мешает развиваться честному бизнесу.

Колчанов встал, прошелся по комнате и остановился у окна, задумчиво разглядывая снежный пейзаж Нескучного сада. Не сразу решившись, я поставил в своем монологе последнюю точку.

— Правда, надо иметь в виду, что в этом случае вся история получит огласку. Но может, это и к лучшему. Гендиректор фирмы «Ракорд» будет выглядеть в ней как поборник справедливости и честного бизнеса, — не удержавшись, слукавил я.

Он молчал, глядя в окно. Говорить больше было не о чем. Я встал и направился к выходу, но, подойдя к двери, остановился.

— В общем, подумай. Как скажешь, так и сделаем, — добавил я, глядя ему в спину. — Но прессовать Валентина не советую. Тем более что он запомнил номер «гелендвагена» этих бандитов, — соврал я, — и замаять это дело не получится. А когда подключатся РУБОП и ребята из «Комсомольца», может выйти очень неприятная история, в том числе и для тебя.

После этой аудиенции на Фрунзенской я позвонил Валентину и рассказал о разговоре с Колчановым.

— Думаю, теперь они оставят тебя в покое. У Андрея наверняка хватит ума, и он даст отбой этим бандитам. Ему очень не понравилось, что ты оставил заявление в РУБОП. Кроме того, я на всякий случай сказал, что якобы созвонился с бывшим сослуживцем из «Московского комсомольца» и тот считает, что их люди наверняка заинтересуются этим сюжетом.

— А ты не боишься, что теперь он и тебя может взять в оборот? — мрачно поинтересовался Валентин.

— Конечно, может. Но это ничего не меняет. Прогибаться перед ним я не стану.

На этом мы расстались. Очевидно, история с бандитами оставила у Смолина тяжелый осадок, и он стал избегать всех, кто был хоть в какой-то степени к ней причастен. Мы перестали видеться, он мне не звонил, а я, уловив его настроения, тоже старался не беспокоить его звонками. Когда он не появлялся несколько месяцев, я узнал от его сестры, что мой приятель окончательно перебрался в деревню под Муром, где, по словам Лиды, отстроил себе шикарный дом.

Колчанова я тоже совсем потерял из вида. Правда, изредка мне звонил Костя, видимо, когда-то распознавший во мне родственную душу. Он был мне симпатичен, но разговаривать нам было решительно не о чем, поэтому главной темой наших бесед оставался Андрей. От Кости я и узнал о болезни моего бывшего приятеля. С тех пор я часто думал о нем, но не предполагал, что когда-нибудь снова увижу его.

Он неожиданно позвонил мне в один из воскресных дней начала осени, и я не сразу узнал его, настолько изменился его голос. Ничего не объясняя, Андрей сказал, чтобы я вышел на улицу. Он ждал меня у подъезда, и мы долго потом стояли возле палисадника перед нашим домом. Он выглядел ужасно, настолько ужасно, что первые несколько минут мне казалось, будто я разговариваю с другим человеком. У него были землистое лицо, потухшие ввалившиеся глаза, нездоровая худоба, осипший голос. На него было тяжело смотреть еще и потому, что душевное состояние превратило его в незнакомого мне человека.

Очевидно, у него была острая потребность высказаться. Он сетовал, что в молодые годы доставил столько болезненных переживаний своей матери, вспомнил Машу и сказал, что до сих пор жалеет о том, как обошелся с нею. Сыну дал все, о чем может мечтать его ровесник: у него самая дорогая тачка, самые модные костюмы, а вырос ни на что, кроме тусовки, не способным бездельником, не хочет работать, попал в дурную компанию, кажется, подсел на наркотики. Он говорил — сбивчиво и бессвязно — о том, что никому нельзя верить. Службист Гена, на которого он когда-то возлагал большие надежды и считал, что тот «далеко пойдет», угнал у него две фуры с товаром, секретарша Вероника, которой он «верил больше, чем себе», обокрала его и скрылась — у нее был ключ от сейфа, где он хранил деньги.

Я осторожно возражал, что мне не совсем понятны его настроения, — ведь он добился всего, о чем мечтает современный человек. «Вспомни, ты был простым инженером и получал сто двадцать рублей, — говорил я, — а теперь у тебя куча денег, дом в Европе, целый взвод телохранителей, самые дорогие часы на руке. А что касается Гены, Вероники и прочей нечисти, — сказал я, — то это неизбежные издержки жизни преуспевающего бизнесмена. Зато теперь для тебя нет ничего невозможного, ты уверенно и комфортно чувствуешь себя на Ривьере, в самом уважаемом обществе, на равных участвуешь в этом празднике жизни».

Вот тут я и услышал от него фразу о том, что когда одной ногой стоишь в будущем, то на многое начинаешь смотреть другими глазами. И, все больше раздражаясь, он стал говорить о том, что эти уважаемые компании при ближайшем знакомстве похожи на сборища кухарок и чванливых лакеев, которые, пользуясь отсутствием господ, вырядились в их туалеты и пытаются изображать великосветское общество, как они его себе представляют. А что до праздника жизни, то на юбилее какой-то эстрадной «звезды», где он побывал по настоянию жены, когда она приезжала в Москву, участники шоу так кривлялись, паясничали и гоготали, что больше всего это напоминало булгаковский бал у Сатаны, причем в самой вульгарной постановке.

Я никогда не видел его таким озлобленным и раздраженным. Я чувствовал к нему острую жалость, изводился от бессилия помочь, облегчить душевную муку, которая терзала этого сильного и волевого человека, и хотел только одного: чтобы поскорее закончился этот мучительный разговор, чтобы он сел в свой черный «хаммер» и уехал.

Теперь, вспоминая нашу последнюю встречу, я не могу себе простить, что был к нему невнимателен, что именно тогда, когда ему понадобилось простое человеческое участие, сознание того, что он не один перед свалившейся на него страшной бедой, оставил его наедине со своими мыслями, не ободрил, не поддержал. Ведь это ко мне, которого он когда-то считал своим самым близким другом, преодолев гордыню, Андрей пришел в минуту крайнего отчаяния и душевной опустошенности. И кто, как не я, должен был встать рядом, чтобы ему было на кого опереться. Не могу примириться с тем, что еще раньше, когда он вернулся ко мне из своего уважаемого зазеркалья и во время наших встреч и разговоров осторожно зондировал мои настроения, пытаюсь понять, чем я живу, почему не стремлюсь выбраться из своего придонного слоя, я отмалчивался, не считая нужным что-то объяснять, хотя более чем кто-либо обязан был поделиться с ним своими мыслями.

Ведь это я посеял в его душе сомнения, не признав свое поражение в том давнем споре, который начался когда-то с «Доктора Живаго» и, по сути, продолжался на протяжении всей нашей жизни. Это я отказался участвовать в его нечистоплотном бизнесе даже ради того, чтобы выбраться из придонного слоя; я не пожелал взять деньги за обзор по материалам нашего экспертного совета; я помешал ему обмануть Валентина и отобрать у него квартиру. А значит, отчасти и я был повинен в том, что внутренний голос устами поручика Л., когда-то перебравшегося из мемуаров Шульгина в один из закоулков его души, время от времени напоминал о себе, не давая ему покоя.

Теперь я знаю: это поручик Л. сохранил в его сердце искру праведного огня, доставшуюся ему в наследство от прославленного предка, и, подобно герою «Ностальгии» Тарковского, пронес лампаду этого света через всю его жизнь. Пока он был здоров, полон сил и энергичен, Андрей отмахивался от его намеков и предостережений, как отмахнулся когда-то от наставлений инструктора в горнолыжном Вербье. Он с головой ушел в стихию бизнеса с ее захватывающими интригами,

волнующим вкусом побед и поражений, азартом борьбы, где все определяют расчет, выгода, деньги. Но когда болезнь сделала его немощным и слабым, эта искра в его душе вспыхнула, осветив надвигающийся мрак, и он увидел окружающее другими глазами. Это лишило его уверенности в себе, и все лишь потому, что я ни разу не поделился с ним своими догадками и настроениями.

Но как, какими словами можно выразить то, что остается в душе от лучших минут прожитой жизни... Как описать дни, проведенные в нашем академическом пансионате в Успенском, этот усадебный дом в стиле неоготики на высоком берегу Москвы-реки, красоту пейзажа, который открывался с обрыва над рекой, бескрайний простор полей и дальних перелесков, золото закатного небосклона над колокольной церкви в далеком Аксиныно, когда, совсем как у Бунина в «Последнем свидании», великая тишина стояла над землей. Как передать атмосферу и настроения наших вечерних чаепитий, разговоров о хорошем, дружелюбие, искренность и простоту всех этих людей — Левы Коршикова, Маши Пятаковой, Игоря Галкина, пожилого геофизика, который под гитару исполнял баллады собственного сочинения: «Кем будем мы, что есть и были? Сумеет ли прозреть сполна? Какие дни, увы, проплыли! Какая прожита пора!»

С похожим чувством я вспоминаю домик в глубине заснеженного сада на Чоботовской аллее в Переделкине, где зимними вечерами меня поджидала моя любовь. Вспоминаю, как ночью, накинув куртку, выходил на улицу, чтобы принести из сарая дров для нашей печурки. Морозец пробирал меня до костей, сквозь сетку голых березовых ветвей ярко светила луна, под ногами поскрипывал голубой искрящийся снег, и было особенно хорошо возвращаться в уют и тепло нашей лачуги. Стараясь не шуметь, я подкладывал в печку дров, подходил к постели и надолго замирал, любуясь моей безмятежно спавшей принцессой Грезой.

Тогда все это казалось будничным, обыденным, заурядным и лишь теперь вспоминается как нечто сказочное, почти неправдоподобное. Как и вечер в гостинной миссис Тёрл, как те майские дни в цветущей Ялте, как теплый день бабьего лета в усадьбе Уэйкхёрст в Сассексе, самый незабываемый и, может быть, самый счастливый в моей жизни. Не берусь теперь передать свои впечатления — прошло много времени, — но у меня сохранился текст письма, которое я отправил какому-то Дэвиду Паркеру после того, как, рыская по Интернету в поисках снимков этой усадьбы, наткнулся на его сайт. «Те несколько часов, что я провел там, любуясь живописными окрестностями и старинным усадебным домом с лужайкой перед ним, наслаждаясь покоем, светом и красотой этого осеннего дня, — писал я, — оставили у меня в душе ощущение полного, ничем не омраченного счастья. Помнится, я подумал тогда, что если существует Рай, то именно так должен чувствовать себя там человек. Поэтому я бесконечно благодарен вам за снимки этой усадьбы на вашем сайте — они возвращают мне память о самых счастливых минутах прошлой жизни».

Всем этим я должен был поделиться с Андреем. Я должен был рассказать ему о том, что вынес из нашего прошлого, — воспоминаниями о друзьях и сердечных привязанностях, о красоте, которая осталась в душе от той поры. Там было столько света, радости и чувства полноты жизни, что и теперь среди повседневных забот, тревог, усталости и суеты красочный мираж этого прошлого помогает не падать духом, не поддаваться унынию. Если бы я сумел выразить это словами, может быть, он поверил бы мне. Поверил, что и пребывание в придонном слое — приемлемая плата за то, чтобы жить среди дружелюбных, порядочных, мыслящих людей, сохранить потребность читать больших писателей, не утратить способность наслаждаться музыкой великих композиторов, смотреть картины выдающихся художников.

Я должен был рассказать ему о том, что способность понимать тайнопись искусства, которая приходит с годами, — это шаг вслед за великими провидцами туда, где у них наступало прозрение. И пусть лишь избранным, таким, как Микеланджело, Рублев, Бах, Достоевский, дано приблизиться к постижению замысла Творца, но способность видеть его отражения в их искусстве наполняет жизнь устойчивостью и внутренним светом. Тем светом, который виден в ликах Христа, наблюдающего за нашими делами и поступками с древних икон.

Теперь, когда наша жизнь кончилась и пишется этот постскрипtum к ней, когда уже ничего нельзя изменить или исправить, я не нахожу себе оправдания даже в том, что Андрей сам отбил у меня охоту делиться с ним своими догадками и построениями, сказав, что все это — лишь фантазии, которые существуют только в моем воображении. Если бы он ушел несломленным, сильным, уверенным в себе, чувство вины у меня не было бы таким болезненным и острым. Но то, что он выглядел поверженным, раздавленным и глубоко несчастным, лишает меня остатков оправданий, которые я нагромождал, пытаюсь заглушить голос собственной совести.

Он умер в одной из клиник Берлина от неоперабельного рака простаты. За несколько дней до этого мне позвонил Костя и сказал, что поскольку Андрей безнадёжен, ему разрешили пользоваться телефоном и я могу позвонить ему. У меня не хватило духа поговорить с ним, но я сразу связался с Машей и дал ей номер его мобильного. Она не раз просила меня об этом, как она сказала однажды: «Просто хочу услышать его голос». Он уже почти не мог говорить и прохрипел только два слова: «Маша! Машенька...», но вложил в них столько, что она разрыдалась и плакала так, что не могла остановиться. А он слушал, слушал, слушал...

Когда я думаю о последних днях и часах жизни Андрея, мне вспоминается заключительная сцена телевизионного фильма Владимира Бортко «Идиот» — Елизавета Прокофьевна Епанчина в психиатрической клинике у князя Мышкина. Я видел картину не один раз, но до сих пор не могу смотреть ее финал без волнения. Не потому, что он сыгран Мироновым на уровне подлинной гениальности, а потому, что Бортко и Миронову удалось выразить то, что невозможно передать доступными человеку средствами, — запредельную опустошенность человеческой души, выжженной испепеляющим пламенем житейских страстей. Но если перед праведником Мышкиным простирался горный ландшафт вечной благодати, то Колчанову открылась черная бездна небытия. А когда, в смятении и ужасе отшатнувшись от нее, он, как сказано в книге Экклезиаста, «оглянулся на дела свои», то не увидел ничего, кроме попранных им привязанностей, поруганного достоинства, жестокости, зависти, лицемерия, лжи. И когда я думаю о последних днях и часах жизни Андрея, меня охватывает беспросветная тоска.

Андрей ШАЦКОВ

АЭРОДРОМНАЯ ЭЛЕГИЯ

Прощай!

Показалось, я жить не могу!
Мы вечность над лентой посадочной кружим!
Мне б лучше стоять по колени в снегу
Иль шлепать в раскисших ботинках по лужам!

И сбылись мечты. Завершился полет,
А с ним прекратилась убойная тряска...
И выплюнул нас на бетон самолет,
Чтоб дольше продолжилась аэросказка.

В Минводах туман над посадом стоит.
Стрела стратоплана не чиркнет по своду.
Звезда со звездой о чем говорит
В такую погоду,
в такую погоду?

Нам час не хватило до вечной любви!
Шасси обнимает шальная поземка...
Где нежные женские плечи твои,
Моя незнакомка,
моя незнакомка?

В брюхатой машине на Млечном Пути
Натянуты нервы и рушатся связи...
Мне б лучше пешком по России идти
На Черные Грязи,
на Черные Грязи!

СНЕГОПАД

Миг юности былой невозвратим.
В ней каждый новый день —
подарок царский...
Как трудно жить среди сиротских зим,
Стоящих ныне
сиротой казанской.

Андрей Владиславович Шацков родился в 1952 году в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

Как душен застоявшийся уклад
Седых годов, бегущих с горки — в Лету.
И даже под привычный снегопад —
Не попадешь.
Зимую снега нету!

А хочется с крыльца — в родную выть,
Покрытую ледовой чечевицей,
Сбежать и слушать, как умеет выть
Матерая пурга лесной волчицей!

Но сумрачный далекий небосвод
Разверзла шрамом звездная прореха.
И значит, снег сегодня не пойдет.
И значит, вновь земле лежать без снега

В опрелых листьях, брошенных судьбой,
Коростою
над волглыми полями,
Где мы бродили в юности с тобой
Морозными рождественскими днями...

И мне осталось — верить в снегопад,
Который начался подобно чуду,
Чтоб тихо падать сорок дней подряд,
Покуда я любовь не позабуду!

КРЕЩЕНСКИЙ НОКТЮРН У ИСТОКОВ РУЗЫ

Истоки реки Рузы лежат на
Московской возвышенности... Истоки
реки Иордан лежат у горы Хермон,..
ранее принадлежащей Сирии...

Материалы Википедии

Я хочу попросить прощения
Перед вами, мои стихи
Нерожденные...
Пусть Крещение
Грех омоет волной реки.

Да не будут они обузою,
До земли не оттянут плеч...
Над моею застывшей Рузою
Засвистела снегов картечь!

Пусть стихи остаются в заводи.
Щукой спрячутся в глубину.

А когда потеплеет — в паводье,
Как Ковчег, подплывут к окну.

Но пока у моей оконницы
Табунятся Крещенья сны.
Не прорвать им заплот бессонницы
Скоком святочной старины!

Так, глядишь, и замерзнут сирые,
Как в заволжских степях орда.
Ведь Россия теплом — не Сирия,
Да и Руза — не Иордан,

Чьи истоки — в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России — свои окрестности,
У России — свой разговор.

Хоть над Сирией — небо синее,
Над Россией — еще синей.
«Иордани» в морозном инее,
Грай вороний да скрип саней.

И под утро к крещенской проруби
В час урочный, в урочный срок
Снегири слетят, а не голуби
Как Предтечи грядущих строк!

ОВСТУГ

Дмитрию Мизгулину

Когда вокруг сгустится волглый воздух
И одолеют смуты и дела,
Давай с тобой уедем в древний Овстуг —
Тот самый, за которым даль светла.

Здесь церковь шпилем разгоняет тучи,
И псы хвостом виляют у ворот,
И Федор Иоанныч — Федор Тютчев
Гостей встречает вполуоборот.

Задумчиво на памятник мессии
Глядим, не опуская строгих глаз.
Нам не прожить без тютчевской России,
И ей, наверно, не прожить без нас.

Здесь далеко, за черными лесами,
Где режет облак быстрокрылый стриж,
Взбегал на холм, красуясь чудесами,
Ушедший дымом в небо город Вщиж.

История стояла у порога,
Безмолвствуя,
        и в сутеми ночной
По Брянщине вилась его дорога
В Европы,
        из которых в край речной

Стремилось сердце, возвращаясь снова
В густые кущи ивы и берез...
И нес поэт из дальних далей слово
И вплоть до наших дней его донес!

За барским домом здравницу Отчизне
Поет петух, встречая новый день...
Здесь Тютчев жил, и память этой жизни
Превозмогла веков минувших тлен!

* * *

Май месяц пришел на старинный погост,
И ветви сирени упрямо
Ползут к небесам из земельных корост
Строкой телеграфной от мамы.

И первая в высях бормочет гроза,
Отнюдь не про «вечныя лета»...
Я помню, как медью давили глаза,
Минувшего века монеты.

Чтоб я не увидел в любимых очах
Последнего мамы привета,
Чтоб сбился с пути, в одиночестве чах,
Не спал по ночам до рассвета!

Тяжелая медь, ты горчила тогда,
Когда целованьем от сына
На вкус познавалась потери беда,
Сиротского горя трясина.

Май месяц отрезал дороги назад.
Грядет Вознесенье в июне.
Я помню наполненный горечью взгляд,
Когда уходил накануне

И минуло лето, и клин в облака
Навечно с землею в разлуке
Поднялся,
я видел крыла жожака,
Я знал эти сильные руки.

Когда в колеях заблестел гололед
И вьюги ложились на плечи,
Мне ведомо было, что он не придет
Ко мне обогреться под вечер.

А ранней весною накрыло леса
Прибоем цветов-первоцветов.
Я в них отыскал голубые глаза.
Прощенья просил и ответа.

Но мне не ответило небо — за что
Случилась отцовская мука,
И смертным бывает любви колдовство,
И вечной бывает разлука.

21 ДЕКАБРЯ (Полугодины)

Да лягут снега на обитель твою,
На новую,
с бабушкой рядом!
С седой головою в молчанье стою
Под жестким седым снегопадом.

И купол церквушки, и абрис креста —
Покрыла ворон плащаница.
За дальней оградой стучат поезда,
Погост огибает столица.

Ваганьково,
снеги,
да камень-гранит,
Да тень прапрадедова стяга.
Пусть небо твой путь одинокий хранит
В туманности млечной, бродяга.

Я помню в ладони ручонку твою
И кеды — спешащие рядом...
Немного осталось... Но я достояю
Под нашим с тобой снегопадом!

Евграф СВЕТЛАНИН

УБЕЖАТЬ ОТ ТЕНИ

Повесть

МАЯЧКИ

Рик Андерсен купил этот старый дом на озере у вдовы своего коллеги, недавно скончавшегося профессора. Рик был пленен и необычной для нашего времени конструкцией бревенчатого дома, и возможностью уединения на природе. Он давно решил купить его и неоднократно осведомлялся у старого профессора, не тяжело ли тому убирать снег на участке и добрые сорок или пятьдесят минут добираться до работы и домой в темное время года.

— Ничего, привычка, — отвечал старичок.

Вдова профессора сразу после его смерти решила продать дом, и Рик немедленно купил его, невзирая на то, что появившиеся вокруг за последнее десятилетие соседние дома сильно подрезали возможность вожаделенного уединения, а шум от моторных лодок на озере заставлял закрывать выходящие на него окна. Соседи, впрочем, были милыми людьми, и Рик с удовольствием устраивал для них воскресные пикники на своем участке, точнее — прямо на мостках, спускавшихся к мелкому песчаному пляжу. Гости приносили с собой напитки (в основном пиво) и закуски. Они расслабленно и неторопливо болтали о детях, собаках и разных пустяках.

Однако, принимая гостей в эту субботу, Рик не был расслаблен, а напряженно ждал одного из соседей, заместителя шерифа. Когда тот наконец появился, Рик стал обдумывать, что следует тому рассказать, прежде чем задать беспокоивший его вопрос об одном недавнем происшествии.

Беспокоила прежде всего непонятность происшествия. Началось все три недели назад, когда вернувшийся домой на каникулы из университетского городка сын Рика взял отцовский внедорожник «форд» для пятидневной поездки куда-то в висконсинские леса. Во время поездки у него затерялся мобильник. Затрудняло поиски то, что батарейка разрядилась, и телефон не отвечал на звонки.

— Скорее всего, он застрял где-то в машине, — предполагал вернувшийся в Миннесоту сын. — Ты, папа, обычно успешнее находишь мои вещи.

Тщательно обыскав машину и не обнаружив мобильника, Рик поделился мелкой неприятностью со своим ассистентом Тимофеем Костомаровым, которого все звали просто Тимом. Общительный, находчивый и чуть-чуть хвастливый Тим был за панибрата с половиной университета.

— Ерунда, найдем, — мгновенно отреагировал тот. — Загоним машину в лабораторию нашего рыжебородого толстяка и вытащим аккумулятор, чтобы обесточить

Евграф Светланин — творческий псевдоним двух авторов, выпускников Ленинградского университета: доктора физико-математических наук Светланы Ивановны Ковинской и доктора технических наук Эдуарда Львовича Амромина. Под этим же псевдонимом в 2015 году в издательстве «Нестор-История» вышла их книга «Избранный».

ее. Мобильник еще периодически напоминает слабыми импульсами о необходимости подзарядки, а они в своем шлюзе могут выявить даже очень слабые источники.

Так и сделали. Мобильник нашелся между подушками заднего сиденья. Однако нашли не только его. Под крылом машины, над левым задним колесом, был прикреплен радиомаячок.

— Ты хоть что-то можешь сказать о поставивших эту штуку? — спросил Тим удивленного лаборанта, помогавшего ему.

Лаборант, самостоятельно определив только, на сколько процентов разряжена батарейка маячка, пошел советоваться с шефом. Через несколько минут он вернулся с испуганным лицом.

— Мы не будем заниматься этим. Ваше дело, станете ли вы искать виновных, но шеф просил никому не говорить, что эта штука найдена в нашей лаборатории. В конце концов, ее могли найти случайно, — медленно отрапортовал он, протягивая уложенный в полиэтиленовый мешочек маячок.

Перед тем как отнести находки Рику, Тим, потолковав с разными знакомыми, понял, что маячок работал месяца три. Рик был настолько ошарашен полученной информацией, что даже новость о находке мобильного сообщил сыну не своим голосом.

— У тебя какие-то неприятности, папа? — спросил тот, но Рик, не отвечая сыну, повесил трубку.

— Профессор Ричард Андерсен, пойдёмте перекусим, а по дороге что-нибудь придумаем, — театрально напыщенным тоном сказал Тим и добавил, посмотрев на окаменевшего Рика: — Поедем на моей развалюхе.

Они сели в выдавший виды «шевроле призм», к которому Тим испытывал непонятную привязанность. Вскоре они приехали в довольно шумную пиццерию. Рик чуть поморщился, войдя туда.

— Я привез вас сюда, чтобы потом заглянуть к моему знакомому Марку. Его автомастерская рядом, — объяснил Тим, — Марк приехал сюда в 1992-м, а до того в Советском Союзе заведовал радиотехнической лабораторией в каком-то институте, связанном с аэрофотосъемками. Может быть, он поможет разобраться с вашим маячком.

Когда они вошли в мастерскую, Марк, невысокий коренастый брюнет лет шестидесяти, разговаривал с клиентом. Каким-то неуловимым для Рика жестом Тим вызвал его наружу и что-то тихо сказал по-русски. Марк вернулся в офис, но минут через пять вышел в резиновых перчатках. Он вынул маячок из пакетика, пару минут вертел и разглядывал.

— Я всегда рад, Тимофей, видеть тебя и готов срочно поменять масло в твоей машине, раз тебе надо, — неестественно громко сказал он по-английски, глядя в глаза изумленному Тиму, который вовсе не собирался в тот день менять масло. — Давай свои ключи. Это быстро, не уходи.

Марк поставил «шевроле» над ямой и спустился туда. Через несколько минут он жестом пригласил Тима последовать его примеру. Тим спрыгнул вниз, и Марк показал пальцем под крыло, где был прикреплен точно такой же маячок, что и в пакетике. Когда Тим было потянул руку к маячку, Марк неожиданно резко ударил его по руке, воскликнув: «Идиот! Вылезай немедленно». Закончив работу с маслом, он позвал гостей в какую-то кладовую.

— Я уже давно не работаю как радиотехник, а техника так ушла вперед, что я не смогу ответить на твои вопросы, Тимофей, — уже по-английски объяснял он, но некоторые его слова Рик понимал с трудом из-за сильнейшего акцента. — Могу помочь только советом. Ты говоришь, что непонятно, кто следит за вами. Неважно, какие-то преступники или спецслужбы следят, но если вы уберете маячки, они будут знать, что вы обнаружили слежку, и жить вам станет сложнее.

Ночью Рик спал плохо, пытаясь понять, какие дела могли вызвать слезку с установкой маячков и на его машине, и на машине Тима. Понять было трудно. Они работали вместе уже с десяток лет. Тим окончил престижный российский университет, но работы по специальности в России в 1998 году не было. Как и многие в его положении в те годы, он нашел место в одном из американских университетов, где защитил диссертацию и по рекомендации своего профессора попал на факультет к Андерсену, сначала как научный сотрудник, затем, когда появилась вакансия, как ассистент. Как обычно в университетах, у Рика и его расторопного помощника Тима было много заказчиков на мелкие работы, чаще всего заказчиков из государственных агентств, но ничего особенно секретного, как казалось Риму, они не делали. Желание позвонить Тиму, чтобы обсудить одно из подозрений, он подавил: раз следят, то могут прослушивать и телефон. Решение пришло наутро, когда он отвозил в аэропорт жену, летевшую на день рождения сестры. Загнав машину в паркинг аэропорта, он проводил жену внутрь терминала и, найдя там телефон-автомат, позвонил глуповатой и доверчивой кузине в Орегон.

— Привет, милочка, хочешь принять участие в университетском исследовании? Это касается работы нашей почты.

— А что надо делать?

— Я тебе pošлю маленькую посылочку. Когда ты ее получишь, оберни в новую бумажку и отошли обратно, но обязательно наземной почтой, хорошо?

В тот момент такая пересылка показалась ему блестящей идеей. «Они должны отследить движение маячка. Кто спросит меня об Орегоне — тот и следил». Рик заметно нервничал последующие дни и удивлялся спокойствию Костомарова. «Видно, они со своим старым КГБ и новой мафией привыкли к слежке, как лайки к холодной зиме», — подумал он о русских. Когда же посылка вернулась, но никто не стал спрашивать об Орегоне, Рик рассказал обо всем Тиму.

— Профессор, а не подставили ли вы свою родственницу неизвестно кому? — спросил тот, и Рик заволновался.

— Вы думаете, мне надо идти в полицию? — спросил он.

— Не знаю. У наших неизвестных слишком много выдержки для простых бандитов или шантажистов, и, наверное, они имеют не один канал слежки за нами. Главное — я не понимаю, на что вы могли бы пожаловаться в полиции. Ни вас, ни меня еще не изувечили и не ограбили.

Тогда Рик решил посоветоваться со своим соседом — заместителем шерифа.

БРЭД — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ШЕРИФА

Заместитель шерифа Брэд Свенсон был известным футбольным фанатом, но Рик не интересовался футболом. Другое хорошее вступление к разговору с соседями — что-нибудь об их собаках, благо, по меньшей мере, две трети семей в их пригороде держат собак. У Брэда была овчарка, не выдрессированная как служебная собака, что было даже несколько странно для полицейского. «Служебные дрессированные надоели мне еще за годы моей службы в армии на наших аэродромах в Афганистане и Узбекистане», — объяснял он. Большая часть участков была без заборов, и дружелюбная овчарка часто наведывалась к соседям, позволяя соседским детям тискать себя.

— Брэд, позавчера ваш пес задрал кролика прямо перед крыльцом моего соседа. Как вы поделили добычу? — попытался начать с шутки приветливо улыбающийся гостю Рик, в то время как тот поддевал кречером какой-то соус.

— Рик, раньше вы говорили мне, что ваша работа связана главным образом с методами передачи информации. Как давно вы переключились на полевые наблюдения? — поддержал шутливый тон Брэд, потянувшись за бутылкой мюнхенского пива.

— Недавно, и тому была причина. Более того, я хотел бы в связи с этим попросить у вас профессионального совета, — ответил с неожиданно помрачневшим лицом Рик. И рассказал историю с маячками.

Брэд слушал не перебивая, потом открыл бутылку и жестом предложил Рiku подойти к озеру. Они спустились к самой воде. Коротко стриженный, плечистый, начинающий полнеть Брэд встал лицом к ней. Рик был только немного выше его, встав вполоборота к собеседнику, он, привычно сутулясь, наклонил усатую, с большими залысинами голову. Маленькие круглые очки и внимательный взгляд дополнили образ профессора.

— Я помню этого Тима, такой общительный, стройный шатен, выше среднего роста, с каким-то пятном под левым ухом, я его пару раз видел у вас. У него есть семья? — спросил Брэд, попутно продемонстрировав профессиональную память.

— Нет. Недавно, правда, я встретил его с русской сероглазой красоткой из Франции, и он представил ее как невесту.

— Из Франции, но русская?

— Да.

— Он вас не приглашал в какие-нибудь большие русские компании? Он такой общительный, и, как следует из истории с мастерской, знакомые его могут быть самого разного рода.

— Нет, не приглашал.

— Он, полагаю, не мог брать деньги в долг с упоминанием вас как гаранта, не так ли?

— Без моего ведома?

— Таких ничего не подозревающих гарантов-заложников иногда требуют в криминальных кругах, когда в долг просят, например, зарвавшиеся игроки.

— Нет, он не игрок. В таких людях азарт и агрессивность проявляются скорее в профессиональной работе. Как и во мне самом, мне кажется,

— Да, это так и для наших следователей, — подтвердил Брэд и после длинного глотка добавил: — Тогда подумайте о чем-либо связанном с вашей профессиональной деятельностью. Есть ли у вас в университете недоброжелатели, которые хотели бы вас скомпрометировать, поймав на чем-то, чем вы занимаетесь где-то вне университетской территории, и потому решив следить за вашими передвижениями?

Брэд повернулся спиной к воде, и собеседники направились к столу с закусками.

— Тайные завистники, конечно, не исключены, но... — начал Рик.

— Я не спрашиваю, на чем именно можно было бы вас поймать сравнительно недавно, но не старайтесь припоминать ваши подвиги студенческих лет, — перебил его Брэд.

В свои пятьдесят шесть Рик и не старался припомнить их.

— Уж точно я не могу припомнить ничего такого, в чем был бы замешан и Тим, — искренне ответил Рик.

Они подошли к столу и взяли по бумажной тарелке. Положив в нее какой-то салат, Брэд начал рассуждать вслух.

— Тогда, скорее всего, это дело связано с заказчиками. Предположим, вы даже кого-то из них подозреваете и могли бы выделить какие-то контракты. Университет для нас — дело тонкое, и мы не можем вызвать всех участвующих в этих контрактах на проверку машин в полицию по непонятному подозрению. Нереально их проверить и в вашем университете — мало ли где и когда они паркуют машины. Даже если бы мы нашли другие маячки, что дальше? Коммерческие контракты

обычно ограждены соглашениями о неразглашении коммерческой тайны, а как полиция может догадываться о мотивах на пустом месте?

— Так что никаких перспектив? — кислым тоном спросил Рик, нанизывая на пластмассовую вилку кусочек холодной курицы.

— Надо подумать. Пока единственная зацепка — отсутствие реакции на поездку вашего маячка в Орегон и обратно, — и, с удовольствием посмотрев в изумленное лицо профессора, заместитель шерифа продолжал: — Мелкая свора, какие-нибудь вымогатели, скорее всего, следили бы за вами непрерывно и отреагировали бы на поездку сразу. Крупная служба, что казенная, что частная, собирая большие объемы информации, не проверяет записи постоянно, а делает проверки по запросу.

— И какие же выводы?

— Живите с предположением, что вам ничего не угрожает. Главное — не инициировать запрос такой службы. Полиция вам вряд ли поможет.

Тут, улыбаясь, подошла жена Рика. Он не хотел посвящать ее в свои тревоги, и разговор о маячках оборвался сам собой.

«Придется ехать к дяде. У него опыт работы в секретных службах, и он может что-то прояснить», — подумал Рик и поежился. Дядя, живший на севере Миннесоты на берегу Верхнего озера в удаленном от цивилизации месте, не был приятным человеком. Он много лет проработал где-то в Азии, но в ответ на расспросы о тех годах отмалчивался. Отец Рика рассказывал о какой-то романтической истории, подтолкнувшей дядю отправиться в далекие края, но тогда еще юный Рик слушал невнимательно и припомнить детали истории теперь не мог. Однажды на свадьбе родственницы осмелевший от выпитого Рик попытался все-таки что-нибудь узнать о дядиной работе.

— Зачем тебе это знать? Хочешь неприятностей? — огрызнулся дядя.

Последние десять лет перед выходом на пенсию он служил в каком-то отделе Министерства обороны. Ему было за семьдесят, у него никогда не было семьи, и теперь единственным существом, с которым он общался, была собака. Его сосед утверждал, что, когда собака лаем отвечала на дядины вопросы, тот понимал смысл лая. Рик, которому иногда бывало очень трудно понять иностранных студентов, ответил: «При дядином опыте жизни в Азии — вполне возможно». Ехать к нему нужно было около трех часов. Рик ожидал, что разговор, как всегда, будет тяжелым. Дядя свирепел всякий раз, когда в разговоре появлялись эмоции или какие-то неточности. «Но выхода нет, придется ехать. Понедельник у меня занят. Значит, во вторник или среду», — подумал Рик.

В понедельник утром Рик проснулся раньше обычного. В буднее летнее утро лодок на озере было мало, и он искупался. Жена положила в омлет какой-то особенно вкусный бекон и подала завтрак на балкон. Рик, не обращая внимания на готовый завтрак, задумчиво смотрел на шумную драку птиц, кружившихся у самого берега. «Слишком много неизвестных, чтобы хотя бы очертить проблему, — уныло подумал Рик. — Но нельзя все время думать о неприятностях, тем более — непонятных неприятностях».

Летом не было лекций, но американские преподаватели обычно не отгуливают полностью свои длительные отпуска, и для большинства из них лето — пора самых интенсивных исследовательских работ. Итак, в понедельник Рик поехал на факультет и погрузился в рутинные заботы. Встретившись в коридоре с Тимом около полудня, он даже не стал упоминать о разговоре с Брэдом, только заметил:

— Неплохо бы нам сегодня пообедать вместе, — и, не дав Тиму открыть рот, спросил: — Вы не возражаете против итальянского ресторана?

— Хорошо. Поедем на двух машинах, мне потом нужно заскочить в банк.

ОРЕГОНСКАЯ ПОСЫЛКА

Перед самым обедом Рикю позвонила жена. Как известно, мужчины покупают втридорога нужные вещи, а женщины — за полцены ненужные. Во время обсуждения очередной ненужной, с его точки зрения, покупки Рик раздраженно выпалил:

— Такая покупка была бы в духе моей кухни-простофили. Не могу забыть, с каким серьезным видом она спрашивала меня: «Как вы готовитесь к проблеме двухтысячного года и что покупаете в связи с ней?».

— Кстати, забыла тебе сказать, — заметила жена, — орегонская простофиля звонила в пятницу вечером, когда ты уже спал, а я еще досматривала сериал. Она никак не возьмет в толк, что у нас одиннадцать, когда у них еще девять. Так вот, в среду к ней и к ее соседям приходил какой-то юноша, расспрашивал о всех их почтовых отправлениях за последний месяц, заносил в какой-то бланк ответы и имена всех живущих и сказал, что они примут участие в каком-то исследовании, а в награду между ними разыграют приз. Простофиля взяла копию бланка и показала мужу. Тот поднял ее на смех, назавтра она решила позвонить и узнать подробнее о возможном выигрыше. Однако телефон оказался отключенным. Она еще просила рассказать тебе об этом.

Первой реакцией Рика была жалость к простофиле и даже некоторые угрызения совести за то, что на этот раз она, по-видимому, влипла в дурацкую историю с его подачи. Однако в подобных и даже в более сложных случаях он обычно быстро успокаивал себя, вспоминая завет покойного отца: «В любом деле или ты используешь кого-то, или кто-то использует тебя». Отец вырос в бедной семье и учил сына пробиваться, не брезгуя работать локтями, но компания сына в его студенческие годы в Массачусетском технологическом институте состояла в основном из вальяжных отпрысков обеспеченных семей, и она сильнее всего отразилась на манерах профессора Андерсена. Это иногда обманывало окружающих, незнакомых с заветом его отца.

Поскольку вся история с посылкой простофиле была задумана, чтобы спровоцировать реакцию на нее, сообщение жены не было неожиданностью для Рика. «Значит, отслеживают. Кто бы это мог быть? Надо будет сегодня позвонить простофиле и попросить выслать бланк. Жаль, что не знал, когда говорил с Брэдом», — подумал Рик.

Посмотрев на часы, он направился в офис Тима и оторвал его от чтения какой-то русской газеты на экране компьютера.

— Русский автор в любопытной статье анализирует курсы акций нескольких те-хасских компаний до и после вторжения в Ирак и на этом основании клеймит их как поджигателей войны, — объяснил Тим.

Тим, со своим почти квадратным подбородком и приветливой улыбкой, был похож скорее на среднего европейца, чем на русского. Не было в его лице обычных для славян мягких, размытых черт и, что еще важнее, какого-то особого выражения, по которому русские безошибочно узнают друг друга за границей. Коротко подстриженные волосы только усиливали впечатление энергичности и напористости, которое появлялось сразу, как только Тим начинал говорить.

— Хотя я недолюбиваю эти компании за их безоговорочную поддержку республиканцев, должен заметить, что не каждый выигравший — шулер, — скептически заметил Рик. Тим же подумал, что хотя Рик и хороший ученый, но как демократ он верит в то, что автомобильные выхлопы — источник изменения климата. Республиканцы, впрочем, также верят во всякую чушь, которую сами же придумали.

За обедом Рик рассказал Тиму о разговоре с Брэдом и об истории с орегонской анкетой. Тим ел лазанью без особого аппетита. Такая еда без стакана кьянти стояла поперек горла, почти как пирожки на вокзале, но Америка — не Европа, и здесь в университетах днем не пьют. Только однажды он видел в университетском кафе почтенного старца с бутылкой вина на столе. «Так это же наш нобелевский лауреат», — объяснили ему.

— Признаться, я тоже пытался кое-что понять, — сказал Тим, дослушав Рика. — На прошлой неделе я уговорил четырех наших сослуживцев поменять масло у Марка якобы с большой скидкой. Разницу я ему доплатил. Ничего он у них в машинах не нашел. Предмет слежки — только мы двое. Не начать ли нам с проверки телефонных номеров и веб-сайтов всех наших контрактов?

«АРХИМЕД ЛИМИТЕД»

Вернувшись в университет, Рик и Тим достали из сейфа документы, относящиеся к трем действующим или совсем недавно завершенным контрактам. Один из контрактов, курируемый Национальным научным фондом, был предназначен для поддержки студентов старших курсов и аспирантов и, несмотря на громкие декларации, никаких открытий не обещал и был вне подозрений.

Второй контракт был от местной фирмочки, получившей деньги, в рамках программы помощи малому бизнесу, от государственного института здравоохранения, но бывшей не в силах выполнить самостоятельно обещанные в заявках исследования и поэтому делившейся пирогом с университетом. Фирмочку лет пятнадцать назад основали недавние иммигранты — армянин и латыш. Оба были добротными учеными, известными в своей среде, но уже не молодыми. Университетская карьера в Америке им не светила, но добывать казенные деньги на свои исследования они научились. Когда пару лет назад к ним присоединился иммигрировавший из Ирака профессор медицины, слишком старый для попыток сдать экзамены на право медицинской практики в Америке, медицинская тематика также вошла в круг интересов фирмочки.

— Все, что связано с медициной, — провозгласил Рик, перелистывая контракт, — в наше время пахнет финансовыми злоупотреблениями. Кроме того, люди могут шпионить за разработками конкурентов. Мы столько раз связывались с этой троицей, что проверять их телефоны бесполезно. Тим, лучше попробуйте дозвониться по телефонам, указанным в контракте с «Архимед лимитед».

Этот контракт был получен от малоизвестной фирмы с адресом в Оклахоме. Тема контракта была, пожалуй, самой интересной. Тут дело было не в какой-то частной информационной системе, а в некоторых технических аспектах влияния массовых информационных систем на общество в целом. Представитель этой фирмы впервые вышел на контакт с профессором Андерсеном на одной научной конференции, состоявшейся пару лет назад. Он сел за один стол с Риком во время обеда и задал несколько вопросов по его утреннему докладу. Они обменялись визитками. Рик тогда скользнул взглядом по незапоминающемуся имени «Джон Браун» на визитке и, не обратив внимания на странную комбинацию герба Соединенных Штатов и названия компании — «Архимед лимитед», запихнул ее среди других в отведенный для этого карман портфеля.

Он не вспоминал об этой визитке месяца два, до неожиданного телефонного звонка человека, представившегося начальником хозяина визитки. После короткого разговора они договорились встретиться через два дня в гостинице «Хилтон».

В назначенный день двое мужчин встали с дивана в холле гостиницы и уверенно направились к Рикю, когда он вошел. «Вильсон», — представился один из них. «Рад снова встретить вас», — сказал другой, и Рик повторил его приветствие, хотя и не смог вспомнить, как же тот выглядел на конференции. Тогда он не обратил внимания на странную визитку, но сегодня она вдруг показалась ему подозрительной, так же как и средиземноморский облик человека с английской фамилией Вильсон.

Они прошли в кафе гостиницы, сели за столик и заказали кофе. Браун сел рядом с Риком, Вильсон — напротив.

— Как вы поняли при вашей встрече, — начал разговор Вильсон, — мистер Браун скорее технарь, я же — гуманитарий. Наша фирма образовалась, когда президент Буш решил освободить наш государственный аппарат от ряда неспецифических служб, и мы выделились, скажем так, из нескольких силовых ведомств.

— Да, раньше зарплаты начальников там не могли быть выше президентских, — съехидничал Рик, — зато теперь президент компании, пекущей булочки для Пентагона, может получать больше президента Соединенных Штатов.

— Наша фирма, в частности, занимается вопросами, связанными с материальной базой демократии, — не обращая внимания на реплику, продолжал Вильсон. — Позвольте мне небольшой экскурс в историю человечества.

Рик был удивлен таким предложением, и его лицо это явно выражало. Вильсон улыбнулся, сделал паузу, а затем продолжил:

— Истории хорошо известны две основные формы демократии: Демократия городов, существовавшая у древних греков и римлян, и представительское правление, которое образовалось в Европе после распространения книгопечатанья и газет. Первая форма была основана на личных контактах. Помните, какое впечатление произвел на толпу Антоний на похоронах Цезаря в шекспировской трагедии? — повысил тон Вильсон и после утвердительного кивка Рика продолжил: — Шекспир реалистично описал манипуляцию толпой при личных контактах. Однако такая форма должна была оказаться негодной для больших государств, что и показала Римская история. Такая форма могла затем существовать только в маленьких государствах, таких, как средневековая Венеция.

— Или Новгород в России, — добавил Рик, знавший кое-что о России из разговоров с Тимом.

— Так вот продолжу, для представительской демократии действующей в обширных странах, главное было — газеты, а без печатного станка их быстрое и дешевое распространение было бы невозможно. Книги менее важны, поскольку массы читали скорее газеты, чем книги. Власти всегда боролись за влияние на газеты и в случае чего могли, например, закрыть газету. Телевидение не сильно изменило ситуацию с пропагандой идей. Они по-прежнему распространялись из небольшого числа легкоконтролируемых центров, просто появились некоторые требования к внешней привлекательности пропагандистов.

— Приводившие к трагедиям сбои в системе не были вызваны негодностью ее материальной базы, это были сбои из-за ошибок управляющих, — неожиданно присоединился к беседе Браун.

— Ситуация в корне изменилась с распространением Интернета и социальных сетей, — продолжил Вильсон. — Посмотрите на недавние арабские революции...

— Так вы работали на ЦРУ? — вдруг перебил его Рик.

Вильсон замолк и глотнул из практически пустой чашечки кофе. Казалось, он обдумывает ответ.

— Профессор, — вмешался Браун, — в некоторых ваших статьях, которые мы просматривали после конференции, есть благодарности Министерству обороны

за финансирование исследований. А секретные исследования для них вы также проводили?

Все рассмеялись.

— Так вот, эти недавние революции были бы маловероятны или вовсе невозможны без Интернета, — продолжил уже Браун, — а закрыть Интернет как прежде закрывали газеты без паралича для всей экономической жизни страны, невозможно.

— Возможно, теперь нарождается какая-то новая форма демократии, но мы выросли в представительской демократии, — присоединился Вильсон. — Наша миссия — защищать ее, а для этого надо понимать происходящее. Как происходит манипуляция массами через социальные сети?

— Чем же мы можем быть полезны? — поинтересовался Рик.

— Мы бы хотели, чтобы вы разработали системный подход к проблеме распространения информации. При этом крайне важно учесть новейшие технологии, — как-то зазубренно произнес Браун.

— Мы имеем некоторый опыт... — попытался вставить Рик.

— Ваша группа должна выделить оптимальную схему источников информации, роль передатчиков информации и определить влияние обратной связи элементов системы на распространение информации, — не обращая внимания на слова Рика, продолжил Браун. — Вы должны также рассмотреть эффекты контринформации.

— Контринформации? Это интересно. Какое-то время нам понадобится на ознакомление с предыдущими исследованиями. Нужно ведь еще определить, что входит в систему, — заметил Рик.

— К сожалению, мы не можем познакомить вас с работами на эту тему, которые мы финансировали три-пять лет назад. Это исключено полностью.

— Коммерческая тайна?

— Неважно, — вмешался Вильсон, — не можем, и все. Я хочу подчеркнуть, что вы привлекаетесь к довольно перспективной задаче распространения информации в обществе и должны будете разработать соответствующую математическую модель. Как писал немецкий философ Кант: «В каждом знании столько истины, сколько математики...»

— Более детальная постановка задачи будет сформулирована в техническом задании. Вы будете работать только на предоставленных вам компьютерах, куда вы можете поставить нужные программы. Компьютеры мы возьмем обратно по окончании работы, — заметив ухмылку на лице Рика при последних словах Вильсона, прервал сослуживца Браун.

Рик посмотрел на собеседников и подумал: «Как-то не очень они похожи на защитников демократии. Но задача интересная. Тим будет в восторге. Жаль, что публикации не разрешены заказчиком. Это неприятно, но бывает», — подумал он тогда.

Теперь Тим, вернувшийся в кабинет Рика, отвлек его от воспоминаний.

— Рик, к этим двум телефонам никто не подходит, но можно оставить запись на автоответчике, и тут все нормально, но...

— Что еще за «но»?

— Я стал искать в Интернете здание их офиса. Гугл показал, что по указанному адресу имеется только незастроенный участок и столбик с номером дома. Даже почтового ящика нет.

— Не может быть! Мы же посылали им кое-какие результаты по этому адресу и после обсуждали их.

— В этом нет ничего невозможного. Вы можете оставить на почте заявление с просьбой пересылать корреспонденцию по другому адресу.

- На чье же имя куплен участок?
- Не имеет смысла проверять. У нас очень либеральные законы. Я могу зарегистрировать свою фирму по вашему адресу, и вы даже не будете знать об этом. Хотите проверить?
- Нам не до развлечений, Тим. Пойдемте выпьем кофе в ближайшее кафе и обдумаем следующий шаг.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

Университетское кафе было рядом, и дорога туда шла по красивой тенистой аллее, всегда наполненной студентами. Во время каникул аллея была почти пустая. Рик и Тим медленно направились к кафе.

— Я не уверен, что нас не подслушивают в моем кабинете, — заметил Рик, когда они отошли от здания лаборатории. — Мне бы надо связаться с моим дядей. Я вам расскажу о нем потом. Главное, что он знаком с работой секретных служб. Не ждите, что он вам о них расскажет, но зная, как они работают, он может дать полезные советы. Я собираюсь к нему завтра, и мы даже можем поехать вместе, но его надо предупредить о визите, и я не хотел бы использовать мой телефон. Кроме того, если мы пришли к мнению, что причина слежки за нами — работа на «Архимед лимитед», то неплохо бы захватить кое-какие материалы по контракту.

Когда они вошли в кафе, Тим обшарил его взглядом и сразу направился к столику, за которым пышная блондинка о чем-то оживленно беседовала с толстым бородачом. Это была Джейн, лаборантка с соседнего факультета. Джейн дружила с секретаршей у них на факультете, поэтому Рик и Тим были хорошо знакомы с ней. Их обоих сместило, что она кокетничала не только с Тимом, но и с пожилым Риком. Они иногда встречали и толстяка, который был ее женихом. Толстяк, обычно спокойный и медлительный, вдруг преображался, если Джейн заговаривала с кем-то из мужчин. Его жесты становились резкими, а лицо напряженным, с бегающими маленькими глазками и белыми пятнами на щеках. Тим прозвал его «Отелло».

— Джейн, милочка, профессору нужно сделать срочный звонок, но он забыл свой мобильник. Не дашь ли на минуточку твой?

Джейн протянула свой мобильник, не прерывая беседы. Тим передал его Рикю. Разговор с дядей не занял и минуты. Возвращая телефон и благодаря блондинку, Тим смачно поцеловал ее в щеку, испытав больше удовольствия от созерцания реакции толстяка, чем от поцелуя. Затем он повернулся к Рикю.

— Договорились на завтра, — спокойно сказал Рик. — Я предупредил его, что мы приедем вместе, и рассказал ему о тебе. Дядя — человек нелегкий, но бывалый, и разговор с ним должен многое прояснить. А теперь я, пожалуй, поеду домой.

Они договорились встретиться следующим утром у Рика. Перед этим Тим возьмет в лаборатории кое-какие копии, а затем заедет к Рикю домой. Ехать к дяде решили на машине Рика, оставив его маячок дома.

Простившись с Риком, Тим вдруг вспомнил, что забыл заехать в банк. Он почти бегом направился в паркинг, сел в машину и, не застегивая ремня безопасности, что бывало с ним нечасто, рванул в банк. Когда он захотел обогнать неторопливого водителя впереди, он вдруг увидел машину, ехавшую ему навстречу по его полосе. «Сумасшедший», — пронеслось в голове у Тима.

НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Вечером, когда Тим просматривал почту, раздался звонок телефона. Звонил взволнованный Рик:

— Я звоню по мобильнику моей жены.

Тим с удивлением спросил:

— Что случилось?

— Мою родственницу в Орегоне арестовали за найденный в машине пакет изпод наркотиков. Уже отпустили. Она не то что наркотиков не пробовала, она крепче пива ничего в своей жизни не пила. Абсолютно точно, что все было подстроено.

— Без паники, — сказал скорее себе Тим. — Где-то же должен быть конец у этого кошмара. Ваша родственница нашла адвоката?. Правда, сначала лучше получить совет вашего дяди. Поскольку мы уже собрались ехать к нему, отложим действия до завтра.

Походив в растерянности по комнате минут пять, Тим снова услышал звонок. Звонил снова Рик:

— Тим, я только что поговорил об орегонских делах с моим соседом Брэдом Свенсоном. Он, вместо ответа на мой вопрос «Что делать?», спросил, у кого, кроме меня, есть ключи от моего кабинета в университете. Когда я ответил, что запасной ключ имеется в приемной у секретарши, он вдруг заявил: «Рик, помните, что вы не обязаны отвечать на чьи-либо вопросы в отсутствие вашего адвоката» — и повесил трубку. Я не понимаю, что он имеет в виду.

— Может быть, он предполагает, что ваша родственница может упомянуть вас в разговорах с полицией...

— Ну и что?.

— Рик, пока вас никто ни о чем не спрашивает. Спите сегодня спокойно, а завтра мы, может быть, получим полезный совет.

Во вторник утром, проглотив завтрак, Тим стал думать о странном контракте и событиях последних дней. Можно предположить, что сбор информации о почтовых отправлениях мог проводиться какой-то компанией. «Орегонская простофиля могла что-то напутать с номерами телефонов. Совпадение двух независимых событий во времени не является невероятным, но наркотики у такой особы, как ее описывает Рик, — это явно подстроено». Посмотрев на часы, Тим встал и, быстро собравшись, поехал в университет. Подъехав к зданию лаборатории, Тим увидел несколько полицейских машин. В это время мимо его машины проходил аспирант Рика, вышедший из здания лаборатории.

— Джим, в чем дело? — громко спросил его Тим. — Почему здесь столько полиции?

— В кабинете профессора Андерсена обыск. Больше ничего не известно, — испуганно сообщил аспирант и пошел дальше.

Тим тотчас же позвонил Риду:

— Рик, вокруг нашей лаборатории полицейские машины, и я не рискнул зайти туда за бумагами. Я встретил вашего аспиранта Джима, и он мне сказал, что у вас в кабинете обыск.

— Я немедленно выезжаю в лабораторию.

— По-моему, после ареста вашей родственницы это было бы не только рискованно, но и просто глупо. Нужно ехать либо туда, где у вас уже назначена встреча, либо к адвокату.

— Вы забываетесь, Тим. Мы, конечно, друзья, но так разговаривать с боссом не принято.

— Извините, профессор, — обиженным тоном ответил Тим. — Что же вы мне прикажете делать?

— Ждите меня.

Тим не ждал ничего хорошего от поездки Рика в лабораторию. На всякий случай он отыскал Джейн на ее факультете и нашел в ее мобильнике номер дядиноного телефона. Затем он устроился у окна в здании напротив своей лаборатории и стал наблюдать. Мрачные мысли стремительно сменяли одна другую. Он уже почти не сомневался, что их обоих арестуют. Спустя минуту Тим решил отогнать машину в паркинг подальше, потратил на это еще минут пять и вернулся к своему наблюдательному пункту. Рик приехал неожиданно быстро, небрежно припарковал машину у самого входа и вбежал в лабораторию. «Представляю, насколько он превышал дозволенную скорость», — подумал Тим. Минут пять у входа ничего не происходило. Затем Рик в наручниках и двое полицейских по бокам вышли из лаборатории, уселись в одну из полицейских машин, и она уехала, воя сиреной и мигая синими огнями. Для Тима это уже не было неожиданностью. Он задумчиво направился к своей машине. Уже почти дойдя до нее, он остановился, достал мобильник и позвонил секретарше лаборатории.

— Ты не видела Рика сегодня? — преувеличенно бодро заговорил он. — Не могу до него дозвониться. Он еще не приехал?

— Ой, тут такой ужас. С утра приехали полицейские с обыском и нашли наркотики в его кабинете. Его арестовали при мне.

— Действительно, какой ужас! А у меня проблемы с машиной, я не могу приехать, — посетовал Тим.

Затем, решив не вовлекать в дело новых фигурантов, Тим снова пошел к Джейн.

— Ты мне позарез нужна, красотка. Ты ведь хочешь спасти меня от крупных неприятностей?

— А что за неприятности?

— Разве ты не знаешь, при каких обстоятельствах мужчины охотно рассказывают о своих неприятностях? — заметил Тим.

Джейн покраснела и не ответила ничего.

— Тогда пока садись в свой автомобиль и поезжай за мной.

Они приехали в мастерскую Марка.

— Моя машина что-то забарахлила, Марк. Я тебе оставлю ее на день-другой, будет время — посмотри, — сказал ему Тим и, даже не дождавшись ответа Марка, мгновенно сел в машину Джейн.

— Теперь мне надо заехать домой и в пункт проката машин Бюджет, — сказал он.

Они подъехали к его дому и поднялись в снимаемую им квартиру. Тим сгреб чековую книжку, кредитные карточки, наличные, американский и российский паспорта. Затем стал переодеваться в свой выходной костюм и поймал улыбку Джейн...

— Теперь поедem в пункт проката, мне нужно что-то взять взамен своей развалюхи, — сказал Тим минут через двадцать, когда они снова оказались в машине Джейн. — Дай-ка мне еще раз твой телефон.

Он позвонил дяде Рика.

— С вами говорит тот ассистент вашего племянника, о котором он вчера упоминал. Дело в том, что профессор Андерсен сегодня арестован. Могу ли я приехать к вам один?

— Можете, — ответил после короткой паузы дядя. — А вы знаете, куда ехать?

— Нет.

— Встретимся в чайной в городке Ту-Харборс. Найдете?

— Двухэтажная такая, с магазином сувениров на первом этаже?

- Да. Часам к трем успеете?
- Успею. А как я вас узнаю?
- Не волнуйтесь, я вас узнаю.

ВО ВТОРНИК ВЕЧЕРОМ

Дорога до Ту-Харборс временами шла вдоль берега озера. Обычно Тим здесь останавливался, чтобы отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами. Сегодня из-за внутреннего напряжения Тим не только не видел озера и его берегов, но даже не обращал внимания на дорогу.

Войдя в деревянный домик чайной, Тим увидел только пожилую пару, сидящую за столиком у окна, однако через некоторое время заметил одиноко сидящего в углу человека, похожего на фермера. «Вряд ли это дядя Рика», — подумал Тим. В это время фермер встал, направился к Тиму и без всякой улыбки спросил:

— Не устали с дороги, Тим? Я не запомнил вашей фамилии.

Прямая спина и поджатые губы с первого взгляда сообщали, что это человек с твердым характером.

— Здравствуйте. Моя фамилия Костомаров.

— Зовите меня Джеймс. Я, как вы понимаете, дядя Рика, — протягивая руку, произнес «фермер». — Чаю-то не хотите выпить?

— После длинной дороги я бы выпил чашку чая, — сказал Тим, — а вы хотите чай?

— Нет, спасибо, я уже выпил свой кофе, — ответил Джеймс и вернулся за столик.

Тим отметил, что выбор стола не был случайным. Ближайшие столики были далеко, и если бы появились новые посетители, они все равно не могли бы услышать их разговор.

— Спасибо, что согласились поговорить со мной. Я должен представиться, — начал Тим, сев за столик Джеймса. — Я — русский, защитил здесь диссертацию и уже много лет работаю вместе с Риком. Пару недель назад Рик и я обнаружили в наших машинах следящие устройства-маячки. Мы не могли понять, кто бы мог следить за нами, и Рик решил послать пакетик с маячком своей родственнице в Орегоне наземной почтой, попросив ее вернуть его той же почтой обратно. Он предполагал, что если кто-то поинтересуется его поездкой в Орегон, то это обнаружит того, кто за ним следит.

— А, он послал пакет простофиле Лесли, — впервые улыбнулся Джеймс. — Зря. Его отец любил повторять: «Никаких дел с дураками».

— Как Рик и просил, она выслала пакет обратно наземной почтой, но через пару дней к ней пришел какой-то человек с вопросами о ее недавних почтовых отправлениях, а позавчера Лесли арестовали за наркотики.

— Лесли и наркотики? Быть не может, — резко прервал Тима Джеймс.

— Рик тоже считает это абсурдом. Однако сегодня утром самого Рика арестовали в его офисе, и тоже за наркотики. Ехать же к вам мы решили из-за созревших к вчерашнему дню подозрений. Не так давно мы получили работу от одной компании с названием «Архимед лимитед». Работа, которую мы выполнили, относилась к распространению информации в довольно сложной системе. Нужно было включить эффект контринформации и учесть новейшие системы и технологии, используемые в ее распространении. Необычным было требование компании выполнять работу на их компьютерах и дисках, которые они потом забрали. Вчера мы стали подозревать эту компанию, попытались наводить справки, и выяснилось, что там, где зарегистрирована компания, находится только пустой участок. Как можно что-нибудь узнать о такой компании?

— Распространение информации, — вместо ответа промямлил Джеймс и, повысив голос, предложил: — Давайте поговорим о мировых событиях последних лет.

Тим в ответ меланхолично кивнул головой и подумал: «Очень актуально. Похоже, он выжил из ума, и я зря трачу время».

— Я еще не совсем из ума выжил, чтобы попусту тратить ваше время в такой день, — как бы прочитав его мысли, произнес Джеймс. — Если вы поймете, как развивались события с участием толпы в последние пять-десять лет, вы скорее поймете и мотивы ваших заказчиков. Вспомните Тунис, Египет и Ливию. Возможно, вы лучше, чем я, знакомы с событиями в Грузии и на Украине. Последовательность событий одна и та же. Сначала развивается недоверие к правительству. Причин для этого существует много, но самая раздражающая и понятная массам — коррупция. Если после этого толпы людей оказываются на улице, правительство стоит перед выбором: разгон толпы или отставка. В коррумпированных режимах люди власти не доверяют друг другу и боятся брать на себя ответственность за силовое решение.

— В список коррумпированных стран можно добавить царскую Россию, — пробормотал Тим.

— В прошлом, до эры Интернета и мобильных телефонов, достичь такого быстрого и координированного движения масс было трудно. Можете мне не верить, но одним из первых теоретиков заранее спроектированных смен правительств был ваш Ленин. Его изучали не только в Советском Союзе, но и у нас, — улыбаясь, закончил Джеймс.

— Уж не думаете же вы, что Рик и я работали над проблемой смены правительств? — изумился Тим, резко откинувшись на спинку стула.

— Молодой человек, не следует быть ни наивным, ни таким эмоциональным. Как только вас захлестнули эмоции — вы проиграли, — неприятно усмехнувшись, но не отвечая прямо на вопрос, заметил Джеймс.

— Предположим, что мы, не зная того, сотрудничали с какой-то организацией, которая имеет отношение к таким переворотам. Однако все работы закончены пару месяцев назад. Почему мы остаемся под этой непонятной слежкой? — не успокаивался Тим.

— Понимаете, вы и Рик можете быть источником информации, которая сорвет все дело. Как только событие, назовем его «событие X», случится, никакая информация от вас уже не вызовет опасности его срыва. К сожалению, вы обнаружили слежку раньше события, и те, кто следят за вами, узнали о вашем открытии. Это было бы еще полбеды, но, начав искать их, вы не оставили им выбора. Вас надо было изолировать до «события X»

— Только изолировать?

— Профессионалы редко делают лишнюю работу, — опять усмехнулся Джеймс.

«Лучше бы мы ничего не знали, — подумал Тим. — В Миннеаполисе оставаться нельзя».

— Не думайте, что за всем этим всегда стоит ЦРУ, — продолжал Джеймс. — Конечно, организаций, разрабатывающих «события X», очень мало, а деньги им платят те, кто заинтересован в «событии X», но необязательно ЦРУ. Кто это может быть? В современном мире это могут быть принцы и короли стран — экспортеров нефти, богатая олигархия внутри той страны, где произойдет «событие X», да и в нашей стране не все святые. В вашем случае чем меньше вы знаете, тем лучше для вас. Думаю, что я не сказал вам ничего нового.

— Если события большого масштаба и жизнь обыкновенных людей пересекаются, то жертва — это обыкновенный человек, — подавленно прокомментировал Тим.

— Ну, не надо так мрачно. Рика, конечно, выпустят, но он надолго будет занят делом с наркотиками. Не беспокойтесь и не суетитесь, — с какой-то брезгливой интонацией продолжал Джеймс. — Я позвоню его жене и предложу помощь моего друга-адвоката. Лучше него никто не справится. Что же до вас лично, подумайте, что за «событие X» в вашем случае. В вашей ситуации важно избежать лишних действий, потому что вы не знаете, какие действия могут оказаться провокационными, и мой совет — исчезнуть до того времени, когда «событие X» произойдет.

«Если бы я знал, что это за событие», — подумал Тим и стал нервно тереть пакетик из-под чая. Джеймс сделал паузу, видимо, пережидая, пока пара туристов пройдет мимо столика за спиной Тима.

— Вас, конечно, будут искать. Не пользуйтесь кредиткой. Не вздумайте лететь куда-нибудь через аэропорт Миннеаполиса. Потеряйте свой мобильник. Если хотите, оставьте его мне. Не откровенничайте с друзьями. Вы — американский гражданин?

— Да, Тим Костомаров — американец.

— Тим — нерусское имя. А у вас сохранился русский паспорт?

— В русском паспорте я — Тимофей.

— Это хорошо. Подумайте об этом, не забывая, что велика вероятность, что вас обнаружат, где бы вы ни находились. Тогда все зависит от случая. Если по не зависящим от вас причинам вы окажетесь в неправильном месте или ваши действия и контакты вызовут подозрения, то, скорее всего, успех «события X» будет для его организаторов важнее, чем ваше существование. Вы, надеюсь, поняли меня.

В течение нескольких минут Джеймс молчал, прикусив нижнюю губу, затем произнес как бы в воздух: «Закрытие темы». Тим протянул ему свой мобильник. Еще минуту он внимательно рассматривал лицо Тима. Затем раскрыл его мобильник, вытащил из него батарейку и положил ее в один карман, а мобильник в другой. Глядя на это, Тим вдруг вспомнил, как его отец в Петербурге в девяностых годах каждый вечер вынимал аккумулятор из своей припаркованной под окнами «лады» и относил в квартиру, чтобы машину не угнали. Джеймс встал, протянул на прощание руку и вышел из кафе. В окне одной из припаркованных у кафе машин появилась то ли собачья, то ли волчья морда. Джеймс направился к ней.

«А мне-то куда ехать?» — подумал Тим. Тим заказал еще чаю и пирожное, вышел из кафе с намерением посидеть на берегу озера и огляделся. Часть шоссе, пересекавшая городок, была превращена в торговую улицу. Сделанное на каком-то дешевом суррогате масла, пирожное оставило неприятный вкус во рту. Тим нашел рыбный магазин, купил свежей форели горячего копчения, выловленной в этом озере. В другом магазине купил бутылку ирландского эля. От этой улицы до берега было недалеко, и он сел в машину. Доехав до берега, Тим не стал выходить из машины.

Совет Джеймса можно было понимать двояко. Человек флегматичный мог бы понять, что рыпаться бесполезно, а если не делать резких движений, то, может быть, как-нибудь обойдется, в противном случае риск велик. Тим не был флегматиком, а вопрос Джеймса о русском паспорте он воспринял как однозначный совет уехать на время из Соединенных Штатов. Надо было обдумать технические детали отъезда.

Прежде всего деньги. Больших сбережений ассистент профессора тридцати девяти лет не имел, и, снимая деньги в банке, он каждый раз обнаруживал свое местонахождение. Он посмотрел на часы: «Без двадцати пять. Я еще могу успеть в отделение моего банка „Веллс фарго“, которое я только что видел». Не доев рыбу, он рванул в банк и забрал тысячу восемьсот долларов наличными — почти все, что было у него на счете. «Если будут искать, пусть думают, что я еду в Кана-

ду, до Канады около ста двадцати миль, два часа езды», — усмехнулся он, используя в последний раз свою кредитную карточку на местной автозаправке. Затем развернулся и поехал в противоположную сторону, пересек Дулус и углубился в Висконсин.

Темнело, и Тим стал думать о ночлеге. Спать в машине — и неудобно, и подозрительно. «Господи, я же теперь могу представить себя русским туристом и платить наличными. В каком-нибудь захудалом деревенском мотеле хозяева не обратят внимания на отсутствие въездной визы в моем русском паспорте», — сообразил он. Тим свернул с шоссе на проселок и доехал до какого-то мотеля.

— Сбился с дороги. Темно, а понять команды навигационной системы — английского не хватает. Номер на ночь найдется? — нарочито медленно и с ошибками произнес Тим, протягивая свой русский паспорт дежурному, в роли которого в таких местах бывал обычно хозяин или кто-то из его домочадцев.

— Ваш английский много лучше моего русского, — ответил тот зазубренной дежурной фразой и протянул Тиму ключ. — Вторая комната, вход снаружи, кофе будет в шесть тридцать утра.

Припарковав машину у самого окна номера, Тим оказался в чистой и даже уютной комнате.

В СРЕДУ УТРОМ

Тим заснул как убитый. Он проснулся засветло от грохота разогреваемого мотора грузовика. Пару секунд даже не мог понять, где находится. Тим поднял шторы. Роса на траве под окном играла в лучах взошедшего солнца, и птичий гомон усиливал радостное настроение.

— Однако надо скрытно выбираться в Россию, — сказал Тим сам себе вслух, осадив это настроение.

Душ в номере был убогий, полотенце — застиранное до дыр. Тим оделся, выпил неожиданно хороший кофе и, прощаясь с хозяином, выслушал его указания о возвращении на шоссе.

— А что там у вас с Украиной? — спросил вдруг хозяин на прощание. — Мы смотрим телевизор, но не очень верим ему после Ирака.

— Наш телевизор не лучше вашего, — уклончиво ответил Тим и направился к машине.

Надо было ехать в Чикаго, где было полно русских иммигрантов и русскоязычных агентств для них. В Чикаго купить билет за наличные по русскому паспорту не должно быть проблемой. Остановившись по дороге в кафе «Старбакс» с бесплатным Интернетом, Тим увидел цены на билеты из Чикаго в любой русский город на ближайшие день-два. Получалось, что после покупки билета от его денег почти ничего не останется. Правда, русская привычка давать друзьям в долг под честное слово должна была воздать ему. Дело в том, что год назад он одолжил двадцать тысяч отцу своего одноклассника, теперь — американскому пенсионеру, решившему на старости лет перебраться на Гавайи. Тому не хватало наличных на покупку дома, а вынимая недостающее из пенсионных денег в год покупки, он должен был бы платить двадцатипятипроцентный налог, в то время как в последние годы он мог снимать пенсионные деньги, не платя никакого налога. Помогли друзья сына.

Итак, вырвав листок из записной книжки, где был записан адрес новоявленного гавайца, Тим написал: «Дорогой Борис Аронович, я переезжаю, по-видимому, в Канаду. Своего нового адреса еще не знаю. Прошу вас пересылать деньги в обе-

щанном размере в Москву моей сестре через „Вестерн юнион“, приписывая ДЛЯ ТИМОФЕЯ». Затем он посмотрел в навигаторе дорогу до ближайшей почты и отправил письмо.

Тим, вопреки внешности довольно легкомысленного малого, всё и всегда обдумывал заранее. Сейчас ему пришло в голову, что надо подумать об устройстве на работу вне Штатов. Профессионалы во всем мире устраиваются, главным образом, по знакомству. В России профессиональных знакомых у Тима почти не осталось. Сверстники разъехались, а со своими профессорами, один из которых заведовал кафедрой уже более пятидесяти лет, Тим не поддерживал контактов. Он решил, что было бы неплохо встретиться с Гансом Вагнером, который был профессором небольшого университета вблизи Чикаго и привлекался как консультант во время их работы с «Архимед лимитед». Когда они получили техническое задание, стало ясно, что для его выполнения нужна консультация эксперта по социальной психологии, знакомого с попытками внедрения математических методов в эту науку. Рику в университете рекомендовали связаться с Вагнером. «Он иммигрировал сразу после разрушения Берлинской стены. Говорят, у себя в ГДР он был слишком обласкан властями, чтобы не бояться мести. Однако, он, несомненно, эксперт». Для переговоров Рик отправил на встречу с Вагнером Тима, напутствуя его словами:

— Вы и в математике шире образованны, чем я, и, кроме того, легче сойдетесь с ним как два иммигранта из стран побежденного социализма.

«С Вагнером нужно поговорить по приезду в Чикаго, но прежде всего билет», — думал Тим. Привычнее всего было искать русское агентство по Интернету. Однако как только вы подключаете свой компьютер к Интернету — вы сразу на виду, и обнаружить вас — дело несложное. Когда все в одной сети, никакой надежной защиты ни от хакеров, ни от властей быть не может. Сколько антивирусов ни пиши — они, подобно зениткам, не устраняют угрозу, а лишь снижают ее. Оставался простой способ — найти в автомобильном навигаторе магазин из русской иммигрантской системы «Европейские деликатесы», а дальше, как говорили, язык до Киева доведет.

Навигатор довел Тима до русского магазина к полудню. Там ему указали дорогу к нужному агентству. Услужливая полная дама с южнорусским акцентом в маленькой конторке довольно быстро нашла билеты на рейсы с пересадками в Европе на тот же вечер, но, узнав, что у него нет транзитной визы, загрустила. Ближайшая возможность — это улететь завтрашним прямым рейсом Аэрофлота. На том и порешили. Еще через полчаса Тим вышел с билетом и почти пустым кошелем. Надо было как-то убить чуть ли не сутки. Он решил заехать в университет к Вагнеру, и заехать без предупреждения. «Конечно, я поступаю не по-американски, но он говорил, что обычно засиживается в кабинете допоздна. Не застану, так просто погуляю. Кроме того, надо рассказать ему о подозрениях, связанных с этим проклятым контрактом».

В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ

Профессор Вагнер был щуплым блондином среднего роста. При их знакомстве почти полгода назад он встретил Тима с натянутой улыбкой. Поначалу разговор не клеился. Тим не мог задавать конкретных вопросов, поскольку исходная информация от «Архимед лимитед» была не вполне конкретна.

— В сущности, все типы обществ чем-то схожи. Индивидуумы в них могут быть разделены на два класса: производители и регуляторы. Собственники-произ-

водители и пролетарии составляют скорее два подкласса того же класса, — после очередной минутной паузы заявил Ганс.

— Как французское третье сословие? — перебил его Тим.

— Если хотите. Теория классово́й борьбы Гизо...

— Какого еще Гизо? Разве не Маркса? — снова перебил Тим.

— Был такой известный политик и ученый во Франции в начале девятнадцатого века. Маркса же, при всех его аналитических способностях, уместнее считать очередным пророком вроде апостола Павла. И тот и другой вещали людям о конце света, только Маркс называл эту блаженную стагнацию коммунизмом. Он, в сущности, делал свои выводы на основе истории одной цивилизации, не удосужившись даже сравнить общие моменты деградации двух величайших империй одного периода — Китайской и Римской...

— Однако каково ваше мнение о применимости теории Вито Вольтерра к современным проблемам, — опять прервал профессора Тим, недовольный слишком далекими, по его мнению, историческими экскурсами.

— В этой столетней давности теории взаимодействуют несмешивающиеся популяции хищников и жертв, и жертвы никогда не используют те же ресурсы, что и хищники. Поэтому теория Вольтерра хорошо описывает взаимовлияние популяций кроликов и лисиц, но в человеческом обществе, — с длинным вздохом отвечал Вагнер, — все не так просто. И ресурсы общие, и какое-то смешивание происходит даже при самых жестких кастовых ограничениях. Регуляторы меняют свой состав, и в последнее время — динамично меняют. Вспомним Германию за последний век. До нашего поражения в Первой мировой войне регуляторами были, главным образом, дворяне. Затем их вытеснили капиталисты. На короткое время — чиновники из нацистов. Теперь капиталисты там все больше вытесняются наднациональным чиновничеством, а здесь — новым классом управляющих корпорациями. Наивные люди считают их капиталистами, но эти управляющие распоряжаются чужим, как делали чиновники социалистических правительств. Предсказанная здешней знаменитостью Гэлбрайтом с полвека назад конвергенция социальных систем пошла не так, как он предполагал, и случилось это, главным образом, из-за непредвиденного прогресса информационных технологий. Люди же при этом остались такими же глупыми и доверчивыми, как и тысячелетия назад. Короче, я полагаю, вы не сможете найти вполне пригодной теории. Классиков, конечно, надо знать, но вам придется что-то разработать самому.

— Но какие-то общие неразработанные идеи у вас имеются? — спросил Тим, улыбаясь неизвестно чему.

Вагнер расхохотался. Дальнейший разговор продолжался тогда часа два в офисе и потом еще час в пивной. Они расстались друзьями. Хотя большого участия в проекте Ганс не принимал, и Тим его больше не видел, он почему-то доверял Вагнеру.

Направляясь к Вагнеру в эту среду, Тим заранее подбирал слова, в которых собирался информировать его о слезке. Слезка, слезка, всеобщая слезка. Он вдруг вспомнил свое недавнее потрясение на приеме у врача. В прошлом году Тим захватил тяжелый грипп, обычный горячий чай с малиной и коньяком не помог, просто отлеживаться было недосуг, и он пошел к врачу. Врач, выписав антибиотик, полез в компьютер и через минуту изумленно спросил:

— Так что, мистер Костомаров, за пятнадцать лет вам ни в Массачусетсе, ни в Миннесоте никогда не выписывали лекарств?

«Боже мой, — испуганно подумал тогда Тим, — даже такие мелочи о моей жизни доступны черт знает кому. Нет, у моих предков при коммунистах было больше личной свободы. Мы же здесь — как упитанный скот в большом вольтере».

Правда, когда он поделился этой мыслью в телефонном разговоре с отцом, тот не согласился.

— Дело здесь скорее в технических возможностях. Если бы коммунисты досидели до Интернета и современных серверов, у нас было бы почти то же.

— Почему почти?

— При коммунистах люди всегда старались платить не через кассу, — ответил отец. Сегодня Тиму повезло. Он нашел Ганса Вагнера в его кабинете. Ганс, читавший какую-то книгу, раздраженно повернулся на звук открывающейся в поздний час двери, но выражение его лица мгновенно сменилось улыбкой удивления.

— Вот так сюрприз! Чем обязан?

— Поверите ли, если скажу, что просто хотел увидеть вас?

— Не хочу обидеть гостя ответом.

— Правильно. Ганс, я хотел бы сегодня вечером выпить с вами пива в том же месте, где мы были в день нашего знакомства, — сказал Тим, так многозначительно глядя на Ганса, что тот молча встал и стал суетливо собирать портфель.

Тим прервал это занятие излишне громко сказанными словами:

— Да оставьте портфель и телефон здесь, чтоб нам в пивной никто не мешал, мы еще вернемся.

Когда удивленный Ганс вышел вслед за Тимом на улицу, тот с ходу вкратце изложил историю с обнаружением маячков и арестом Рика.

— Я хотел вас предупредить, но боялся, что ваш телефон прослушивается, и поэтому вытащил вас на улицу. Так мы пойдем в пивную? — завершил свое сообщение Тим.

— Конечно, почему бы нет? — спокойно ответил Ганс и после минутного молчания добавил: — Прослушивание телефона — это мне так знакомо. Взлет и падение моей немецкой карьеры произошли вследствие этого.

— И даже взлет?

— Да, но не думайте, что я что-то важное подслушал. Дело было совсем иначе. Еще доцентом я написал отрицательный отзыв на работу одного аспиранта нашего декана. Как-то вечером в начале лета, вскоре после того, как я написал этот отзыв, подвыпивший декан позвонил в мой кабинет и в грубоватой манере потребовал переписать его. Я вспылал, наговорил сгоряча много резкого об этом аспиранте и ожидал мести декана после возвращения с летних каникул. Когда в последний день отпуска меня вызвали к следователю Государственной безопасности, я думал об этой мести и не был особенно удивлен, услышав запись того телефонного разговора. Мы знали, что телефонные разговоры в ГДР часто прослушивались. Удивил меня вопрос «С кем вы говорили?», и только тогда я обратил внимание, что в этой довольно плохого качества записи я ни разу не назвал своего декана по имени. Я еще не знал, в чем причина вызова, и стал судорожно соображать, что когда имеешь дело с секретными службами или с профессиональными преступниками, ты, во-первых, не знаешь, какой информацией о тебе они владеют, во-вторых, не знаешь, лгут ли они, поскольку для них это безнаказанно, а в-третьих, не можешь послать их к черту. «Да с моим деканом», — ответил я. «Вы правильно охарактеризовали его подопечного. Он недавно сбежал на Запад. Однако почему его защитник звонил вам из телефона-автомата?» — «Мало ли что человеку вздумается спяну!» — «А он, прослушивая запись, уверял нас, что не узнает голоса говорящего». — «Может, забыл, что делал пьяным. И так бывает». — «Но записка секретарше с распоряжением попридержать ваш отзыв подписана следующим днем». Я прекратил пререкания и был отпущен под расписку о неразглашении. Через два месяца декана освободили от должности, а меня назначили исполняющим обязанности декана, что необычно для человека без профессорского звания.

Профессором я стал через три года. А за мной укрепилась репутация человека коммунистов.

— А падение? — спросил Тим, когда они уже уселись за стойку в пивной.

— Беглый аспирант стал крупной фигурой в Министерстве образования объединенной Германии. Я не стал ждать мести. А вы бы стали?

— Архивы Госбезопасности были рассекречены, и вы могли бы оправдаться, — вместо ответа заметил Тим.

— Не пойму, с чего это разные либералы так верят спецслужбам? — ухмыльнулся Ганс. — Там ведь тоже не святые служат, и бог знает что у них там в архивах лежит. Закажем еще пива.

Они заказали еще по кружке.

— Я не приглашаю вас переночевать у меня, потому, — Ганс сделал паузу, давая понять, что придумывает повод, — потому что моя жена нянчится с внуками в Германии. У них каникулы и тому подобные радости, а у меня дома — грязь и бардак.

— Общепринято считать, что немцы аккуратны.

— Немки. Я сниму вам номер в мотеле, и мы там разопьем еще по бутылочке на прощание.

— Ну зачем же вы будете...

— Не надо говорить о мелочах, когда перед вами проблемы мирового масштаба.

Вагнер быстро снял номер. Они вошли, наполнили пивом бумажные стаканчики, сложенные у кофеварки, и уселись на стульях.

— Значит, «Архимед лимитед», — прервал молчание Вагнер. — Информационные технологии. Нет, дело тут не в технологии.

— Что же вы подозреваете, Ганс?

— Вам ведь давали какую-то тест-проблему?

— Да, она касалась кризисной ситуации в необозначенной стране. Там были какие-то города кси и пси, бюджеты В1, В2 и так далее. Параметры варьировались во много раз.

— Чтобы вы не заподозрили, какой пример интересен заказчику, не так ли?

— Может быть. Там были ситуации и с переворотом в центре, и с потерей контроля над частью периферии.

— Если бы вы могли догадаться по каким-то специфическим параметрам проблемы о том, в какой стране моделировался кризис, я не говорю заговор или переворот, вы бы знали, где вам ни в коем случае нельзя появиться, — сухо заметил Ганс.

Это высказывание напомнило Тиму недавние рассуждения Джеймса, и он усмехнулся. Они молча цедили пиво. Спустя минуту Ганс спросил:

— А может ли, Тим, какая-нибудь математическая теория объяснить, почему отрезать Абхазию от Грузии было можно, а Крым от Украины — нельзя? Почему Югославию и Судан можно было кромсать на части, а Сирию и Ирак — нельзя?

— Если искать, кому что выгодно, то, например, события на Украине должны показать Европе, что Россия не надежна как основной поставщик газа, и поэтому для страховки нужно закупать какую-то часть более дорогого сжиженного газа, с которым сегодня Соединенные Штаты выходят на мировой рынок. То есть это выгодно американскому газовому бизнесу, — заметил Тим, — а американская полиция обычно начинает расследования с выяснения, кому может быть выгодно происшествие.

— Не упрощайте ситуацию, Тим. Одному бизнесу раскрутить такое не под силу. Смотрите, в борьбе с угольной промышленностью нефтегазовая подключила и не вполне чистоплотных ученых, и прессу, и необразованных политиков. Говоря же о вашей Украине, надо прежде всего помнить о том, что для Европы

топливная зависимость от России была не опасна, пока та и не думала о самостоятельной внешней политике. Теперь это не так, но никакая демократия не может убедить народ в Европе серьезно раскошелиться, если угроза еще только нависает. Народ крепок задним умом, и его надо обхитрить, пусть даже за счет какой-нибудь Украины.

После нескольких афоризмов уже слегка захмелевший профессор углубился в дипломатическую историю двадцатого века. Тим с внимательным видом слушал его, но думал о своем. Когда через добрых часа полтора они прощались у выхода из мотеля, Тим спросил:

— Ганс, я могу просить ваших рекомендаций, если буду искать работу в Европе или Канаде?

— Разумеется. Тим.

Прощался Тим с ощущением, что, несмотря на все угрозы, он вернется сюда. Ведь здесь не какая-нибудь гражданская война, а неприятности, как предсказывал многоопытный Джеймс, должны затухнуть. «А долги плати исправно, жизнь не так уж коротка, занимать еще придется из чужого кошелька», — вспомнил он совет Гейне, принимая душ перед сном. Поэтому надо непременно заплатить за квартиру в Миннеаполисе, выплатить по кредиткам и так далее. Однако сделает он это только после приземления в Москве. «Там все-таки безопасней. Наверное», — подумал Тим, отправляясь спать.

В САМОЛЕТЕ ЧИКАГО—МОСКВА

Быстро заснув, Тим внезапно проснулся среди ночи от дурацкого сна: Сосед Рика Брэд застаёт его с Джейн, арестовывает и отводит их к судье, заявляя, что они вместе с «Архимед лимитед» собирались свергнуть правительство Афганистана в те годы, когда Бред там служил, и дядя Джеймс — тому свидетель. «Чушь какая-то, и при чем тут Афганистан», — подумал он, но вдруг вспомнил один разговор у Рика в гостях. На вопрос Тима: «Чего ради мы торчим еще в Афганистане, когда бен-Ладен уже убит?» — ветеран Афганистана Бред ответил: «Там очень много редкоземельных элементов, добычу которых теперь монополизировал Китай. Афганистан мог бы стать более управляемой альтернативой, проблема в стабильном режиме». Где же проблема в режиме для «Архимед лимитед»?

После этого Тим уже не мог заснуть. Ничего тревожного не случилось, но пружина его выдержки натянулась до предела. Тягучее утро четверга казалось бесконечным. Из осторожности он оставил машину на площадке в пункте проката, расположенном далеко от аэропорта, и опустил ключи в специальный ящик для сдающих машины в нерабочее время. Тим был даже рад, что убил затем время в городском автобусе по дороге в аэропорт. Данные его русского паспорта не должны быть известны никому в Америке, но он все равно был внутренне напряжен, и даже сотрудница Аэрофлота во время посадки отметила это.

— Да, места себе не нахожу, мать заболела, а что с ней — толком не говорят, — со вздохом сказал Тим.

Сев в самолет, Тим не позволил себе расслабиться и стал внимательно разглядывать соседей. Справа симпатичная блондинка с французским акцентом о чем-то попросила американского парня, сидевшего с ней рядом. «Парень, пожалуй, простоват. А женщина — француженка», — охарактеризовал их Тим. Слева пожилая русская пара тихо разговаривала о каком-то Сереже, но Тиму было слышно, как они сетовали на отсутствие у Сережи семьи. «Наверно, летят домой из гостей.

Пока все в порядке», — успокаивал себя Тим. Принесли напитки, и Тим по-русски попросил апельсиновый сок. «Француженка» попросила воды на чистом русском, а ее сосед заказал колу со льдом. Слегка удивленный Тим стал разглядывать соседку и заметил, что женщина довольно красива. Особенно хороши были внимательные серые глаза. «Она не просто хороша, но, по-видимому, еще и с головой», — отметил Тим. Ему всегда нравились умные светлоглазые девушки, а шуточки о пустоголовых блондинках, широко распространенные под немалым влиянием образа Мэрилин Монро, он не воспринимал. Когда самолет перелетел океан, Тим почувствовал, что внутренняя пружина слегка ослабла. Заметив, что соседка оторвала взгляд от книги, Тим спросил:

— Извините, вы не знаете, сколько времени нужно, чтобы добраться от аэропорта до Казанского вокзала?

— На такси?

— Например.

— Зависит от пробок, но часа, наверное, хватит, — с улыбкой ответила соседка, разглядывая Тима. — Вы не москвич?

— Нет, а вы живете в Москве? — спросил Тим.

— Жила. Я уже пятнадцать лет живу в Париже. Сейчас еду навестить маму в Москве, а в Чикаго была у тетки, ее сестры.

— То-то я отметил ваш французский акцент, когда вы говорили с вашим соседом, — ответил Тим и тоже улыбнулся.

— А вы живете в Америке? — спросила соседка.

— Нет, в Петербурге, — ответил после короткого замешательства Тим.

— О, это как маленький Париж.

— Не такой уж и маленький, — возразил Тим.

В течение часа они продолжали с удовольствием говорить ни о чем. Тиму все больше нравилась соседка, и напряжение последних дней заметно ослабло.

— Как вас зовут, а то мы уже хорошо знакомы, но имен друг друга не знаем? — спросил Тим.

— Маша, — ответила соседка.

— А меня Тимофей.

— А что вас привело в Америку?

— Ездил в университет, с которым у нас совместная работа.

— В какой области? — поинтересовалась Маша.

— Статистические методы анализа.

— Анализа чего?

— Математику это часто не важно. Правильно было бы ответить, что всего, — отшутился Тим.

— У нас был знакомый математик, пытавшийся приложить статистический анализ к своей игре на бирже. Он не преуспел и объяснял, что математика не может предсказать большие потрясения в обществе, например финансовые кризисы. Ни предсказать, ни сказать, что делать, чтобы их избежать. Не так ли? — спросила Маша.

— Понимаете, процессы, которые включают человеческие эмоции, мы описать не можем, — ответил Тим. — Просуммировав всех и найдя, как говорят, среднюю температуру по больнице, мы увидим, что общим останется желание иметь деньги и страх потерять их. Кроме того, движение денег сложнее, чем, например, движение воды в водопроводе, где вода всегда остается водой, и математика такое хорошо описывает. Здесь проблема еще в том, что деньги тоже не что-то застывшее, они все время теряют свою силу.

— Вы говорите об инфляции?

— В конечном счете да. Причины инфляции давно известны: много людей получают зарплату, а товар не выпускают. Денег становится больше, чем товаров, то есть их способность быть обмененными на товар уменьшается.

— И как же с кризисами?

— Деньги распределяются неравномерно не только между людьми, но и между отраслями. И когда они сильно текут в какую-то часть экономики в ожидании дивидендов, то следует ждать обвала, если инвесторы переходят какую-то грань. Особенно плохо, когда это охватывает все население. Так было в Америке перед кризисом 2008 года, когда все старались купить недвижимость, а она росла в цене. Впрочем, не столько дома покупали, сколько занимали под них деньги в банках. Кто же спекулирует на свои? — усмехнулся Тим.

— Да, у моей тетки цена дома упала на тридцать процентов. А вы работали с экономическими проблемами?

Тим чуть не поперхнулся водой, которую он пил, но затем подумал: «Нельзя все время ждать неприятностей. Это глупо. Она задала обычный вопрос».

— Нет, — кратко ответил он и сменил тему беседы: — А где вы живете в Париже?

Дальше разговор зашел о Маше, и Тим узнал, что пятнадцать лет назад Маша вышла замуж за французского коллегу-филолога. Через пять лет она развелась с ним и живет в крохотной квартирке на окраине Парижа. Маша, конечно, нравилась Тиму, но он совсем не поэтому расспрашивал ее о Франции и попросил номер ее французского телефона. «Еще одна точка на этой маленькой Земле, где можно будет скрыться на какое-то время. Если бы знать на какое», — невесело подумал Тим. Маша протянула ему визитную карточку с целым набором телефонных номеров, и он сунул ее в карман, не читая названия ее фирмы. После приземления Тим, попрощавшись с Машей и пожелав ей счастливого пути домой, быстро направился к паспортному контролю. Оглянувшись, чтобы помахать Маше рукой, Тим с сожалением подумал: «В другое время я бы пошел ее провожать до дома».

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

В очереди на паспортный контроль Тим подумал: «Сейчас надо позвонить сестре». Приятно улыбнувшись двум близнецам-шестилеткам, стоявшим сзади него, он попросил телефон у их матери, только что закончившей свой разговор. Звонок сестре оказался бесполезным: Выяснилось, что она с мужем и сыном отдыхала у родных в Поволжье. Он даже не стал пытаться дозвониться до немногочисленных московских знакомых в самый разгар отпусков. «Что ж, ничего не поделаешь — все время везти не может. Надо добираться до Петербурга», — решил Тим. Пересчитал деньги. Не хватало даже на билет. Повертел в руках кредитку. Конечно, если его ищут, то, наверное, предполагают, что Россия — одно из самых вероятных его убежищ. Чтобы воспользоваться кредиткой в другой стране, обычно надо предупредить операторов кредитных карт о зарубежных поездках. Была не была, других шансов сегодня нет. Тим вернулся в терминал, нашел автомат, вставил карту и набрал шифр. Соответствующая сумма в рублях и квитанция появились без каких-либо проблем. Это даже ошарашило Тима. «Не предупредил ли кто-то оператора, чтобы потом отследить меня?» После десятисекундного размышления он рванул к очереди к такси и скомандовал водителю:

— Казанский вокзал. Я должен успеть на ближайший поезд в Казань. Сестра, вишь, в Поволжье укатила.

Выйдя у самого вокзала, Тим обратил внимание на прилавок газетного киоска, где были газеты с одной и той же повторяющейся фотографией: толпы воз-

бужденных людей на площади. Мельком взглянув на заголовки, он понял, что волнения происходят в какой-то Аргесуэлле. «У них свои проблемы, у меня свои, но я давно не читал русских газет», — подумал Тим, купил газету и направился к Ленинградскому вокзалу. Уже подойдя к нему, Тим заметил довольно старый «мерседес», который, как ему показалось, он видел из окна такси по дороге из аэропорта. Из «мерседеса» вылез немолодой мужчина в больших темных очках. «Мало ли людей едут из аэропорта на вокзал», — успокаивал себя Тим. По природе довольно агрессивный, Тим тем не менее хорошо контролировал свое поведение. В этом когда-то помог спорт. Он был в сборной института по плаванию и умел заставлять себя делать то, что не хотелось, концентрироваться, когда было нужно, и вообще, как он говорил, «координировать себя». Тим «скоординировался» и теперь: «Купить билет, сесть в поезд и уехать в Петербург».

Оказавшись в поезде, Тим решил привести в порядок информацию о том, что произошло в последние дни и, если получится, увязать последние события с работой для «Архимеда». Снова вернувшись к разговору с Джеймсом, он понял, что означали слова «закрытие темы». По-видимому, компания не только тратит деньги на разработки, но также берет на себя отслеживание всего, что происходит с главными разработчиками от момента начала работ до завершения «события X». Им с Риком просто не повезло. Вознамерившись отвлечься от тяжелых мыслей, он раскрыл купленную газету, и вдруг его осенило: «Австралия, Аргесуэлла, Канада — поставщики сырья, цены на которое упали за последние полгода. Жаль, что все разработанные для «Архимеда» программы забрали. А то можно было бы оценить развитие событий. Меня это может касаться».

В это время мимо него прошел мужчина из «мерседеса». Он был уже без очков. Лицо его казалось абсолютно пустым, оно не выражало ни мысли, ни эмоций, ничего. Машинально отметив это, Тим насторожился и подумал: «Не поджидают ли меня у отчего дома? Заеду-ка я сначала к Лешке». Лешка был школьный приятель, очень толковый сорвиголова. Его несколько раз хотели исключить из школы за разные проделки, но учился он неплохо и был перворазрядником по лыжным гонкам. Поэтому его всякий раз прощали. Лешка был в деда. Дед семнадцатилетним парнем из блокадного Ленинграда ушел на фронт. Служил в армейской разведке, дошел до Германии, несколько раз был ранен. То, что дед рассказывал о войне, не всегда совпадало с тем, чему учили в школе. Деда взяли в армейскую разведку потому, что до войны он был хорошим лыжником, а армейская разведка — это тебе не батальонная разведка, там все были спортсмены или просто хорошо тренированные бойцы. Дед никогда не хвастался своими боевыми заслугами, зато Лешка очень гордился дедом и его орденами.

Лешка жил недалеко от Московского вокзала, и Тим решил, что пойдет пешком, наслаждаясь светлым летним петербургским вечером. Через пять минут он свернул на Лешкину улицу. Улица была довольно пустынная, и Тим, подходя к парадной, заметил только одиноко стоявшего человека на том углу, с которого она начиналась.

— Привет, не ожидал. Откуда ты свалился? — обрадовался Лешка, открывая дверь.

— Привет, Леха. Сейчас расскажу.

Лешка несколько не изменился: тощий, вечно смеющийся и очень подвижный. Они вместе учились не только в школе, но и в институте. Тим был почти на год старше, так как декабрьский Лешка пошел в школу в шесть лет.

— Подожди, я что-нибудь соображу на ужин. Есть сыр, колбаса и картошка с мясом, мать ее приготовила еще вчера. Годится? — весело спросил он, заглянув в холодильник.

— Роскошно.

Лешка быстро поставил еду на стол. Тим, последний раз поевший еще в самолете, но от нервозности долго не чувствовавший голода, молча набросился на еду. Наконец поужинав, друзья смогли поговорить о том, что было важного в их жизни. Лешка в двух словах рассказал о полном застое в институте, где он работал.

— Представляешь, средний возраст сотрудника института — шестьдесят лет. Если человек может самостоятельно добраться до работы и вернуться домой, то об уходе на пенсию он и не думает. Какие перспективы у молодежи, если большинству начальников — за семьдесят? Так не только у меня. Декан моего приятеля сетует: «Формально у меня нет повода увольнять стариков: они подписывают некрологи усопших коллег в научных журналах, и это им зачитывается как научная публикация при аттестации». — Лешка грустно усмехнулся. — С другой стороны, на одну пенсию не прожить.

— Ну, это не только в России. Пенсионер получает во всем мире столько, сколько нужно, чтобы биологически существовать. В Америке многие переезжают в меньшие дома и разницу в цене жилья тратят понемногу. А еще есть так называемая обратная ипотека, когда, живя в доме, старики его потихоньку проедают, получая платежи за него каждый месяц. Наследникам, естественно, почти ничего не остается, — ответил Тим, думая, как перейти к событиям последних дней.

— Зато раньше кое-где стариков съедали, — расхохотался Лешка. — Тимошка, помнишь дарвиновское описание Огненной Земли?

— Меня, Леха, тоже могут съесть, — многозначительно заметил Тим.

— В каком смысле?

— Почти в прямом. Был человек — и исчезнет.

— Что ты несешь?

— Я по недоразумению влип в какую-то историю, которую сам не могу понять. Ты думаешь, я случайно заявился к тебе, не уведомляя даже родителей о приезде в Россию?

— Честно говоря, не приходило в голову спросить, был ли ты дома. К тому же ты належке, без всякого чемодана и заморских гостинцев. Что за история?

Тим почти дословно повторил историю, рассказанную Гансу Вагнеру, с добавлением комментариев Джеймса. Лешка молча выслушал Тима, затем встал, достал из буфета бутылку коньяка и стал искать рюмки. Друзья принадлежали к малопьющему поколению и поужинали, даже не выпив за встречу. Он наконец нашел рюмки и, налив обоим на доньшко, сел и стал тихо и медленно говорить, выдерживая полуминутные паузы между фразами.

— Твое русское происхождение не секрет для твоих преследователей, и найти твоих родителей и твой адрес — не фокус. Скорее всего, твое присутствие в Москве отслежено через твой банк. Вряд ли они считают, что твою кредитную карточку украли вместе с твоим кодом. Не знаю, могут ли уже следить за твоими родителями, но лучше я свяжусь с ними. Тебе лучше не ходить домой, поживи у меня, а со своими предками тебе лучше встретиться на даче у моих предков, например. Лучше даже на даче у Лены, меньше будет дурацких расспросов. Хорошо бы, конечно, узнать, что там с твоим Риком...

— Позвонить ему домой из России — навлечь лишние подозрения, — прервал наконец Лешку Тим.

— Судя по твоему рассказу, спрашивать надо дядю Джеймса.

— Я могу позвонить ему с твоего телефона?

— Не надо звонить из России. Лучше я pošлю имейл одному моему американскому коллеге и попрошу его позвонить этому Джеймсу по телефону и спросить

только то, что мы сейчас ему напишем, записать дядин ответ и переслать мне в точности, — ответил Лешка и притащил ноутбук. Похоже, свалившаяся вдруг на него конспирация ему нравилась.

— Хорошо. Пиши: «Ваш знакомый не знает, где ваш племянник Рик. Какие у него новости?» — продиктовал по-английски Тим.

— Ну, ты совсем как Лена, которая считала, что все могут догадаться, что она имеет в виду, и закатывала мне скандалы, когда я не понимал ее намеков, — с усмешкой ответил Лешка, еще не остывший после недавнего развода с Леной.

— Ладно. Исправим на «Ваш знакомый из Ту-Харборс не знает, какие новости у вашего племянника» Теперь отсылай, — приказал Тим и после короткой паузы спросил: — На дачу к бывшей жене приглашаешь — значит, устаканилось, что ли?

— Она же не полная дура, понимает, что чаду-то надо с отцом общаться.

— И часто общаешься? — спросил Тим.

— Странное дело, может быть, даже чаще, чем когда жили вместе. Ты же знаешь, домоседом я никогда не был.

Тим видел Лену несколько раз перед отъездом в Америку и один раз на конференции в Дании, когда Лешка взял ее с собой показать Европу. Тиму не нравились ее капризность и упрямство, хотя он любил смотреть, как необыкновенно грациозно она двигалась. «Прямо как лань», — говорил Лешка. «Для семейной жизни это не главное», — подумал тогда Тим.

Следующий день Тим провел в Петергофе. Лешка дал ему один из своих мобильных, и Тим мог с ним связаться в любое время. Дворец и фонтаны создавали впечатление, что красота и гармония управляют миром, и Тим вернулся в город в хорошем настроении, с мыслью, что все уладится.

— Я говорил с твоими, послезавтра они приедут в Рошино около десяти утра, — с порога сообщил Лешка.

— Отлично. Ты сказал, что я там буду?

— Конечно, нет. Ведь если за тобой следит кто-то могущественный, их телефон также может прослушиваться. Ты что, рассказы Сноудена на ус не намотал? Я просто сообщил им, что мне надо с ними встретиться по важному личному поводу, о котором я не могу рассказать по телефону, потому что надо слишком долго рассказывать, а я звоню от учителя музыки моего чада и не хочу мешать уроку. Завтра у твоей матери какая-то встреча, поэтому договорились на послезавтра.

— Ты действительно звонил от учителя?

— Да. Для конспирации, — засмеялся Лешка.

— Мне бы нужно связаться с сестрой. Деньги кончились, а ей я перевел через одного знакомого приличную сумму, правда в рассрочку, — сказал Тим и потер лоб.

— Не торопись. Я могу одолжить тебе пару тысяч долларов из денег, которые у меня остались после продажи квартиры деда, — предложил Лешка.

Тим вспомнил, как тяжело Лешка переживал смерть деда три года назад. Они тогда говорили по скайпу, и вечно веселого Лешку было просто не узнать.

— Что ж, это многое решает. Спасибо.

— Я могу подвезти тебя рано утром в Рошино на дедовой развалюхе, к девяти мне надо на работу, — предложил Лешка. — Свой «ниссан» я оставил Ленке. Впрочем, если хочешь выспаться, поезжай на электричке.

— Я бы предпочел на электричке, ближе к народу. Давно в общественном транспорте не ездил, — ответил Тим.

— Хорошо, тогда я приеду примерно к трем и привезу тебя домой. Кстати, пришел ответ от моего контакта с записью разговора с Джеймсом.

— Что же ты сразу не сказал! — воскликнул Тим.

— Да ничего прямо касающегося тебя он не сообщил. Рика уже отпустили под залог с монитором на руке, так что все его передвижения прослеживаются.

— Я что-то подобное ожидал.

— Интересно другое. Его машина в ночь после ареста оставалась в университете и была взломана, но ничего из нее не пропало. Дядя сказал, что детали знакомый из Ту-Харборс узнает лично из разговора с ним.

Следующий день Тим посвятил стирке рубашек и походу в магазин, где он купил духи в подарок матери и дорогой карманный ножик отцу. Посмотрел новости в Лешкином компьютере. Ничего нового в мире не происходило. Африканские и азиатские беженцы ордами переправляются в Европу. «Набеженцы, а не беженцы», — процедил сквозь зубы Тим. Ему казалось, что такое движение масс должно быть кем-то организовано. «Скорее всего, теми, кому это выгодно. Асад вряд ли на это способен. Турция ли хочет избавиться от нагрузки? Саудовцы ли? — мысленно перебирал варианты Тим. — Однако в этих потоках нет ничего похожего на наш анализ для „Архимед лимитед“, это не связано с событием X». В Аргесуэлле народ немного успокоился, хотя какие-то протесты в Карайрасе еще продолжались. «Столица всегда более возбудима. Может быть, событие X к Аргесуэлле отношения не имеет», — решил он.

Утром первое, о чем подумал Тим, проснувшись, было, как рассказать родителям, почему он остановился у Лешки. Тиму хотелось поскорее увидеть родителей. Встреча, однако, не состоялась.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ХЕЛЬСИНКИ

С утра в понедельник моросило. Сев в электричку, Тим оказался среди пожилых людей, ехавших на свои дачные участки. Электричка шла до Выборга, и народу в ней было много. Озабоченные лица, разговоры вполголоса. Тим вспомнил библейское «будете добывать свой хлеб в поте лица». Рассматривая пассажиров, он вдруг наткнулся на знакомое лицо. Лицо это казалось абсолютно пустым, оно не выражало ни мысли, ни эмоций, ничего «Да это тот человек, которого я видел на вокзале в Москве! Он все в том же светло-сером костюме. Если он живет в Петербурге и едет на дачу, то почему я встречаю его в третий раз и почему он едет на дачу в костюме? Для простого совпадения это уже слишком. Однако без паники. Решать, как отделаться от этого хвоста, надо быстро», — подумал Тим. В течение следующих минут он лихорадочно искал выход из ситуации. «Я ведь могу рвануть через финскую границу! Вряд ли этот тип готов к такому финту. Не у всех же в кармане американский паспорт. Да даже имея необходимые для пересечения границы документы, он не смог бы это сделать одновременно со мной, а непременно задержался бы. Он сидит не так уж близко, и, если я позвоню Лешке, он не услышит разговора». Тим посмотрел на часы. Было начало десятого. Тим взял Лешкин мобильник и позвонил ему на работу.

— Лешка, срочно посмотри расписание поездов на Хельсинки из Выборга. Я тебе перезвоню через пять минут, — как можно спокойнее и даже с непонятно для кого деланной улыбкой на лице сказал Тим.

— Что случилось? — встревожился Лешка.

— Потом объясню. Позвони предкам и отмени встречу. Пока, — ответил Тим.

Через пять минут Тим узнал, что поезд «Аллегро» отправляется из Выборга в Хельсинки в полдвенадцатого.

Вскоре электричка подъехала к Рошино. Пассажир с пустым лицом привстал, взял с полки свой зонт, стал медленно поворачивать голову и, встретившись взгля-

дом с Тимом, снова сел. Затем он вынул из кармана какую-то маленькую бумажку, и можно было подумать, что он читает ее.

Остановка после Рошино была в Горьковской, и большинство оставшихся пассажиров должны были там выйти. «Если он встанет, то тревога ложная. Если нет, то надо выйти в Горьковской и снова сесть в другой вагон в том случае, если он тоже выйдет. Если же он останется в вагоне, то я вернусь в Рошино пешком», — рассчитывал Тим.

Пассажир с пустым лицом все так же сидел и смотрел в никуда. Тим, глядя на него, думал: «Непонятно даже, куда он смотрит». При приближении электрички к Горьковской люди стали вставать и подходить к дверям. Когда электричка остановилась, Тим сидел, пока почти все вышли из вагона. Затем, быстро подойдя к двери, Тим обернулся и заметил, что человек встал и быстрым шагом направился к выходу. Тим выскочил на запруженную людьми платформу, сделал несколько прыжков и вскочил в предыдущий вагон. Прижавшись к стене у открытой двери, Тим внутренне взмолился: «Закрывай быстрее!». Двери захлопнулись, и он облегченно вздохнул. «Так, он отстал от поезда. Если бы их было двое, второй бы рванул стоп-кран. А пульс у меня, наверное, под двести», — оценил ситуацию Тим.

В электричке по дороге в Выборг Тим продолжал размышлять, была ли встреча с этим человеком случайной и могло ли быть, что тому нужно было выйти именно в Горьковской. О возможной слежке говорили два факта. Во-первых, казалось, он предполагал, что Тим выйдет в Рошино. Во-вторых, он сидел в Горьковской до того момента, когда встал Тим. «Как же этот тип отследил меня? Он явно намеревался выйти в Рошино. Как они узнали, куда я собираюсь? Наверное, телефоны всех Костомаровых прослушиваются. Откуда они могли их достать? Впрочем, адреса ближайших родственников я сам указал службе натурализации, когда подавал петицию на американское гражданство, и, возможно, «Архимед лимитед» знает ходы в эту службу или же хакеров нанимает. Господи, хоть фамилию меняй!» — размышлял Тим.

«Теперь нужно разобраться с билетом и паспортами. Так, въезжаю в Финляндию по американскому паспорту. Они уважают американцев. В российский паспортный контроль я должен предъявить оба паспорта, так я делал в последний приезд. В Выборге у меня около часа, нужно будет поесть перед отъездом. Но первое дело — билет», — решал Тим. Он успокоился и, сидя в почти пустом вагоне, стал планировать дальнейшие действия. От слежки он, видимо, избавился. «Пару дней в Финляндии дадут возможность что-нибудь решить, а отель или хостел много не стоят». Из окна электрички были видны красоты Карелии, которая ему иногда снилась в Америке, но Тим их не замечал. Ему никак не удавалось забыть все неприятности последней недели.

В Выборге, в зале, где продавали билеты на поезд, не было никого. Кассирша, кажется, дремала за кассой.

— Извините, мне нужен билет в Хельсинки на одиннадцать тридцать. В сидячем вагоне. Сколько он будет стоить? — излишне громко спросил Тим.

— Три тысячи восемьсот пятьдесят три рубля, — быстро ответила кассирша, и эта быстрота показалась ему подозрительной.

Через пару минут Тим с билетом в кармане вышел на площадь перед вокзалом, а еще через пятнадцать минут из магазина, где купил две рубашки. Выборг, как и другие маленькие городки вблизи столиц, казался тихим и сонным. Оставалось еще полчаса, и Тим зашел в кафе у вокзала. Он решил, что в вагон сядет за пять минут до отправления, чтобы меньше мелькать на платформе. Перед самой посадкой он позвонил Лешке, сказал, что свяжется с ним через несколько дней,

и попросил ничего не рассказывать родителям о его приезде. Лешка, казалось, понял, так как вставил не совсем уместно в разговор слово «аллегро». После разговора Тим вынул батарейку из мобильного и сел в поезд.

НА ПОРОГЕ ЕВРОПЫ

Поезд пересек границу, претензий у пограничников к Тиму не было, и его напряжение при пересечении границы спало. Однако вскоре оно снова сменилось тревогой. Тим понимал, что совершил где-то ошибку. Но где и какую? Это был не праздный вопрос. Да и куда же ехать, если ему в родной России не удалось скрыться? По-видимому, человек с пустым лицом ждал его в Москве до звонка сестре и до получения им денег из банковского автомата. Иначе бы этот тип из «мерседеса» не появился еще по дороге из аэропорта. Нельзя, конечно, на сто процентов исключить, что он — из какой-то банды, охотящейся на людей с иностранными кредитками, но это маловероятно. Скорее, Тима отследили еще в Чикаго. «Лучше бы я сидел в Миннеаполисе и ждал конца этой идиотской истории. Господи, кому я нужен? Все, что я знаю, относится к научной части их дела. Я даже не могу понять, о какой стране они поставили задачу», — уныло размышлял он.

— Извините, вы не знаете, где в Хельсинки на вокзале можно приобрести мобильник? Я свой, наверно, оставил в кафе на вокзале, — прервал его размышления пожилой мужчина, сидящий в вагоне через проход от Тима.

Интеллигентная внешность, седая, коротко подстриженная борода, внимательный взгляд. «Нет, этот не похож на бандита или сыщика», — оценил его Тим.

— Я не знаток этого города, но не думаю, что это может быть проблемой. Были бы деньги, — улыбнулся в ответ Тим.

— Да, деньги. У меня вот пенсия, и лекции еще продолжаю читать, но мою поездку по Европе финансировали дети как подарок к семидесятилетию. Моих бы не хватило и на дорогу, — усмехнулся пожилой мужчина.

— Да, деньги не всегда достаются, кому следовало бы, — рассеянно и скорее из вежливости поддержал беседу Тим.

— Принято думать, что все, что происходит с людьми, вызвано их действиями, индивидуальными или коллективными. Однако это не всегда так. Я говорю не только о деньгах, — улыбаясь, продолжил сосед.

— Но существуют же причинно-следственные связи, — возразил Тим.

— Существуют. Но эти связи иногда оказываются под влиянием естественных, часто чисто биологических процессов. Например, популяционных. Я немного занимался биологией, хотя по образованию я химик. Существует такое понятие, как гомеостаз популяции. Это сохранение численности, вернее, плотности популяции. Каким-то непонятным образом индивидуум меняет поведение из-за увеличения этой плотности и меняет его так, что численность популяции падает. Часто последствия этого становятся для популяции критическими, — объяснял сосед.

— Я читал, что популяции леммингов невероятно возрастают каждые три года, а потом они тысячами бросаются в море, — припомнил Тим.

— Это не совсем так, но осцилляции популяций отмечены, а кое-какие осцилляции вместе с межвидовыми связями даже математически описаны. Интереснее приложить теорию к человеческой популяции...

— Которая пока растет по экспоненте, — перебил соседа Тим.

— Да, но неравномерный прирост в человеческой популяции создавал проблемы через двадцать-двадцать пять лет, поскольку рабочие места для растущего насе-

ния заранее не приготовлены. И тогда не имеющие работы молодые люди начинают создавать проблемы. До мальтузианского голода в индустриальном обществе далеко, а вот перенаселение в нем относительно рабочих мест — это реальность. Войны, алкоголизация, наркомания и даже гомосексуализм абсолютно естественны, так как с их помощью популяция выводит избыточное относительно рабочих мест население с рынка труда и уменьшает свой дальнейший рост.

— В таком случае единственное решение проблемы перенаселения — это экспансия. Европа веками отправляла избыточное молодое население в Америку, Англия в Индию, Голландия в Африку.

— Да, Ленин, утверждавший, что Первую мировую войну вызвало стремление к переделу колоний, был только отчасти прав, поскольку колонии были не столько источниками доходов, сколько стоком прибывающего избыточного относительно существующих рабочих мест молодого населения из метрополий. Еще один пример, который еще не оценили, — эти миллениалы в Америке, то есть те, кто родился в последние пятнадцать лет двадцатого века. Их много, они вот-вот принесут проблемы своего трудоустройства, но экспансии, на которую вы так правильно указали, не предвидится, — подхватил тезис Тима его сосед.

— Ваша идея очень интересна, ее нужно бы учесть в моделировании... — задумчиво вставил Тим.

— Моделированию чего? — спросил сосед. — Вы ученый?

Тим осекся, думая, как бы выкрутиться, и решил продолжать общие рассуждения.

— Вот Ближний Восток сегодня тонет в крови не из-за конфликта суннитов и шиитов. Хотя этот конфликт существовал с давних времен, сегодня он так обострился из-за рекордного трехпроцентного прироста населения, случившегося двадцать пять лет назад. Я об этом недавно читал в статье, — сказал Тим и после паузы добавил, решив не называть американского журнала: — В Интернете. Очевидно, что увеличение цен на нефть и рекордный прирост населения на Ближнем Востоке были явлениями связанными. А вот Россию, я полагаю, ждут спокойные времена из-за резкого уменьшения рождаемости в девятых годах.

— Вы — хороший исследователь. Мне бы таких аспирантов, — искренне восхитился собеседник.

Тим был исследователем с раннего детства. В пять лет он начал строить ракету для полетов в другие галактики и прибил все часы, которые были в доме, к доске, которую надписал словом «У Правления». В школе он увлекся математикой, и это определило его карьеру.

— Спасибо за доброе слово, — ответил Тим. Хотя ему было приятно услышать похвалу, он не был настроен на продолжение беседы. В его мозгу начала прокручиваться общая постановка задачи, решенной для «Архимеда». «Мы же это не заложили. Избыток молодежи. Нехватка занятости. Как их включить в задачу? Впрочем, у меня сегодня другие проблемы», — сказал себе Тим.

— Как вас зовут? — прервал молчание собеседник.

— Тимофей, — ответил Тим с улыбкой.

— А меня Сергей Юрьевич. Вы где работаете?

Тим назвал институт, в котором работал Лешка, моля Бога, чтобы Сергей Юрьевич не имел там знакомых. Знакомых не оказалось.

«Перенасыщенность незанятой молодежью, на которую сейчас обратил внимание мой сосед, представляла собой, может быть, один из самых существенных факторов в задаче, которую мы с Риком решали, а мы его упустили. И Ганс об этом не заикнулся, наверно, не обращал должного внимания», — думал Тим.

— А куда вы едете? — спросил после паузы Сергей Юрьевич.

Тим замаялся. Ехать было некуда. Его решение пробыть в Финляндии пару дней ничего не меняло. Ненадежные варианты, конечно, были. Во-первых, можно было несколько дней отсиживаться в финской глуши и потом вернуться в Россию. Слежка при этом не исключалась. Во-вторых, можно было отправиться в Канаду. Проблем въехать американскому гражданину не было, но на что там надеяться, было неясно. «На дядю Джеймса, что ли?» — усмехнулся он про себя.

— В Англию по работе и в Париж к знакомым, но сначала я должен встретить друга в Хельсинки, — с неохотой наврал Тим и вдруг подумал: «А не поехать ли мне к Маше в Париж?» — и, улыбаясь, вспомнил, как, будучи еще студентом, за явился вдруг в час ночи к своей московской знакомой по дороге из Крыма.

— А я буду в Париже после Стокгольма. Такой маршрут мои дети выбрали, — произнес Сергей Юрьевич.

Тиму не хотелось поддерживать разговор, и он прикрыл глаза, размышляя. «Как же все-таки включить избыточность молодого населения? Если возможностей для экспансии у популяции нет, то есть ехать некуда, а международные корпорации не принесут загрузку, как в Юго-Восточной Азии, то альтернатива проста: или взрыв, то есть бунт, или уход через наркотики или алкоголь. Взрыв — в бедных обществах, а в богатых — наркотики? Однако „Архимед“ ставил проблему в обществе скорее бедном, так как они предположили, что часть населения не имеет компьютеров. Как же все-таки ввести в задачу такое перенаселение?»

Когда поезд приблизился к Хельсинки, настроение Тима улучшилось. Может быть, это случилось потому, что думать о задачах было приятнее и интереснее, чем обдумывать, как убежать от охотившихся за ним неизвестных. Тепло попрощавшись с Сергеем Юрьевичем в Хельсинки и взяв адрес его гостиницы в Париже на случай возможного пересечения маршрутов, Тим направился к информационной стойке. «Может быть, и встретимся, — подумал он, глядя в сутулую стариковскую спину новоявленного знакомого. — Так почему же мне не позвонить Маше?»

ВИЗИТ В РОЩИНО

По иронии судьбы родители Тима, плохо знавшие Рощино и тревожно настроенные неожиданным звонком Лешки, решили выбраться заранее и ехали в другом вагоне одной с Тимом электрички, сев в него на Удельной, недалеко от своего дома. Отец Тима, доцент одного из старых ленинградских вузов и интеллигент в бог знает каком поколении, на старости лет сделался столь раздражительным, что не всегда мог сдерживаться. Угнетало даже не собственное второразрядное положение, несравнимое с уважаемым положением при старом режиме. Появились проблемы с детьми. Дочь бросила институт, вышла замуж за какого-то бизнесмена, а современный бизнес просто не может существовать абсолютно честно. Сын, правда, выучился и стал ученым, да ведь эмигрировал. Его прадед в революцию семнадцатого года родину не бросил. С другой стороны, годы становления личности Тимофея пришлось на перестройку и правление Ельцина, откуда тут патриотизму появиться. А жена, чуть что скажи детям, твердила: «Не надо делать из них несчастных. Пусть будут, как все».

После звонка Тима из электрички Лешка, естественно, не застал их дома и, не зная номера мобильника отца Тима, позвонил Лене, прося связаться с ним, как только родители приедут. Затем, отодвинув в сторону срочные бумаги для очередного гранта, он стал судорожно придумывать какое-нибудь не слишком очевидное вранье для родителей Тима. «Первый раз в жизни завидую бабам, — подумал Лешка, — у них со враньем никогда не бывает трудностей».

— Идея! — наконец воскликнул он. — Скажу-ка я им, что одолжил Тиму пару тысяч долларов и переслал их ему в Америку, но по каким-то неизвестным мне банковским правилам нехорошо отдавать долг прямо обратно, и я хотел спросить, не против ли они вовлечения сестры Тима как промежуточной инстанции. Однако об этом не надо никому рассказывать, потому что американские банки за всеми шпионят и недавно засудили бывшего важного конгрессмена за какие-то мелкие переводы. «Довольно глупо, — подумал он через минуту, — но зато непонятно и поэтому не кажется враньем». Так и получилось. К своему вранью Лешка добавил, что хотел их видеть, имея поручение от Тимофея описать, как они выглядят и не нуждаются ли в помощи. Скайп этого не покажет. К сожалению, он застрял на службе и теперь опишет их со слов Лены.

В завершение краткого визита родителей Тима Лена усадила их пить чай со свежим черничным вареньем. Мать Тима пыталась выведать у Лены, не завел ли Лешка какую-нибудь пассию после развода и какие у него отношения с их ребенком. Вдруг их тихая беседа была прервана яростным лаем соседских овчарок и криками мужчины, который силился отбиться от них зонтом, пробираясь через живую изгородь, отделявшую участки Лены и соседей от детской площадки. Лена, будучи в дружеских отношениях с соседскими собаками, сумела отогнать их, а вскоре вышла из дома их хозяйка.

— Простите, а вы к кому? — строго спросила она мужчину, хватая между тем собак за ошейники и оттаскивая их.

— Я хотел посмотреть дачу, которая продается вот по этому адресу, — ответил мужчина, протягивая ей бумажку, — и шел так, как вел меня мой айфон.

— Лена, посмотри ты, я должна их увести, — сказала собачья хозяйка.

Лена с удивлением прочитала адрес своей дачи.

— Здесь какая-то ошибка, моя дача не продается, — воскликнула она.

— Странная ошибка, — ответил мужчина. — Мой сын просил меня приехать в Петербург и посмотреть именно эту дачу. Сам он работает в Америке, но хотел купить дачу именно под Петербургом.

— Где работает? — живо поинтересовалась мать Тима.

— Да в одном банке.

— В банке? — вдруг встревожилась она, но, получив толчок в бок от мужа, сменила тон, спросив: — И хорошо зарабатывает?

— Толком не знаю. Думаю, вряд ли. Если бы он очень хорошо зарабатывал, то покупал бы во Флориде, — медленно отвечал мужчина. — А вы почему интересуетесь, у вас что, родственники в Америке?

В это время отец Тима опрокинул чашку чая на скатерть перед хотевшей что-то ответить женой, а Лена отметила, что лицо мужчины было как застывшая маска и никак не отражало ни тона разговора, ни происходящих действий. Вмешавшись в разговор, она еще раз повторила, что дача не продается.

— Жаль, — ответил мужчина. — Однако как мне добраться обратно до вокзала?

— Мы вот тоже собираемся скоро обратно... — заявила было мать Тима.

— Нет, не так скоро, — прервал ее отец, все время подозрительно посматривавший на незнакомца.

Тот вскоре ушел. Через двадцать минут ушли и родители Тима. Лена сразу позвонила Лешке и отчиталась о визите.

— Странно, — промолвил он, — а как хоть выглядел этот мужчина?

— Он был в светло-сером костюме, — медленно начала Лена... — слушай, да я ж не запомнила его лица! Такое пустое лицо...

Лешка еще не знал о встрече Тима с человеком с зонтом в электричке. Тем не менее дачная история показалась ему подозрительной, и Лешка переслал ее описание в мейл-бокс, который завел для экстренной связи с Тимом после его приезда.

ПЕРВЫЕ СУТКИ В ЕВРОПЕ

В хостеле недалеко от центра Хельсинки было чисто и тихо. Неограниченный доступ в Интернет, завтрак и сауна, и стоило все это пятьдесят евро. «То, что надо», — подумал Тим. Он облегченно растянулся на кровати и несколько минут лежал с закрытыми глазами. В ушах звучал вальс, который он слушал вчера вечером перед сном у Лешки дома. Хотелось начисто забыть всю последнюю неделю. Глубоко вздохнув, он встал, проверил Лешкин мейл-бокс, прочитал о визите человека с зонтом на дачу в Рошино и еще раз убедился в оправданности своего бегства из России. Интересно было бы поделиться недавними размышлениями о модификации модели с Риком. «Связаться с ним напрямую, конечно, нельзя. Если бы кто-то мог передать записку. Марк? Не уверен, что он согласится, узнав, в чем дело, а вовлекать кого-то втемную, как Рик вовлек Лесли, нельзя». Перебрав много вариантов, Тим решил, что краткую записку Рик мог бы без особых подозрений передать Брэд. Довольно скоро он нашел в Интернете контактную информацию на заместителя шерифа. Больше времени понадобилось для составления сообщения. Начал он просто с «Брэд, передайте, пожалуйста, Рик, что я узнал от его дяди, что он уже дома, и решил поделиться одной идеей». Дальше в нескольких словах описывалась идея Сергея Юрьевича и ее важность для того, о чем мог догадаться только Рик. Подписи под сообщением Тим не поставил.

Отправив сообщение, Тим пошел слоняться вокруг хостела, купить мелочи вроде запасных носков и зубной щетки. «Черт знает сколько еще придется скитаться», — думал он. Вечером, еще не заходя в хостел из приобретенной за эти дни осторожности, Тим, достав из бумажника Машину визитку и прочитав там ее фамилию, позвонил ей.

— Мадам Фуко...

— Тим? Я знала, что вы позвоните. Интуиция подсказала, — обрадованно ответила Маша на приветствие Тима.

— Понимаете, мне хотелось бы провести пару дней в Париже, а кроме вас, я там никого не знаю. Кроме того, мне кажется, что наш разговор оборвался на самом интересном месте, — продолжал Тим.

— Что ж, вы считаете самым интересным местом мой дом в Париже? Не знаю, не знаю. Ну, запишите мой адрес, — усмехаясь, ответила Маша и продиктовала его.

— До чего приятно, когда красивая женщина еще такая умная, что понимает с полуслова!

— Однако я вернусь в Париж только через три дня. Я еще в Москве. Кроме того, мне надо заехать по делу в Петербург. А вы откуда звоните? — спросила Маша.

— Машенька, а вам нравится, когда в мужчине есть что-то таинственное? — отвечал Тим, думая при этом: «Ее уж не должны прослушивать» — и тем не менее еще опасаясь сказать, где он.

— Это может привлекать, не спору.

— Пусть пока будет таинственным мое местонахождение. Я, к сожалению, не в родном Петербурге, и мне придется дожидаться встречи с вами в Париже.

— Придется?

— Но я могу позвонить вам и в Петербург.

- Вы, кажется, не очень заняты.
- Машенька, да я был бы готов прервать любое занятие...
- Неужели, а кто бы мог подумать несколько дней назад.
- Машенька, да я...

— Простите, Тим, но я должна прервать разговор, я в гостях, и хозяйке срочно нужна моя помощь. Постарайтесь не забыть приготовленные комплименты до встречи в Париже.

После разговора с Машей Тим подумал: «Если Маша разрешит пожить у нее неделю, этого достаточно, чтобы закинуть удочку в несколько мест в поисках работы. Конечно, для интервью летом, когда многие начальники в отпусках, нужен, может быть, целый месяц, но ничего, как-нибудь выкручусь». Вернувшись в номер, он вдруг почувствовал сильнейшую усталость и мгновенно заснул. Проснулся он от телефонного звонка и автоматически включил его, на секунду забыв об осторожности.

— Алло, — тревожно выкрикнул он.

— Тим, я не совсем вежливо оборвала разговор, но сейчас я вернулась к себе, — извинялась Маша, — однако, судя по вашей интонации, у вас какие-то неприятности. Что-то дома в Петербурге?

— Еще не знаю.

— Странный ответ. Я буду там завтра вечером. Я могу чем-то помочь?

— Скорее нет, Машенька. Хотя, — вдруг сообразил Тим, — так получилось, что я оставил там, у друга, мой ноутбук, а в нем много нужной информации. Весь ноутбук — это слишком, но друг мог бы скопировать на диск информацию и передать вам, если разрешите.

— Хорошо, как его зовут и какой у него телефон?

Они договорились, что Маша позвонит Лешке из поезда по дороге из Москвы в Петербург.

— Если я по какой-то причине не дозвонюсь предупредить его, вам нужен пароль, чтобы он вам поверил, — добавил Тим.

— Какой еще пароль? — рассмеялась Маша.

— Спросите Лешку, кто вымазал подоконник в школе валерьянкой.

Тим объяснил, что дело было в третьем классе. Стояли жаркие майские дни, их класс был на первом этаже, и его зарешеченные окна были открыты. На перемене Тим вымазал подоконник, в то время как Лешка «стоял на атаке». Трудно сосчитать, сколько котов с воем впрыгнуло в окно во время следующего урока, опрокидывая с подоконника горшки с цветами, потому что некоторые согнанные появлялись снова — до тех пор, пока учительница не сообразила закрыть окно. Однако и после этого она гонялась минут пять по классу за одним из оставшихся котов, к неопишному восторгу учеников. Тимоху и Лешку не выдали потому, что они не рассказали о проделке никому кроме, Лешкиного деда. «Приказываю, пусть будет военной тайной», — сказал тот, понимая, что хвастовство непременно приведет к расплате.

Наутро Тим принялся выбирать дешевую и долгую дорогу в Париж. Самый дешевый авиарейс был из Тампере в Бремен. Тим выбрал его. Оттуда до Парижа можно ехать на поезде или автобусе — и дешево, и возможность убить пару дней. Потом позвонил Лешке на работу и рассказал о договоренности с Машей.

— А где она работает? — спросил тот.

Тим прочитал ее визитку, и Лешка мигом нашел в Интернете, что это — организация, частично контролируемая российским правительством.

— В советское время в таких организациях работали люди, отобранные КГБ, — заметил Лешка.

— Не думаю, что в моей ситуации это было бы самым страшным, — парировал Тим. — Посматривай почту в нашем мейл-боксе. Я послал один запрос соседу Рика Брэду. Может, придет ответ. Мне также надо непременно заплатить за квартиру в Миннеаполисе, выплатить по кредитке и так далее. Мое университетское жалование должно поступать на мой банковский счет, и я оплачиваю все это с моего счета с помощью моего компьютера, который остался у тебя. Расписание платежей и пароли в папке bank директории С. Сделаешь?

Лешка обещал также скопировать указанную часть диска для Маши.

В МИННЕСОТЕ

Получив малопонятный имейл с какого-то русского сервера, Брэд был несколько озадачен. Разумеется, он понял, что писал ему русский ассистент Рика, исчезнувший в день ареста. Неважно, в России Тим или нет, но общаться с Риком он решил через Россию. Отец Брэда воевал в Германии и встречался с русскими в Берлине, он относился к ним с симпатией, а вот старшие братья, выросшие в годы «холодной войны», любили вспоминать, как их загоняли в школе под парты в порядке подготовки к возможной русской атомной атаке, и к русским относились с подозрением. В результате отношение к России у Брэда было сложным.

— Рик, у вас нет проблем в отношениях с этим русским? — спросил он как-то лет пять назад после пикника, на котором присутствовал Тим.

— Да нет. А что вы в нем заметили особенного, Брэд? — изумился тогда Рик.

— В нем — ничего. Однако знаете, я как полицейский на девяносто процентов угадываю, когда машину впереди меня ведут китайцы. Что же до русских, то как полицейский скажу, что они слишком любят справедливость, чтобы уважать законы.

— А что вы имеете против справедливости?

— Еще подростком мне попался диалог Сократа о справедливости, — отвечал Брэд и, встретив непонимающий взгляд Рика, решил по памяти пересказать: — Мудреца спросили о ней ученики. «Хорошо, к кому ты пойдешь чинить сандалии?» — спросил он одного. «К сапожнику». — «А лечить больную ногу?» — «К лекарю», — отвечал другой. «А делить захваченную в походе добычу?» — «К справедливому», — отвечали оба. «Значит, справедливость — это умение делить чужое», — заключил Сократ. Тогда я и понял, что справедливость как дырявое одеяло, которое каждый тянет на себя, в то время как прикрывать надежно могут только законы.

Направляясь вечером с распечаткой странного послания к соседу, Брэд размышлял, могла ли быть причастна к истории Рика какая-нибудь русская команда, мафиозная или государственная, и вспоминал недавние истории с русскими шпионами. Оснований искать Тима у полиции пока не было, как не было оснований и у университета: не было занятий, которые он должен был провести, но пропустил.

Адвокат Рика не пытался утверждать, что наркотики подброшены, но упирал на то, что их оставил кто-то другой, и требовал провести расследование среди сотрудников, когда-либо употреблявших их. Интересно, какотреагирует Рик на эту малопонятную записку.

— Вам записка от Тима, Рик, — сказал Брэд, войдя в дом соседа.

Рик прочитал записку с каменным лицом. «Трудно понять, что происходит в душе порядочного обеспеченного человека, когда он вдруг оказывается загнанным и обманутым одновременно», — думал, глядя на него, Брэд.

— Он что, в России? — спросил Рик.

— Необязательно.

— А что это за дядя?

— Вам лучше знать.

Рик-то, конечно, знал, но теперь он не доверял и Брэду. Сухо поблагодарив его, он с нетерпением ждал его ухода. Едва захлопнулась дверь, как Рик стал звонить Джеймсу. Тот не отвечал. Он снова позвонил через пять минут, затем еще раз через десять. Наконец он позвонил соседу Джеймса. Тот уверил его, что окна дядиного дома освещены. Рик занервничал. Жена ушла к соседям, забыв свой мобильник на кухне. Дядя — единственная надежда на помощь и, в сущности, единственный родственник. Остальные относятся к его истории как к анекдоту, да, в сущности, и не знают ее. Не случилось ли с дядей что? Пойти предупредить жену? Нет, достаточно просто оставить записку, что он едет к дяде Джеймсу. Рик сел в машину, поспешил к тридцать пятой дороге и свернул на север. Теплый ночной ветер с шумом врывается в открытое окно машины и немного успокаивал.

Часа через три уже уснувшую жену Рика разбудил звонок дяди Джеймса.

— Я смотрю, Рик трижды звонил мне, пока я был в ванной, а теперь не отвечает.

— Меня не было дома, когда он уехал. Он оставил записку, что пару часов назад выехал к тебе.

— Хорошо, буду ждать.

Он перезвонил еще через три часа, изумляясь отсутствию Рика. Теперь заволновалась и жена. Она не могла заснуть. Примерно через час после рассвета в дверь позвонили. Вошел полицейский и после приветствий сообщил:

— Машина вашего мужа упала ночью с шестьдесят первой дороги в обрыв у Сильвер-Бэя.

— Что с ним?

— К несчастью, он мертв.

Через несколько минут жена Рика, не в состоянии понять, о каких формальностях говорит полицейский, кинулась к дому Брэда. Звонок в дверь разбудил его.

— Через пять минут возвращайтесь сюда, поедem в моей машине, — рявкнул он.

Уже в пути жена Рика позвонила дяде Джеймсу. Затем Брэд связался с полицейской Сильвер-Бэя. Он гнал шерифскую машину с сиреной, временами забирая за сто миль в час. К его приезду дядя и двое полицейских что-то обсуждали внизу у разбитой серой машины Рика, а тело уже было увезено.

— Машину Рика явно столкнула с дороги другая машина, — заметил Брэд, показывая Джеймсу следы красной краски, отчетливо видной на большой вмятине в левой части багажника.

— Они же не знали, куда он направился, и, похоже, подумали, что он решил дать деру в Канаду, — злобным тоном, казалось бы, невпопад ответил Джеймс, но Брэд вдруг изменился в лице. Он понял, в чем дело.

— Найти преступника будет рискованным делом, — сказал он вполголоса и, встретив недоуменный взгляд местного полицейского, отвернулся.

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

Теплый летний вечер на юго-востоке Парижа был как-то особенно приятен, возможно, из-за близости Венсенского леса. Тим медленно подходил к дому, в котором жила Маша. Недалеко от ее дома он купил недорогой букетик цветов, с усмешкой подумав, что впервые в жизни экономит на цветах для дамы. Жизнь и раньше не баловала. Студенческие годы пришлось на девяностые, у родителей хватало денег разве что на еду для сына, но не на развлечения. Традиционные в отцовское

студенческое время приработки были перехвачены вовсе не студентами. Переехав в Америку, он не имел поддержки ниоткуда и сразу стал подрабатывать на факультете, где учился. Снимал комнату в доме, скорее похожем на сарай. Однако на цветах не экономил.

Они договорились с Машей, что он придет к ней в пятницу в семь, и оставалось еще полчаса. Несмотря на напряжения последних недель, усталость от переездов и неопределенность будущего, Тиму не терпелось ее увидеть. Уже не было волнения, с которым он отправлялся на свидания в студенческие годы. Почти вынужденный переезд в Америку изменил и его романтические стереотипы. Двухлетнее совместное проживание с американкой во время докторантуры в Массачусетсе настроило его скорее на скептический лад. Тем не менее некоторая приподнятость настроения не покидала Тима с утра. Он набрал номер Машиной квартиры на домофоне, и через минуту она встретила его в дверях квартиры. Она, видимо, только что вернулась с работы и была еще в деловом костюме.

— Здравствуйте. У вас потрясающий вид. Настоящая бизнесвумен, — искренне восхитился Тим.

— Сегодня была важная встреча, пришлось соответственно одеться. Проходите. Сейчас вы увидите, как тесно живут в Париже, — улыбнулась Маша.

Тим увидел справа крохотную кухню, коридор, упирающийся в гардероб, и две комнатки по обе стороны коридора. Гостиная со старинным гобеленом во всю стену с одной стороны коридора и таких же размеров спальня с другой были светлые и со вкусом украшены картинами, тарелками и гобеленами.

— Очень уютно. И кажется, что здесь сто лет жили парижане, — заметил Тим. — Вы давно живете в этой квартире?

— Десять лет. Я купила ее себе в подарок на тридцатилетие, — усмехнулась Маша.

«Уже сорок. Я думал ей лет тридцать пять, не больше, — оценил Тим. — Правда, я себе такого подарка к тридцатилетию не сделал».

— Вы выглядите гораздо моложе. Никогда бы не подумал, что мы с вами одногодки, — улыбнулся Тим. Говорить с Машей было удивительно легко.

— Спасибо за комплимент, но комплиментами сыт не будешь. Садитесь за стол, будем ужинать. Я купила хорошую бутылочку бордо. За пятнадцать лет во Франции я научилась разбираться в винах.

— Много пришлось выпить за годы учебы? — со смехом спросил Тим.

— Умеренно, — тем же тоном ответила Маша. — Мой бывший муж был компетентным преподавателем не только филологии.

— Почему же вы развелись?

— Бесполезный вопрос, Тим. Сколько ни слушайте, вы узнаете только мнение одной из сторон.

После второго бокала Тим расслабился и искренне заявил:

— Вы очень гостеприимная хозяйка. Я чувствую себя не только в безопасности, а просто как дома.

— В таком случае вы, может быть, объясните, что же за тайная опасность грозит вам и, как я понимаю, нарушает ваши планы? — спросила Маша.

— Я мог бы рассказать, но вы уверены, что хотите это знать? Иногда незнание более безопасно.

— Безопасно? Куда же вы влипли? В России опасными чаще всего оказываются коммерческие проекты.

— Вы не угадали. Понимаете, Маша, я — исследователь, ученый, если хотите. И как любой настоящий ученый интересуюсь только постановкой и решением задач. Я соврал вам в самолете, не сказав, где я работаю, именно из-за ощущения

опасности. На самом деле я преподаю в одном американском университете, — с паузами между фразами заговорил Тим, а после последней фразы вытащил из кармана американский паспорт, помахал им и засунул обратно. — Случилось так, что решение одной задачи было заказано какой-то могущественной организацией, которая...

— Почему какой-то? — перебила заинтригованная Маша.

— Смешно, но честное слово, я не знаю какой. Как я недавно выяснил, они пользовались подставными реквизитами.

— А за работу платили?

— Да, но не в этом дело. Выясняется, что от результатов использования нашего решения зависит что-то очень существенное в этом мире. Мы не представляли себе этого и даже сейчас толком не представляем, где и что зависит. По сравнению с проблемой в реальном мире, которую мы моделировали, жизни ученых, решивших эту задачу, — ничто, мелочи. Мы в таком масштабе просто не существуем. А дальше эта таинственная организация-заказчик почему-то решила, что мы представляем опасность для реализации проекта, который мы моделировали, и будет лучше, если мы на какое-то время станем не способны ни на какое действие. Возможно, им проще, если нас просто не будет. В свою очередь, я решил, что мне лучше скрыться на какое-то время. Комедия в том, что я даже не могу попытаться договориться с ними, поскольку не имею контакта.

— Так что, они вас ищут? — спросила Маша, прищурив глаза.

— Скорее да, чем нет, — мрачно ответил Тим и рассказал о человеке в светло-сером костюме.

— Я не очень активна в общественной жизни и в социальных сетях. Поэтому если за вами не следили в то время, когда вы шли сюда, то здесь для вас безопасно. А можно узнать, как появилась эта организация в вашей работе? — спросила Маша.

— Маша, можем мы продолжить этот интересный разговор завтра, а сегодня поговорить о Париже, в котором я только второй раз, о книгах или, если хотите, о погоде.

— Да, у вас усталый вид. Я должна была бы сразу догадаться предложить вам с дороги душ.

— Вы все делаете правильно. Обед сначала — это было очень кстати.

— Я вижу, весь ваш багаж в портфеле. Подождите минутку, я найду вам что-нибудь домашнее.

Через пару минут она позвала его и показала халат, повешенный на крючок двери душа. Когда Тим минут через десять вышел оттуда, Маша встретила его восклицанием:

— Надо же, халат моего бывшего мужа вам вполне подошел!

— Я думаю, мне подойдет и его бывшая жена, — улыбаясь, ответил Тим и притянул ее к себе.

УТРО В ПАРИЖЕ

Окно спальни было открыто, но в восемь утра в субботу на этой улочке было не по-городскому тихо. Когда Тим проснулся, Маши уже не было рядом, а из кухни шел аромат кофе. Он тихонько встал. Она сидела, склонившись над компьютером, и не заметила, как он подкрался и поцеловал ее в шею.

— Хочешь кофе?

— Да.

— С финиками?

- Интересно. Попробую. А ты спозаранку за работой?
  - Кстати, твой друг передал мне диск. Вот он, — вместо ответа сказала Маша.
  - Можно я зайду в свою почту с твоего компьютера? — спросил Тим.
- Открыв почту через несколько минут, Тим воскликнул:
- О господи, они его убили.
- Услышав возглас, Маша пришла из кухни и спросила:
- Кого убили?
  - Человека, с которым я делал эту проклятую работу, он — мой профессор. Мне переслали сообщение: «Профессор погиб в автокатастрофе».
  - Но автокатастрофы случаются каждый день, — возразила Маша.
  - Рик был очень хорошим водителем и хвастался, что ни разу в жизни не имел ни столкновений, ни даже штрафов. Почему же они решили его убить?
  - Его звали Рик?
  - Да. Рик Андерсен, — мрачно ответил Тим и после долгого молчания произнес: — Теоретически я знал, что эти люди не остановятся ни перед чем, но после гибели Рика я кожей и животом чувствую их присутствие везде, во всем мире. Я даже могу фантазировать, что если ты откроешь дверь в квартиру, за ней кто-то стоит.
  - Не паникуй. Сейчас наибольшую опасность для тебя представляют Интернет и телефон, даже мобильник с предоплаченной сим-картой. Не пользуйся ни тем, ни другим, — как-то жестко сказала Маша. — Вся эта история со Сноуденом показала, что, во-первых, отслеживается больше, чем обыватель может вообразить, а во-вторых, американские государственные системы не закрыты для злоупотреблений их сотрудников. А кто может гарантировать, что твоя неведомая организация, если она даже не государственная, не завербовала одного из них?
- «Совсем тем же тоном, как говорил мне дядя Джеймс. Коллеги они, что ли? — подумал Тим и вспомнил Лешкино предупреждение о ней. — Впрочем, мне сегодня все равно. Она красивая женщина и, может быть, хороший человек».
- А какую задачу вы все-таки решали? Где моделировалась смена правительства? — поинтересовалась Маша уже более мягким тоном.
  - Смены правительства не было в постановке задачи. Мы моделировали пространство информации и контринформации в какой-то не очень богатой стране, которая экспортирует какое-то сырье, — ответил Тим.
  - Экспортирует сырье? — задумчиво переспросила Маша.
  - Да. Найти кризисное состояние было целью исследований, — продолжал Тим, — но несколько дней назад я вдруг понял, что мы упустили в задаче один очень важный фактор. Он состоит в том, что нестабильность в бедной стране происходит в том случае, если за двадцать или двадцать пять лет до этого в ней был рост рождаемости выше среднего. Никто же не подготовил для молодых людей дополнительные рабочие места. И тогда не нашедшие занятия молодые люди приносят стране проблемы.
  - Сегодня в Интернете я прочла о волнениях в Аргесуэлле, — не слушая Тима, произнесла Маша.
  - Да, я читал об этом во вторник, но там власти применили силу и разогнали толпы везде, кроме Карайреса, — сказал Тим.
  - А в четверг там снова собрались толпы. Они требуют отставки правительства из-за неспособности уменьшить безработицу.
  - Если наш заказчик имел в виду события в Аргесуэлле, то виден конец моих мытарств, — с усмешкой заявил Тим.
  - Виден не виден, но как эта смерть влияет на твои планы?
  - Надо подумать.
  - Пока можешь отсиживаться здесь, как Тангейзер.

— Семь лет я не планировал, — усмехнулся Тим.

— Галантный мужчина сказал бы «всю оставшуюся жизнь», — усмехнулась в свою очередь Маша и добавила: — Здесь тебе не Америка, можешь поправить настроение рюмочкой коньяка даже с раннего утра.

Маша вышла в гостиную и достала из стенного шкафа бутылку «Мартеля» и две рюмки. Тим оторвался от компьютера и молча направился за ней. Когда она налила ему треть рюмки, Тим протянул руку и медленно поднес рюмку к губам.

— Мне иногда помогает, — сухо заметила Маша. — По крайней мере, в те дни, когда, просыпаясь, знаешь, что надо делать то, что...

Она не договорила и отвернулась к окну с рюмкой в руках. Солнце уже поднялось над домом на противоположной стороне улочки, а на небе не было ни облачка. День обещал быть прекрасным.

— Life is tough, — сказал Тим, вздыхая, и обнял ее, — давай планировать мои парижские каникулы.

ПАРИЖСКИЕ КАНИКУЛЫ

Через пару часов Маша и Тим отправились гулять по Парижу. Маша любила Париж. Она знала интересные места на красивых бульварах и маленьких улочках, которые толпы туристов обходили стороной. Она с воодушевлением и довольно успешно исполняла роль экскурсовода. Когда они приблизились к Лувру, Маша сказала:

— Давай зайдем в Пале-Рояль. Я люблю посидеть там в скверике.

Когда они вошли с забитой туристами улицы Риволи в относительно малолюдный сквер внутри дворца и сели на кресла у фонтана, Тим забыл о внешнем мире и собственных проблемах. «Я в Париже с красивой женщиной. Жизнь интересна, и в ней много неожиданно хорошего», — радостно подумал он.

— Хорошо? — нарушила его блаженное молчание Маша.

— Да, давай на время забудем обо всем мире, кроме Парижа.

— Наверное, ты устал от моей болтовни. Расскажи теперь ты что-нибудь. Расскажи о своих родителях, я ведь о тебе ничего не знаю, только то, что ты врал в самолете.

— Ничего особенного рассказать не могу. Отец — доцент, мать работала инженером в конструкторском бюро, но теперь не работает. Дед и прадед были профессорами физики. Лет сто пятьдесят семья живет в одном городе, но прадед родился в Петербурге, дед — в Петрограде, а отец и я — в Ленинграде. Прадед умер во время блокады, его ранило осколком разорвавшейся бомбы, потерял слишком много для истощенного человека крови и умер. Дед в это время был на фронте.

— То есть ты ученый в четвертом поколении? — удивилась Маша.

— Скорее в пятом, но о прапрадеде я мало что знаю. Только то, что он был химик. Он пропал без вести в Гражданскую войну, и о нем было не принято вспоминать в семье, — ответил Тим и замолчал, не проявив желания задавать аналогичные вопросы Маше. Ему вовсе не хотелось нечаянно узнать что-нибудь о ее бывшем муже с его странным образом хранимым халатом.

Заметив, что Тим не настроен на болтовню, Маша предложила купить билеты на вечерний концерт в церковь Маделины, на что Тим охотно согласился. На воскресенье они запланировали поездку в Версаль.

С понедельника Тим превратился в самостоятельного туриста. Небо с утра было покрыто тучами, и он напялил куртку, положив в один карман русский путеводитель, когда-то оставленный кем-то из Машиных гостей, а в другой — карту Парижа. Первой остановкой на его пешем маршруте была библиотека Миттерана, куда он

решил записаться, но пробыл там недолго. Затем, погуляв вдоль набережной, влажной после недавно прошедшего ливня, вышел к бульвару Сен-Жермен и свернул к Люксембургскому саду. Тучи разошлись, и ряды скамеек возле большого пруда с цветником перед ним наполнились студентами, завтракавшими «макдональдсами» в перерыве между лекциями.

С удовольствием разглядывая студентов, Тим уселся на один из пустующих стульев неподалеку. Почти немедленно на соседний стул сел молодой человек в пиджаке с шарфом на шее и газетой в руках. По остаткам бывшего шарма и особому уважению к себе было легко узнать в нем француза-пенсионера. Пенсионер раскрыл газету, и Тим мельком взглянул на страницу. Его радостное настроение улетучилось: большая фотография толпы возбужденных людей на улице в Карайресе напомнила об «Архимеде».

— Говорите ли вы по-английски? — сделал американскую улыбку, спросил Тим.

— Немного, — ответил пенсионер.

— Я не следил за событиями в Аргесуэлле. Не знаете, что там происходит? — спросил Тим, показывая рукой на газету.

— То же, что происходило на Ближнем Востоке. Много безработной молодежи, недовольство правительством, толпы людей на улицах и неспособность применить силу для наведения порядка, — медленно, как бы резюмируя, ответил пенсионер с таким французским акцентом, что Тиму понадобилось с минуту соображать, что же тот сказал.

— Если много неработающей молодежи и недовольство правительством не являются сюрпризом, то есть длятся месяцы и годы, то почему же появились толпы в течение нескольких дней? — медленно спросил Тим, давая собеседнику возможность понять английский.

— Они пишут, — ткнул тот рукой в газету, — что два почти одновременных события подогрели обстановку. Первое — это распространение через Интернет информации о якобы огромных счетах в швейцарских банках у президента страны. Второе — это коллапс второго по величине банка, связанного с сырьевыми отраслями.

— И что делает правительство?

— Пытается оправдать президента и обещает помочь потерявшим деньги, но похоже, что уже поздно.

«Мы рассматривали в задаче распространение контринформации, — подумал Тим. — Я также помню, как Рик отметил, что два не очень больших возмущения не только складываются, а невероятно усиливают друг друга при выбранном временном интервале между источниками информации. И тогда мы определили этот интервал. Похоже, что событие X началось, если только оно относится к Аргесуэлле. Впрочем, это только подозрение, ведь я не знаю, что будет завтра в другой точке мира». Тим возбужденно поблагодарил пенсионера, встал и под его недоуменным взглядом быстро направился к выходу из сада. Проходя мимо Одеона, он решил, несмотря на Машино запрещение, все же позвонить Лешке. Можно купить карточку и звонить из автомата. Каждый раз из другого автомата, всегда далеко от Машиного дома. Париж, в конце концов, большой, а сидеть в глухой яме неудобно даже в такой, скажем, медовый месяц.

Купив карточку в ближайшем газетном киоске, Тим направился обратно к Машиному дому, вспомнив свое хвастливое обещание приготовить обед. Он припомнил, что видел автоматы около площади Бастилии, и намеревался воспользоваться одним из них. Лешки не было на работе, и когда его мобильник ответил, Тим выяснил, что Лешка возвращается из леса с грибами, а мейл-бокс он с пятницы не смотрел. Договорились, что Тим перезвонит ему на следующий день.

Вернувшись вечером с работы, Маша принесла Тиму английскую газету «Файнэншл таймс», заметив:

— Что касается твоей Аргесуэллы, то газетные новости уже устарели. Надо бы в Интернете посмотреть.

— Я, кстати, сегодня в библиотеке в Интернете смотрел, нет ли тут конференций по моей специальности, на таких часто вывешивают объявления о вакансиях.

— Под каким же именем ты хочешь искать работу?

— Неплохая идея сменить фамилию на твою. Примешь предложение? — ухмыльнулся Тим.

— Крепко подумаю. Стать вдовой Фуко — не слишком привлекательно. Это даже не вдовой Клико. Не поискать ли мне пока для тебя место в какой-нибудь русской конторе здесь?

— Поискать-то можно...

— Как насчет похода на концерт в среду? — перебила его Маша, разбирая только что вынутые из почтового ящика конверты и рекламные листки.

Тим любил классическую музыку и всегда был рад пойти на концерт. Совсем не так было, когда родители стали водить его в Большой зал филармонии в шесть лет. Досидеть до конца даже одно отделение было тяжело. Потом он привык и в старших классах любил пойти на концерт один. Позже, уже в Миннеаполисе, он купал абонемент на концерты Миннесотского симфонического оркестра, с хорошим дирижером из Финляндии. Это скрашивало жизнь в периоды, когда он расставался с одной подружкой и еще не имел другой. Сейчас Маша удивительно разделяла все его интересы. Она тоже любила классическую музыку, читала древних авторов и даже согласилась с его скептическим отношением к импрессионистам.

Во вторник Тим звонил Лешке из автомата на улице Риволи, но тот извиняющимся тоном объяснил, что сидит на даче у Лены и рассказывает сказки заболевшему чаду с горчичниками на спине. Конечно, он может через минутку-другую запустить свой ноутбук...

— Не надо. Завтра свяжемся, — отрезал Тим, опасавшийся говорить слишком долго из одного автомата.

В среду утром Тим узнал из Интернета, что правительство в Аргесуэлле пало и один из лидеров протестующих присягнул на верность истинной демократии и объявил всеобщую амнистию. Парламент объявил себя распущенным. Около полудня Тим звонил из автомата на проспекте Опера. Лешка сказал, что единственное сообщение «По приезде в Канаду звоните Джеймсу» пришло от непонятого адресата. Тим быстро повесил трубку и направился на другой берег Сены через ворота Лувра.

«В сущности, звонил впустую», — подумал он, переходя реку по мосту. и медленно направился к кафе, расположенному напротив Сен-Жермен-де-Пре, где сидел с Машей в субботу и где, ему казалось, мог спокойно поразмышлять за бокалом белого вина. Едва официант принес бокал, как невысокая брюнетка средних лет попросила разрешения сесть за тот же столик и заказала порцию виски.

— Терпеть не могу коньяк, — сказала она Тиму по-английски. Огромные черные очки закрывали чуть ли не половину ее лица, видны были только тонкие, плотно сжатые губы. Можно было только догадываться, что она говорила без улыбки. — Вы ведь не парижанин, не так ли?

— Да, я здесь проездом.

— По работе?

— Нет, — невозмутимым тоном ответил Тим, не имевший желаний продолжать беседу.

— Вы выглядите человеком, отягощенным заботами, — заметила женщина.

— Скажите еще, мировой скорбью, — ответил Тим.

— Мировой? Уж не угнетают ли вас события в какой-нибудь Аргесуэлле? — спросила женщина.

Тим не ожидал такого вопроса, вздрогнул и замешкался с ответом.

— Не очень, у меня нет там знакомых, а с точки зрения судеб демократии даже не знаю, что и думать, — неуверенно ответил Тим.

— Спасибо, — сказала дама официанту, поставившему перед ней заказанный виски, и сделав большой глоток, снова повернулась к Тиму. — Демократия! Народ может либо выбрать из обманом подsunутых ему личностей, либо бунтовать. Решать он никогда ничего не может. Решают другие.

Тим вспомнил о таинственном совещании у вице-президента Чейни перед началом войны в Ираке. Просто список его участников оказался секретом. Дискутировать с дамой тем не менее не хотелось.

— При всем прогрессе средств информации, — продолжала она, — народу дают ту информацию, которая не может нарушить существующий порядок или даже просто дать понять структуру общества и ее изменения. Например, обращали ли вы внимание, что в аэропортах не встретишь богатых людей?

— Не обращал. Куда же они делись?

— Они не летают коммерческими авиалиниями. Ни в обычном салоне, ни в бизнес-классе. Люди с деньгами летают частными авиалиниями. В их самолетах не больше пятнадцати человек на борту. И таких людей много. Цена билета, естественно, несопоставимо выше. Публике же широко известно только, что миллиардеры летают на своих собственных самолетах, но таких не так много. Распространение информации и ее источники — секретнейший бизнес, но, как вы понимаете, без использования труда обычных людей в нем не обойтись. Иногда люди, используемые при подготовке решений, догадываются о чем-то тайном, — продолжала дама после второго глотка, — иногда они начинают суетиться и...

Тим внутренне похолодел и перебил ее:

— И что тогда?

— Напрасно вы волнуетесь за таких людей, — все тем же ровным безэмоциональным тоном продолжала дама, допивая виски до дна, — мировой или даже государственный порядок гораздо важнее. Посмотрите хоть на недавние события в Аргесуэлле, как гладко все происходит. Значит, какой-то план здесь есть, и кто-то этот план разрабатывал.

— Выдумать можно все что угодно, — угрюмо пробормотал Тим.

— Ну, вы же серьезный человек, — сказала дама, отсчитала наличные за виски, положила под блюдечко, встала и, повернувшись спиной, пошла ко входу в церковь. Тим почему-то с удовольствием отметил, что ноги у нее кривые.

Необъяснимая тревога не улетучивалась после этого разговора весь остаток дня, и Маша отметила его тревожное настроение сразу после концерта. В метро Тим рассказал ей о беседе с дамой.

— Хм, а что ты делал до этого?

Тим с неохотой рассказал о звонке Лешке.

— Ты звонил ему только один раз? — спросила она, когда они выходили из метро.

Тим не стал врать и рассказал о всех звонках.

— Навел-таки на след, великий конспиратор, — злобно сказала Маша, сдвинув брови. — Вечно эти ученые хотят что-то узнать себе на голову.

Маша была только на полгода старше Тима. Они выросли в одно и то же время, время слома старых ценностей в обществе. Интеллигентная семья Тима, хоть и испытала давление этого слома, но сохранила традиции и, как, могла, сопротивлялась

новым веяниям. С Машиной семьей все было иначе. Отец остался на старой работе инженером и зарабатывал мало, а вот мать, заведующая аптекой, вдруг стала ее хозяйкой. Потекли деньги, но отношения в семье разладились, и родители развелись. Студентка Маша осталась с матерью, но с каждым годом мать и дочь все больше становились чужими. Мать стали интересоваться только деньгами. Маша кое о чем догадывалась, но никогда не обсуждала с матерью ни качество лекарств, продаваемых в ее аптеке, ни то, как они туда попадали. Она просто старалась быть непохожей на мать. В каком-то смысле ей это удавалось. Сложнее было с наследственностью: Маша и мать были очень похожи, и Маша с трудом справлялась с унаследованной от матери агрессивностью и охватывавшей ее иногда безудержной злостью. Вот и сейчас сообщение о звонках Тима приятелю, поставившие под угрозу не только жизнь Тима и их отношения, но и ее жизнь, вызвало приступ злости, с которой она едва справилась. «Маменькин сыночек не понял, куда попал и с кем имеет дело. От таких дел не уходят по собственному желанию. Господи, что же делать?» — думала Маша, стараясь в то же время взять себя в руки.

Они молча вошли в квартиру, Тим чувствовал себя весьма неуютно.

— Маша, может, мне лучше уехать в Канаду? — спросил он, едва переступив порог.

— В Канаду собрался, — повторила она, не изменяя тона. — Иди спать, ученый.

Среди ночи Тим услышал, что она вышла на кухню и с кем-то тихо разговаривала по телефону. Когда она снова легла, он спросил, кому она звонила.

— В Аргесуэллу, — почти шепотом ответила она.

Тим не понял, всерьез ли она сказала это.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Первое, о чем Тим подумал, едва проснувшись, была вчерашняя встреча с дамой в черных очках. «Ничего особенного в ее замечаниях не было. То, что она упомянула Аргесуэллу, естественно, раз теперь все говорят об этом. Общие сентенции не представляют ничего нового. Единственное, что настораживало, это ее удовлетворенность развитием событий в Аргесуэлле. Однако я же не знаю точно, о какой стране была поставлена задача нам с Риком», — думал Тим. И вдруг Тим понял, что было в письме, которое прочитал вчера Лешка. Он должен поехать в Канаду. Дядя Джеймс именно это ему и сообщил. Почему «должен», Тим не понимал, но дядя Джеймс не давал плохих советов. Опаснее ли здесь, чем там? Все ли закончилось? Может, что-то еще должно начаться? Маша придет с работы — нужно обсудить с ней.

Удивительно, но в последние дни Тим время от времени, думал о том, как включить в проблему временный увеличенный прирост населения. «Мать говорила, что я ученый с пеленок, — улыбнулся Тим. — Может быть, все улеглось и можно ехать в Миннеаполис. Вряд ли в университете кто-нибудь обо мне вспомнил. Лето. Денег у меня почти не осталось. Их, скорее всего, не хватит даже на билет. Попросить у Маши неловко. Маша...» Тим улыбнулся. Им было хорошо вместе, и расставаться не хотелось.

— Маша, теперь я боюсь опять что-то сделать не так, посоветуй, — спросил Тим за завтраком, — как мне взять деньги, которые университет перечисляет мне как жалованье, но не засветиться снова и никого не подставить?

— Вообще говоря, если бы ты выписал чек за услугу какой-то большой организации, то у банка не должно возникнуть оснований не оплатить его, а ты бы мог получить обратно деньги, отказавшись от ее услуги. Так получают обратно деньги за

сданный авиационный билет, — подумав с минуту, ответила Маша. — Однако такое не делается в пять минут. Сколько денег, как срочно и зачем тебе надо?

— Начну отвечать с последнего вопроса. Я обдумывал смысл сообщения «По приезде в Канаду звоните Джеймсу». Почему-то Джеймс считает, что я должен быть в Канаде. Может быть, потому что, по его мнению, мне безопаснее быть там, чем где-либо еще. Но могут быть и другие причины. Может быть, ему просто проще приехать туда, чтобы поговорить с глазу на глаз. Поэтому деньги мне нужны на билет в Канаду.

— Хочешь, поедем вместе?

— Как бы ни хотел, это слишком опасно.

— Ты не вполне доверяешь Джеймсу?

— И ему тоже, и я не хочу подставлять тебя.

— Ну, тогда уезжай сию же минуту, — усмехнулась Маша и минуту, молча улыбаясь, смотрела на стенные часы. — Так, минута прошла, а ты и не подумал даже встать из-за стола. Тогда будь любезен, проведи этот день без всякой самостоятельности, а я постараюсь кое-что узнать, и мы вечером договоримся о дальнейшем. Как ты можешь понять, какие-то контакты за столько лет у меня здесь появились. Поскольку ты не очень занят, сходи сразу после полудня на уличный базар на Домесниль, я тебе напишу, что купить и как это называется по-французски. Там вся еда и свежее, и дешевле.

В пятницу утром Тим вошел в агентство Аэрофлота и представился описанному Машей сотруднику. Тот провел его в служебное помещение, где его уже ждали Маша и какая-то дама лет под пятьдесят, одетая не в униформу агентства, а в серый костюм.

— Мы можем принять оплату вашим чеком под ее гарантию, — сказала дама, показывая рукой на Машу, — и поскольку Маша сказала, что вам надо для уточнения даты вылета сделать пару звонков, вы можете воспользоваться моим телефоном. Простите, мне нужно выйти на пару минут.

Тим посмотрел на часы. В Миннесоте уже начало пятого. Первый звонок он сделал Джеймсу.

— Джеймс, это Тим, я говорил с вами в Ту-Харборс.

— Да, я вас помню. Где вы находитесь?

— Я еще в Европе. Я узнал о гибели Рика. Мои соболезнования.

— Да, — как-то слишком безэмоционально ответил Джеймс.

— Я думаю, мне нужно с вами поговорить.

— Честно говоря, я не собираюсь вскоре в Миннеаполис. Мне ближе ехать в Тан-дер-Бэй. Это хоть и захолустный канадский городишко, но меня устроит.

— А когда вам удобно?

— Когда будете в Канаде, перезвоните.

Второй звонок он сделал на факультет.

— А, доктор Костомаров! — радостно взвизгнула секретарша, имевшая обыкновенно честно отсиживать в приемной декана весь рабочий день даже в каникулы. — А мы вас повсюду искали! Даже профессору Вагнеру звонили на днях.

— В чем проблема? — насторожился Тим.

— После гибели профессора Андерсена... Вы знаете о ней?

— Да, к несчастью, — скорбно ответил Тим, и они обменялись дежурными фразами, принятыми в таких случаях.

— Так вот, — продолжала секретарша, — вы, конечно, сразу рассматривались как один из главных претендентов на его место, и как раз вчера пришел имейл от

«Архимед лимитед», что в случае вашего избрания факультет получит многолетний контракт. Обязательно позвоните декану на следующей неделе.

Тим попрощался и, повернувшись к Маше, с ошарашенным лицом пересказал сообщение секретарши.

— Боишься, что выманивают из укрытия? — насупившись, спросила она.

Тим не отвечал с минуту. Затем он достал какой-то бланк и снова позвонил.

— «Архимед лимитед» слушает, простите, как о вас доложить? — раздался женский голос.

— Я доктор Костомаров из университета...

Тим не успел договорить, его перебили.

— А, мистер Вильсон просил соединить его с вами, как только будет возможно.

Подождите минутку.

Его соединили даже быстрее.

— Доктор Костомаров, прежде всего я хочу выразить вам соболезнования в связи с безвременной кончиной вашего босса, — прозвучал в трубке напыщенный голос. — Мы ценили и его квалификацию, и его личность. Вы даже не представляете, насколько полезным было наше сотрудничество. Покойный всячески подчеркивал вашу существенную роль в нем. Вас, наверное, информировали в университете относительно нашего интереса к продолжению сотрудничества...

— Да, я только что звонил туда.

— Звонили. А где, простите, вы сейчас?

— В Париже.

— То-то же мы не могли вас найти. Замечательное место для отдыха. Однако не пропадайте бесследно, профессор Костомаров.

— Я еще не профессор. А в чем дело, почему меня искали? Тема, кажется, закрыта, — удивленным голосом поинтересовался Тим.

— Наши интересы динамичны, но было бы кощунственно обсуждать их сегодня, фигурально говоря, над гробом вашего босса. Главное, не пропадайте из виду, — подчеркнуто медленно произнес Вильсон и попрощался.

Они решили лететь вместе до Тандер-Бэя. Вернулась дама в сером, стали искать не очень дорогие билеты. Получалось вылететь в воскресенье утром и с двумя пересадками добраться туда к вечеру.

— Я отпущусь на пару дней в начале недели, — решила Маша, — бери два билета с обратным рейсом в Париж на среду или четверг.

Прилетев в Тандер-Бэй, они остановились в гостинице «Рамада» и сразу позвонили Джеймсу. Договорились встретиться утром в магазине самоцветов.

Они приехали заметно раньше назначенного времени, и Маша с удовольствием рассматривала самоцветы, даже купила какую-то мелочь, в то время как Тим то и дело посматривал на парковку. Разумеется, Джеймс приехал со своим псом.

По предложению Джеймса они пошли в облюбованное им кафе.

— Полиция что-нибудь нашла при расследовании смерти Рика? — по дороге спросил Тим.

— Их рабочая версия — пьяный наезд, они начали с опросов близлежащих баров и трех-четырех мастерских, в которых выполняют кузовные работы, главным образом, после столкновений с оленями, — усмехнулся Джеймс, давая понять бесполезность вопроса.

Они сели за столик, и Тим поделился новостями, полученными из телефонных разговоров. Джеймс слушал, не перебивая и, казалось, вовсе не желая комментировать рассказ.

— Считаете ли вы, — не выдержала Маша, — что Тиму уже не угрожает опасность?

— Нам, американцам, всю жизнь вдалбливали, что мы свободные люди, — неожиданно громко и злобно ответил Джеймс, — и Рик пал жертвой этой долбежки. Быть прослушиваемым и отслеживаемым оскорбительно для свободного человека. Вашей жизни, молодой человек, я думаю, пока ничто не угрожает. Аргесуэлла была причиной тому или нет, но тени, неотступно следовавшие за вами, дали отбой тревоги. Пока живите спокойно. Пока. Помните только, что эти тени — навсегда. Вы же не бросите все на свете, включая свою науку, и не уйдете бесследно в какую-нибудь несусветную глушь, как может уйти какой-нибудь плотник. Лично вы уже никогда не будете свободны, если русских это вообще волнует.

— А ваши тени еще за вами? — осмелев, спросил Тим.

Джеймс угрюмо посмотрел ему в глаза, встал и, бросив вместо ответа «Прощайте», повернулся и вышел.

— Кошмар в том, — тихо сказала Маша, как только дверь кафе закрылась за Джеймсом, — кошмар в том, что, в отличие от Фауста, ты даже не подписывал договор с дьяволом.

— Подписали они, а я им просто попался на пути, как Гретхен, — в тон ей заметил Тим.

Остаток дня в этом городишке они не знали, куда себя деть, и к закату были рады забраться в свой номер в гостинице.

— Ну, что же ты решил? — спросила Маша

— Если я вернусь в Миннеаполис, ты поедешь со мной?

— Стать домохозяйкой в сорок — нужна смелость, родить полдюжины детей я тебе просто не успею. К тому же у меня нет специальности, филолог — это разве специальность? — как-то неуверенно отвечала она. — Сам-то ты для себя что решил?

В это время в дверь номера постучали. Тим открыл дверь и увидел Джеймса с собакой. Собака встала на задние лапы и зарычала. Тим вскрикнул.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда Тим открыл глаза, первое, что он увидел, было склонившееся лицо Маши.

— Ты кричал. Тебе приснилось что-то страшное? — спросила она.

— Ты не уехала? Как хорошо.

— Не надо говорить, полежи еще немного спокойно, а я приведу врача.

Тим снова закрыл глаза и провалился в неглубокий сон. Через короткое время он увидел Машу, а рядом с ней человека в белом халате, в котором он с трудом узнал дядю Джеймса.

— Тим, вы молодец. Такие пациенты — удача врача, — лицо дяди Джеймса прояснилось.

Ничего не понимающий Тим перевел взгляд на Машу. У Маши был измученный вид.

— Где мы? — спросил Тим.

— Ты в больнице. Когда ты ехал в банк, твоя машина столкнулась с грузовиком, водитель которого заснул за рулем и выехал на встречную полосу. Сегодня тебя собирався навестить Рик.

— Как Рик? Разве он не погиб на берегу озера Верхнего?

— Он туда и не ездил. Это тебе померещилось в бреду.

— Сколько же времени я здесь? — спросил ничего не понимающий Тим.

— Из-за травмы врачи держали тебя без сознания неделю. Искусственная кома.

Тим еще плохо понимал, что сказала Маша. В это время врач-Джеймс вышел из комнаты, а вошла медицинская сестра, и Тим наконец увидел ее лицо. Без больших

темных очков она была даже привлекательна, несмотря на тонкие, сжатые губы. Она сделала ему какой-то укол, а когда выходила, Тим напрягся: «Где же я видел эти кривые ноги?»

Еще через некоторое время вошел Рик. Посмотрев на Тима, он улыбнулся и подошел ближе к кровати. Рик выглядел почти счастливым:

— Тим, как я рад, что ты выкарабкался.

— Рик, а что с маячками?

— Неловко вспоминать мои страхи, — расхохотался Рик. — Ты же помнишь лаборантку Джейн. Так вот, ее жених, которому ты дал прозвище Отелло, приревновал ее, подозревая, что кто-то с факультета, деликатно говоря, навещает ее, и решил отследить соперника. Он попался при попытке прикрепить такой же маячок к машине еще одного нашего сотрудника.

Тим улыбнулся и подумал: «Как хорошо, что все так просто. С болезнями через какое-то время справляются. Слава богу, это не тени, это не на всю жизнь».

Когда Тим снова открыл глаза, Рик добавил:

— Есть еще одна интересная новость: «Архимед» прислал контракт на продолжение работы. Они хотят, чтобы мы в постановке задачи учли влияние повышенного прироста населения за двадцать-тридцать лет до начала развития событий.

— Это невозможно, — еле слышно произнес Тим.

— Почему?

«Невозможно, потому что это — возвращение к бреду. Сергея Юрьевича в хельсинкском поезде с его идеей перенаселения никогда не было. Или он был, а бред — это то, что происходит сейчас?» — подумал Тим и снова закрыл глаза.

Виктор ШИРАЛИ

* * *

Я обездвижен я почти что труп
Ночами мне от тяжких дум не спится
Чужая молодость вертит тройной тулуп
А это значит что земля еще вертится

Я в Петербурге значит я в гробу
Я в саркофаге имени Растрелли
И Лета по которой я гребу
И соловьи поют и менестрели.

* * *

Червоточиной. Отметиной
Яблоко души да в рай
Чего Ева не заметила
Богу будет через край

«Родники мои серебряные»
Золота я не хочу
Господи, судьбу последнюю
Как умею волочу

Яблоком ладонь наполнена
Червоточина в душе
Жизнь сделана исполнена
Господом в мой ад сошед.

* * *

Отыскать пятак в кармане
С ходу сигануть в метро
О, Москва, ты не обманешь
Мне с Москвою повезло
Чуть присев на радиальных
Закрутиться в кольцевых
И судьбою чуть астральной
Стоило б еще пожить

Виктор Гейдарович Ширали родился в 1945 году в Ленинграде. Автор нескольких поэтических книг. Член СП Санкт-Петербурга. Живет в Санкт-Петербурге.

Но придаток Петербурга
Ножевую рану вскрыв
Невским навсегда погублен
Пью степной аперитив
И взошел на Миллионной
Окунув в Петродворце
Голову склонив поклонно
И с улыбкой на лице
Принимаю чёт и нечет
И Москву и Петербург
Всех столиц богов и нечисть
Всем столицам брат и друг.

* * *

Я мою ноги прожитым подругам
И воду пью и говорю «привет»
Всем молодым глазастым длинноногим
На жизнь мою пролившим долгий свет

За четвергом случилось много пятниц
И я не раз в полете был распят
В полете умереть это ль не счастье?
И лишь в полете был и буду свят

Случилась осень. Деревья оголтели
Не просыхаю — истина в вине
И на стекле что с ночи запотело
Рисует девочка последний абрис мне.

* * *

Высвети, Господь полночный угол
Впрочем я и сам еще свеча
А точней огарок. Слаб и скуден
И последние слова шепча

Говорю: я не поспел за веком
И смотря прощальные огни
Говорю, что был я человеком
Все грехи и сладости мои

Говорю: ночь катит в полнолуние
Старость Рим, ну а точней — Содом
Я шепчу последнее безумье
И последние слова — последний дом.

* * *

Лазаревой Е. В.
Мазову М. В.

Кину в печку дров полешку
Разожгу огонь свечой
Жил по-всякому но честно
Дверцу фартуком прикрой

Стоит жечься, дорогая
И пока огонь гудит
Кошка по углам играет
Домовой за печкой спит

Время к полночи но вышло
И пока огонь трещит
Молодость чадит чуть слышно
И о чем-то говорит

За окном играет вьюга
В сени заперт снегом вход
Обновим стакан, подруга
Пустим время в оборот

Вспомним молодые годы
Князем я а ты княжна
Сколько кончилось народу
Жизнь уже едва слышна

Ну а мы прижав друг к другу
Постаревшие сердца
Будем слушать снег и вьюгу
Будем слушать без конца...

* * *

Звенят трамваи
Отзванивает жизнь
Я полон сил
Брешу по первопутку
Еще звенит
Еще живет свирель
Еще заеду к Вам
Хоть на минутку

В Тригорском сестры
Разливают чай
Я молод весел
Покажусь на Святки

Я Вас любил
Попутно невзначай
И мы играем
В голуби и в прятки

Передохнем
После моей судьбы
Передохнем
И выдохнем остуду
Я позабыл зачем же жили Вы
И для чего я жить
Уже не буду.

* * *

Ко мне приходит поутру сосед
Под «ежик» стрижен
«Ежик» редок сед
С неполной маленькой
Садимся мы за стол
Я разливаю поровну по сто
Рассказывает. Время вспять бежит
Я слушаю и глаз не отведу
Как рюмка у него в руках дрожит
Как чья-то жизнь в тридцать седьмом году

Нет. Все не так
Садимся мы за стол
Я разливаю поровну по сто
Вопросами рассказ его веду
Какая жизнь в тридцать седьмом году?
Но он в ответ что умерла жена
Что жизнь не жизнь и пенсия мала
Что одному под старость нелегко
Что жизнь прошла и дети далеко.

* * *

Еще душа в саду
Еще Господь в ответе
За жизнь непроглядную мою
Еще я не один на белом свете
Еще стою у жизни на краю
И падая в межзвездное пространство
Звезды далекой начиная путь
И нагрешив до дна до окаянства
Быть может вспомнит кто когда-нибудь
Прости жена. Я стар и неспособен
Река мелеет к морю. Как-нибудь
Я Богу был в неверии угоден
И он означил смысл а значит путь.

Александр ЛОМТЕВ

ОЧЕНЬ СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Повесть

Так вот, значит, как умирают от жажды. Голова налита свинцом, в глотке ком наждачной бумаги, ноги и руки ватные, а в ушах гул. Кое-как поднял тяжелую голову и осмотрелся. Барханы, барханы, барханы — бесконечная светло-желтая всхолмленная песчаная равнина, прокаленная безжалостным солнцем. Неясный, дрожащий в горячем мареве круг горизонта далек и недостижим; я вдруг ощутил себя таким маленьким и ничтожным, что всякое желание двигаться испарилось. Лежать, лежать, высохнуть, распасться на отдельные кости и белеть на солнце, как белеют вон те, выскобленные ветрами останки верблюда.

Телу умирать, однако, не хотелось, и я снова пополз, обжигаясь о песок и задыхаясь от сухого зноя. И мне повезло. Вода появилась именно такой, какой должна была появиться. С вершины очередного бархана я увидел ее — прозрачную, прохладную, играющую серебряными бликами. Маленькое озерко с горсткой зелени на берегу. В центре озерка, подталкиваемые струйкой ключа, плясали бесконечные песчинки. По сыпучему склону бархана я съехал вниз, и меня всего скрутило, свело судорогой предчувствия первого глотка. Я рванулся к воде и... не смог сдвинуться с места.словно парализованный, полураздавленным червяком на дороге, корчился я в метре от воды. Я хрипел, изо рта текла горькая, липкая слюна, которую невозможно ни сглотнуть, ни сплюнуть. Я задышался от запаха свежей воды, слеп от солнечных бликов, глож от нежного шелеста камышинок. Я испугался — мне ни за что не одолеть этого отрезка пустыни длиной в шаг. Солнце смотрело на меня глазом грифа, почуявшего добычу; но как это глупо — умереть в метре от воды. Я собрал всю оставшуюся во мне жизнь и выплеснул ее в один бросок — ринулся к воде, и солнце обрушилось на меня, залив глаза ослепительным белым светом...

...Прохладный свет раннего утра широким потоком лился в окно. Я сидел на полу в метре от растерзанной постели и медленно приходил в себя. Прямо перед носом покачивалась на одной кнопке сорвавшаяся от удара карта. На лбу созревала большая шишка. Я сосредоточил взгляд на пестром куске бумаги, вобравшем в себя одну шестую часть мира, и между голубой кляксой Аральского моря и синей жирной запятой Каспия увидел светло-коричневое пятно Устюрта. Тоненькой, прерывистой линией по нему пролегал маршрут нашей экспедиции...

Сегодня, годы и годы спустя, я удивляюсь, как, каким шальным ветром занесло нас в тот суровый, опасный, по-настоящему дикий и поныне малоизученный пус-

---

Александр Алексеевич Ломтев — журналист, писатель. Родился в 1956 году. Основатель и издатель культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь». Публиковался в различных литературных журналах России. Автор книг «Путешествие с ангелом» (финалист Бунинской премии 2008 года в номинации «Открытие года»), «Ундервуд», «Пепел памяти». Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура», премии «Патриот России» и др. Живет в г. Сарове Нижегородской области.

НЕВА 5'2017

тынный край. Какой искуситель нашептал на ухо, что вот именно нам, молодым, не сведущим в науке и путешествиях любителям книг Джеральда Даррелла и визборовских песен у костра из среднерусского городка, имевшим за плечами по два-три похода на байдарках и велосипедах, непременно нужно отправиться в Среднюю Азию на поиски самого быстрого степного зверя — гепарда.

Не меньше удивляет и то, что удалось склонить на эту авантюру людей старше себя по возрасту и по житейскому опыту. Возможно, сыграли роль молодая наглость и неудержимый азарт да еще письмо научного сотрудника зоомузея МГУ Евгения Матюшина, которому моя уверенность в существовании среднеазиатского гепарда в самых труднодоступных местах Устюрта и Северных Каракумов очень понравилась.

Кое-что о гепарде

Гепард — удивительное животное. Формально — кошка. Но этот зверь настолько отличается от остальных «родственников», что ученым пришлось выделить его в особое подсемейство. И действительно в этом красивом, изящном, по-своему грациозном звере больше собачьего, чем кошачьего. Тело у него обтекаемой формы, живот поджарый, голова небольшая с короткими ушами, хвост тонкий и длинный, ноги очень длинные и сухие. И если бы не кошачья-таки морда — был бы он сравним с русской псовой борзой. К тому же когти на лапах не втяжные, как у всех кошачьих, а по-собачьи тупые. Да и характер у этих зверей не кошачий: они легко терпят присутствие друг друга, а прирученные, проявляют преданность собаки. К тому же в отличие от большинства кошек гепарды охотятся исключительно в светлое время суток.

Но главная «изюминка» гепарда — скорость, он абсолютный мировой рекордсмен, в спринтерском рывке развивает скорость свыше ста километров в час! Причем во время бега гибкий позвоночник гепарда сгибается, как у тех же русских борзых, настолько, что зверь способен выбрасывать задние лапы далеко вперед. На такой скорости важную роль играют как раз не втягивающиеся крепкие когти, которые усиливают сцепление лап с землей и не позволяют гепарду поскользнуться при резком повороте. При этом хвост на поворотах отбрасывается в противоположную сторону, становясь своего рода стабилизатором.

И вот, считая гепарда экзотическим существом из далекой Африки, я вдруг с изумлением узнал, что он во множестве водился в Средней Азии и был приручаем не только богатыми казахскими и туркменскими баями, но и русскими князьями.

«Владыки давних времен, — писал популярный в семидесятые годы прошлого века журналист-натуралист Василий Песков, — считали престижным держать в доме живого гепарда. Кое-где эта страсть доходила до ошеломительных крайностей. Один из индийских Моголов — Акбар — для пышных своих охот приручил 9000 гепардов...»

Сведения о гепарде встречаются и в русских летописях; там они называются пардусами. В «Повести временных лет» Святослав, сын Ольги и Игоря, убитого древлянами, сравнивается с гепардом: «Князю Святославу, взрастешю и возмужавшю, нача вой совокупляти многи и храбры и легко ходя аки пардус войны многи творяще». В Ипатьевской летописи 1147 года сообщается, что Святослав Ольгович Северский подарил гепарда основателю Москвы Юрию Долгорукому. «И приела Гюрги и рече: приди ко мне, брате, в Москву. Святослав же еха к нему с детем своим Олгом, в мале дружине, пойма с собою Володимера Святославича. Олег же еха наперед к Гюргеви и да ему пардус».

Прочитав массу статей о среднеазиатском гепарде, я вдруг понял, что никто достоверно не знает, действительно ли он вымер на просторах пустынь и полупустынь СССР или обитает еще где-то в самых труднодоступных уголках между Аральским и Каспийским морями. Изучив подробные карты среднеазиатских республик, я пришел к выводу, что если гепард и сохранился где-то, то только в районе Северных Каракумов на границе с Устьюртом. О чем, ничтоже сумняшеся, написал на кафедру зоологии МГУ и принялся собирать команду для путешествия в район озера Сарыкамыш, о котором совершенно ничего тогда не знал.

К моему удивлению, научный сотрудник МГУ Евгений Матюшин не только ответил на мое послание, но, одобрив идею экспедиции, приложил к письму подробные рекомендации и рисунок следа гепарда. После этого я с еще большим жаром принялся агитировать друзей на это авантюрное путешествие, и в конце концов мы отправились в путь.

Впрочем, сегодня я думаю, что, может быть, совсем не гепард толкнул моих друзей на участие в той странной аванюре. Просто не хватало в жизни чего-то яркого и необычного, как сегодня говорят — драйва. Плыли мы тогда в самых густых советских временах. Шестидесятная вольница давно уже кончилась, о дальних странах можно было только читать или мечтать, и люди, непоседливые умом и темпераментом, прятались от советской действительности в свои миры. Те, что попроще, становились цеховиками и фарцовщиками, зарабатывали валюту и время от времени садились на долгие срока; те, кто искал смысла жизни, уходили в интеллигентные дворники, диссиденты или, если не хватало жесткости в характере, в йогу или туризм. И хотя словосочетание «социалистические страны» еще не звучало в устах броватого Леонида Ильича как «сосиски сраны», но слово «систематически» уже понемногу становилось похоже на «сиськи-масиськи».

Провожая нас в дорогу, старый и очень опытный путешественник, которого все в нашем городке звали исключительно по отчеству — Петрович, сказал загадочно: «Ну, ничего особенно страшного вы там не встретите, в смысле змей, скорпионов и басмачей — обычные змеи и обычные басмачи, но помните, что это все-таки Азия — очень Средняя Азия».

«Сестрички»

В небольшом городке близ Амударьи, где мы застряли в ожидании попутного транспорта к юго-западным отрогам Устьюрта, имелось все, чему положено было быть в советском населенном пункте: больница, дом культуры, книжный магазин, школа и, естественно, гостиница. Одноэтажная, серая, окруженная чахлой акацией и скрученным ветром и солнцем саксаулом, она стояла в пыли пригорода, и из окон ее мы несколько вечеров наблюдали зарево пустынного заката.

Дни проходили то в предотъездных хлопотах и беготне по невыносимой жаре в рубашке, пропитанной потом, то в поглощении нескончаемой череды пиал огненного зеленого чая. Когда жара спадала и солнце уходило за редкую гребенку топей на дальних бахчах, можно было сесть на скамеечку у обшарпанного фасада гостиницы и расслабиться, лоя горячей кожей первую вечернюю прохладу.

Тут-то они и появлялись. Сначала старшая — Гуля, туркменская девушка лет двадцати пяти. Взлохмаченная, с помятым лицом и кругами под глазами, в заношенном халате, она шла в общий душ, долго там плескалась, сначала молча, а потом, постепенно приходя в себя, запевала что-то по-туркменски. Она возвращалась в комнату, и через пару минут там начинался скандал: старшая поднимала младшую с постели. Все начиналось с едва слышного ворчания, а заканчивалось

пронзительными воплями, после чего из комнаты выскакивала младшая — Лариска — и пулей летела в душ. В душе она орала, продолжая заочно скандалить с Гулей, потом умолкала, а обратно шла медленно, полуприкрыв глаза, с тюрбаном из полотенца на голове. И была она очень красивой. Длинные ноги с тонкими щиколотками, тонкие руки с точеными запястьями, узкие бедра, прямая спина, длинные ресницы — что еще? Походка... Взгляд... Наполовину русская, наполовину немка... Немцев много было в те времена и в Казахстане, и в Средней Азии. Теперь уж наверняка нет. Да и русских-то, пожалуй, осталось совсем немного. Половина постояльцев гостиницы выбиралась в этот момент из своих душных нор, чтобы «случайно» встретиться с Лариской. И она плыла королевой. А была, по сути дела, проституткой, как и ее старшая «сестрица» Гуля. Но это я, типичный советский человек, отчетливо осознал только спустя многие годы, а тогда эта парочка производила на меня, правоверного строителя коммунизма в отдельно взятом, неизгладимое ощущение чего-то несоветского, преступно-порочного, но отчего-то не вызывающего откровенного неприятия, а даже, пожалуй, тайно притягивающего.

Во дворе гостиницы стоял большой круглый стол, обставленный удобными скамейками. К этому столу парочка и выходила на вечерний чай. Гуля хлюпала из пиалушки, заталкивала в рот приторные восточные сласти и с набитым ртом заговаривала с каждым, кто проходил мимо или присаживался за стол. Лариска раскрывала книжку и с надменным видом скользила взглядом по страницам, лишь изредка поднося пиалу к красным сочным губам.

Едва жара окончательно спадала, они уходили в свою комнату и появлялись из нее роскошными дамами. Ясно, что одежда на них была, как тогда говорили, «от фарцы». Если учесть, что фарцовщики торговали своим контрабандным товаром по ценам совсем несоветским, деньги у Гули и Лариски водились немалые. Иногда они уходили пешком, чаще за ними заезжали на машине черноголовые, почти всегда усатые мужчины.

Старый вахтер-туркмен качал им вслед головой и вздыхал:

— Какой хороший девушка, и так зря пропадает!

Солнце тонуло в мареве раскаленной пустыни, над дальней бахчой завивался дымок вечернего костра, ишак начинал печально кричать где-то среди окраинных глинобитных домишек. Я сидел на скамейке, вдыхал густо настоящий пряный нерусский воздух, наблюдал нервный полет первых летучих мышей в густеющем синевой небе и пытался представить себе, где и с кем в этот вечер Гуля и Лариска.

Приятель, заметив, как я поглядываю на Лариску, сказал как бы мимоходом:

— И не думай, парень, эта бабочка быстро сгорит. Вокруг огня вьется, ты не из ее жизни.

Приятель мой был человек бывалый, выдавший виды. Говорил мало, но по делу. Он, конечно, был прав. Только беспокоиться ему было ни к чему: я и сам ни за что не подошел бы к Лариске, не смог бы заговорить с ней. Возраста мы были примерно одного, но я сразу почувствовал себя в сравнении с ней лопухим щенком. Понимал, что знает она о жизни нечто такое, что мне, русскому мальчику из простой полурабочей-полудеревенской семьи, может быть, никогда и не узнать.

Попутного транспорта все не находилось, и вечера на пяточке перед гостиницей тянулись долго, но порой интересно. Народ сюда приезжал со всего Союза, люди разные, как правило, тертые. Было что послушать в неторопливых посиделках за бутылкой водки, в клубах сигаретного дыма, сизыми разводами плавающего в безветрии. Над столом горела одинокая лампа, вокруг которой вился хоровод огромных ночниц, сшибаемых иногда серой молнией летучей мыши. Порой на край стола вскарабкивался большой богомол и застывал в своей монашеской позе, словно

прислушиваясь к человеческим речам. Богомол был своим, его не трогали. Как все это было не похоже на вечера в России, в городе ли, в деревне у деда... И в то же время чем-то неуловимым похоже. Так хорошо думалось, что люди везде одинаковые, а живут хоть и по-разному, но если приглядеться...

Время от времени к гостинице приходил молодой узбек с ненастоящим именем Володя. Блестел крупными белыми зубами, шутил, предлагал всем «товар». Товар — самокрутные сигаретки с «травкой». По советско-непорочной девственности мы поначалу думали, что с самосадным табачком. Но нам разъяснили: с «травкой» — значит с наркотиком. Верилось в это с трудом, наркотики — это что-то «тамошнее», из «загнивающего Запада», но у нас, в СССР?! Нет, конечно, некие темные стороны жизни были нам известны, но все они как-то незаметно вписывались в советское плакатное полотно бытия. Фарца, приклатненный сумеречный мир рабочих пригородов и поселков, неприятные и малопонятные диссиденты, ночное чтение «Ивана Денисовича», нищие незаметные бабушки, собирающие бутылки за утренними алкашами в городском парке... Сейчас об этих темных сторонах советской действительности можно вспоминать почти с умилением...

— Ты меня не бойся, — подсаживался ко мне смуглый Володя. — Тут, конечно, мы все басмачи. Но пока вы нам завод строите, вас никто пальцем не тронет. Если что — только скажи, что Володька Черный твой друг. И все!

Ночью я засыпал под неумолчный стрекот цикад и подвывание шакалов с окраины. Иногда сквозь сон слышал, как к гостинице подъезжала машина и через минуту раздавались ворчание вахтера и пьяные смешки Гули и Лариски.

Наконец нам сообщили, что нашлась попутка и нас обещают забрать. В тот день подруги никуда не пошли. Утром, как обычно, вышли во двор на чай, посидели-поболтали с кем придется, а потом делали что-то в своем номере, видно, ждали гостей.

Ребята ушли на базар, а я распахнул окно и дверь, чтобы хлипкий сквозняк хоть чуть-чуть развеял полдневную духоту. В открытую дверь и впорхнула маявшаяся без дела Гуля.

Она плюхнулась на стол у окна и принялась обмахиваться сухой рыжей лепешкой, словно веером. Она смотрела на меня так пристально и насмешливо, что мне сделалось не по себе.

— Один скучаешь? А дружки где?

— На базар ушли...

— И что ты один сидишь, купил бы бутылочку, завалился бы к нам. Лариска на тебя глаз положила... Хочешь Лариску? Знаю, что хочешь. Но не получишь. Ты таких денег никогда не заработаешь, трудяга. Лариска — девочка дорогая. Чего молчишь-то?

Она бесстыже раздвинула ноги, халат разошелся, и... Спас положение сосед-командировочный, заглянувший в комнату. Гуля быстро оправила халат, вскочила со стула и шмыгнула за дверь.

— Чего этой шалаве надо было?

— Соли попросила.

Остаток дня я провалился на продавленной кровати, рассматривал на потолке письма судьбы, выписанные замысловатой паутиной трещин, и в полудреме мечтал. Вот наберусь решимости, подойду к Лариске и объясню ей, как неправильно она живет, расскажу ей про свой родной городок и позову с собой. Прошлое ее, конечно, забуду, буду любить и беречь... Она поймет — она умная и добрая. Это же сразу видно, просто так уж сложилась судьба, но с судьбой можно бороться...

Я и сам чувствовал, что все это явно отдавало достоевщиной, что никуда не пойду и сказать ничего не смогу. Но отчего ж не погрезить...

Вечером к девушкам пришли гости — все те же крупные черноволосые усатые мужчины. Сначала из комнаты «сестричек» доносились музыка, громкий смех и все, чему положено доноситься из помещения, где вовсю кутят. Потом там случилась ссора, которая разрослась и выкатилась дракой в гостиничный коридор. Драка получилась серьезной. С ножами, бутылочными горлышками в острых зазубринах. Сосед-дальнобойщик, улегшийся было спать, чертыхаясь, натянул «треники» и пошел в коридор.

— Сидите тут, — рявкнул он нам, когда мы рванулись было за ним. Слышно было, что на шум потянулся и народ из других номеров.

Конечно же, мы не остались в номере и высыпали в коридор, но сосед уже шел навстречу.

— Хахали Лариску не поделили. Гулю стулом ударили, стекло выбили в окне...

Я не мог уснуть и ворочался до утра, прислушиваясь к едва доносящимся звукам из номера девушек — всхлипы не всхлипы, плач не плач...

Утром обычной ругани между Лариской и Гулей не было. Лариска шла по коридору в душ. Шла, держась за стенку. На длинных ногах ее я увидел потеки присохшей крови. Мутноватыми в припухших веках глазами она посмотрела на меня, словно хотела сказать что-нибудь вроде: «Чего вылупился?», но не сказала. Рыдала за стеной Гуля. Потом приходил участковый, долго, громко и сердито бранился за стенкой. Вахтер испуганно сидел за своим столом. И когда мы, вынося к грузовику свой скарб, проходили мимо, старик отчего-то сказал:

— Это не я милиция вызывал, это комендант вызывал милиция...

Еще до того, как мы отправились в путь, Гуля с Лариской из гостиницы съехали. Их комната осталась незапертой, и я вошел в открытую дверь. Пахло духами, на постели валялись чулки, на столе какая-то женская мелочь, на подоконнике банка из-под кильки, набитая окурками. Рядом лежал перевернутый обложкой вверх томик. Я взял книгу в руки. Хемингуэй. «У нас в Мичигане». Надо же...

Дядя Костик

Ребята забрались в тентованный белым брезентом кузов, а мне досталось место рядом с водителем. Его звали дядя Костик. Дядя — потому что был пожилой, Костик — потому что росточку был невысокого. Что называется, «метр с кепкой». Однако, как говорили, шофер классный. Едва машина тронулась, как дядя Костик заговорил. Похоже, о чем говорить, ему было совершенно безразлично. О том, какой фильм видел на днях, почему купил кожаную куртку на рынке, о братниных детишках; своих-то нету. О том, что не любит пустыню. А за что ее любить? Летом в Каракумах от жары звенит в ушах, мелкий противный песок лезет во все щели и скрипит на зубах, а от солнца в глазах разноцветные круги, не помогают даже солнечные очки. Отчего же он здесь? Да очень просто: в Каракумах хорошо платят; за сезон можно было накалымить столько, сколько в родном поселке не заработаешь и за три года. Поэтому каждую весну дядя Костик срывался из своих размокших Вятских Полян и вербовался в Ашхабаде в автоколонну. Гонять КамАЗы по транскаракумской трассе тяжело, зато в родной городок возвращаешься королем, пахнущим дальними странами и большими деньгами.

Еще больше пустыни дядя Костик не любил ее обитателей. Когда в самой первой командировке ему посоветовали утром, прежде чем одеться, вытряхивать одежду и обувь, он решил, что над ним смеются, как над любым салагой-новичком смеются везде, хоть в Чите, хоть в Астрахани, хоть в армии, хоть на лесозаготовках.

Однако, увидев, как старые водилы, поднявшись с постели в дырявом сарае, называемом «Домом колхозника», встряхивают шмотки, неуверенно потряс штаны и сам. И из штанов выпала какая-то мохнатая дрянь: паук не паук, скорпион не скорпион. Сколопендра, сказал почти безразлично сосед по койке и, тряхнув собственные сапоги, вытряхнул на пол скорпиона...

Всех этих многоногих, иногда мохнатых, иногда хрустко жестких тварей дядя Костик побаивался, но терпел. Поскольку:

— Всякая тварь для чего-то Богом создана, к чему-то приспособлена. Вот змея. Не трогай ее, и она тебя не тронет, а ейным ядом страшные болезни лечатся. Вот человеку и польза...

И был у меня напарник — Васёк, — балясничал дядя Костик, покручивая баранку. — Вот он ненавидел всех ползающих до злобной дрожи. Я, говорил, со школы знаю, что все сотворил Дарвин, что животные делятся на домашних и диких. Домашних надо употреблять в пользу, а диких по возможности истреблять. Тем более таких, как всяческие каракурты, скорпионы и гюрзы. Я ему, бывало, говорил: убить Божью тварь недолго, но зачем? Тебе от этого лучше станет? А он мне в ответ: станет!..

И вот как-то едем по трассе, Васёк за баранкой, я подремываю. Жара, солнце слепит, мне деревенька моя, кажется, приснилась. И тут визг тормозов, машину повело, я отоснулся — что такое?! А Васёк из кабины вылезает, говорит: гюрзу задавил, пойду, мол, посмотрю. Я за ним, а он подбегает к ней, к раздавленной, и ногой ее — получи, с...! А гюрза уж мертвая, считай, извернулась и клюнула его в сапог. Он давай ее топтать, а она его еще раз клюнула.

В общем, оттащил я его от гюрзы, кое-как в кабину затолкал и по газам! Но не довез, умер Васёк минут через двадцать. Во-о-от...

Дядя Костик закурил, пустил струйку вонючего дыма на ветер за открытым окном и улыбнулся:

— Но вообще, жить тут можно. И фрукты-овощи дешевые, и мясо, да люди по своему хорошие — понимать только надо. Везде ведь свои порядки. Там у нас одно, а тут тебе Азия. Средняя.

Я вдруг вспомнил Петровича...

Когда дядя Костик принялся рассказывать, какой в здешних краях замечательный готовят плов, я спросил:

— Дядь Костик, а где бы нам тут продуктами затариться перед озером?

— Во-он, впереди вышку нефтяную видишь? За ней километров пятнадцать — и поселок, там хороший базар. Все купить можно. Я там однажды знаешь, какие ботиночки отхватил...

Незнакомка

Я сидел на самом солнцепеке и читал «Пятнистого сфинкса» Джой Адамсон. Вокруг гудел самый настоящий восточный базар, беспорядочно раскинувшийся на окраине захудалого городка; где-то в его муравейнике ребята закупали продукты, а мне казалось, что я почти в Африке. Призрачные гепарды носились передо мной по желтой равнине, и ветер приносил откуда-то терпкий запах саванны.

— Вам так голову напечет!

Я поднял глаза и увидел настоящую восточную красавицу. Ей было лет девятнадцать. Тонкое, слегка смуглое лицо, белозубая улыбка, влажные оливковые глаза, черные волосы, едва выглядывающие из-под красной узорчатой шелковой тюбетей-

ки и платка, расшитый легкий халат — чабыт, пестрые шаровары... Тонкие лодыжки и точеные запястья, отягощенные тусклым серебром... В общем, я был сражен.

— Лучше уйти с солнца в тень, — продолжая улыбаться, повторила она, — голову напечет, солнечный удар будет, — и показала место на скамейке рядом с собой.

Словно лунатик, я подхватил сумку и, заложив страницу пальцем, пересел.

— Куда едете? — спросила она.

— Еду? — тупо переспросил я. У меня вдруг все вылетело из головы. — Э-э-э... К озеру... М-м-м... Сарыкамыш.

— Жаль, — она продолжала улыбаться, и от этой улыбки я впал в столбняк, — никак не могу найти попутку. А автобус только к вечеру будет.

Я зачарованно смотрел на нее и не мог вымолвить ни слова.

— Вы из России? — спросила она.

Я кивнул головой, мысленно ругая себя за заторможенность. Что же это со мной такое? Я смотрел на нее и не мог сказать ни слова. Хотелось взять ее за тонкое, изящное запястье и никогда не отпускать.

— Скажите, — она замялась, — только не смейтесь: коньки для льда — железные?

— Коньки для льда? А, да.

— А лыжи?

— Что — лыжи?

— Лыжи тоже железные?

— Лыжи? Нет, лыжи деревянные.

— Что вы говорите?! — она была изумлена. — Но как же они не ломаются? Особенно когда с горы?

— Вы никогда не видели лыж?

— Нет. Вот поеду поступать в институт в Ленинград — обязательно научусь бегать на лыжах. У меня дядя в институте работает в Ленинграде. А вы не из Ленинграда?

— Нет... Водятся у вас здесь гепарды? — осознавая нелепость вопроса, вдруг вымолвил я.

— Раньше водились, — ничуть не смутившись, ответила она. — У моего дедушки был ручной гепард.

— Да?

— Да...

Потом мы молчали, смотрели друг на друга и улыбались. Оттого что она нравилась мне так, как не нравилась еще ни одна девушка, в голове было совершенно пусто, только в груди что-то сладко ныло. До сих пор я вижу ее, словно встретились мы вчера. Гибкая и тонкая, красивая шея и царственная осанка (банально, банально, но — так, но так!), открытый взгляд... Много спустя я узнал, что туркменские девушки никогда не носили хиджаб, не скрывали лица, а в старину даже охотились вместе с мужчинами.

Нужно было что-то сказать, что-то сделать, но я не знал что. Время остановилось, но Джой Адамсон со стуком выпала у меня из рук, и оно снова пошло. Подбежали ребята и загомонили, затормошили, потащили к грузовику — пора, пора, пора... На ходу я оглянулся. Мне показалось, что она хотела что-то сказать, но только приподняла ладошку мне вслед.

Когда я опомнился, машина уже летела по перечеркнутому тенями тополей асфальту среди бахчей и рисовых чеков. Тут только я понял, что нужно было сделать. Адрес, адрес нужно было записать! Или телефон. А еще лучше и то и другое.

— Ты что какой, — тормошили меня друзья, — голову напекло, что ли? Заболел?

А я уже начинал догадываться, что да — заболел. Болезнь эта называется «любовь-с-первого-взгляда». Но не догадывался еще, что запомню эту встречу на

всю жизнь. Тоска о той девушке с восточного базара на окраине пыльного туркменского городка до сих пор таится в моем сердце, томит его, и я продолжаю корить себя: как же я не догадался взять адрес?..

На повороте к Сарыкамышу нас высадили и оставили ждать другую попутку. Мы расселись на рюкзаках и палатках, нас окружал светло-желтый круг пустыни; на западе этот круг рассекала ровная стрела дороги, уходившей к озеру.

«Как же я ее теперь найду? — мучился я. — Это же почти невозможно...»

Я ошибался: это было просто невозможно. В Ленинград я ездил несколько отпусков подряд. Обошел все институты, о которых только знал. Слонялся около них целыми днями. Но нет — не нашел.

Дорога к озеру

...Машина скрылась с глаз, а пыль еще долго висела в горячем воздухе. И я пошел за этой пылью вслед пропавшей машине. Я шел налегке — всю поклажу забрали с собой друзья, удалявшиеся сейчас от меня со скоростью восемьдесят километров в час на почтовом фургоне, водитель которого наотрез отказался брать лишнего пассажира. Я шел по горячему шоссе, шурился от неистового солнца, всем телом ощущая великую сушь Каракумов и время от времени оглядываясь: не идет ли попутка.

Что я сделал глупость, оставшись в пустыне, я понял через два часа, когда вспомнил, что сегодня воскресенье и рассчитывать на случайную машину практически невозможно. Не сказать, чтобы я испугался, но тревога поселилась где-то под сердцем и не уходила. Я был один в центре огромного светло-желтого круга. Я шагал, и уходили назад беленые придорожные столбики, и обглоданные кости саксауловых кустов уплывали назад, но все равно я оставался все там же — в центре заколдованного раскаленного круга. Час, другой, третий — все тот же желтый круг и все та же жара. Ни глотка воды, ни полтени вокруг, кроме собственной, под самыми ногами. И вот уже мысли путаются от жары, и язык превратился в наждак, и нечем плюнуть на дорогу: какого черта так влип!

Как глупо... Упадешь, закроешь глаза, и только дня через два на тебя, распухшего и расклеванного пустынными стервятниками, наткнется почтовый фургон или «Урал» геологов...

Как просто человеку умереть. Сутки без воды в сорокаградусную жару — и конец. Или, например, мороз... Мороженое... Эскимо на палочке... Сливочный пломбир... Белое и сладкое смазывает пересохшее горло, холодит пергаментные легкие. Музыка, фонтан в сиреневом городском сквере, три мокрые бронзовые фигуры с земным шаром, поднятым в голубое небо на вытянутых руках. Нарядные люди... Присесть вот тут, у столбика, отдохнуть, помечтать...

В самую последнюю секунду я увидел, что прямо там, куда я собирался сесть, поднял жало огромный (как мне показалось тогда) скорпион. Это встряхнуло меня еще минут на двадцать. А потом, когда я готов был окончательно и бесповоротно упасть, мне повезло. Прямо под насыпью сохранился кусочек арыка, опушенный густой осочной зеленью. Я пал в мутноватую, с прозеленью воду и пил, пил, пил, не отрываясь, пока вода не полилась из горла обратно в арык. Я лежал на песке, брызгал на себя водой, набранной в футболку, и, остывая, смотрел в воду. Вся она кишела мелкой живностью, но меня совершенно не трогало, что часть этой живности кишела теперь в моем желудке...

И снова я шел по дороге, и снова палило солнце, и уже через пятнадцать минут я был сух, словно и не было никакого арыка...

И перебежал дорогу тушканчик. И проползла вдоль дороги гюрза. И было большое искушение убить черепаху и, разломав панцирь, выпить кровь. А солнце прикипело к зениту и не хотело уходить на закат.

Когда я увидел дом и зелень вокруг дома и услышал лай невидимой собаки, я решил, что это мираж. Но дом был. И были люди, которые подкладывали мне кусочки дыни, подливая в пиалушку огненного чая, качали головой и цокали языками:

— Пешком от самого поворота?! Среди дня?! Да как же шофер тебя не предупредил — это ж верная гибель...

А потом в синеющих сумерках я лежал на мягком топчане, поставленном прямо под открытым небом у дома, и смотрел на горизонт. Там, в невысказанной дали, вдруг налился оранжевым светом непонятный шар, внутри которого червячком извивался ослепительный белый проблеск. Хозяйева дома сидели рядом, у костерка, но ни один не указал в ту сторону, не воскликнул: смотрите-ка! И я решил, что у меня бред. Шар поднимался все выше и выше, и я не запомнил того момента, когда он поднялся в мой сон...

Утром выяснилось, что я видел запуск очередного космического корабля с Байконура. Здесь к этому уже привыкли и не обращают внимания.

Кожа на щеках сгорела до костей, зато питье из арыка сошло с рук, никакой дизентерии. Днем я уже обнимался с друзьями и купался в ослепительном синем Сарыкамыше. А еще через день местные рыбаки взяли нас на острова. Мы плыли на моторке по бескрайней синеве. Два часа в огромном синем круге. Пеликаны, словно мини-гидросамолеты, взлетали при нашем приближении, была водой неведомая крупная рыба, показывались и пропадали желто-зеленые островки. И давешняя дорога уже уходила в нереальное. Только мазь на сгоревших щеках еще доказывала реальность случившегося.

Сарыкамыш

Местные утверждают, что на месте озера Сарыкамыш была самая безводная и глубокая в СССР впадина. Но это не так. Сарыкамышская впадина — третья по глубине, около сорока метров ниже уровня мирового океана. И сейчас на дно этой впадины не попасть. Разве что в акваланге. Поскольку теперь здесь раскинулось настоящее море. Не знаю вот только, ныряют ли дайверы на такую глубину. Не интересовался.

Иногда мне очень хочется снова побывать там, на его бескрайних песчаных пляжах, побродить по барханам, в зарослях саксаульников, прячущих медлительных черепах, худых пугливых зайцев-толаев, смешных ушастых ежей и небольших, сипящих, как кипящий чайник, варанов.

На современных картах Средней Азии южнее почти пересохшего Арала и восточнее залива Кара-Богаз-Гол обозначено Сарыкамышское озеро, водное зеркало которого почти три тысячи квадратных километров! Но на картах, изданных до 1971 года, никакого озера здесь нет, есть Сарыкамышская впадина. А произошло следующее. В советское время основную долю поливных земель в Средней Азии занимал хлопчатник. Осенью и зимой хлопковые плантации промывали. Воду пускали из хранилищ через систему ирригационных каналов, естественно, вода уходила в низины, а большая часть — в Сарыкамышскую котловину. Арал мелел, а на месте впадины росло-разливалось настоящее море.

Каким-то неведомым образом я угадал. Уже потом, значительно позже, я нашел в одном из трудов по зоологии утверждение, что «наиболее благоприятны условия для жизни гепарда в Северо-Западной Туркмении по обрывам Устюрта, где ге-

пард встречен у Кугинек-Кыра, на Узбое и на Каплан-Кыре. Здесь оседлого населения почти нет, а отдаленные районы не посещаются даже чабанами».

Там, в крохотных поселках, местные чабаны, охотники и прокопченные водители вездеходных «Уралов» как один утверждали, что гепард водится еще в южных чинках Устюрта и оврагах увала Карабаур, и, если постараться, можно даже купить шкуру гепарда. Все это вселяло надежду и подогревало азарт. Даже в небольших радиальных походах мы смозолили глаза, выглядывая в песке, на солончаке или на корке такыра вызубренный наизусть гепардов след.

Валера

На берегу Сарыкамыша мы оказались как раз в разгар путины. Лов на озере в те годы вели уже в промышленных масштабах, даже на малых рыболовецких траулерах. Но мы поставили палатки рядом с базой небольшой полуофициальной бригады и ходили «в море» на утлых «казанках». Еще затемно рассаживались по моторкам, дремали, пока те неслись по черной воде к нужному месту, а потом тягали вместе с рыбаками тяжелые сети, битком набитые рыбой; вернувшись, отсыпались в тени навесов, а днем, в самую жару, снова шли к сетям. И еще раз — вечером. Если рыбу не выбрать из сетей сразу, в жаре Северных Каракумов она быстро протухала. Руки ныли от непривычной работы, ладони покрылись волдырями, но нам хотелось показать, что и мы «могём»... Лишь поздно вечером мы садились вокруг костра, слушали рыбацкие байки и хлебали густую ароматную уху, которая от обилия в рыбе фосфора светилась в темноте голубовато-зеленым сиянием.

На третье утро кое-кто из нас остался в палатках. Да и те, кто пошли к лодкам, выглядели так, что рыбаки сжалились и с собой нас не взяли.

Вечером я заглянул в дощатый домик бригадира.

— Валера, как вы выдерживаете? — спросил я невысокого, худощавого, но жилистого мужичка. — Мы же не слабее вас. Вон сорокакилограммовые рюкзаки таскаем на себе.

— Во-первых, привычка, — ответил Валера, — а во-вторых, чифир.

Про чифир я, конечно, слышал — что-то связанное с эзками и зоной, с тюрьмой. И, кстати, сразу вспомнил, что и Валере пришлось отсидеть где-то то ли в мордовских, то ли в северных лагерях. Рыбаки намекнули.

— Как бы попробовать этот чифир?

— Да запросто, — Валера внимательно посмотрел на меня, — не боишься? Сердечко-то у тебя здоровое?

— Не боюсь, — ответил я, начиная жалеть о сказанном, — здоровое.

— Ну, смотри...

Валера снял с полки литровую жестяную кружку, поставил ее на спиртовку и налил воды. Потом аккуратно высыпал цибик зеленого чая.

— Лучше бы черного, но есть только зеленый, — сказал он, накрывая кружку фанеркой.

За стеной бытовки нескончаемо свиристели цикады, где-то далеко со стороны чинков Устюрта еле слышно подвывал шакал, по грязной занавеске, мерно покачиваясь, вышагивал большой салатный богомол, охотясь за сонными мухами.

Когда вода закипела, Валера снял кружку с огня, дал ей немного остыть и снова поставил на спиртовку, но закипеть не дал.

Он снял фанерку, и я увидел, что заварка осела на дно; напиток получился темным, смолистым и очень ароматным. Мы сели на нары, и Валера протянул кружку:

— По два-три глотка.

Чифир оказался очень горьким. Валера взял кружку, быстро глотнул пару раз и снова передал мне. И так мы передавали друг другу кружку до тех пор, пока не выцедили все до капли. Валера вышвырнул заварку из кружки за дверь и спросил:

— Ну как?

Я пожал плечами. Во рту ощущалась сильная горечь — и все.

— Минут через пятнадцать прочувствуешь, — сказал Валера.

Тут его позвали, а я отправился в палатку. По дороге к лагерю я взглянул на небо и остолбенел: звезд на небе было раза в три больше, чем обычно! Млечный Путь превратился в густо замешанную, сверкающую бриллиантами дорогу. И в его невероятном свете я вдруг понял, что вижу почти как днем. Я обнаружил, что различаю неровную темную кромку чинков Устюрта, которая и днем-то едва виднеется голубой полоской. Галлюцинация? Но это было совсем не похоже на галлюцинацию.

Потом я почувствовал, как течет кровь по венам, как работает сердце, я ощущал почки и печень, чувствовал выпитый чай у себя в желудке. Я слышал каждый шорох, каждый скрип, слышал, как ветер пересыпает песок на берегу Сарыкамыш, как ящерица охотится за цикадой. В голове было ясно и холодно, я вспомнил все, о чем давно забыл. Мне захотелось пробежаться по пустыне или поплыть через Сарыкамыш, и я был уверен, что смогу сделать это. Всю ночь я бродил в окрестностях лагеря, слушал пустыню, высматривал тайную жизнь зверей, птиц и насекомых, а утром уже ждал рыбаков у моторок.

— Что, пробило? — спросил Валера.

— Ага!

— Теперь понял?

— Ага...

Плохо мне стало, когда я понял, что не могу спать. Вторую ночь я бродил в окрестностях лагеря, очень хотел спать, но не мог. Едва я забирался в спальник, меня словно подбрасывало, я вылезал из палатки и до утра бродил по барханам.

— Не знаю, не знаю, — пожал плечами Валера, когда я ему пожаловался, — со мной такого не бывало. Видимо, особенности твоего организма.

А потом все пропало. Сила словно вытекла из тела, я стал мягким, словно губка, и совершенно безвольным. Я едва дотащился до палатки, рухнул на спальник и уснул. Спал я сутки и проснулся зверски голодным. Выглянул из палатки. В лагере никого не было. Ребята купались в озере; далеко от берега звенели моторки, возвращавшиеся с лова. Я открыл банку тушенки и съел все с куском сухой лепешки, запивая теплой водой из фляжки.

Вечером в бригаду привезли кино. Когда стемнело, между двумя веслами растянули простыню и киномеханик запустил шестнадцатимиллиметровую пленку с «Белым солнцем пустыни». Рыбаки смотрели картину, ели привезенные с ближних бахчей дыни и тихонько переговаривались. Этот фильм за путину им привозили уже раз четвертый.

Встречи в пути

Нужно прямо сказать, научные успехи нашей экспедиции не радовали душу. Мы натыкались на следы степных волков, каракалов, шакалов и пастушьих собак. Ни одни не совпадали с теми, что нарисовал для нас Евгений Матюшин. А свидетельства встреч с гепардом получали мы, что называется, из третьих рук. В порыве хоть что-то найти, отправились вдоль берега Сарыкамыш к ближним чинкам Устюрта.

Плато Устюрт — это почти нестерпимое солнце, почти нестерпимая жара, почти идеальный круг почти безжизненного пространства, в котором взгляд беспрепятственно летит от горизонта до горизонта, не цепляясь ни за что. Идешь, идешь, и начинает казаться, что сколько бы ты ни шел, все равно не сможешь никуда прийти. Пропылит вдалеке стадо сайгаков — чужая дикая жизнь, не касающаяся тебя; напугав, взлетит едва ли не из-под ног орел с растерзанным сусликом в когтях — мимолетная драма; змея рябью чешуи скользнет в темную расселину — сигнал опасности, ненадолго взбадривающей сердце. И снова пустота, пустота, пустота. Такая пустыня может проглотить тебя одним человеком, а выплюнуть другим.

Нет-нет да и покажется вдруг вдали серебристое озеро с черными гребешками стройных тополей и белыми домишками, но никто уже не обращает на них внимания — мираж. Их столько уже было за несколько дней путешествия по пустыне, что глаз не цеплялся за идиллические картины, подсовываемые пустыней.

Еще издали заметили мы его — капля невысохшей алой крови на бурой шкуре пустыни. Алый мак. Один-единственный цветок с шелковыми, просвеченными насквозь лучами солнца лепестками. Живой. Трепетный. Нежный, но бесстрашный, хрупкий, но неистребимый. Мы долго стояли, сгрудившись, над трепещущим под пустынным ветром огоньком, и кто-то вдруг промолвил:

— Говорят, Юлий Цезарь сказал: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме».

Все молча согласились.

Позже мне довелось увидеть целые маковые поля — от горизонта до горизонта. Но отчего-то они не произвели такого впечатления и не взволновали душу так, как тот — единственный на всю пустыню.

Много лет спустя в нобелевской речи Ясунари Кавабаты, напечатанной вместо послесловия к его роману «Стон горы», я прочитал: «Один цветок лучше, чем сто, передает великолепие цветка».

Иногда он снится мне, тот алый мак. Бесконечно одинокий и несгибаемо прекрасный...

Что еще приходит на ум, когда я листаю альбом своей памяти и натываюсь на ту полубезумную экспедицию?

Жаба!

Вокруг — сотни потрескавшихся от жары километров земной поверхности, а мы увидели существо, представление о котором настолько не вязалось со здешними краями, что казалось до смешного нереальным. Пересекая наш путь, по сухому такыру величаво шествовала жаба. А мы стояли и смотрели. Не спеша, вразвалочку топала солидных размеров бородавчатая жаба! Невозмутимая и высокомерная, как Черчилль, жаба неуклюже, как это и свойственно жабам, но целеустремленно и явно зная куда и зачем, не обращая внимания на иссушающий жар, шла себе и шла. Если бы у нее в лапе был зонтик от солнца, это удивило бы нас не больше самого факта ее существования посреди сковородки пустыни. Загипнотизированные ее целеустремленностью и невозмутимостью, мы двинулись было за ней, но через несколько минут, не сговариваясь, остановились и оставили ее в покое. Мы знали, что идти ей неоткуда и некуда, но она шла, черт возьми! Откуда-то куда-то, и мы поняли, что нам не по пути и что никогда нам не разгадать загадку этой жабы, похожей одновременно на старого Черчилля и на его бульдога. Может быть, это был таинственный знак, который подала нам судьба... или пусты-

ня? Что-то стонулось, что-то изменило мир. Я смотрел на далекий горизонт и думал о том, что смысл или бессмысленность человеческих поступков порой так же трудно разгадать, как смысл или бессмысленность путешествия той ирреальной жабы, усеянной бородавками. Но, наверное, если судьба забросила тебя в такое место, где на выбор можно только идти или не идти под палящим зноем по выжженной земле, нужно придать лицу невозмутимое выражение и — идти!

На обратном пути вышли к лагерю гидрогеологов на берегу залива. Все гидрогеологи ушли на катерах в двухдневный маршрут по островам, и нас приютил на ночь молодой, лет тридцати с виду, туркмен Ханжал. «Я тут сторожу потихоньку...»

День угас, и бархатное небо пересек широкий Млечный Путь. Первая ночная свежесть, крыша вагончика, нагретые за день матрасы, тьякканье шакалов где-то за барханом.

Мы смотрели в небо, слушали неумолчный стрекот цикад, вдыхали бездонный воздух пустыни. Я в прохладной неге тянулся на матрасе и слушал, как наш неугомонный и разговорчивый Валера потихоньку болтает с гостеприимным хозяином о том о сем.

Ханжал:

— Звезды всё падают и падают, а меньше их на небе почему-то не становится...

Валера:

— Ханжал, ты разве не знаешь, что это не звезды, а метеориты?!

Ханжал:

— Не-а. А что такое метеориты?

Валера:

— Ну, это осколки небесных тел, комет например...

Ханжал:

— А что такое кометы?

И Валера, вспоминая все, что можно, из школьной астрономии, учительским тоном, гордясь своим кругозором, прочитал Ханжалу целую лекцию. Ханжал только кричал и восклицал:

— Да ну? Не может быть! Ух, ты!..

Под эту лекцию я и заснул.

Утром вернулись гидрогеологи, угостили нас свежепойманной сомятиной и рассказали, что видели на берегу необычайно крупного варана.

— Каркидон, наверное, — пошутил кто-то.

В тот раз я впервые услышал об этом мифическом звере — каркидоне.

Потом нас проводили к берегу Сарыкамьша, вдоль которого нам предстояло возвращаться на базу рыбаков. Уже у озера мы спохватились:

— Черт! Со сторожем не попрощались!

— С каким сторожем?

— С Ханжалом.

— Ребята, он не сторож, он начальник экспедиции...

Валера медленно налился румянцем...

Легенда о каркидонах

О каркидонах как-то вечером у саксаулового костерка рассказал мне парень из бригады Валеры.

— Работали мы на буровой. Деньгу зашибали. А что тут еще делать? Вкалываешь, конечно, как раб на галерах, зато потом — кум королю. Хочешь — в Сочи, хо-

чешь — в Гагру. Ну и шмотки там, на машину можно накопить, на кооператив... Но скучно. И вот мы стали с местными на охоту ездить. Сайгаков стрелять. Вроде бы и нельзя, но кто тут проверит.

И вот как-то раз поехали за свежатиной. На двух газиках. Мы правее взяли, а ребята на втором газике левее, чтобы площадь побольше захватить. Ну, мотаемся по равнинке, Сарыкамыш вдали показался. Сайгаков нет как нет. И вдруг смотрим, второй газик несется, не разбирая дороги, нам наперерез. Тормозят, а сами бледные, глаза шальные, волосы дыбом! Крокодилы, говорят. И видим, действительно что-то сильно напуганы.

Успокоились немного, рассказали: заметили сайгаков и начали догонять стадо, но тут попали в пухляк. В азарте не заметили...

Что такое пухляк, я уже знал. Если машина вдруг забуксует на такыре, то верхняя плотная, как асфальт, корка проламывается, а под ней лёсс — мельчайшая пыль, которая в руке течет, как вода. В этой пыли колесу не за что зацепиться, оно прокручивается впустую, и машина проваливается все глубже. А если такыр мокрый, то есть не до конца высохший, тогда еще хуже: под коркой оказывается вязкая, как пластилин, масса, которая затягивает все, что в нее попадет, не хуже болота.

— Ну вот, — кивнув головой, подтвердил мои рассуждения парень, — в такой пухляк они и залетели. Был бы грузовик — там бы и остались. Без помощи не выбраться. Но газик кое-как вытолкали. И тут в такыре что-то завозилось, и из-под лёсса показались страшные крокодилы морды! Совершенно жуткие твари...

Мы-то, конечно, не поверили, поехали по их следам, посмотреть, что там за крокодилы.

Подъехали, нашли место, где их газик буксовал — ничего. Хотели посмеяться над храбрецами, но тут, как в кошмаре, из пухляка вылезло несколько страшных тварей, действительно похожих на огромных крокодилов. Тут мы и сами рванули на буровую, даже не вспомнили, что у нас ружья были... Когда обратно ехали, наткнулись на жуткую картину: ложбинка, полная сайгачьих скелетов. И это не браконьеров дело было, мы это сразу поняли. Браконьеры никогда не разделявают добычу на месте, да еще так — подчистую. Местных потом спрашивали, говорят — каркидоны. Вараны-мутанты. С хлопковых полей химия в озера, в такыры, в солончаки вместе с отработанными водами стекала, вот зверье и мутировало...

Парень передернул плечами:

— До сих пор в дрожь бросает, как вспомню!

Рассказ этот я записал в свой походный дневник как местную легенду и, конечно, не поверил в ее реальность. Но спустя много лет наткнулся на рассказы о каркидонах в Интернете. Будто бы когда слухи о чудовищах прокатились по всей Туркмении, дело дошло аж до Политбюро. Якобы приказано было мутантов ликвидировать, и как можно быстрее. В тот год в Туркестанском военном округе ввиду накалявшейся в Афганистане обстановки были проведены крупномасштабные учения. Весной семьдесят девятого начались масштабные учебные сборы, на которые были призваны из запаса десятки тысяч военнообязанных. Завершились сборы учениями с интенсивной боевой стрельбой. Слухи о каркидонах после этого пошли на убыль...

До сих пор не могу простить себе, что не зацепился за эту легенду, не расспросил как следует, не побывал в тех местах, где видели этих мифических каркидонов. А ведь был совсем рядом...

Бахтияр

Валера правил в своей небольшой бригаде, как хан. Справедливый и великодушный, но — хан. Наверное, в тех условиях и с тем сбродом, что вливался порой в эти полудикие бригады, по-другому было и невозможно. Единственным человеком, которого он признавал за равного, был Бахтияр.

— Между прочим, вот этот остров раньше назывался Заячьим, а теперь называется Бахтияровским, — сказал он мне как-то, рассматривая со мной карту озера и приозерных земель. — Знаешь почему?

Я, естественно, не знал, и Валера рассказал почему.

Когда человеку суждено умереть? Никто не знает. Нет, знает Аллах. И больше никто. Говорят, человек предчувствует приближение смерти. Бахтияр прислушался: нет, он чувствовал жжение под веками, словно на глазные яблоки насыпали песок, чувствовал тупую боль голода в желудке, слабость во всем теле чувствовал. А смерти — нет, не чувствовал. Между тем становилось все очевиднее, что смерть дышит ему в лицо.

Бахтияр разлепил веки и снова увидел зайца. В дрожащем мареве жары он неторопливо двигался в редких зарослях саксаула, выискивая, что можно взять своими длинными желтоватыми резцами. Пустынный заяц — толай был тощ и легок, словно столетнее чучело, но Бахтияр знал: этого зайца ему хватило бы на то, чтобы продлить жизнь дней на пять, а то и на полную неделю.

Еще три дня назад он с куском саксаулового обломка в руках пытался догнать зайца, отрезать его от широкой части острова, загнать его на узкую косу, а сейчас лишь равнодушно отвернулся. В десяти метрах от него пасся заяц или в десяти километрах — не имело значения, заяц был недосыгаем.

Бахтияр заставил себя сесть. Посмотрел вокруг. Пусто. Не считая его самого, зайца и больших пеликанов на отмели у дальнего конца острова, — ни души. Зная, что ничего не найдет, все же в который раз обшарил все карманы штанов и куртки. Естественно, ничего не нашел. Бутерброд с сыром, который он захватил, уходя на острова, был доеден на третий день. Одна треть в первый день, вторая треть — во второй, и третья — в третий. И потом еще пять дней без еды. Стараясь не обращать внимания на ломоту во всем теле, Бахтияр поднялся и пошел к берегу. Полузанесенная песком моторка по-прежнему торчала на отмели. Большая куча саксаула и высохшего плавника, сложенная им еще в первый день после шторма, все так же чернела на вершине песчаного бугра. Он знал, что там же, под корягой, лежат и завернутые в полиэтилен спички. Бахтияр добрал до лодки, уселся на уже горячий, несмотря на раннее утро, дюралевый нос и застыл.

Он знал, что день будет длинным. Очень длинным. Очень-очень длинным, практически бесконечным. Хорошо еще, что весна и вода в озере не слишком соленая. Во-первых, ее можно почти без отвращения пить, во-вторых, в самое пекло можно прямо в одежде войти в воду, а потом в мокрой одежде лежать в тени моторки. Правда, в конце концов полоска тени становится такой узкой, что в ней почти невозможно поместиться, но к этому времени все чувства настолько притупляются, что можно пролежать час на одном боку, не заметив.

Сегодня его отчего-то особенно мучил вопрос: откуда на острове взялся заяц? Приплыл? Но насколько хватало глаз, до самого горизонта, не было даже намека на еще один остров, а тем более на основной берег. Может быть, принесло на каком-то обломке дерева? Вряд ли... А может, никакого зайца вовсе и нет? Может быть, это галлюцинация, мираж, игра загнанного в угол разума? Сейчас может быть. Но

зайца он увидел в первый же день, а в тот день он хоть и был крайне измучен штормом, но вполне в своем уме.

Солнце погрузилось в край озера и, словно детский мячик, никак не хотело тонуть. Бахтияр, опираясь на жесткое ребро борта моторки, приподнялся и сел. Из саксауловых зарослей вышел волк. Бахтияр удивился: вот уж волка тут совершенно точно быть не могло. Во-первых, он обошел весь остров и никого, кроме зайца, не встретил, а спрятаться на острове было попросту невозможно. Во-вторых, волк был не пустынный — мелкий и тощий, больше похожий на шакала, а большой северный, с густой белесой шкурой и «воротником» серебристого меха. И тут Бахтияр понял: это в образе волка пришла за ним смерть. Вот сейчас она на неслышных лапах приблизится к нему, он почует у лица ее горячее дыхание, клыки сомкнутся на беззащитной шее, и...

По берегу бежала жена Бахтияра, кричала на волка и махала веткой. И волк повернулся и нехотя потрусил в саксаульник. Бахтияр проводил волка взглядом. А потом повернулся к берегу, но жены уже не было. И Бахтияр, облегченно вздохнув, повалился на песок. В этот же миг утонуло и солнце.

Женщины. Конечно — это существа низшего порядка. Но разве хоть один мужчина на свете сильнее женщины? Разве может сын быть сильнее матери, родившей его? У Бахтияра в доме семь женщин. Мать, жена и пять младших сестер. Отец погиб в пустыне, когда Бахтияру не было и восьми. Старший мужчина в доме! Что такое старший мужчина в доме? Пять сестер замуж выдавать! Бахтияр улыбнулся и почувствовал, что еще жив, потому что резкой болью отдались потрескавшиеся, запекшиеся губы. Сестры, как в фильме «Белое солнце пустыни». Зухра, Саида, Лейла... Глупый фильм, наивный... А хороший, добрый.

Шесть женщин в доме. А он еще и женился. Жену он увидел почти девочкой, когда она вместе с другими афганскими беженцами приехала в Куля-Ургенч. Увидел испуганной потерянной девушкой-подростком и сразу понял: это его женщина. И вот теперь она спасла его от волка.

Ночью, когда спала жара, Бахтияр забрался в моторку и накинул на себя кусок брезента. Как ни странно, скоро он будет мерзнуть, в пустыне так — днем пекло, под утро холод. Он смотрел на звездную россыпь, слушал плеск озера и чувствовал, как внутри зреет обида. Хотя обижаться-то вроде бы и не на кого, не на озеро же обижаться. Ему, этому огромному, поблескивающему под звездами пространству, безразлично все, даже звезды, что отражаются на его груди, не то что какой-то человек, скорчившийся в дюралевой скорлупке на одном из бесчисленных островов.

Озеро... Бахтияр помнил те времена, когда на месте этого озера тянулась серая, в солончаках и такырах впадина, поросшая саксауловыми рошицами, и учительница, привозившая их сюда подростками в пыльном тряском автобусе «таджик», говорила: «Это, дети, самая глубокая впадина в Советском Союзе и одно из самых сухих мест на планете...» Бахтияру очень хотелось найти ту — теперь уже, наверное, совсем дряхлую — учительницу и привезти ее сюда, показать, что сделали люди за пару десятков лет с закоулком земли на северной границе Каракумов, показать, что вместо усохшего Арала плещется теперь вот это невообразимое озеро. Озеро, на котором порой внезапно разыгрываются короткие, но такие свирепые шторма. Озеро, которое скоро его уьет...

Как это странно. Погибнуть на необитаемом острове посреди пустыни. Бахтияр даже засмеялся, но смеяться было очень больно, и он перестал. А все же странно.

Раз в неделю из самого сердца пустыни в Бухару уходили рефрижераторы, набитые рыбой, выловленной в озере, разлившимся в некогда самом безжизненном краю. С одним из этих рефрижераторов на исходе путины собирався ехать до Куня-Ургенча и Бахтияр, да передумал. Дома сейчас думают, что он тянет со своим напарником, русским Валерой, сети, а если нет, то играет на береговой базе в нарды и пьет огненный чай, а на базе уверены, что Бахтияр уже «командует своим женским батальоном». И еще долго никто его не хватится и не будет искать.

...Бахтияр открыл глаза и не сразу смог вспомнить — где он и зачем он здесь. В общем-то, и глаза открывать было незачем. А зачем? Все то же озеро, все тот же песок, заяц, может быть, по-прежнему скачет где-то в саксаульнике. Даже волк больше не приходит...

И все же что-то ныло в груди и заставляло держать веки открытыми. Предчувствие, что вот-вот появится волк-смерть? Но вместо волка из-за песчаного гребня вдруг показался огромный белый верблюд. Говорят, у верблюда презрительный взгляд. Ерунда — глаза верблюда печальны, словно знает он о мире что-то такое, чего человеку не дано узнать никогда. Верблюду тяжело носить в себе эту тайну и поделиться ею не дано. Большая печальная тайна в глазах верблюда... Белый верблюд — к счастью. Но вот вопрос: гребень был совсем невысоким — Бахтияру по пояс, как же такой огромный верблюд мог поместиться за ним? Бахтияр сел и всмотрелся. Верблюд медленно растаял в знойном мареве, но вместо него где-то у края горизонта показалась черточка моторки и белая полоска пены за ней. Бахтияр сидел и смотрел, как моторка по касательной проходит мимо острова, и вдруг задрожал, спохватился и, поминутно валясь на песок, поковылял к саксауловой куче. Дерево, высушенное пустынным солнцем, вспыхнуло так, что Бахтияру пришлось откатиться подальше от костра. Он повернулся к озеру и вдруг с ужасом понял, что белое саксауловое пламя днем с моторки не увидать! Он вскочил на ноги и в диком отчаянии разодрал ссохшийся рот и закричал. И сам поразился силным, едва слышным звукам, вырвавшимся из горла. Моторка шла мимо.

И вот когда он уже готов был упасть в песок, чтобы уж больше никогда не подняться, что-то произошло. Слово кто-то взял его за руку и повел к валявшейся на берегу лодке. Бахтияр подошел к моторке, залез в нее и, не осознавая, что делает, вытащил из-под кормовой банки бензобак. Когда мотор сорвало штормом, бензина в баке оставалось еще на треть. С бензобаком в руках он медленно вернулся к уже догорающему костру и аккуратно положил бак прямо в центр рдеющих углей. В последнюю секунду он, словно очнувшись, кинулся за гребень, и тут же над ним раздался страшный взрыв. Черное облако, клубясь, ушло в небо.

Бахтияр отполз от страшного жара и посмотрел на озеро. Моторку уже почти не было видно. Долго-долго тянулось время, и когда он уже готов был умереть, моторка вдруг начала расти в размерах, а звон ее мотора стал нарастать.

Вот тогда Бахтияр и заплакал...

Ложки для Бахтияра

Путина закончилась. И заканчивался отпуск; пора было уезжать. Утром мы с Валерой отправились к Бахтияру. Бахтияр жил в длинном глинобитном доме на краю поселка. У невысокого серого дувала мы остановились. Бахтияр ходил по крыше дома и кланялся. Мы с Валерой удивленно переглянулись. Бахтияр делал шаг, наклонялся и, выпрямившись, делал следующий шаг, и снова наклонялся. Увидев нас, он сверкнул сквозь черную бороду крепкими зубами и махнул рукой: *забирайтесь сюда!*

Только поднявшись на плоскую крышу, мы поняли, в чем дело. Вся кровля была покрыта двадцатипятирублевыми бумажками.

Нужно жить в советские времена, чтобы понять, какое впечатление на меня произвела эта картина! Мне с моими ста двадцатью рублями месячного жалованья для того, чтобы скопить столько денег, нужно было бы трудиться лет двести.

На Валеру, однако, все это не произвело никакого впечатления.

— Чем это ты занимаешься? — смеясь, спросил он друга. — Капиталы проветриваешь?

— Да вот, представляешь, — развел руками Бахтияр, — деньги-то я в коробках из-под ботинок храню, в тайнике. А вчера вдруг прошел дождь. Представляешь! Десять лет не было здесь настоящего дождя, а тут — ливень! Представляешь? Все промокло, все деньги. Вот пришлось сушить. Подождите, сейчас переверну остатки, и будем чай пить.

И он принялся переворачивать бумажки, придавливая каждую камешком, чтобы не дуло слабым ветерком, подувавшим с Сарыкамыша.

Я, конечно, знал, что сарыкамышские рыбаки зарабатывают очень хорошо. Но чтобы так!..

— Да это же не за одну путину, — сказал Валера, увидев, как я поражен. — К тому же живет он практически натуральным хозяйством: овощи, фрукты — все свое. Муку только покупает да из одежды что-то. На что ему тратить? Не на что. Ну и накопилось. Вот сестер будет замуж выдавать — потратит. И все равно много останется...

— И у тебя столько же? — не удержался я от вопроса.

— Не-е, я трачу. Я поеду в Москву, в Питер, потом в Ялту, потом в Сочи... Девочки, карты... Мне иногда даже не хватает, — Валера ухмыльнулся, — Бахтияр на дорожку переводом присылает...

Я знал, что Валера отсидел несколько лет в каких-то северных лагерях. Не знал, правда, за что. Семья его обратно не приняла, вот он и осел здесь, на краю земли, вкалывая на путинах, а в перерывах прожигая жизнь.

Вечером мы сидели на деревянном настиле, застеленном коврами, и пили зеленый, с непривычным для меня вкусом, огненный чай. В зарослях душистого тамариска, что разросся вдоль южной стены дома, сновали вездесущие воробьи и юркие зеленые ящерики.

— Хочу машину купить, — сказал Бахтияр, — но не знаю какую. У нас тут никто в машинах не разбирается. В верблюдах, в лошадях, в ослах — да, а вот в машинах... Вы, русские, про машины всё знаете, вот и посоветуйте.

Мне кажется, Бахтияр подначивал нас, он ведь в армии служил в танковых войсках, но мы с Валерой вдруг действительно заспорили. Он стоял за практичные «Жигули», а я — за комфортабельную «Волгу». Спор был, конечно, несерьезным, но мы даже стали орать друг на друга и стучать по коврикам ладонями:

— «Волга» — дерьмо! Она же ненадежная, ее криворукие собирают! На запчасти разоришься!

— «Жигули», что ли, надежные, здесь у вас даже техстанций для них нету!

Но тут Бахтияр засмеялся, хлопнул нас по спинам и заявил:

— Да чего вы спорите, куплю и «Волгу», и «Жигули»!..

На следующий день мы уехали. На холодильнике нас подвезли до Куня-Ургенча, откуда мы добрались до железнодорожной станции в Ходжейли, где собирались сесть на поезд. Поезд должен был прийти лишь под утро, и мы, бросив спальники прямо на газон, расположились под чахлыми деревцами. Ночь, как всегда на юге, упала стремительно. Сквозь редкие ветви прямо в лицо сияли неправдо-

подобные звезды. Только в пустыне можно увидеть такие. От арыка приятно тянуло сыростью, кто-то попискивал в кустах, пахло шлаком и еще чем-то пряным и сладким. На станции тоскливо вскрикивал маневровый паровозик.

Не спалось, и я пошел к арыку.

— Пойдем угрей ловить.

Я обернулся. В отблесках вокзального света он выглядел странно. Рваная тельняшка, безразмерные брюки, подтянутые потрескавшимся лакированным ремнем. Коротко стриженные волосы — торчком.

— Пойдем, поезд только под утро. И наловить успеем, и пожарить.

В руках палка с примотанной на конец вилкой и матерчатая сумка, подозрительно оттопырившая бок и подрагивавшая. Бич. Бывший интеллигентный человек. Он все время живет так, как я могу позволить себе жить только во время отпуска. Сколько ему лет? Время оставило на нем массу отметин: морщины, шрамы, синие письмена татуировок... У таких людей физический возраст никогда не совпадает с истинным, с тем, который несмылаемым отпечатком ложится на душу.

Он вдруг повернулся, замер и резко наклонился над арыком. Мелькнул блик по черной воде, плеснуло, завозилось, и что-то мокрое и длинное шмякнулось с конца палки в сумку. Он улыбнулся, и я разглядел корявые останки зубов.

Я не пошел за ним вдоль арыка, только проводил взглядом его полосатую спину. И потом долго об этом жалел. Мы хотим приключений, тянемся к необычному, но когда оно приходит, пасуем...

Утром мы загрузили свои рюкзаки и палатки в вагон. Колеса застучали по стыкам рельсов, замелькали за окном то чахлые заросли саксаула, то дымящиеся под ветром барханы, то каменистые пустоши; иногда на придорожных столбах изваяниями застывали степные орлы. Когда поезд пролетал пыльные плоские поселки, можно было увидеть надменного верблюда или пару покорных осликов. Я смотрел в окно до самой ночи, а когда стало совсем темно, забрался на верхнюю полку и крепко уснул.

Гепарда мы так и не нашли, и отчет мой с отрывочными сведениями о нем вряд ли порадовал сотрудников зоомузея МГУ. Странно, в путешествии нашем не произошло ничего очень уж особенного, не случилось ничего из ряда вон. Мы прожили отрезок обычной, если не считать среднеазиатского антуража, советской жизни. Но что-то стонулось в душе, что-то стало для меня иным в этом мире. Что это — я и сейчас не могу понять. Впереди было много чего: закат Леонида Ильича, несбывшаяся надежда на андроповский порядок, стремительная эпоха говорливого Горбачева, когда казалось, что вот-вот наступит хорошая справедливая жизнь, и Ельцин на танке, и криминальная война, и наркотический шквал, и отпадение Средней Азии. Жизнь шла своим чередом, плохого и хорошего в ней было, пожалуй, примерно поровну.

Ни с Валерой, ни с Бахтияром я больше никогда не виделся. Правда, через год Бахтияр прислал мне письмо, в котором попросил купить вилки и ложки. Нужно было для приданого сестрам, тогда у них это был большой дефицит. Когда я покупал эти вилки-ложки, в магазине на меня смотрели с удивлением. Еще бы, сестер у Бахтияра было пять.

В ответ он прислал мне ящик вяленой сарыкамышской рыбы, в письме звал в гости, и я собирался. Но потом страны с названием СССР не стало, я несколько раз переезжал и потерял адреса и Бахтияра, и Валеры. Но мне до сих пор снятся иногда серебристо-голубой Сарыкамыш, бригадир Валера с печальными глазами и веселый Бахтияр. Иногда в моих снах он ходит по крыше и кланяется.

РАССКАЗЫ

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Мне исполнилось четырнадцать, когда я впервые поехал на археологические раскопки. Тем летом мой родной дед по матери, профессор археологии Павел Георгиевич Шептунов, руководил работами на месте древнего поселения в южной части страны, у моря. Он пригласил меня на летние каникулы в качестве практиканта. Размеры поселения не были еще определены, но некоторые мелкие находки уже точно можно было датировать четвертым или пятым веками до нашей эры.

Про деда мне тогда было известно совсем мало. Во мне его ученая деятельность вызывала глубокий трепет. Он в отношении ко мне выказывал вежливо-ироничное любопытство. Хотя мы жили в одном городе, виделись нечасто. Стесняясь простого «дедушка» и робея перед панибратским «дед», я всю жизнь обращался к нему по имени-отчеству.

Солидности Павлу Георгиевичу добавляла жесткая, как щетина, седая борода, которая топорщилась ежом, когда дед смеялся. Глаза профессора не знали очков. Он носил тупоносые ботинки на шнуровке, джинсы и клетчатые рубашки, в холодное время года — простое болоньевое пальто. Со стороны нас с ним можно было принять за отца с сыном. Мой настоящий отец, дедов зять, гладко брил подбородок, носил костюмы и имел уже обозначившийся «пивной» живот. Он казался старше тестя.

С Павлом Георгиевичем я встречался на семейных праздниках. Порой не видел его годами. Той зимой он пришел неожиданно (я был дома), сияющий, будто включенный в старом сарае светильник. Страхнул мне в лицо бисер растаявшего снега, бегло пожал мои худые пальцы, крепко — отцову руку, с матерью обнялся, застыв, слившись с нею, на добрые полминуты. Он остался на ужин. Потом на чай. Он болтал без умолку, и меня не прогоняли из кухни в постель, потому что был выходной день и вся семья замороженно его слушала. Отец вставлял реплики, мама теребила прядь волос. Я сидел в углу, далеко от стола.

— Исследованию больше века! Но оно было заморожено, — рассказывал он. — Увязло в Советах. Там сложности какие-то были еще до революции, но после тридцатых проект официально закрыли. И что вы думаете? — тут дед шурился, борода его довольно топорщилась. — Всего-то и нужно стало — денег! Но разве у государства есть деньги? А? Нет. Зато они теперь есть у НИИ!

Павел Георгиевич победно откинулся на спинку стула и с артистическим аристократизмом отхлебнул из фарфоровой чашки. О, эти чашки! Я разбил одну давным-давно, и мама до сих пор мне — одному из всех — не подавала из этого набора.

Татьяна Павловна Скрундзь родилась в 1982 году в Липецке. Окончила Липецкий технический университет и Литературный институт им. Горького. Работала фотографом, дизайнером, водителем такси, журналистом. Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Октябрь», «Юность», «Новая Юность», «Нева» и др. Автор поэтической книги «Се человек» (Водолей, 2016). Живет в Липецке и Санкт-Петербурге.

— Все интересы в мире теперь связаны с деньгами, — ворчал отец.

— Только личные, только личные, — отвечал дед. — Интересы выше личного бесценны.

— Кому-то просто понадобилась эта земля, — говорил он. — Что не может не быть забавным — под курортный комплекс. И такие люди готовы финансировать проект. Но они же ничего не понимают!

— Не изучив вопрос, не взялись бы, наверное, — ворчал отец.

— Там почти километр вдоль побережья, — объяснял дед. — Дело в юридической справедливости. Из земли нужно извлечь все ценное, чтобы она стала объектом экономической категории. Но я не уверен, что извлечь то, что мы найдем, будет возможно! — тут он возвышал голос на пару тонов. — Совсем не уверен.

Он говорил об этом так, будто сообщал о зарождении новой вселенной. Я невольно залюбовался им, так заразительно азартен он выглядел в ту минуту.

Весной Павел Георгиевич полетел на юг. Я присоединился к нему с началом каникул. Дед сам встретил меня в аэропорту и сопровождал в лагерь. Раскопки велись недалеко от моря. Меня пристроили к группе школьников из столицы региона. В состав группы входило почти тридцать человек, большинство были моими ровесниками. Четверо инструкторов руководили нами, кажется, эти тоже были столичными.

Волонтеры и практиканты жили в палатках. Мне не хотелось к ним, я никого там не знал. Они тоже прибыли недавно, держались особняком и, видно, только осваивались. В первый свой вечер я видел костер у палаток и слышал гитару. Но общение не показалось мне оживленным. К моей радости, Павел Георгиевич предложил жить с ним в вагончике-бытовке, отдельно от остальных.

С ребятами я встречался днем за работой или в кухонной палатке на раздаче обеда. Каши, пловы, супы и макароны с настоящей тушенкой были нашими блюдами. А еще компоты, сдобные булочки, испеченные лично поваром Натальей, крупной сильной женщиной сорока восьми лет. Хлеб она тоже пекла сама. И еще умела делать необыкновенный соленый чай из трав и молока. К чаю полагались пресные крекеры.

Работы занимали у группы три часа до полудня и три после, но график был не строг. Отлынивать не было нужды, всем было интересно, к тому же мы часто устраивали долгие сиесты с походом на море. Впрочем, я чаще ходил один, утром и вечером. Или занимался чтением где-нибудь в тени.

Все работы заканчивались с заходом солнца, который наступал здесь довольно рано. Звезд над лагерем высыпало немерено. Воздух пропитывался запахом костров, жаренного на огне хлеба, сигарет, тайком раскуренных в темноте. Иногда я с завистью глядел в сторону посиделок, выходя из бытовки подышать. Но зависть была не гложущей. Будучи юношей хотя и не стеснительным, но скорее замкнутым, я не любил компании и сызмальства предпочитал обществу людей общество героических портретов. А в профессорской берлоге были книги. Целые полчища книг! Как дед умудрился их все сюда притащить, уму непостижимо. Среди этих томов отыскались такие памятники древности, каких прежде я не встречал ни в школьной программе, ни в нашей домашней библиотеке. Я читал быстро, жадно, все подряд.

В бытовке жилось уютно. В помещении стоял большой письменный стол, заваленный книгами, бумагами и с обязательной железной кружкой. В кружке чаще всего была простая вода. Наполненная трехлитровая канистра стояла всегда на полу в самом прохладном углу. Павел Георгиевич обыкновенно сидел за столом, что-то непрестанно строча на клавиатуре массивного ноутбука. Он часто курил. Выходил на порог, вставал на узкую металлическую ступеньку, потом молча возвращался за стол. Кроме стола, имелась кровать — узкая походная койка. Для меня на ночь ра-

скатывался старый ватный матрац. По углам на гвоздях и крючьях висели грозды белья и одежды, а под ними — на длинных деревянных ящиках — горы книг.

Единственную настольную лампу дед отдал мне, обходясь в темное время суток льющим из монитора голубоватым светом. Я установил лампу на табурете в изголовье своего лежбища, которое ежеутренне скатывал в рулон и ставил в угол, иначе в вагончике совсем не оставалось места. Электричество в лагерь подавалось от генераторов, стоявших поодаль.

Дверь и три окна в трех обитых сайдингом стенках никогда не закрывались. Днем, правда, это не помогало от жары. Зато по ночам из-за москитной сетки слышался усыпляющий звон цикад. И то и другое создавало вокруг мир, плотно сплетающийся вокруг, будто вторая кожа.

Ежедневно я купался в море и в душ почти не ходил. За день я покрывался коркой соли, затем пылился в шурфах и вновь смывал солью пыль. Профессор был с головой погружен в свою работу. Глядя на мое неторопливое существование, он тревожился и пылал праведной яростью фанатика.

Надо сказать, меня соблазнила возможность побывать на море, которого я до сих пор не видал. Представления об античном мире в то время у меня были весьма смутные. От участия в общем плане я хоть и не отлынивал, но и особенного рвения не проявлял. Увлечшись Гомером, я никак не мог соотнести настоящую работу с приключениями Одиссея. Древнегреческая культура оставалась для меня литературным феноменом. Об истории мира легче думалось на берегу, у вечных вод, чем среди полуразрушенных непонятных мертвых глыб.

Если бы мне сказали, что мы копаем Трои, возможно, энтузиазма бы и прибавилось. Но Троя была давно раскопана, а нам оставались какие-то осколки. Постройки до сих пор не были точно датированы. Архитектурный план и даже назначение поселения установить пока никто не брался. Самой крупной археологической находкой оставалась одна расколотая пополам метопа с изображением битвы древних воинов, да и то не вблизи нашего участка. Обломок статуи. Бронзовый клинок. Мне они ни о чем не говорили. Я не верил в надежды, дух которых носился вокруг меня. Но, маскируя свой скепсис, усердно ковырялся в пыли в положенные часы. Профессор часто повторял — должно поддерживать веру, чтобы иметь понимать нудный труд.

— Веру узнаешь по жару, — говорил он, — как от пули. Раскаленный жидкий металл внутри. Было бы больно до одурения, если бы не было так сладко. Это как любовь.

Образ вызывал уважение. Но по факту ничего похожего я не чувствовал, даже когда кто-то из бригады отыскивал улику существования здесь эллинов — черепок с частью истершегося рисунка или старинную монету. Всякий раз мы, сгрудившись, подолгу рассматривали сокровище. Но вместе с радостью рождалось и разочарование. Шепот свидетелей прошлого был слишком тих.

Сам я ничего не находил. Мне не везло, и от этого досада моя увеличивалась. Внутренне я отвечал деду — мол, у меня другой жар, может быть, и от других вещей. Тишина, звезды, книги — это по мне. А вскрывать слой за слоем, искать неизвестность, ждать намека времени для того, кто не влюблен в археологию, — мучительно! Я страдал. Любовь? Да на кой черт мне любить ваше, когда у меня есть свое! Что я так отчаянно присваивал себе, я и сам не знал. И потому на дедовы выпадыв молчал.

Огромные квадратные и прямоугольные участки разной глубины прилегали вплотную друг к другу и занимали половину площади предполагаемого комплекса. Повсюду виднелись остатки древних фундаментов в очень плачевном состоянии.

Впрочем, еще год назад это место считалось и вовсе пустым, как мертвая ракушка. Первые плиты, как рассказывал Павел Георгиевич, нашли еще при царях. Долго считали их останками оборонительных укреплений одной из множества мелких крепостей. Но обнаруженные до моего появления, в мае, фундаменты подтвердили дедовы убеждения. Он искал полис. Богатый эллинский полис. Четвертого или пятого века до нашей эры. И он верил в плодородность этой ветви античного мира. Вот уж у кого веры было в избытке.

В то утро надо мной привычно металась молния стрижей. Я только что испил соленого чая и ощущал во всем теле бодрость. Волосы еще не успели просохнуть после рассветного заплыва. Стрижи чирикали, как заведенные. А я, то сидя на корточках, то стоя на коленях с лопаткой в руках, пребывал во власти земных тревог. Вскидываясь время от времени, вытирал пот со лба и глядел на неутомимые стайки над головой.

Тридцать человек молодняка Павел Георгиевич раскинул по десятку на участок. Я и мои товарищи копались в глубоком, метра два вниз, и широком, около сорока метров по периметру, квадрате, окруженном рассыпавшимися основаниями стен дома или заграждения. Почву нужно было взрыхлить, изъять крупные твердые куски, выложить в брезентовые переноски, похожие на мешки с затягивающимся узлом. По мере заполнения переноску поднимали с помощью лебедки. Потом комья тщательно просеивались.

Я ковырял землю в углу одной из траншей. Время от времени скребок упирался во что-то твердое. Я расчищал уплотнение кистью, прежде чем скovyрнуть. Всякий раз уплотнение оказывалось куском породы. Рядом старательно пыхтел соратник Ромка, из «столичных». Он был младше меня на год, но обладал усердием, которому позавидовал бы любой сидящий на зарплате землекоп. Ромка был из тех, горящих. Он знал об античности все и, вероятно, владел какими-то неведомыми мне приемами извлечения праха истории. Дело у него продвигалось споро. Горка земли рядом с нами быстро увеличивалась.

Ромка поочередно вставал то на одно, то на другое колено, отключивал зад и скрючивался коромыслом. А потом вдруг вскочил, ловко выкарабкался из траншеи и объявил:

— Я нашел! Тут целая скульптура! Эй!

Голос его дрожал. Наверху показался студент Игорь, которого ребята звали Буквоедом, вероятно, за очки и умный морщинистый, несмотря на молодость, лоб. Через минуту Буквоед уже спустился вниз по выдолбленным в земле ступеням. Он шел к нам, протягивая руки, как в молитве.

— Только аккуратно, только аккуратно, — говорил он.

Нас быстро окружили еще остальные. С нетерпеливым любопытством старалась разглядеть предмет волнения. С трудом удерживаясь от комментариев и советов, приглушенно гудели голоса. Буквоед прорвался к Ромке. Я стоял рядом, все еще ногами в траншее, а головой примерно на уровне икр толпы, и видел, что Ромка, словно испугавшись, сделал шаг назад. Одной рукой он протягивал, как щит перед собой, небольшую, высотой сантиметров тридцати-тридцати пяти, мраморную статую полуобнаженного юноши. Ногами юноша упирался в кубической формы постамент, а локтем левой руки облокотился на перевернутый на бок сосуд. Через плечо, закинута на согнутый локоть второй руки, струилась вниз мраморная драпировка. Точно такое я не раз видел на картинках в дедовых фолиантах.

— Дионис! — прошептал Буквоед. — Но что у него с лицом?

Прежде чем Ромка отдал фигуру инструктору, я заметил, что на лице божества зияет блистательно белый, свежесбитый треугольник. Красивый мраморный

нос Ромка сжимал в кулаке второй руки и теперь протягивал его вслед за обладателем. Бедолага, он отбил его одним алчным ударом стеки, и теперь сдавленные рыдания готовы были вырваться из его истерически вздымавшейся груди. Возбужденная толпа затопталась на месте. Буквоед поднял статуэтку над головой и провозгласил помилование.

— Роман Високосный — герой!

Рома Високосный потупился. Красные пятна на щеках говорили о том, как ему жаль отбитого носа. И все небезосновательно подумали о том, что взбучка от Павла Георгиевича нам обеспечена.

— Куда теперь его отправят? — спросили.

— В Эрмитаж, не меньше! Уа-ха-ха! — загоготал Буквоед. — Это прорыв, ребята! Уа-ха-ха! Это прорыв! Надо показать профессору! Идемте!

Тут он глянул на Ромку. Повертел в пальцах нос, пожеывая губами.

— Реставраторам пригодится, — сказал он. — Ничего, парень. Хорошо, голова цела.

По толпе прокатился хохот, и мне показалось, что все они сейчас взлетят ввысь, как воздушные шарики, вырвавшиеся из неумелой руки ребенка. Шарики уплыли, гомоня, за горизонт. Внизу остался я один и в совершенной тишине. Только стрижи продолжали весело носиться туда-сюда. Человеческие открытия им были неинтересны.

Не знаю, почему я не пошел вместе с ребятами. Я тоже был немного взволнован и, наверное, просто хотел побыть в одиночестве. Но тут взгляд мой упал на вспаханный участок, и в голову пришла неожиданно дерзкая мысль. Не то чтобы я вдруг понадеялся отыскать немедленно что-то еще. Помню, я подумал, что все великие находки прячутся в земле подобно грибам — поблизости друг от друга, целыми грибницами, как букетами, опоясывая земной шар. Сначала я бесцельно стал водить ромбической плоскостью лопатки, сгребая мягкую землю в сторону. Потом опустил на колени и стал грести землю настойчивей.

То ли моя уверенность и интуиция сыграли роль, то ли злость на свои неудачи оказалась праведной, но вдруг металлическое ребро споткнулась обо что-то твердое. В мгновение мне представился изуродованный Дионис, я похолодел и в испуге отбросил грубый инструмент. Подождал, пока не выровнялось дыхание, взялся за щетку. Осторожно стал смахивать ею песок.

Я расчищал тщательно и долго, наверное, миллион лет. С меня сошло семь потов. Но из-под земли наконец полностью вышел квадратный, точь-в-точь похожий на Дионисовый, мраморный постамент. Если это тоже фигура, непонятно было, в каком она положении.

Во мне разлился жар, и походил он скорее на целую торпеду внутри, чем на пулю. Или на осколок бомбы. Осколок с шумом колотился о грудную клетку, но никто, кроме меня, конечно, не мог его слышать. Боясь повредить неведомое изделие, я стал подкапывать его руками снизу. Почва оказалась на удивление пышной, словно не давил на нее никогда груз множества почвенных слоев. В нетерпении, едва сдерживаясь от резких движений, я взялся рукой за верхний край куба и стал понемногу его раскачивать, одновременно разгребая песок по сторонам. Внезапно порода расступилась, как Чермное море пред жезлом Моисея, и я достал ее на свет божий.

О, этот милосердный акт откровения! О, эта податливая радость открытия! Я продолжал крепко держаться пятерней за постамент. Поднял добычу чуть выше уровня глаз и медленно развернул ее с ног на голову и лицом к себе. Жар из груди бросился в шею, уши, щеки, веки и лоб.

Это была Афродита, и я мгновенно узнал ее. Она предстала передо мной полностью обнаженная, совершенно не поврежденная ни временем, ни твердью. С не-

обыкновенной грацией, лишенной какого бы то ни было кокетства, она опиралась на одну ногу, а вторая, согнутая в колене, была заведена назад. В их сведении стыдливо выступал треугольник лобка. Маленькие округлые груди и живот с аккуратным пупком посередине были чуть припорошены желтыми пылинками. Гладкое лицо обращено к крохотному мраморному яблоку, которое богиня держала в тонких пальцах.

Никогда прежде я не видел обнаженного женского тела, кроме как на картинах. Женщины для меня, как и для любого юного мальчика, представлялись одновременно тайной и запретом и одновременно презирались мною и пугали меня. О любви я не ведал, о пошлости не помышлял. В ту минуту открылось мне нечто, что навсегда легло фундаментом чистейшей чувственности на все мои будущие взаимоотношения с прекрасным полом, и я буквально ощущал, как строится этот фундамент в моей голове — кирпич за кирпичиком. Камень за камнем. Камень страха перед хрупкостью. Камень восхищения мастерством творца. Камень осознания чистой красоты.

Но тогда я этого, конечно, не думал. Тогда я просто наслаждался пробуждением от тошного сна вчерашней скуки и удивлялся так, как никогда больше не удивлялся в своей жизни. Я стоял на коленях и любовался совершенными линиями, округлостями и впадинами. Дрожащими пальцами провел по ним всем, чувствуя прохладу отполированного мрамора, казавшегося мне почти живым. Время замерло. Обнаженная перед ничтожеством мира истина, теперь тебя обрел и я...

Наконец минуты побежали в своем обычном направлении, я поднялся на ноги и направился к вагончикам, прижимая Афродиту к груди, как младенца. Неподалеку все еще гомонила наша группа. Наверное, они уже сдали Диониса и теперь обсуждали свои впечатления и надежды. Захотелось укрыть свою драгоценность понадежнее. Я ускорил шаг. Совершенно точно, что мой клад куда ценнее Ромкиного инвалида. Но дело не в том, что в моих руках оказался не конкурентный ни с чем в мире идеал. Дело в том, что... разве понял бы меня кто из них? А если бы понял, не лишил бы он меня этого необыкновенного чувства, проснувшегося вдруг во мне, будто дитя в колыбели!

Я прошел мимо толпы, от волнения то и дело сглатывая слюну. Никто не обратил на меня внимания. Профессор встретил меня в дверном проеме двери бытовки. Сложив на груди темные от загара руки, он ждал, пока я подойду с таким видом, словно уже все знал. Я заробел. Остановился перед ним, как перед монархом, решающим нашу с Афродитой судьбу.

— С-смотри, — сказал я, заикаясь, и протянул фигуру, — смотри, что я нашел.

Павел Георгиевич немедля принял у меня статуэтку и плотно стал ее разглядывать.

— Не ты, — сказал он вдруг. — А мы, Юра. Мы нашли.

Горящий осколок из моей груди наконец выпал на землю, подняв клубы песчаной пыли. Из дедовых красных обветренных ладоней богиня в последний раз улыбнулась уголком мраморных губ и исчезла. В ту минуту сумрак бытовки показалась мне царством мертвых, а сам Шептунов — не менее чем Аидом, его царем.

Дионис и Афродита — две скульптуры, очевидно выступавшие в паре во владениях какого-то богатого эллина, — остались главными находками того сезона. Были и другие фигуры, но ни одной целой больше не сохранилось. По крайней мере, я о них уже не услышал. Вскоре я уехал из лагеря. Павел Георгиевич оставался там, пока не начались дожди.

К зиме, когда раскопки вновь приостановились, он тоже вернулся в наш холодный стеклянно-каменный город. Но и в тот год, и в последующие я продолжал

видеть деда крайне редко, и поговорить нам так и не удалось, да я и не стремился. С возрастом впечатлительности во мне изрядно поубавилось. И все же я часто вспоминал свою Афродиту. Не могло быть сомнений, что обе фигуры были переданы в какой-нибудь музей, хотя мне так и не довелось разузнать об их дальнейшей судьбе. Я даже пытался отыскать их в Эрмитаже.

Компенсировали ли Дионису Ромкину оплошность, я тоже не знал.

Уже будучи взрослым человеком, я пытался сравнивать живых подруг с работой гениального резчика. Признаться, сходств, которые до сих пор вдохновляют мое воображение, в живых телах я никогда не находил. Но не однажды воскресал в душе моей тот неугасимый жар, тот осколок. Он поднимался из пыли моей жизни и дерзко тянул меня за собой в небесные выси. И я вновь и вновь с непередаваемым трепетом убеждался, что стоит неколебимо во мне храм из волшебных кирпичиков — радость восхищения, смирение перед целомудренностью совершенства и трепет перед его хрупкостью.

С женитьбой и рождением детей благодаря этим основам я открыл для себя вселенную гармонию Творца. Но однажды этой гармонии было суждено опасно покачнуться и лишит меня неприличной мужчине наивной мечтательности.

Дед к тому времени проживал за городом, на выделенной институтом даче в известном ученому миру поселке. Мы не видались много лет, и я только слышал изредка о его новых достижениях в необозримых просторах археологии.

У меня было незначительное поручение от матери. Снедаемый любопытством, я приехал один. Павел Георгиевич встретил меня на пороге уютного домика, окруженного буйным садом. Профессор постарел и как будто уменьшился. Борода его пожелтела, а на носу сидели очки с несильными минусовыми диоптриями. Но, как и прежде, он выглядел отчаянным жизнелюбцем.

Я не собирался вспоминать свои подвиги. Тем более у меня не было цели искать Афродиту или расспрашивать о ней. Каково же было мое изумление, когда в ожидании чая я прохаживался по зале и, подойдя к причудливо оформленному камину, обнаружил ее — с невозмутимой одухотворенностью взирающую с каминной полки в наш иллюзорный мир. Она стояла среди тусклых и бесполезных сувениров, фигурок, ваз и вазонов, ни одна из которых не могла сравниться с ней ни в древности, ни в красоте. Отшлифованные бедра ее светились все той же целомудренностью. Мраморная прическа не растрепалась за годы разлуки. Нежная и печальная одновременно улыбка все так же таилась в складке губ.

Я замер, прислушиваясь к глухим ударам своего сердца.

— Юра, иди пить чай, — донеслось из кухни.

По выражению моего лица Павел Георгиевич, видимо, догадался, что я приметил результат хищения государственной ценности. Борода его ошетилилась, а из уголков глаз за диоптриями расползлись лукавые морщинки. Всей своей позой он выражал уверенность в себе. Это была его добыча. А я снова был всего лишь четырнадцатилетним мальчишкой...

Уходя, я старался не глядеть в сторону камина.

ЭДЕЛЬВЕЙС

Легко было обознаться. Капитан Яхонтов Роман Авдеич в свое время был грозой роты. Здоровый и крепкий, как молодой бык. Перед ним трепетали и опасались его, чуя какую-то недобрую, нечеловеческую мощь. Он был дьяволом во плоти... Сумасшедший. И красавец.

Мужик на боковом, наискосок через один отсек, напоминал сдувшийся футбольный мяч — худой и дряблый. Он сидел спиной к Косте. Дважды поворачивался — когда подавал билет проводнице и когда принимал у нее стакан с чаем. В проход выставлялся горбоносый профиль, и с подкатывающим чувством дурноты Костя узнавал — он. Потом мужик отворачивался к окну, и свалывшаяся седина на затылке говорила — не он.

Ночью Костя тщетно пытался уснуть. По потолку проносились полосы света от фонарей, стоящих на страже вдоль рельс, по которым мчался, ускоряясь, поезд. Ту-ду, ту-дук. Ту-ду, ту-дук. Ту-ду, ту-дук, ту-ду-ду-ду-ду-ду-ду...

Золотые полосы света, льющегося из щелей в шиферных крышах. Шифер накалялся, внизу расстилались дурманящие запахи экзотических трав, фруктов и овощей. Худенькая, невысокая, как ребенок, девчонка торговала здесь, в окружении пышнотелых товаров. Полукровка или даже на три четверти русская. Если бы не одеяние, какое было принято у взрослых аборигенок, можно было принять ее за девочку-подростка. Темные серьезные глаза. Кожа с медным оттенком, матовый блеск. Волосы собраны под платок, даже в жару.

Он дослуживал свой последний месяц. База располагалась в палаточном лагере возле одного из предгорных поселений. Война, считай, окончена, и скоро домой. Тишина и воздух — как на курорте. Командование что-то решало или ждало, солдаты скучали в блаженном ничегонеделании. Развлекались воровством абрикосов, а кто поотчаяней, и стрельбой по бродячим псам (которые в деревнях после войны собирались в целые стаи). На сельском рынке разживались паленой водкой и самогоном.

Девчонка появилась недавно, раньше ее не было, или сержант не замечал.

Все его существо словно ждало ее. Он даже придумал себе, будто видал во сне точно такую девушку, воспринял свою фантазию за знак и тотчас решил познакомиться. Но вот беда — не знал, как подступиться. Хотя в университете недотепой никогда не слыл, даже напротив.

Студентом он носил очки, однокашники уверяли его в сходстве с одним знаменитым писателем, имевшим интеллигентное лицо и пенсне. Писатель покуда не помог нисколько, зато помогла военная кафедра — в армию он ушел с погонями, и сейчас это должно бы помочь: молодые девчонки падки на погоны больше, чем на изящества всякого рода. А сержант был изящен по-мальчишески, с крепкой шеей и выпуклыми плечами. Ему было двадцать лет. Но он не знал, как подступиться.

Со своими аккуратными горками овощей она приютилась в дальней стороне рынка. Сержант прохаживался не спеша, как бы прицениваясь, а сам поглядывал в ее сторону. Черные бабы в халатах опасно косились на шатающегося туда-сюда молодца. Он покупал ненужный чеснок или другую мелочь и все приближался к ее ряду, но потом разворачивался и уходил ни с чем. Так происходило изо дня в день целую неделю.

Она, конечно, скоро заметила его. Для сержанта настало время тонкой, приятно будоражащей кровь игры. Ловя взгляды, она обильно краснела и опускала глаза. Но можно было заметить с трудом сдерживаемую улыбку. И тогда он поправлял портупею и начинал вышагивать гусем, пытаясь рассмешить ее, пока не засекал чей-то настороженный взгляд, и тогда тушевался и старался как можно неприметней ретироваться.

Но однажды девчонка не выдержала и, не успев отвернуться, прыснула, прикрывая рот ладошкой. Сержант обнажил все зубы разом. Чтобы отвлечься, ей пришлось начать перекладывать свой товар из одного ящика в другой, изображая работу.

На следующий же день он отважился прийти на рынок с букетом полыни. Пахучие цветки ее напоминали русскую мимозу. Она приняла, понюхала, чихнула и, рассмеявшись в голос колокольчиком, чихнула еще. Гомонящие бабы заткнулись и неодобрительно посмотрели в их сторону. Она опомнилась, спрятала аллергенный веник под прилавок, оглядываясь, будто зверок.

— Меня Константином звать.

Сержант протянул девушке мгновенно вспотевшую руку для пожатия.

— Аня, — прошептала Аня и вложила в его ладонь помидор.

Он вскочил, едва стало светать. Вагон просыпался, крихтел, бормотал. Костя успел в умывальню прежде, чем собралась очередь. Возвращаясь, поглядел украдкой в сторону давешнего пассажира. Тот сидел, упершись локтем в стол, подперев рукой щеку, и покачивался всем корпусом в такт движению поезда. Похоже, он спал сидя.

В Костину часть Яхонтов прибыл неожиданно, месяца за два до его увольнения и за месяц до появления Ани. Никто не знал, откуда он и зачем здесь, и выяснить не пытались. Он сразу явил себя наглым, грубым человеком. Слава лихого бойца, впрочем, несколько украшала его. Поговаривали, будто на войне он с самого начала — выходило едва ли не половину Костиной жизни. Некоторые знавали капитана в прошлом и утверждали, что в бою он неистощим и яростен, как раненый гризли.

— Кто не сталкивался с капитаном Яхонтовым, тот не знает, что такое настоящая злость, — говорили знатоки.

Почти постоянный «градус» сильно усугублял это, столь неприятное в мирное время качество, но капитану многое сходило с рук. Все знают, что на войне звереют быстро, искренне. И огненную воду здесь уважали, а способность к большим объемам ее потребления почиталась за доблесть. Рассказывали еще, будто жена от него ушла из-за этого.

— Ну! Ур-роды. Кто не за капитана Яхонтова, тот пр-ротив него, — орал он на солдат.

Днем он заставлял их грузить бочки с бензином, потом увозил эти бочки куда-то и привозил новые, чтобы перебросить их через день-два в другие машины и снова увезти. Кого держал за бездельников, мог заставлять переставлять бочки с места на место. Иногда отряд часами бессмысленно маршировал по плацу под его рывканье. У капитана был устрашающий принцип: незанятый солдат — мертвый солдат.

— Ну, без пяти безголовые! Живее! Что почем, а здесь вам не санаторий. Р-р-расслабились, с...

Он ненавидел покой, тишину и все время орал, «нукая» при этом и «рыкая», или отпускал свои дурацкие присказки, щедро снабжая речь матом. Его старались обходить стороной, этого «шизанутого» капитана.

— Кто не за нас, тот против нас! Только трусы греют жопы в окопах! Ты должен любить команду «вперед», как бульдог любит команду «фас»!

Его ненавидели все, кроме начальства. Чем он там их подкупал, неизвестно. Когда капитан уезжал, а уезжал он часто и надолго, наступали дни праздника.

Свистнули тормоза, состав дернулся и стал. Костя подхватил рюкзак и заторопился к выходу. Но мужик вдруг поднялся прямо перед ним. Зябко поеживаясь после дремы, подцепил с крючка коричневую вельветовую куртку и начал старательно всовывать руки в рукава. Тут он повернулся и оказался лицом к лицу с Костей. Маска озабоченности медленно трансформировалась в маску высокомерия. Он распрямил спину и на миг сделался тем самым капитаном Яхонтовым, только теперь одного с Костей роста. А когда-то сержант смотрел на него снизу вверх и видел богатыря.

Но капитан, а теперь Костя не сомневался, что это он, странно отвел глаза и вновь принял вид немощного старика. Он тяжело осел на свое место, пропуская Костю к выходу.

На дальнем конце платформы, где остановился их последний в составе вагон, было безлюдно. Костя вдохнул теплый порывистый ветер белых ночей, которого не знал всего неделю и уже забыл. Он был одет в просторную футболку. Летний плащ висел, перекинутый пополам, на ремне рюкзака. По обнаженной коже предплечий проскользнул резкий порыв ветра и прокатилась волна мурашек. Порыв был холодным, он донес запах гнилой воды из каналов. Погода грозила испортиться.

Из беглого рассказа Ани сержант знал, что родственников, кроме деда, нет. Под его крылом тихо, не высовываясь, она и жила. Даже соседи не все знали ее по имени, что удивительно для небольшого села. А недавно дед захворал, и ей пришлось взять на себя и огород, и дом, и рынок.

Она мечтала уехать отсюда в Россию. Она хотела учиться.

Но уехать было трудно и раньше, а теперь, когда слег дед, совершенно невозможно. Старик почти не вставал, самостоятельно разве в туалет мог справиться. Да и то внучка смастерила и установила что-то вроде горшка на табурете, поближе к кровати. В дворовый нужник он не добрел бы. Оставлять последнего в роду старика доживать век в одиночестве — бесчестье, говорила она.

Дед — долгожитель. К тому времени ему уже исполнилось сто лет. Половину огромной семьи, всех, кто был до него, старик схоронил еще до первых сражений. Вторую половину проводил воинами или похоронил сиротами. Четверо Аниных братьев, отец, мать, дядьки и кумовья — всех пережила дедова глыба. Осталась одна внучка. Война шла так долго, что девочка не помнила мира.

Он думал: русское имя Анна ей совсем не идет. Она не была красавицей, но очаровывала особенной в девушках ее возраста беспомощностью и чистотой. Она была как лань, отовсюду ожидающая опасность. Сжималась от звука мужского голоса, хмурила густые брови, старалась не поднимать глаз. Но если уж смотрела — то прямо, пронзительно. Сержант покрывался мурашками с ног до головы от этого взгляда.

Такой бы танцевать под луной среди синих гор, в белых одеждах, в золоте и жемчугах, а не торговать на рынке, страшась всякого — человека, человекозверя ли. Как это возможно среди такого запустения? — благоговейно недоумевал сержант. Как возможна — она?

— Ну, здравствуй, сержант. Еще раз, как говорится.

Костя вздрогнул и обернулся. Яхонтов настойчиво протянул руку. От неожиданности Костя пожал ее и после незаметно отер пальцы о штаны, как бы от грязи. К вокзалу, не сговариваясь, двинулись вместе. Яхонтов закурил, отплевываясь табачными крошками. Костя давно бросил и сейчас сожалел об этом. Горячие волны наплывали на него, словно он окунулся в тревожный сон и никак не мог проснуться.

Самому себе сержант не мог бы сознаться, что влюблен. Но все в отряде знали о его увлечении. Однако шила в мешке не утаишь — любил подкалывать его товарищ, грузин Зураб. Из армии он потом ушел с такими же, как у Кости, погонями. Одну удачную операцию, когда бывший их командир был ранен, а солдат Зураб отличился, помнили все, кто знал Зураба. Это стало легендой, одной из многих.

С Костей они прибыли на войну одновременно. Дружба завязалась в грузовике, везущем их с приграничной станции в полную мрачных слухов неизвестность.

У грузина было веселое лицо, и он как никто умел отвлекать от пустого и ненужного, что мешало собраться и идти в бой. Тогда еще были бои...

Он оказался настоящим товарищем, этот смешной грузин. Всегда угадывал настроение человека и никогда не отлынивал от участия, будь то минута слабости или смертельная опасность. При этом он сохранял независимость, но никогда этой независимостью не кичился. То было какое-то внутреннее одиночество. Смирение, похожее немного на религиозность. Костя верил, что он таким и остался. Но после армии они, как ни странно, никогда не встречались. Зураб жил далеко и контактов не оставил.

— Зачем, — сказал он. — Всякая дружба для своего часа.

Костя часто вспоминал Зураба, хотя вообще воспоминаний о том времени не любил. Но его друг был настоящий воин, на таких всегда можно положиться, такие вызывают желание подражать.

Отправляясь в увольнение, Зураб набирал заказы, и они шли. Иногда вдвоем, иногда брали с собой кого из солдат. В тот день стояла жара, середина августа, ослепительно сияло небо. Яхонтов куда-то уехал, и кто-то сказал, что его не будет до завтра. Сержант и Зураб планировали обернуться за час-два.

Мучительно стыло сердце. Костя помалкивал, грузин нес на лице как вытесанную из камня улыбку. Шли по дороге, привычно осматривались по сторонам, то и дело поправляя автоматы. Грузин трепался о ерунде. Костя мысленно благодарил за тактичность.

Тем временем дорога свернула в небольшое ущелье, за которым должны были показаться первые дома. Даже не ущелье то было, а просто скалы, скальчики, предвещающие настоящие горы. В долине кривой широкой лентой вдоль укатанной грунтовки растянулся аул.

Взгляды ползли по камням, и вдруг сержант зацепился глазом за белое пятно посреди почти отвесной стены. На высоте трех-четырёх метров белел, как оброненное на адовы уголья перо ангела, цветок. Чистый вздох в опостылевшем пейзаже.

— Стой! Жди здесь, — сказал сержант.

— Чего там? Эй, чего, слышишь? — засуетился тот, хватаясь за оружие.

— Момент, друг. Не дергайся, я сейчас! — крикнул он.

Но лезть по голому камню не так просто. Цель маячила недалеко, но через пять минут уже казалась недостижимой. Уцепившись руками за хлипкий уступ, как за надежду, сержант искал опору ногам, находил, когда пальцы уже готовы были сорваться, пауком лип к скале.

— Эй, эй, аккуратней! Ты тут как на ладони, — кричал снизу Зураб.

Он уже видел цель сержанта. Но автомат не выпускал из рук, стоял на страже, хотя оба знали — сейчас это, скорее всего, лишнее.

— Давай скорее, птичка влюбленная! Дрозд ты мой певчий! Дурак дураком!

Спустя минут десять измочаленный усилием герой, держась за скалу, остановился передохнуть. Он задрал голову, и зелено-белый кустик поприветствовал его с расстояния полуметра, клонясь к красному от натуги лицу человека, беспечно покачиваясь на ветру. Желтые корзинки соцветий, как маленькие копии счастливого солнца, смеялись над Костей и радовались его маленькому подвигу. Осталось протянуть руку.

Эдельвейс — цветок-одиночка. До сих пор сержант знал его только по иллюстрациям в учебнике биологии и не мог предположить, насколько этот дикарь соответствует своей славе. Одинокий и самодостаточный, он жил здесь, наверное, веками, то распускаясь, то увядая и распускаясь вновь. И никакие сражения ему нипочем, и ничьи грешные судьбы и бесплодные надежды его не волнуют, потому что он

ничего не признает, кроме ветра, солнца и дождя, дарующие жизнь, рост, нетронутую целомудренность. Это был самый необходимый сейчас цветок.

Он сорвал сокровище и сумел спустить его вниз неповрежденным.

Как ни в чем не бывало двое зашагали к поселку, переговариваясь о чем-то постороннем.

— Уверенно шагаете, товарищ капитан, — сказал Костя на пороге вокзала.

До сих пор они шли молча.

— Тут рядом есть закусочная, — откликнулся Яхонтов. — Может, зайдем? Обмоем встречу, как говорится. Куда спешить... Отвоевались. И в миру, как говорится, тоже. Ты как? Временем обладаешь? Я-то один, гол как сокол.

— Вообще-то я тороплюсь, — сказал Костя.

— Ну! Погоди ты. Столько лет, столько зим. Как бы нам с тобой, а? За встречу-то. Святое. Ну. Ты как хочешь, сержант, а надо.

Вошли внутрь.

— А ведь было дело, — продолжал Яхонтов, — я же чуть до майора не дошел. Ну да это история долгая. Что тут у нас? Нет, не то... Надо, пожалуй, выйти. Здесь нам спиртного не продадут. Говорят, прижимать стали нашего брата. Ни почета, ни уважения, как говорится. Законы их — ни к черту законы. На сидорову козу законы.

Костя размышлял, как бы слинять поудобнее. Метро должно было открыться через четверть часа. Утро разгоралось на глазах. В высоких полуарочных окнах сверкнул солнечный луч. И тут же угас в набежавшей туче.

Утро быстрое, стремительное, пахнет росистыми травами и бахчами с окраинных огородов. День, если покоен, пахнет пылью дорог, абрикосами и собачьей шерстью. Под конец войны их развелось немало. Монотонно стрекотали сверчки-партизаны. Мягко наплывал полдень. После заминки с эдельвейсом пришлось ускорить шаг. Рыночная площадь располагалась в центре поселка.

— Ты, это, давай, друг, иди, а я пока к тетке Фариде загляну. Фруктов найду или чего повеселей.

Зураб загадочно подмигнул. Фариды была местной поставщицей гашиша, который Зураб добывал сослуживцам. Спиртное чаще всего брали тоже у нее. Сорокапятилетняя Фариды, широкая хмуробровая женщина, была вдовой. Она не жалела солдат и хамски выторговывала всегда больше, чем позволяла здоровая совесть, но зато ни в чем никогда не отказывала. При большом желании у нее можно было разжиться и кой-какой бытовой информацией. Зураба она, однако, неизвестно за что привечала больше других. Наверное, за белые зубы.

— Вот бы разжиться девушками на пикничок, — ехидно помечтал Зураб. — Кстати, ты свою подружку тоже приглашай. Я не буду против. Местные девушки горячие, говорят.

— Заткнись, — с досадой сказал сержант.

Зураб шутил. С девушками тут было туго. Но и мысли сержанта были заняты одним помыслом — подарить, пока не увял, цветок, который с таким трудом добыл. Бархатные лепестки щекотали и дразнили руку. Другого такого он не найдет, это как пить дать. И другой такой ни за что не сможет полнее выразить его отношение к Ане, совершенство которой он страшился унижить даже намеком. Он мог мечтать, как поднимет ее на руки, будто хрупкий сосуд, и уложит на белоснежную, хрустящую постель. И она испугается и скажет: нет, нет, не надо! Но он бережно опустит ее на простыни и скажет: милая, любимая... «Я буду охранять тебя, —

думал сержант. — Милая, любимая, я никогда не обижу тебя». И он мечтал, как будет сторожить ее сон.

Но Ани на рынке не оказалось.

— Не домой же к ней идти... — с сомнением сказал сержант. — Да я и не знаю, где ее дом.

— Ты чего! Погоди. Я же за фруктами собрался. Заодно и... Тебе же сама судьба подмигивает, — и Зураб подмигнул сам. — Мы, что ли, не разведчики?

Он исчез в рыночных рядах, а минуты через три вернулся с координатами Аниного жилья. Ловкач.

— Фарида не откажет, — похвалился Зураб.

— Ты что творишь? Кто тебе позволил? — зашипел сержант. — Только последний болван стал бы тут допрос устраивать! Ты же подставил ее! Что они подумают? Болван! Идиот!

— Да не кипишься ты, — сказал Зураб. — Зато адресочек есть.

Дом оказался на другом конце села. Довольно приличный, как ни странно, для одиноких девушки и старика дом. Глиняные беленые стены были чисты, без единого скола или дырок от пуль. Все стекла целые, сверкают чистотой. Аккуратный цветник под окнами. Небольшой сарайчик справа, слева — беседка из виноградных лоз, пышно увешанных недоспелыми гроздьями. Огород, видимо, позади строений.

Остановились возле колонки рядом с хатой, побрызгали холодной водой друг другу на горячие черные шеи. Скрывая волнение, сержант подошел к двери, постучал. Никто не ответил. Сержант толкнул дверь, и она, чуть скрипнув, на сантиметр отворилась вовнутрь. Зураб стоял, широко расставив ноги, сложив на груди руки. Когда сержант замаялся и обернулся, ободряюще кивнул, блеснув лошадиными зубами.

— Я прикрою.

Он решил дальше прихожей не соваться, только лишь окликнуть в глубь жилища. Сдвинул автомат на спину и вошел, держа перед собой цветок, как щит, от волнения крепко сжимая стебель в кулаке. После яркого уличного света он мгновенно ослеп и остановился в растерянности. Ни сенец, ни прихожей, как это обычно бывает в русских деревенских домах, не оказалось. Костя понял, что попал сразу в жилую комнату. А когда чуть прозрел, отшатнулся назад. Но было поздно.

Капитан Яхонтов бесцеремонно сдвинул Аню к неровной стене. Растирая толстыми пальцами заспанное лицо, встал с тахты. Видимо, он прилично надрался, потому что, поднимаясь, споткнулся о собственный ботинок и пошатнулся, выпрямляясь во весь свой могучий рост. Одежды на нем не было никакой.

Живот у сержанта скрутило, под висками горячо забилося — будто пуля пролетела в миллиметре от головы. Где дед? — мелькнула мысль и с размаху врезалась в наглухо закрытую дверь во вторую спальню. Живописными пятнами полыхнуло на сером полу небесно-голубое и темно-зеленое — сплетенные в ком так знакомый ему хлопковый женский халат и мужская военная форма. Там же, на полу, валялись автомат и кобура с пистолетом.

Аня в страхе прикрылась первой попавшейся тряпкой вроде покрывала. Волосы, намного темнее, чем торчащие из-под косынки выгоревшие пряди надо лбом, растрепались. Он, не моргая, смотрел и видел, как, загораживая девушку горой мышц, приближается, будто в замедленном киноэпизоде, голый капитан Яхонтов.

На самом деле прошла секунда, как Яхонтов приблизился. Он дыхнул свежим перегаром, вздернул свой орлиный клюв и втянул ноздри. Сержант почувствовал себя юнцом, Тимуром без своей команды, который попался на благородном, но нечаянно нелепом поступке. В ту минуту он ненавидел себя-юнца не меньше, чем своего соперника.

— Это что? — рявкнул Яхонтов.

Он зыркнул на букетик, который сержант до сих пор сжимал в кулаке, поднятом к самому подбородку. Маленький и нежный, казался он столь же лишним здесь, как и сам недавний покоритель гор.

— Редкое растение. Наиредчайшее, — просипел сержант. — Эдельвейс называется.

— Ах ты, с..., — спокойно сказал капитан, не спеша повернулся к Ане, как бы собираясь произнести удивленный монолог или спросить: неужто этот сопляк принес цветы тебе, женщина? — а потом неожиданно развернулся и в развороте с размаху ударил сержанта в челюсть, и он отшатнулся, ударился спиной и головой о косяк двери, не удержался на ногах и припал на одно колено, словно комедийный рыцарь в комедийном поединке. Дверь со скрипом распахнулась. Эдельвейс выпал из рук.

Аня пронзительно взвизгнула и кошкой забилась в самый угол своего постыдного ложа. Сержант успел заметить, как беззвучно разевается то ли в крике, то ли в судорожном вздохе ее детский розовый ротик.

Яхонтов все еще безуспешно пытался наладить беседу. Вспоминал какие-то несуществующие события, имена. Все в его голове, казалось, перепуталось, как в старом заброшенном амбаре. Он говорил бестолковой скороговоркой и казался больным на голову. А может быть, он всегда таким был? Костя только теперь заметил, что речь капитана лишилась «рыканья» и что от него разит чем-то вроде аммиака. Он болен? А может быть, и вправду двинулся, или это обычное стариковское? Хотя — Костя быстро посчитал в уме — сейчас ему должно быть не больше пятидесяти.

Он тогда расквасил ему нос и рассек бровь одним ударом. Добивал ногами. Лучше бы убил, думал сержант в порыве отчаяния. Лучше бы убил. Или я бы убил. Или лучше бы я...

На шум прибежал Зураб. От мощных ударов сержантское туловище врезалось в стену. Обрушилась полка с посудой. Грузин влетел стрелой, с оружием наизготовку. Замер на пороге в смятленном ужасе. Лицо товарища показалось ему кровавым месивом. Махровые звездочки эдельвейса размазались по полу и перемешались с каплями крови. Капитан, кажется, ничего перед собой уже не видел и не чувствовал, с выпученными глазами он нещадно пинал сержанта босой ногой, а тот, шипя и закрывая голову рукой, силился подняться, свободной рукой одновременно стараясь дотянуться до кобуры.

— Никто. Никогда, — хрипел капитан. — Мое. Моя. Убью.

Пальцы на ногах у него оказались как железо. Зураб схватил друга и выволок его на двор. Сержант не сопротивлялся, обмякнув вдруг, как овощ, сначала погруженный в кипяток, и после вынутый из него на холод. Яхонтов не преследовал, то ли исполнившись очевидного превосходства, то ли устав. Дверь хаты осталась распахнута.

Зураб отволок сержанта в часть.

— Молись теперь, чтоб он спяну лиц наших не разглядел, — сказал он.

Но это было маловероятно. Такой закаленный тип, как Яхонтов, мог пить галлонами, шататься, но оставаться при своих известных всем способностях — расчетливом уме и фотографической памяти.

Левая сторона лица сержанта распухла, один глаз заплыл. Несколько дней он провалялся на койке, прислушиваясь к пульсации в отбитой груди. Фельдшер роты налепил на бровь, нос и губу по куску пластыря и заключил:

— Заживет как на собаке. Даю неделю.

Солдаты отнеслись с пониманием. Постыдное и необратимое поражение сержант пережевывал, заупорившись в себе, как ракушка. Зураб приносил в жестяной кружке разбавленный спирт, пытался вытянуть из него хоть слово. Но сержант выпивал молча, благодарил кивком головы. Поднимался в столовую, на построения и в сортир.

Яхонтова видели по-прежнему нечасто. Наглый, самоуверенный, как и прежде. Когда появлялся в части, орал на всякого, кто попадался под руку, и так узнавали о его появлении. Он был похож на возбужденного после удачной драчки ротвейлера. Но свои грозные обещания относительно сержанта выполнять не спешил и вообще не цеплялся ни к нему, ни к Зурабу.

Нетрудно было догадаться, чья это забота. Но от догадок делалось еще муторнее.

Возле бюста русскому царю, установленному посреди огромного помещения зала ожидания, Яхонтов сбавил шаг, словно решал — спуститься в подzemку или выйти на площадь к наземному вестибюлю. У лестницы с буквой «М» на притолоке толпились ожидающие открытия. Костя тоже замедлил ход, но, не останавливаясь, пошел по направлению к выходу на площадь Восстания. Ободрившись, капитан перешел к неловкому психологическому наступлению.

— Да что я все о себе. У тебя-то что почем, сержант?

— Все живы, слава богу.

— Ну! Мать, отец? Здоровы?

— Не жалуются.

— У тебя же родня вся тут, под крылом, как говорится?

— Да, — неопределенно ответил Костя.

— Дети? Жена?

Костя промолчал, злясь. Он вдруг задался вопросами, ответ на которые лежал не рядом с капитаном, и с тоской взглянул на полицейских возле рамок металлоискателей, на входящих пассажиров с необъятными чемоданами, которые они тяжело закидывали на ленту рентгена, на мелькающие туда-сюда тяжелые входные двери. Там было его спасение от навязчивого призрака прошлого.

Сквозь бульканье репродуктора, в котором улавливалось сообщение о прибытии поезда, послышался продолжительный раскат грома. А ведь когда шли по платформе, тучи едва виднелись на фиолетовом небе. За окнами сразу потемнело, будто погасли театральные прожекторы перед представлением. Начиналась гроза.

Он вспомнил: в ночь перед дембелем тоже шел дождь.

С дня столкновения сержант не выходил из части. Изнывал в казарменной духоте, пил отчаянно, что приносили другие, потом спал крепко и долго и ел бы за троих, давали бы в скудной столовой тройные порции.

Прошло две недели. Яхонтов по-прежнему его игнорировал. Сержанту сделалось все равно. Или он сам себя в этом убеждал. В доказательство собственного равнодушия к жизни он даже перестал считать дни до отправки на родину.

Однажды он просто получил приказ собираться. Солдаты, с которыми предстояло возвращаться, оставили его одного после долгих уговоров «отметить». Потом часть из них ушла в поселок, часть рыскала по лагерю, собирая своих, возбужденно суетясь. Он остался один. Покидал в дорожный мешок тряпки и снова улегся на свое место. Сердце ныло. Наивный дурак, идиот, — ругал он себя. И тут же хотелось плакать, как маленькому. Потом делалось стыдно, и он начинал ненавидеть ее,

его, Зураба — за то, что видел эту мерзкую сцену и что оттащил, и весь этот чертов мир, так славно поиздевавшийся над его нелепым порывом.

Завтра должна прийти машина, которая отвезет его на вокзал.

А вечером разразилась гроза.

Время близилось к отбою. Солдаты вернулись и отдыхали в одной из палаток. Куда-то запропастился Зураб. Наверное, «прощался» с ними. Руки и ноги сержанта затекли. Впервые за несколько часов захотелось выйти наружу.

На улице тоже никого не было. Поодаль только чужие парни разгружали бочки с приехавших недавно грузовиков. Силуэты мелькали под вспышками молний, а потом пропали. По строевой площадке одиноко шлепали тяжелые частые капли дождя.

Небо, вязкое и мокрое, то и дело раздражалось оглушительным треском. Лезвия молний вспарывали мрак, дальние вспышки сопровождались громом, навязчиво подходящим на звуки далекого боя. Непогода обещала установиться надолго.

Он поднял воротник гимнастерки, в шипящей ливневой мгле пробежал прямо по грязи до соседней палатки, где хранились дрова для кухни и где почему-то горел электрический свет. Устроился под навесом на деревянном чурбане, закурил. Края тента трепало ветром. Пахло бензином, потом, портянками, сырой глиной. Брызги дождя попадали сюда тоже. Лампа, привязанная на перекрестии опор, болталась во все стороны, отбрасывая на брезентовые стенки шевелящиеся тени. Уголек папиросы приходилось прикрывать рукой.

До отправления оставались часы, а ни о родном городе, ни о родных вспоминать не хотелось. Будущего не существовало. От мыслей тошнило, как и от табака. Он выбросил окурочек и поднялся. И тут из темноты неожиданно вынырнула Аня. Шла, освещая себе путь карманным фонариком, прямо на него и как будто не замечала.

На ней было что-то вроде обвисшей телогрейки или ватника. Не по плечу, мужская. Но он сразу ее узнал. Из-под бесформенного одеяния торчала юбка, походящая больше на половую тряпку. На голове — платок, промокший и бесполезный. Она шла, тяжело переставляя ноги в кирзовых сапогах с налипшей на подошвы грязью.

Необыкновенная, как из другого мира, здесь, посреди грозы и дождя, в солдатском быту. Ничего, что могло бы ей ответить взаимностью, здесь не существовало. Как эдельвейс на камнях. Жизнь, ничего не знающая о боли, страхе и войне. Трогательные тонкие ноги, торчащие из широких голенищ, а лицо — светлая беспристрастная планета. Сержант сразу и тысячу раз пожалел обо всех дурных эпитетах, что успел ей выдать в последние дни.

Войдя в раскачивающийся желтый круг света, Аня бессильно опустила руку с фонариком, подняла голову и улынулась, словно встреча ее не удивила.

— Здравствуй, Костя, — сказала она.

— Аня!

Он подал ей руку, она оперлась одними пальцами, шагнула под навес.

— Как ты здесь?

— Не ожидала встретить кого-то в такую погоду, — сказала она так, будто пребывание ее в части было само собой разумеющимся. — Знаешь, Костя, я уезжаю. В один приморский город. Там есть университет. Роман Авдеич уже все устроил. Буду работать там, а может быть, со временем и выучусь. Роман Авдеич обещал и душу со мной переправить... Костя, ты поверь, я не просто так... Он ведь только с виду такой... И он меня не обидел ни разу. — Она словно извинялась. — Костя, ты ведь его давно знаешь, не то что я... — она запнулась, но все же решила: — Как ты думаешь, Роман Авдеич — честный человек?

О Боже! О Боже! Зачем ты меня об этом спрашиваешь?! Он хотел закричать: «Дура! Дура!» Но вместо этого получилось неуклюжее:

— Ты чего здесь под дождем-то шляешься?

— Так, ищу, — сказала она, видимо, разочарованная тем, что он не оставил безответной ее откровенность.

— Что же ты ищешь?

Задумавшись, она прошла, села на чурбан, где только что сидел сержант. Из-под платка выбилась прядь. С волос капало на юбку.

— Не знаю сама. Тоскливо что-то и страшно мне, Костя. Будто не доеду я, пропаду. Чувство такое у меня...

Какая же она маленькая еще. Боже! Боже! В чьи руки ты отдал ее? Чувство страшной несправедливости, и ревность, зеленоглазое чудовище, и пережитое унижение, все вместе готово были вырваться, излиться на этот нежный цветок, причину ненавистных эмоций. Он хотел уколоть, сказать резкое, смутить или обидеть, только чтобы она не досталась Яхонтову, этой железобетонной сволочи, бессовестной, бессознательной машине смерти. Он никогда не сумеет оценить ее преданности. Бархатный цветок на холодном камне... Уничтоженный, растоптанный, растрепленный, растленный. И вот — лишен первозданного своего естества. Будто ограблен. И будто ограблен весь мир.

— Костя, а ведь я тебя искала.

Аня подняла лицо. Она улыбалась, но что-то в ее лице показалось сержанту иным, чем прежде. Какая-то строгость. Или печаль, прячущаяся за вымученную улыбку.

— ...Раз уж сегодня я тут оказалась... — донеслось до него. — Я хотела попрощаться с тобой. Ты, говорят, тоже уезжаешь. Еще раньше меня. Это хорошо, что так.

— Кто? Кто говорит?

— Рома... Роман Авдеич.

У сержанта защемило сердце.

— Он... Он честный, — сказал он, давя в себе вопль. — Тебе не нужно беспокоиться.

— Спасибо тебе, — с чувством сказала она и поднялась. — Костя, я вижу, ты хороший человек. У тебя все должно быть хорошо.

И еще она сказала:

— Прости меня, пожалуйста.

И пока она уходила обратно в слякоть и мрак, ему делалось все нестерпимей стыдно. За нее, за себя самого, за всю эту войну, в которой она выросла и которая отняла у нее право выбирать свою жизнь самой, за дождь, за налипшую грязь на неподъемных кирзачах не по размеру, за мокрый капитанский бушлат на худых плечах.

Потом он жил некоторое время у матери, ни с кем не разговаривал и никому никогда ничего не рассказывал. Мать откармливала его супами и сочными жареными бифштексами так, что скоро его ошипанное войной тело скоро обросло мышцами и рельефом стало не хуже яхонтовского.

Из вернувшихся следующим дембелем знакомых о русской девушке и старике горце никто ничего сказать не мог. Рассказывали, что Яхонтова вскоре перевели в другую часть. Уезжал он, конечно же, один.

— По-чесноку, неприятна встреча или что? — в голосе старого капитана послышались жалобные нотки. — Или не ожидал просто? Ну. Я тоже. Чего-чего, а свидание хоть куда... Специально не придумает. Да, брат, бывает и...

— Брат? — перебил Костя. — Давно ли?

Он остановился. Почувствовал, что вот-вот сорвется и тогда... Его окатила волна брезгливости, словно проглотил гусеницу.

— Товарищ капитан, мне пора, — сказал он.

— Не надо это... товарищ капитан...

Яхонтов дернул плечами. Костя сделал движение уйти, и тут капитан бесстыдно удержал его за локоть.

— Я ушел из армии. Как война окончилась, так и уволился сразу. Приболел я. Дурной болезнью. Ну. *Cherchez la femme*, как говорится, *cherchez la femme*. Ба, да ты, я гляжу, серьезно в обидке до сих пор. Напрасно, — он облизнул губы. — Но погоди... — вдруг ядовитая ухмылка расплылась на его лице. — Не за нос же разбитый ты это... того... Или так уж девка тебя зацепила? Мать твою за ногу! До сих пор, что ли, в обидке? Да ведь сколько зим, как девка тью-тью, война, че переживать-то. У меня она сотню братанов забрала и — жену, считай, тоже. И ничего, не обижаюсь... А у тебя все живые, сам говоришь, все здоровые. Так что давай, кто прошлое помянет, как говорится...

Огромный кулак сгустился в пространстве и ударил под дых. Костя силился и не мог вдохнуть, губы его посинели.

— Она погибла? — выдавил он.

Яхонтов непонимающе посмотрел сквозь Костю. Щеки с царапающей взгляд щетиной вздрагивали, будто в тике. Торопящийся люд недовольно обходил их, то и дело задевая, словно намеренно. Они стояли возле самого выхода. Яхонтов сделал шаг в сторону, увлекая Костю.

— Ты не знал, что ли? — он ухмыльнулся. — Их же свои и мочканули. Ты же еще уехать не успел. Она тогда несколько ночей у меня жила, в части. А-а, ты и тут не в курсе. Дебил ты, сержант... Я ее забирал иногда вечером, утром отвозил. Но она ж бешеная какая-то стала в тот вечер, последний раз я с ней якшался тогда. Зарекся. Походила, позыркала, че там у нас да как. А потом давай и ляпни, мол, не поеду, и все. Бойтся, мол, она. Ну и чего? Я ей в поверенные вроде не набивался. Я ее выпорол, чтоб не бродила где не надо. А с утречка отправил, как говорится, восвояси, своим ходом. Ну. А ее там уже ждали. Может, и давно ждали... Дед остыть успел. Кто, правда, так и не узнали. Мышлачи какие-то. Да что искать. Бандюги — они и есть бандюги. До поры до времени по подвалам сидят, а иной раз и обнаружатся некстати. Ну. Жалко, конечно. Они ее как стукачку вроде, хотя че с нее взять было, не пойму. Слухи ходили, видать. Ну. Не угодила. А мы таких геройчиков много побили. Что почем, а в последние деньки тоже горяченького хватало... Да что ты, сержант, как квашня стоишь! Ты че! Было б о чем жалеть. Она же шлюхой была. Я ее даже раз полковнику возил. Ну. Он ей билет в Россию обещал. Да не выгорело... Так ты что, правда не знал? Во дает! Дебил, че говорить.

Бледный как мел, Костя стряхнул капитанские щупальца со своего локтя.

На площадь он вышел один. Зигзагами, как под обстрелом, и сильно размахивая руками, устремился в противоположную от метро сторону. Дождь лил как из ведра. Прохожие, толкаясь черными зонтами, обходили, как им казалось, пьяного.

Игорь ЯКОВЕНКО

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ МУЖЕСТВО

Замечательная писательница, лауреат Нобелевской премии Светлана Алексиевич в середине 80-х годов прошлого века опубликовала книгу «У войны не женское лицо». Светлана Алексиевич опросила более 800 женщин-фронтовичек. Их воспоминания вошли в книгу. После того как книга была опубликована, писательнице стали приходиться письма от фронтовиков, мужчин и женщин. Добавить в книгу их не удалось — вмешалась цензура. Новостно-аналитический портал «Гордон» опубликовал отрывки из писем к Алексиевич, не вошедшие в книгу. Свидетельства эти страшные. Приведу одно:

«Утром каратели подожгли нашу деревню... Спаслись только те люди, которые убежали в лес. Убежали без ничего, с пустыми руками, даже хлеба с собой не взяли. Ни яиц, ни сала. Ночью тетя Настя, наша соседка, била свою девочку, потому что та все время плакала. С тетей Настей было пятеро ее детей. Юлечка, моя подружка, сама слабенькая. Она всегда болела... И четыре мальчика, все маленькие, и все тоже просили есть. И тетя Настя сошла с ума: „ У-у-у... У-у-у...“ А ночью я услышала... Юлечка просила: „Мамочка, ты меня не топи. Я не буду... Я больше есточки просить у тебя не буду. Не буду...“

Утром Юлечки я уже не увидела... Никто ее не нашел... Тетя Настя... Когда мы вернулись в деревню на угольки... Деревня сгорела... Тетя Настя повесилась на черной яблоне в своем саду. А дети стояли возле нее и просили есть...»

Далее идут разговоры с цензором, и они в высшей степени примечательны.

Из разговора с цензором:

— Да, нам тяжело далась Победа, но вы должны искать героические примеры. Их сотни. А вы показываете грязь войны. Нижнее белье. У вас наша Победа страшная... Чего вы добиваетесь?

— Правды.

— А вы думаете, что правда — это то, что в жизни. То, что на улице. Под ногами. Для вас она такая низкая. Земная. Нет, правда — это то, о чем мы мечтаем. Какими мы хотим быть!

Игорь Григорьевич Яковенко родился в Винницкой области Украинской ССР. Окончил Московский лесотехнический институт (1969) и аспирантуру Института философии АН СССР (1982). Российский культуролог и философ. Доктор философских наук, член бюро научного совета РАН «История мировой культуры». Автор 260 публикаций, в том числе девяти монографий, среди которых книга «Российское государство. Национальные интересы, границы, перспективы» (2008). «Познание России: цивилизационный анализ» (2012) и «Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение» (2014). Соавтор книги «История России: конец или новое начало?» (2005). Лауреат премии журнала «Нева». Живет в Москве.

Из разговора с цензором:

— Это — ложь! Это клевета на нашего солдата, освободившего пол-Европы. На наших партизан. На наш народ-герой. Нам не нужна ваша маленькая история, нам нужна большая история. История Победы. Вы никого не любите! Вы не любите наши великие идеи. Идеи Маркса и Ленина.

— Да, я не люблю великие идеи. Я люблю маленького человека...¹

Эти истории наводят на размышления: человеку свойственно формировать особую картину мира, в которой присутствуют фрагменты, адекватные объективной реальности (часто весьма значительные по объему), лакуны (то, что объявлено несуществующим, табуировано к упоминанию, «забыто») и ложные модели. Причем отклонения от реального не заданы гносеологическими проблемами, неполнотой наших знаний о реальности, неизбежным формированием ложных объяснительных конструкций в силу неполноты знания о конкретных аспектах реальности. Речь идет о присущей человеку потребности созерцания целостной, внутренне непротиворечивой, завершенной и психологически комфортной картины мира.

Кто-то скажет, так это всего лишь неполнота истинной картины мира, с некоторыми неточностями. Отдельные фрагменты опущены, отдельные аспекты комфортно интерпретированы, но и только. Мы же не отрицаем, что Волга впадает в Каспийское море. Ответ на подобные соображения принципиально важен: Картина, в которой фрагменты истины присутствуют попеременно с сознательной ложью, есть высококвалифицированная, правдоподобная ложь.

Наши рассуждения адресованы не общностям и идеологическим инстанциям, а отдельному человеку. Ибо человеку дано выбирать между истиной, в том числе страшной, безобразной, безнадежной, и комфортной ложью, которую избирают по самым разным мотивам: конформизма, следования традиции, потребности в психологическом комфорте, стремлению убрать неудобное и т. д.

Ложная конструкция может быть комфортна, социально более перспективна, технологична. В частности, победа ортодоксального христианства в конкурентной борьбе с христианским гностицизмом (на этапе становления христианства как мировой религии в I—V веках и далее через всю историю христианской Ойкумены) задана тем, что гностическое миропереживание задает глубоко дискомфортную картину мира, а ортодоксальное христианство, в любых его изводах, успешнее примиряет человека с бытием. Ибо массовый человек взыскует не истины, а утешения.

В жизни каждого состоявшегося человека присутствует ключевое событие экзистенциального выбора. Об этом высказана масса тонких и глубоких суждений психологов и философов. Зафиксируем необходимость выбора и креативную сущность такого выбора. Для того чтобы состояться, необходимо обрести себя, заглянуть в глубинную суть собственной личности, осознать замысел Создателя, призвавшего тебя к жизни, то есть понять, в чем состоит именно твое призвание². И далее, ответив на эти вопросы, двигаться по избранному пути.

Экзистенциальный выбор — эмоционально насыщенный, целостный процесс постижения собственной сути. Он не равняется чисто интеллектуальному усилию. По нашему убеждению, одно из важнейших свойств состоявшейся человеческой личности, необходимое условие обретения свободы (свободы внутренней, духовной), выхода из состояния культурного автомата, в котором пребывает подавляющее большинство популяции землян, есть интеллектуальное мужество.

¹ «Гордон», 10.05.2015 — gordonua.com/publications/aleksievich-80220.html

² В советскую эпоху понятие «призвание» утратило свой исходный смысл и стало трактоваться как талант, врожденная способность к чему-либо. Между тем призвание предполагает как объект призвания, так и субъект; и в этом аспекте обретает глубокий религиозный смысл.

Эта сущность не дается человеку от рождения, однако может быть обретена как результат непрестанных нравственных и интеллектуальных усилий. Предельно упрощая и обнажая суть, интеллектуальное мужество — это способность задумываться об обусловленности бесконечного множества якобы самоочевидных вещей, окружающих каждого человека с момента рождения. Сакральные сущности, базовые мифы, традиции, речения Власти, рассуждения авторитетов; то есть все то, что впитывается с молоком матери и представляется самоочевидным (а как же иначе), можно либо принимать, либо осмысливать, переплавляя в собственное мировоззрение, которое является вашим личным достоянием. Пространством реализации вашей свободы и вашей ответственности, то самое, за что вам предстоит ответить на Страшном суде.

Интеллектуальное мужество — характеристика личности, предполагающая, по всей видимости, некоторую врожденную потенцию, но тем не менее требующая постоянного развития и формирования, непрестанного движения в глубь слоев бытия. Способности додумывать до конца, называть все сущности своими именами и проговаривать результат вслух.

Проблема интеллектуального мужества требует обсуждения системных факторов, неизбежно трансформирующих картину мира.

Мышление и эмоции человека (а мышление сплошь и рядом нерасторжимо сплавлено с эмоциями) задаются многими факторами: биологическими, культурными, психологическими. Факторами стадийного порядка, поскольку мышление человека задается стадией исторического развития общности, к которой он принадлежит: архаическое мышление не тождественно мышлению традиционного общества, а традиционное не тождественно мышлению эпохи модерна. Стадийные скачки в мышлении разрывают континуитет исторического развития и создают проблему коммуникации, поскольку сущностной диалог между носителями стадийно различающихся способов мышления, по существу, невозможен.

Зададимся вопросом: можно ли объяснить носителю культуры, практикующей человеческие жертвоприношения, безнравственность этой исконной, вписанной в систему мифологических представлений практики и необходимость покончить с нею? Практически борьба с человеческими жертвоприношениями шла через запрет и смертную казнь нарушителей запрета. Также изживались людоедство, работорговля, кровная месть.

Мы коснулись широчайшего проблемного пространства. Не притязая на глубокую разработку всех этих исследовательских сюжетов, попытаемся просмотреть обозначенное пространство в порядке самого предварительного обзора.

Прежде всего надо уметь видеть как биологическую, так и культурную детерминацию нашего мышления.

Биологическая детерминация

Начнем с того, что зафиксируем существование этого уровня детерминации. Дети, особенно малые дети, исходно порождают трогательную реакцию у взрослых. Любопытно то, что эта реакция носит подлинно универсальный характер и распространяется на остальных млекопитающих. Есть особенности анатомии, строения черепа, лицевой мимики и поведения, присущие всем млекопитающим. В человека биологически заложено умиленное приятие образа ребенка, которое гарантирует позитивное отношение к малому и беззащитному существу. Нам в равной степени греет душу созерцание котенка, щенка или тигренка. Это, кстати, то, что

отличает млекопитающих от динозавров и обеспечило млекопитающим мощное эволюционное преимущество.

Восприятие противоположного пола. Людям свойственно онтологизировать собственные эстетические реакции, не задумываясь особенно об их истоках и телеологии. Мне естественнее говорить о восприятии женщины. Категория прекрасного бесконечно сложна и многопланова. Там можно выделять множество уровней. Если же мы говорим о восприятии представителей противоположного пола, то, помимо сложно выявляемых предпочтений, заданных генетически (антропологический тип, цвет волос, пластика движений), и культурно заданного восприятия (свой/чужой в культурном и субкультурном смысле), работает симультанное восприятие меры оптимального строения, переживаемого в категориях привлекательности или красоты. Об этом достаточно сказано и написано. Длинные ноги из палеолита (сообщества охотников проходили десятки километров в день). Бедро — гарантия успешных родов и так далее. Понятно, что на эти универсалии накладываются вариации моды, колебания, заданные этноплеменными различиями (земледельцы, кочевники на конях и в кибитках, лесные народы). Причем переходящие от предков генетически заданные предпочтения исходны и не осознаются в своем качестве, а заданы они для того, чтобы, выбирая партнера, воспроизвести своих предков³.

Биология ответственна и за восприятие видового другого как полюса растожествления. Посмотрите на реконструкции неандертальца. По первому взгляду они малосимпатичны, напоминают примитивных, спившихся маргиналов и вызывают отчуждение. Это биологически заданное отторжение конкурента *homo sapiens* на сравнительно близком от нас этапе эволюции человека (последние неандертальцы исчезли 25—40 тыс. лет назад). Большие обезьяны как конкуренты не воспринимаются и отторжения не вызывают. Близкие, хотя не настолько выраженные реакции на расово иного можно наблюдать в традиционных гомогенных обществах. Расово иной воспринимается как другой, конкурирующий вид.

Наконец, биологические механизмы задают общее отношение человека к миру. Но об этом мы поговорим позднее.

Перейдем к культуре

Культурная детерминация значительно сложнее, многообразнее и драматичнее.

В самом общем виде культура и человек находятся в субъект-субъектных отношениях. Создатель инноваций может как разрушать культуру, так и развивать, адаптируя к изменениям общеисторического и социокультурного контекста. Для этого в каждой культуре есть механизм тестирования инноваций. Этот механизм вырабатывает решения: кого на костер, что положить в долгий ящик (потом пригодится), что внедрять, но «по-тихому», незаметно, а что объявить возвратом к истокам и внедрять широко и т. д. Что же касается массового традиционного человека, то он представляет собой культурный автомат. Все возможные и мыслимые для него реакции заданы врожденной культурой. Вариации (микросреда, личностные характеристики, социальный статус) покрываются целостностью данной культурной традиции.

Культура использует массу механизмов управления сознанием своих носителей. Это и иррациональный ужас от мысленного прикосновения к сакральным сущностям, табуированным к осмыслению. Это и рефлекторный конформизм. И заданное культурой ранжирование тем и дискурсов, разделение всего множества возможных тем

³ Я осознал свои предпочтения только в очень зрелом возрасте. Все они исходили из генотипов моих предков и подчинялись задаче родить ребенка, воспроизводящего исходные характеристики. Что, собственно, и случилось.

на солидные, принятые в приличном обществе и непристойные, нарушающие правила игры. Это и демонизация определенных исходных установок и их носителей. Это и клевета на противостоящую позицию, и, наконец, формирование пакета устойчивых дискурсов — оформляющих накатанные процедуры и формы выражения своих мыслей. Что всякий раз приводит к устойчивым и ожидаемым результатам.

Дело в следующем: каждая культура постоянно конкурирует с другими культурами за два ресурса: людей и территорию. Поскольку человек, в силу массы самых разнообразных обстоятельств, может покинуть врожденную ему культуру и перейти в другую, культура ценностно ранжирует мир на позитивный «наш» и негативный «их». А также закладывает иррациональный страх перед утерей врожденного образа жизни, привязывает человека к месту рождения, демонизирует исторические альтернативы «нашему» миру (к примеру, взаимная неприязнь кочевников и земледельцев) и так далее. В равной степени культура требует выполнения предписанных правил игры, подавляет диссистемные тенденции и вписывает в общую целостность контркультурные и субкультурные образования. Иными словами, манипулирует человеком, двигая его в нужном направлении.

Поколения советских людей из года в год ходили на выборы и переживали выборы как особый советский праздник (существенный элемент которого — буфет на избирательном участке с дефицитными продуктами). Ядро этого праздника — ритуал припадания к Власти и единения со «всеми советским народом» в акте голосования за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». Только продвинутые интеллигенты с широким кругозором (выводящим их из множества нормальных советских людей) осознали фарсовый характер советских выборов без выбора. Я уже не говорю о том, что миллионы людей действительно верили в построение коммунизма. Индоктринированный советский человек был честным и искренним носителем предписанной доктрины.

Для того, кто скажет, что приведенные примеры — дела давно минувших дней, предлагаем обратиться к сюжету на Первом канале российского телевидения от 12 июля 2014 года о трехлетнем мальчике в трусиках и футболке, распятом жидобандеровцами в городе Славянске. Один солдат прибывал, двое держали.

Можно перечислить и другие ухищрения. Необходимо интеллектуальное мужество для того, чтобы осознать, что родная, впитанная с молоком матери культура не является ни антропологической универсалией, ни лучшей из всех возможных. Это — один из вариантов бытия человека. Кому-то он близок, кому-то — нет, а для кого-то является сущностью, отрицающей его бытие.

Повторим еще раз: от момента антропогенеза и до сегодняшнего дня культура манипулирует человеком. Прежде всего она трансформирует суждения об онтологическом статусе себя самой, а также пропорции времени и пространства. Любая культура (локальная цивилизация) не что иное, как модус, выдающий себя за субстанцию. «Наша» культура исходна и вечна⁴. Мы не один из тысяч вариантов социокультурной целостности, реализованный в истории человечества, а антропологическая универсалия. Массовый американец полагает, что все люди на земле похожи. Все хотят демократии, свободы, общества равных возможностей, прогресса и развития и т. д. Если где-то люди этого лишены, то в силу тех или иных обстоятельств. Дайте им возможность, и они устроят нормальное общество. (Темные, запуганные люди; если их просветить, разъяснить и дать возможность организовать подлинно свободное общество, все пойдет прекрасно.) Идея о том, что для массового гражданина КНДР не просто нормальной, но единственно возможной является данная ему от рождения реальность, не укладывается в голове среднего «янки».

⁴ Исходна если не в эмпирическом смысле, то как тенденция присутствовала со дня творения.

Между тем онтологический раб постоянно озабочен тем, чтобы из бытия была исключена свобода, и готов отдать все силы и самую жизнь ради утверждения и сохранения естественного и органичного для него социокультурного космоса.

Правильный носитель традиционного сознания не в состоянии представить себе, что мир может быть устроен как-то иначе. Не получивший европейского образования традиционный индус воспринимает живущих рядом с ним христиан и мусульман как представителей отдельных каст. Идея о том, что возможны общества, в которых нет кастового разделения, не вмещается в его сознании.

Далее, культура задает трансформированную и отредактированную определенным образом картину реальности.

Начнем с самого первого, базового процесса наделения сущностей именами. Культура дробит универсум, выделяя отдельные сущности (процессы и явления) и дает им имена, в которых нерасторжимо слито познание и оценка. Таким образом задается определенная картина мира. То, что в языке одной культуры представлено как позитивное и естественное, в другой может иметь совершенно иные оценки. К примеру, «кровная месть» — это освященный традицией обычай и моральный долг, лежащий на семье, в которой был убит один из ее членов, или варварский пережиток догосударственного бытия, требующий решительного искоренения? «Убийства чести» — непреложная норма исламского мира или еще один омерзительный пережиток средневековья?⁵

И дробление универсума, и наделение знаков определенными денотатами не является ни единственно возможным, ни бесспорным. Так, в русском языке отсутствует понятие «privacy» (прайвиси). Иногда можно встретить перевод — «приватное пространство». Носитель отечественной культуры не склонен осознавать свое «приватное пространство» как значимую сущность, охранять ее от посягательств и, соответственно, уважать чужую приватность.

Вспомним подлинно хамскую бесцеремонность, с которой люди из простонародья вмешиваются в чужую жизнь. Поучают, дают советы. Делается это из лучших побуждений, для блага объекта вмешательства. Идеи о том, что бесцеремонное вторжение в чужое личное пространство безнравственно, не обретается в сознании этих людей. Для того чтобы осознать это, необходимо выпасть из синкретического целого и стать автономной личностью.

Со словом «приватное» в русском языке соотносится понятие «частное». Однако они кардинально различаются по смысловому и ценностному наполнению. Смысл слова «приватный» можно описать как *принадлежащий личности*. Отсюда английская языковая конструкция *private property*, которая по своему генезису и смысловому наполнению не тождественна понятию «частная собственность», хотя переводится на русский именно так. Дело в том, что в русском сознании *часть ниже целого*. Целое позитивно и онтологично, часть — ущербна, второстепенна и онтологически менее безусловна, нежели целое. Вспомним советское идеологическое ругательство «отщепенцы». Оно апеллировало к образу: есть наше, советское бревно. Мощное и могучее. И вот в силу случайных обстоятельств от него откололась малая щепочка. Откололась и повисла на тонком волоске. Одно движение, дуновение ветра, и случится непоправимое: щепка оторвется и улетит в пропасть.

Русский язык фиксирует стадию исторического развития, на которой начинался процесс разложения родовой либо соседской общины и, соответственно, выделения

⁵ Культурная норма, требующая от родителей или братьев покарать нарушителя священных норм и адатов. Жертвами чаще всего становятся девушки, посягнувшие на нормы исламской морали: вышли замуж за иноверца, покинули без разрешения отчий дом или сделали аборт. По оценкам Фонда народонаселения ООН, в исламских странах совершается до пяти тысяч убийств чести в год.

из нее отдельного человека и частной собственности как социального базиса личностной автономии. Но это — особенность русского сознания. К примеру, в польском и украинском языках данная речевая конструкция строится калькой с английского: *własność prywatna* — в польском и *приватна власність* — в украинском.

Далее, в каждой культуре происходит ценностное ранжирование универсума — все реалии делятся на сакральные, важные, профанные, неприличные, табуированные к упоминанию и осмыслению. Средний советский человек прекрасно знал, что такое политинформация и стахановец, но понятия не имел об ипотеке, валютности и финансовых рисках. В результате формируется специфическая картина мира, в которой названы и выделены как значимые, заслуживающие внимания одни существности и отправлены в фон как второстепенное, неприличное или табуированное другие. Скажем, в советской реальности существовали искусенные в истории знатоки, понимавшие значение словосочетания «запломбированный вагон» (речь идет о вагоне поезда, идущего через Германию от Швейцарии к Швеции, в котором в апреле 1917 года лидеры большевиков переправлялись в Россию). Однако обсуждать этот эпизод отечественной истории вслух категорически не рекомендовалось.

Язык закладывает глубинные основания миропереживания на уровне своей структуры. Фраза «Это — стол» по-английски звучит «This is the table», что дословно означает «Это есть стол». Во французском варианте «C'est un table». Из русского языка выпала связка «есть/суть» в составных именных сказуемых. Мы не отдаем себе отчета в том, что тысячекратное повторение конструкции «это есть...» утверждает *онтологическую безусловность окружающей нас реальности*, которую можно попытаться изменить, но нельзя отредактировать. Ибо *это есть или это было*.

В русской культуре отсутствует глубинное убеждение в объективности мира, лежащего за рамками наших перцепций. Его существованию по собственным законам, помимо нас и независимо от наших пожеланий. Автор помнит лозунг «Реки потекут вспять», звучавший еще в 50-е годы прошлого века. Самая идея построения коммунизма предполагала *изменение природы человека* и системы общественных отношений. Хилиастический проект как фундаментальное богоборческое усилие исходил из *пресуществления* этой природы, претворения ее в точке входа в Царствие Небесное. Для европейца, исходившего из научно-рациональной картины мира, такие построения лежали за рамками здравого смысла, в пространстве средневекового упования на чудо и благодать.

Надо сказать, что русская культура наделена гигантским потенциалом противостояния объективной истине. Здесь сразу вспоминается Достоевский, писавший: «Если б кто доказал мне, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Это существенно. Данная установка реализуется не только на уровне философского суждения, но и в тысячах обыденных ситуаций.

Помню, в молодости меня поражала глубочайшая безнравственность советского общества. Причем на самом массовом, низовом уровне. Детям ввали об аистах, от них скрывали сложные обстоятельства и проблемы старших. От больных стариков скрывали смертельный диагноз. Из самых лучших побуждений, «чтобы не расстраивать». В сознании носителей этой культуры истины как непреложной, абсолютной ценности не существовало. Я уже не говорю о том, что люди постоянно ввали по мелким, сиюминутным и грошовым поводам (трамвай сломался, у троллейбуса колесо отвалилось, застрял в лифте и т. д.). Истинно то, что выгодно, то есть предпочтительно в данный момент по тем или иным мотивам. Как это замечательно пересекается с памятным старшему поколению тезисом Ленина: «Нравственно

все, что служит построению коммунизма, делу революции»⁶. В культуре с другими этическими традициями Ульянов-Ленин не имел бы шансов реализовать свои идеи.

В исламском мире бытует изречение «Даже Аллах не в силах сделать бывшее небывшим». В нашей реальности все иначе. Если мир не являет собой непреложную объективность, его можно корректировать, подправлять, редактировать, увязывать с образом сакрального Должного.

Это — еще не все. К примеру, понятие проблемы представляется нам самоочевидным. На самом же деле это не так; культура определяет, что есть проблема и каковы «правильные» пути решения этой проблемы. К примеру, традиционное крестьянство России хронически страдало от малоземелья. В традиционной семье рождалось и выживало несколько сыновей, которые заводили собственную семью, а земельный надел был конечен. Участок земли меньше определенного предела не мог прокормить новую семью. Из этой ситуации существовали три выхода: переселенческое движение на пустые земли, отход от традиционной технологии и освоение новых, прогрессивных технологий и, наконец, так называемый «черный передел», то есть всеобщий передел земли и ликвидация помещичьего землевладения.

Переселение было достаточно сложным и дорогим предприятием, пустые земли существовали на окраинах государства. Крестьяне с трудом поднимались на переезд, а случалось, и возвращались обратно. Власть и земская интеллигенция подвигала крестьян к освоению новых технологий, от чего традиционно ориентированный крестьянин категорически отказывался. Патриархальная крестьянская культура видела решение своей главной проблемы посредством «черного передела». Крестьяне постоянно ждали «государевой воли», которая ликвидирует частную собственность на землю и передаст все пахотные земли в руки крестьянской общины. С этими упованиями крестьянство вошло в Февральскую революцию. Декрет о национализации всей земли и установлении бесплатного крестьянского землепользования от 12 ноября 1917 года обеспечил победу большевиков в Гражданской войне. Восторжествовало крестьянское понимание Должного, соответствующего традиционной культуре и отвечающее вековым упованиям крестьянства.

Так мы переходим к теме должного: Должное — одна из центральных категорий средневековой культуры, описывающая совершенный идеал, трактуемый как сакральная норма. Должное невоплотимо в реальности, поскольку противостоит природе человека и природе социальных отношений, однако понимается как норма, которая обязательна для каждого правоверного и однажды воссияет во всей полноте.

Должное — сакральная истина, которая истинна в некотором высшем смысле. На уровне пошлой эмпирики реальность (сущее) может не соответствовать должному. Не соответствовать здесь и теперь. Но соответствовать божественному замыслу, который непременно будет реализован в точке пресуществления. Пошлый и бескрылый европеец исследует объективную реальность; носитель идеи должного, вглядываясь в образ реальности, провидит замысел Создателя и узнает контуры этого замысла, скрытые в хаосе случайных и сиюминутных примет времени. В этой связи примечательна теория «социалистического реализма», которая предписывала литературе не элементарную правдоподобность, фиксирующую скорбные и убогие реалии нашей жизни, но отражение в художественных произведениях «типического», а типическим была борьба за построение социалистического общества, победа новых людей и утверждение новых идей на фоне краха поборников старого мира.

Что побуждало людей верить в должное и принимать его как краеугольный элемент культурного космоса? Дискурсы должного проходят через всю жизнь традиционного человека «от молодых ногтей» до гробовой доски. Культура позиционирует

⁶ Ленин В. И. «Задачи союзов молодежи». Речь на III Всероссийском съезде РКСМ. 2 октября 1920 года.

должное как безусловную нравственную истину (по правде, по справедливости), которая воспринимается как самоочевидная сущность. Главный обман и главное жульничество культуры состоит в том, что должное постоянно декларируется, но практически никогда не реализуется субъектами этих деклараций. Апелляции к должному и развернутые сокрушения по поводу того, что «они» (начальство, богатые, соседи, пришлые инородцы, молодежь) систематически попирают и уклоняются от должного, соседствуют с неуклонным попранием принципов сакральной справедливости поборником должного в тысячах жизненных ситуаций. Осуждающий общественные пороки при первой необходимости «дает на лапу», при первой возможности подворовывает общественное достояние, требуя от окружающих солидарности, бежит донести на соседа и т. д.

Не менее значимы расхожие мифы и предубеждения, которые пронизывают сознание среднего носителя культуры. Исходно настороженное отношение к «инородцам», насмешливо-пренебрежительное отношение горожан к «деревне» — приезжим и мигрантам. Все эти фобии можно обобщить: чужое исходно инородно и всегда опасно. Никогда нельзя знать, что сделает чужак в следующий момент. В глубинке доживает настороженное отношение к европейской медицине. Врачи — это что-то чужое и непонятное, а потому опасное. Вот бабка Марья, которая искони лечит «наших» травами и заговорами, — это понятно и привычно. «А все эти таблетки одно лечат, другое калечат». А борьба с вакцинацией, по всему миру от Пакистана до США. Мифы и предубеждения неисчислимы. Летающие тарелочки, массоны, рептилоиды. На смену одним мифам приходят другие, но само пространство мифов не оскудевает, поскольку мифы удовлетворяют базовой потребности архаического сознания в изоморфной этому сознанию картине мира.

Исходно мифологическое сознание — достояние архаиков и традиционалистов. Однако рациональное европейское образование не оберегает массового человека от мифологизации сознания. Нас окружает множество интеллигентских мифов. К примеру, расхожая антитеза «хорошие народы — плохие правители». Народы исходно и безусловно хороши: во всех проблемах и исторических коллизиях ответственность ложится на плохие правительства. Эти построения повторяются бесчисленно и воспринимаются как самоочевидные. Понятна гуманистическая составляющая первого члена данной антитезы. Другое дело — правители. Оторванные от народной стихии и подчиняющие мир своекорыстным интересам, они подвигают людей на зло. Иными словами, данная картинка хорошо вписывается в общеинтеллигентскую картину мира.

В некотором смысле все народы и народности, безусловно, хороши. Однако в реальности стадийные характеристики тех или иных этносов, политические и идеологические коллизии соотношения с другими народами создают ситуацию, в которой один хороший народ вырезает другой, не самый плохой народ. Сравнительно недавно, в апреле—июле 1994 года, в Руанде члены племени *хуту* вырезали от 500 тысяч до миллиона *тутси*. Тутси массово насиловали, избивали и умерщвляли, их имущество присваивали. Межнациональная рознь между тутси и хуту имела долгую историю. В геноциде тутси участвовали армия и отряды боевиков (интерхамве и импузамугамби). Однако большинство жертв погибло в населенных пунктах от рук соседей и местных жителей. Геноцид в Руанде — реальность, от которой нельзя отмахнуться. Эти события не свалишь на преступное правительство и плохих эсэсовцев. Перед нами — подлинно народное творчество, в котором участвовали десятки, если не сотни тысяч людей.

Геноцид армян, понтийских греков и ассирийцев, начавшийся в Османской империи и продолженный кемалистами, охватывает достаточно длительный период

(1894–1923). Геноцид преследовал стратегическую цель — выдавить иноверцев с территории страны (прежде всего — Малой Азии). Основанием для этого служили опасения сецессии регионов с православным греческим, армянским и ассирийским населением. Первая фаза геноцида армян развернулась в 1894–1896 годах (Стамбул, Сосун, район озера Ван). Оценки убитых в сотни тысяч душ. В то же время в 1895 году разворачивается геноцид ассирийцев. При этом порядка 55 тысяч уничтожено, а 100 тысяч — насильственно исламизированы.

В апреле 1915 года, в связи с нападением франко-британских сил на Дарданеллы, началось выселение армян из близких к побережью районов в район города Конья, неподалеку от Ирака и Сирии. Как это происходило? Консул в Трапезунде докладывал, что каждый день видит, как орава ребятишек и турецких женщин идет за полицией и захватывает все, что может унести⁷.

Затем последовали растянувшаяся на несколько лет депортация и геноцид понтийских греков — уничтожение коренного греческого населения исторического Понта (проживавшего на данной территории более двух тысяч лет), осуществленное правительством младотурок и продолженное кемалистами в период 1914–1923 годов. В рамках так называемой Освободительной войны (май 1919–1923) под руководством Кемаля Ататюрка шла война против христианских меньшинств — греков и армян. С мая 1915 года разворачивается следующая волна геноцида ассирийцев. Идут массовые убийства и насильственное выселение ассирийского населения в пустыни Сирии и Месопотамии. В этой работе принимали активное участие курдские племена.

Последний аккорд процессов уничтожения христианских народов на территории Турции — так называемый «Стамбульский погром» 6–7 сентября 1956 года в Стамбуле. Как пишет Википедия: «После погрома 2,5-тысячелетняя история греческого присутствия на территории современной Турции подходит к концу»⁸. Пострадали около 80 церквей, 4500 магазинов, 2500 квартир, 40 школ⁹. На этот раз число убитых было невелико. Ставилась цель — *выдавить* греческое население из страны. Так погромщики разрушали кладбища. При этом не только осквернялись памятники, но раскапывались могилы, из которых выбрасывали кости умерших. Грекам объясняли: «Уезжайте. Вам не будет покоя ни при жизни, ни после смерти». В результате из 140 тысяч греческого населения в городе остается несколько тысяч.

Понятно, что эти растянувшиеся на долгие десятилетия события нельзя списать на преступных правителей, группы радикалов и отдельных фанатиков. Перед нами подлинное историческое творчество широких народных масс. В отличие от погромов средневековья, геноцид христианских народов Османской империи и Турции, как и геноцид в Руанде, происходили сравнительно недавно и хорошо документированы. Эти свидетельства позволяют оценить масштабы и увидеть фактуру событий: разграбление имущества, убийства и изнасилования, вскрытие могил.

Оценка народов и народностей в категориях «хороший/плохой» бессмысленна. Народы различаются стадией исторического развития. Стадии эти задают типологию ментальности, которая определяет универсум человеческого поведения. На определенных стадиях вандализм, уничтожение противника, изгнание босых и голых на верную смерть — нормальная практика. Так же как людоедство, человеческие жертвоприношения, работорговля и т. д. На другой стадии эти эксцессы воспринимаются как абсолютно невозможные. И, безусловно, рядом с теми, кто грабил и убивал, находились другие, которые спасали, прятали несчастных, помогали скрыться. Сколь бы ни был мал и даже ничтожен процент этих «других» —

⁷ См: <http://fb.ru/article/260178/pochemu-turki-ne-lyubyat-armyan-genotsid-armyan-goda>

⁸ Википедия. Словарная статья «Стамбульский погром» — ru.wikipedia.org/wiki/Стамбульский_погром

⁹ Там же.

они были и будут. Знание об этом и уверенность в устойчивости данной категории дает нам силы жить на этой земле.

А вот еще одна прекрасно звучащая интеллигентская мантра: каждый человек от рождения в чем-то одарен и потенциально талантлив. Каждый в детстве-юности мечтал о прекрасном. Мы, общество, не смогли увидеть заложенные в нем потенции. Развить их, дать раскрыться. Вот человек и спился, сошел с круга, совершил преступление. Ложь это. Биологи свидетельствуют: в нормальной популяции млекопитающих 3–7 % «искателей», ориентированных на освоение новых территорий, одаренных особей¹⁰. Остальные созданы для обживания устойчивой реальности, воспроизводят вечные модели бытия, плодятся и размножаются. Бывает, что талантливый человек задыхается в корежащей его среде и сходит с круга. Но на каждого такого приходится десятки заурядных, бесконечно скучных, бескрылых людей, которые проживают тоскливую и однообразную жизнь. Если они маргинализуются и погибают от потребления варварских наркотиков или спиртосодержащих хозяйственных жидкостей, то перед нами не трагедия нераскрывшегося таланта, а трагедия бескрылой заурядности, не нашедшей ни своего места в жизни, ни сил нести бремя существования в этом мире. В подобных процессах нет вины общества, школы или окружения (это окружение, как правило, мало отличается от погибшего). Есть жестокая поступь законов природы.

Особого внимания заслуживают две великие мифологии — Просвещения и Прогресса, доминирующие в европейском сознании последние два-три века. Надо заметить, что следует различать концепции просвещения и прогресса и мифологические интерпретации этих теоретико-идеологических конструкций. Массовому человеку свойственно мифологизировать любые теоретические модели, попадающие в поле его зрения.

Начнем с Просвещения. Свет знания, рассеивающий темноту невежества и просвещающий живших во мраке несчастных, которые, просвещенные светом знания, идут к новой, счастливой жизни, — это сказка. В реальности научно-рациональная картина мира отрицает и разрушает альтернативную ей модель Вселенной, структурированную мифологическими комплексами архаического сознания. Картина эта существовала тысячелетия, необычайно цепкая, закреплённая в каждой клетке социокультурного пространства (в фольклоре, мифах, убеждениях), и то и дело прорастающая в новом «просвещенном мире» в новых/старых мифах, ментальных привычках, фантастических слухах и поверьях.

Разрушение культурной парадигмы, слом картины мира — всегда трагедия, раскалывающая поколения, проходящая через судьбы людей, травмирующая сознание, которое стремится примирить, сшить воедино исконные модели миропереживания и новые установки. На такую смену уходят века. Но в реальности общество расслаивается, и рядом со слоем, преимущественно живущим в Новом времени, существует слой по преимуществу традиционный, обреченный на периферию социокультурного пространства и маргинализацию.

Прогресс не только завершает эпоху перманентного голода и безобразной нищеты социальных низов, но и несет массу проблем. Он уничтожает профессии, ликвидирует целые отрасли экономики, рушит устойчивый образ жизни, стирает с карты населенные пункты, ведет к переселению в мегаполисы миллионов людей и обезлюживанию огромных пространств. Современные ученые, исследующие проблемы модернизации, работают с понятием «созидательное разрушение»¹¹, указы-

¹⁰ В современной реальности homo sapiens этому соответствуют 5–7 % индивидуумов с выраженной личностной ментальной доминантой.

¹¹ См: Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М., 2016.

вая, что технологические инновации приносят обществу процветание, но эти результаты сопровождаются созидательным разрушением, затрагивающим работу и образ жизни массы людей, которые оказываются вчерашними и ненужными в новой реальности. Прогресс несет перманентные изменения. Все это — полноценная человеческая трагедия. Порожденная прогрессом реальность в буквальном смысле утверждается на костях вчерашних, проигравших социальных общностей, поколений, племен и народностей, которые не смогли вписаться в новый, яростный мир. Историческая динамика неизбежна и единственно возможна, но она всегда порождает человеческие трагедии.

А есть и особый механизм исторического снятия больших нетрансформативных целостностей, о котором не любят говорить вслух. Речь идет о том, что стадially вчерашние сообщества, оказавшиеся в резко изменившейся реальности и неспособные к необходимому изменению, переживают глубокий кризис и входят в разнообразные процессы исторического снятия. Для того чтобы живо представить себе, о чем речь, достаточно обратиться к судьбам сельской глубинки Нечерноземья, которое от тоскливого прозябания позднесоветской эпохи перешло к вымиранию и деградации. Колхозы и совхозы кончились, все, что можно было растащить, ушло сквозь пальцы. Наиболее подвижные сбежали в мегаполисы. Оставшиеся спиваются, гибнут в бессмысленных драках, замерзают в неотапливаемых помещениях. И это не единственный сценарий схождения с исторической арены общностей, зашедших в тупик. Они могут гибнуть в бессмысленных войнах, исчезать на пути в неведомые дали¹².

Негативные последствия трендов глобальной исторической динамики многообразны. В самое последнее время специалисты стали называть вещи своими именами и заговорили об *эпидемии ожирения*, поразившей человечество. За последние 15—20 лет число избыточно тучных людей выросло на порядок. От них некуда спрятаться. Нарушение биологических констант бытия *homo sapiens* даром не проходит. Десятки тысяч лет люди периодически недоедали, жили под угрозой голода, переходили с места на место в поисках элементарного пропитания. Хоронили близких и жили с ощущением, что смерть где-то совсем рядом. В 50-х годах прошлого века вначале США, а затем Западная Европа вступили в эпоху общества потребления. Во второй половине XX века голод отступил по всему миру и стал локальным явлением. Ситуация, когда пропитание гарантировано, стала естественной и превратилась в константу бытия. Человеческая природа мгновенно отреагировала на это массовым ожирением, то есть ухудшением качественных характеристик популяции¹³.

Рост плотности населения земного шара ведущий к исчерпанию территории и ресурсов, задал мощный импульс объемного роста гомосексуальных практик и изменения культурного статуса этого явления. Гомосексуальные отношения существовали всегда. С утверждением христианства они были отодвинуты за рамки Должного во внекультурное пространство и занимали незначительный объем. Сегодня наблюдается резкий рост и легализация гомосексуальных практик. Это очевидным образом связано с демографическим переходом в урбанизированных обществах, а также с окукливанием белой расы. Но об этом не говорят вслух.

¹² В конце XIX — начале XX века русские крестьяне-старообрядцы целыми партиями отправлялись из Бухтармы (Алтай) на поиски Беловодья — сказочной страны свободы и справедливости. Эти экспедиции не только заходили в глубь Китая, но добирались до Северной и Южной Америки.

¹³ У автора есть ощущение, что резкое ожирение коррелирует со снижением рождаемости. И в этом отношении выступает одной из форм выведения из бытия популяции, нарушившей базовые условия существования.

Прогресс медицины ведет к накоплению генетического груза и разрушает устойчивые биологические механизмы пресечения нежизнеспособных, тупиковых «побегов». Женщина, которая прежде не могла разродиться, умирала родами и завершала тем самым нежизнеспособную линию развития. Сегодня она рождает, и ее потомки воспроизводят и накапливают генетические проблемы. Те же процессы связаны с выхаживанием детей с врожденными заболеваниями и аномалиями. Здесь мы сталкиваемся с неразрешимым противоречием. Святое родительское чувство и прогресс медицины разрушают естественный биологический механизм саморегуляции, отсекающий воспроизводство неадаптивных особей.

Человек фундаментально не создан для счастливой и спокойной жизни; он, как и все остальные виды млекопитающих, создан для выживания в жесткой и стрессогенной конкурентной среде. А будучи вырванным из этих условий, стремительно деградирует как биологический вид.

Люди, пару поколений прожившие в обществе потребления, не отдают себе отчета в том, что перманентная опасность голода и смерть — неустранимые условия существования. И более того, что за сотни тысяч лет сложилась устойчивая психологическая потребность в проживании и переживании этих состояний. В первое послевоенное десятилетие европейский и американский кинематограф снимал красивые костюмированные сказки из жизни высшего общества прошлых веков. Люди, пережившие ужасы мировой войны, искали красивую сказку и образы покоя. Но в 60–70-х годах в массовую культуру приходит жанр фильмов катастроф. С одной стороны, фильмы катастроф художественно оформляли перспективу ядерной войны. А с другой — реализовывали потребность населения евро-атлантического мира в художественно замещенных образах смерти. Малые дети пугаются страшного мультипликационного волка, но они испытывают потребность в переживании эмоционально оформленного образа смерти. И это не ограничивается кинематографом XX века. Мир народной сказки и фольклорной песни несет тот же образный строй. В замечательной народной песне «Баю-баюшки-баю, не ложися не краю...» входящий в жизнь ребенок обретает важнейшую истину: прижмись к маме, смерть бродит где-то совсем рядом.

Здесь имеет смысл обратиться к эксперименту американского этолога Джона Кэлхуна «Вселенная—25» (Universe 25) (1969–1970.). Ученого интересовали связи между популяционной плотностью и поведением сообществ грызунов. Для мышей был создан «рай» (изобилие еды, чистота) в строго ограниченном пространстве. Вслед за взрывообразным ростом популяции на начальном этапе наступило снижение темпов, появились отверженные молодые особи, росла агрессия. Самки стали убивать своих детенышей, становились агрессивными отшельниками и отказывались от размножения. На последней стадии, или «стадии смерти», появилась генерация самцов, названная «красавчиками». «Красавчики» не вступали в борьбу за самок и территорию, не проявляли активности к размножению — только ели, спали и чистили шерстку. К моменту завершения эксперимента вся популяция вымерла.

Предвидя катастрофу, несколько самок и самцов-«красавчиков» были перенесены в отдельные загоны. Обнаружилось, что мыши и там не пытаются спариваться. К изумлению ученых, покинувшие рай мыши, свое поведение не изменили и отказались выполнять функции, связанные с репродукцией. В итоге не было новых беременностей, и все мыши умерли от старости. Иными словами, трансформация, которую пережило сообщество мышей, включенное в эксперимент, оказалась необратимой.

Эксперимент Джона Кэлхуна в высшей степени поучителен и наводит на размышления. Специалисты говорят о том, что прогресс генной инженерии позволит

корректировать любые врожденные дефекты. Далее прогресс технологий может снять проблему размножения, минуя сексуальные отношения между людьми. Наверное, все это возможно. Однако такой уровень вмешательства в природу человека представляется мне за пределами, и жить в этой стерилизованной реальности категорически не хотелось бы. Слава богу, до той поры я не доживу.

Отдельного разговора заслуживают идеологические искажения реальности

Если культура трансформирует картину мира сравнительно мягко и слабо заметно, то любая идеологическая традиция воинственно партийна. Культура существует в более или менее гомогенной реальности. Она всеобща и самоочевидна. Идеологии возникают и существуют в мире, который не удовлетворяет идеологов. В этом мире существуют конкурирующие социальные силы и идеологические построения. Исходная цель всякой идеологии — коррекция либо полное преобразование «старого мира». А потому идеологии несут в себе мобилизационный потенциал, импульс действенного преобразования.

Идеология диктует картину мира и вытекающую из нее систему норм таким образом, что любая другая позиция трактуется как чуждая либо прямо враждебная. Идеологические конструкции формируют острое неприятие альтернатив. Профанируют и демонизируют их, объясняют чьими-то происками, в основе которых лежат своекорыстные интересы врагов божественной истины и справедливости. В этом отношении идеологии выступают мощнейшими механизмами порабощения человеческого сознания. В культурно-психологическом плане идеологии представляют собой механизм *комфортного закабаления* сознания. Апеллируя к якобы очевидным резонам и обстоятельствам, психологически комфортным для адепта данного учения, идеологи выстраивают картину мира, в которой нет ни альтернатив, ни места для сомнений.

Наука и идеология. В последние двести лет идеология часто прикрывается лейблом науки, то есть знания надпартийного и объективного, заинтересованного исключительно в истине. Это — ложь. Любой профессионал сразу различает научный и идеологический тексты. Ученый не знает результата, к которому должно прийти исследование. Некоторое исходное представление есть, но и только. Идеолог же знает результат исходно. Идеологический текст раскрывает предсуществующую в сознании автора панораму.

Главный соблазн всех ложных доктрин — простой, понятный, легкообъяснимый и психологический комфортный мир. То есть именно то, что нужно маленькому человеку. Альтернатива, формирующаяся на путях движения к интеллектуальному мужеству, — крах Должного и глубочайшая коррекция устойчивых, якобы самоочевидных положений. В результате складывается картина сложного, дискомфортного, малостойчивого и несправедливого мира. Для того чтобы жить в этом мире; жить, сохраняя достоинство и верность нравственным нормам, необходимо упомянутое выше интеллектуальное мужество.

Идеологическое сознание представляет собой огромный, неустранимый пласт массовой ментальности. Крах одной идеологии ведет не к торжеству свободы, а к замене одной фальшивой, односторонней картинкой на другую, отличающуюся в массе деталей, но столь же одностороннюю. Поэтому самыми приличными оказываются переходные исторические эпохи, когда одна идеологическая традиция потерпела крах, а другая еще не успела устояться и окрепнуть, еще не стянула медными обручами головы подданных.

«Бодрячок», или Фальшь казенного оптимизма

Живя в нашей стране, мы с раннего детства окунались в атмосферу казенного оптимизма. Это радостно-бодрые и бесконечно фальшивые детские песни, и оптимистические мультики, в которых добро побеждает зло, лисица и волк уходят посрамленные, а козлята с поросятами весело пляшут по случаю избавления от напасти. И общая атмосфера детского кино и литературы, которую можно описать в сентенции — «жизнь советских ребят — это веселый праздник». Бесконечная повторяемость делала названную установку привычной и, казалось, единственно возможной. В этой атмосфере простая мысль о том, что праздник есть *упразднение от дел* и как таковой обретает цену и смысл только в контексте долгих и напряженных усилий, не приходила в голову.

Стих Федора Миллера «Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять» памятен поколениям россиян, давно утратил автора и стал народным. Не так давно пришлось столкнуться с редактурой данного произведения. Из детского сада сын принес оптимистическое завершение. После строк «Пиф-паф! Ой-ой-ой! / Умирает зайчик мой» следовало «Принесли его домой, / оказался он живой». Воля ваша, но я решительно не постигаю, зачем делать из детей идиотов.

Мы живем в великой и прекрасной стране; «наш» народ просто обречен на светлое будущее. Жизнь прекрасна. В ней нет места страхам, боли, страданиям. Если и встречаются отдельные недостатки и проблемы, если «кто-то кое-где у нас порой» нарушает и причиняет страдания другим, то это частности, которые последовательно изживаются и непременно сгинут в стратегической перспективе.

Мы слышали это в самых разных редакциях тысячекратно, и такая установка входила в сознание как сама собой разумеющаяся. Массовому человеку свойственно смотреть на мир не собственными глазами, а глазами врожденной (усвоенной с молоком матери) культуры. Поэтому собственный жизненный опыт игнорируется или воспринимается как сумма частных и разрозненных наблюдений, в то время как культура диктует базовые истины о мире.

Так вот, все это — большая ложь, фундаментально искажающая природу бытия и базовые обстоятельства жизни человека. Одно из положений византийской философии утверждает, что бытие дано человеку в антиномиях. Так, относительно мира, в котором мы живем, справедливы два взаимоисключающих суждения: «мир прекрасен» и «мир ужасен». Посмотрите прекрасные панорамные кадры на каналах «National Geographic» и «Animal Planet». Сила их в том, что это не придуманный и нарисованный, но подлинный, зафиксированный камерой Мир Божий, в котором нам выпало жить. Посмотрите вокруг себя, и вы увидите не только серую обыденность, хлябь и ужасы окраин, но и высокую, подлинную красоту. Надо только поймать момент и найти ракурс.

В то же самое время каждый из нас, если он не круглый идиот, знает: мир ужасен, и бытие в нем трагично. Нет нужды перечислять болезни, смерть, страдания, отчуждение, зависть, злобу и страхи. Бесконечные заботы, буквально съедающие человека, пригибающие его долу. Насилие, ложь, предательство, безнадежно больные дети, беспомощные, нищие старики и многое, многое другое.

Окружающая нас по временам картинка устойчивого благополучия призрачна и не может притязать на суммативный образ реальности. Клошары, спящие на ступеньках вокзала, являют собой наглядный вызов обществу изобилия фактом своего существования, стойким запахом мочи от рваных штанов и давно немывтого тела, утверждая, что не может быть общества, в котором *все сыты и счастливы*.

Бытие трагично. Трагедия бытия раскрывается человеку по выходе из детства (когда опека родителей отступает, а молодой человек сталкивается с реальностью во всей ее полноте и готовится к самостоятельному вступлению в мир) и сопровождается до конца дней. Познание этой истины знаменует переход от отрочества к зрелости. В годы моей юности молодые люди из предместий делали себе наколку «Нет в жизни счастья», фиксируя открытие на руках или груди. Такова реальность. Из этого можно делать самые разные выводы как на уровне религиозно-философском, так и на уровне жизненной позиции отдельного человека. Но прежде чем делать выводы, данное обстоятельство надо признать.

Реальность такова, что не все рожденные оказываются в силах нести на своих плечах бремя бытия. Статистика фиксирует такое явление, как молодежный суицид. Подростки и молодые люди уходят из жизни по собственному желанию. Врачи подробно анализируют провоцирующие факторы и обстоятельства, описывают признаки кризисного состояния. В этих работах недостает одного обобщающего суждения: молодой человек выходит из детства и включается в большой, взрослый мир. Он неизбежно отдалается от родителей и оказывается один на один с реальностью, которая (как реальность внешнего мира, так и внутренняя реальность собственного сознания и психического строя личности) оказывается страшной и неуправляемой. Со всем непохожей на те сказки про жизнь, которые окружали подростка с детства. Он не научился управлять своими страстями и не всегда знает, как поведет себя в следующую минуту. И наступает момент, когда уже нельзя подбежать к маме, уткнуться головой в живот и спрятаться от этого мира. Впервые молодой человек лицом к лицу сталкивается с трагедией бытия. И далеко не все выносят это столкновение.

Суицид молодых не единственная острая тема. Есть и еще один фактор нашей жизни — маргинализация, схождение с круга, медленное, но последовательное выведение себя из бытия достаточно значительного слоя общества. Здесь базовая стратегия — алкоголизация/наркотизация. Во все времена есть устойчивая доля людей, не вписывающихся в мир и «сходящих с круга». Сверх этого, периодически разворачиваются процессы схождения с исторической арены и выведения из бытия вчерашних, проигравших, не адаптирующихся к изменившемуся миру, о которых шла речь выше. Эти процессы существенно увеличивают объем слоя общества, ступившего на путь маргинализации¹⁴.

Наряду с эпохами сравнительно спокойного, континуального развития наступают эпохи революционных скачков и сломов. Здесь драматические события разворачиваются во весь рост. Переход на следующую стадию исторического развития возможен только тогда, когда большая часть вчерашнего, стадийно балластного, населения уходит из жизни. Исторические скачки сплошь и рядом сопряжены с драматическим сценарием прерывания исчерпавшей себя ментальной традиции. Носители уходящего исторического качества не воспроизводят себя в детях в случаях: а) физической гибели; б) деградации; в) профанированного прозябания с лейблом вчерашнего неудачника, от которого отрешиваются все те, кто стремится войти в новый мир и найти в нем пристойное место.

Мы говорим о полноценной трагедии целых поколений, спивающихся, отверженных, утративших способность понимать этот свихнувшийся мир, замкнувшихся в себе либо в обществе таких же вчерашних неудачников. Людей, лишенных историей важной человеческой радости — на старости лет узнать в своих детях и внуках

¹⁴ По оценкам экспертов, 15 % населения России выпивает 85 % алкоголя (Кирилл Титаев. Снижению уличной преступности мы обязаны «танчикам». Новая газета. 17.02.2017). Эти 15 % и составляют устойчивую группу маргинализирующихся сограждан, ставших на путь ускоренного выхода из бытия.

себя. Специфика российского общества состоит в том, что на протяжении последних ста лет в России, в пароксизмах эсхатологической истерии, умирало застойное традиционное общество, замещаясь микстом частично модернизированных мигрантов первого-второго поколений и носителей зрелой городской культуры. Периодически напряженные преобразования сменялись недолгими эпохами относительной стабильности («застой»), но затем разворачивался новый этап обвальных трансформаций, отрицавший и обесмысливавший строй жизни миллионов простых людей. В этих исторических условиях высокий уровень маргинализации неизбежен.

В столице и миллионниках это не так заметно, а в глубинке процессы маргинализации разворачиваются на глазах каждого, способного видеть окружающую его реальность. В советские времена существовал такой идеологический конструкт «активная жизненная позиция». Носители этого типа сознания обращаются и к власти, и к общественному мнению с громогласным призывом: «Помочь! Заслонить! Убереечь!» Бессмысленность и эгоистический подтекст этих социальных рефлексов, как правило, не осознается. Человеку, утратившему фундаментальные основания собственного бытия, нельзя запретить спиваться и кончать жизнь самоубийством. Нельзя по моральным основаниям, поскольку такая позиция покушается на его свободу. Далее, это эгоистично и жестоко. Он должен жить, поскольку для нас тягостна картина человеческой деградации и неприемлема сама мысль о том, что рядом с нами кто-то страдает и вымирает. Мы не хотим признать, что жизнь человека, ставшего на путь деградации, превратилась в непереносимые страдания. Можно объяснить, что самоубийство — грех, но жить или не жить, решает сам человек. Кроме всего прочего, любые попытки помешать естественному течению событий в подобной ситуации, как правило, бесперспективны. А бесперспективные в силу упомянутой выше общеисторической закономерности люди, неспособные к жизни в утвердившейся реальности, обречены на вымирание.

Понятно, что наше суждение скандальным образом разрушает прогрессистскую мифологию и оптимистический настрой нормативной картины мира. Из данной коллизии можно сделать два вывода: либо осознать мифологическую природу обозначенных воззрений, либо ринуться осуждать и «исправлять» реальность, не укладывающуюся в мифологическую картину. Массовый россиянин, для которого миф первичнее и онтологичнее реальности, как правило, выступает сторонником второго пути.

Пора изживать в себе жизнерадостного идиота и осознавать, что боль и страдания заключены в самой сути человеческой экзистенции. Что далеко не все смертные находят силы нести на своих плечах бремя жизни вообще и жизни в государстве и цивилизации в частности. И эти люди имеют моральное право деградировать и кончать жизнь самоубийством. Осознать, что созерцание боли и страданий, созерцание деградирующих и отверженных составляет неотъемлемый аспект человеческого бытия. Это одно из испытаний, которое дано каждому на жизненном пути. Нельзя заставлять человека удовлетворять стандартам поведения, представляющимся массовому человеку обязательными и естественными. Бездомный также естественен и неустрашим из бытия, как и массовый человек.

Однажды пришлось столкнуться с печальным явлением. Получившие образование, взрослые люди не различают природные закономерности и культурные установления. Люди категорически отказываются осознавать, что человек — природное существо, вписанное в мир природы и подлежащее общим закономерностям живой и неживой природы. Утверждение: взятки — это нормальная и неустрашаемая реальность социальной жизни (а значит, можно стремиться минимизировать взяточничество, отдавая себе отчет в том, что явление это принципиально неустрашимо) — встретило полное непонимание. Как же так, это ведь плохо? Верность

сакральному Должному и финалистическое советское сознание трансформируют картину мира. Нормально то, что установлено человеком здесь и теперь, то есть то, что задано актуальной культурой. Мысль о том, что существуют природные законы и природные процессы, которые представляются нам нежелательными, однако реализация этих законов природы *нормальна*, а ненормально нарушение или отмена действия каких-либо законов природы в определенном пространстве (и для этого необходимы особые технологии и специальные усилия), не укладывается в массовом сознании.

Раньше бедственное положение социальных низов проходило по ведомству ужасов эксплуататорского общества. История продемонстрировала, что в СССР и других странах, свободных от эксплуатации, нищета, депопуляция и деградация присутствуют куда шире, чем в лидерах «мира капитала». Мы не говорим про Кампучию Пол Пота или Советский Союз до 1956 года. Относительно спокойное позднесоветское общество деградировало и бедствовало куда энергичнее царской России. Иными словами, все не так просто. Люди, стоящие на общегуманистических позициях и зараженные прогрессистски-просветительским мировидением, отказываются видеть общеисторическую обусловленность процессов вымирания широких социальных категорий в эпохи исторических переходов. Никакая статистика не срабатывает. Историки и демографы оценивают человеческие потери России за XX век в 113 млн человек¹⁵. Разумеется, впрямую за это ответственны революции и правящие режимы. Однако и войны, и революции, и правившие в России политические режимы являлись (и являются) особой, варварской формой вписания в современность застойного общества, перманентно отгораживающегося от остального мира.

Читатель может обратить внимание на упомянутые автором «общегуманистические позиции». Как же так, ведь гуманизм — это хорошо? Гуманизм — это прекрасно, но надо отдавать себе отчет в том, что гуманистическая позиция в пределе *предполагает отказ от внутривидовой борьбы*, а это — химера. Вид *homo sapiens* нельзя вывести из пространства общебиологических детерминант. Такой отказ можно представить себе на уровне нравственной позиции отдельной личности. Что же касается человеческих сообществ, то здесь возможны: либо ханжеское лицемерие, прикрывающее дистанцию между прекраснодушными декларациями и реальными практиками, которые поддерживают и закрепляют собственные позиции в конкурентной борьбе, либо оттеснение и гибель рассматриваемого сообщества носителями менее возвышенной жизненной философии, которые остались верными практикам внутривидовой конкуренции. А относительно упований на изменение сознания всего человечества и дружный отказ от борьбы всех и каждого за кормушку, жизненное пространство и доминирующее положение в стаде надо сказать, что это — беспримесная химера.

Россиянин убежден: если люди страдают, болеют, нищенствуют, деградируют и вымирают, то в этом кто-то виноват — эксплуататоры, колонизаторы, злые пришельцы, международные корпорации. Нельзя признать, что перечисленные процессы соответствуют природе вещей, что они закономерны. Если допустить такое, то уютный и психологически комфортный мир рухнет. Однако и страдания, и самые разнообразные проблемы, и схождение с исторической арены — закономерный и естественный процесс. Мы можем стремиться оптимизировать нашу социальную организацию и поведение с тем, чтобы минимизировать проявление тех или иных эффектов. Но снять их и полностью устранить в принципе невозможно.

Так, человеку свойственно ошибаться. Всякий организм, наделенный автономной системой принятия решений, иногда принимает неоптимальное решение. И чем

¹⁵ А. Г. Вишневский Демографическая модернизация России 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006.

сложнее организм, тем шире и сложнее пространство поведения этого существа. Соответственно, тем шире и разнообразнее пространство возможных ошибок. Ошибка с самыми разнообразными последствиями как для ошибающегося, так и для других людей. К примеру, поведение, которое мы определяем как наркомания, присуще всем сложноорганизованным видам, наделенным нервной системой: птицам, млекопитающим. Кошачьи, козы, слоны, обезьяны предаются поеданию субстанций, вызывающих наркотический эффект. Это нормально. Человек входит в обозначенную нами группу живых существ, и только. Соответственно, он может как прожить жизнь в рамках приемлемой культуры потребления традиционных наркосодержащих субстанций, так и стать наркоманом.

Мир вирусов и бактерий постоянно эволюционирует и порождает новые виды, осваивающие обширную и постоянно растущую экологическую нишу, которую составляет популяция *homo sapiens*. Современная наука непрестанно борется с болезнетворными микроорганизмами, а они приспосабливаются к изменяющимся условиям, отвечая на лекарства и лечебные процедуры новыми видами. Это — также нормально. Соответственно, эпидемии, периодически прокатывающиеся по земному шару, и новые заболевания (такие, как СПИД), во-первых, естественны, а во-вторых, неустраимы.

Человек в принципе не может предвидеть всех последствий (и особенно отдаленных) широкого внедрения тех или иных технологий. Это выясняется только с течением времени. Осознание нежелательных последствий, их устранение или коррекция, приспособление к новой ситуации — рутинный фон существования общества эпохи напряженной технологической динамики. При всех проблемах и дискомфортной неопределенности эта ситуация нормальна и неустраима.

Так, за последние 70 лет человечество столкнулось с проблемой засорения земного шара (как суши, так и мирового океана) неразлагающимся полиэтиленом. По разным оценкам, в природной среде полиэтилен разлагается 150–500 лет. Ежегодно более миллиона птиц и 100 тыс. морских животных ошибочно потребляют полиэтилен в пищу, запутываются в пластиковых отходах, что приводит их к мучительной смерти. Технологического решения названной проблемы пока не найдено.

Однако массовый человек готов смириться с дрейфом континентов, цунами, землетрясениями и драматическими изменениями климата, признав их как нормальные природные процессы. Но нежелательные с точки зрения актуальной культуры проявления человеческой природы признавать отказывается категорически.

Следующее измерение нашей темы связано с *лояльностью*. Одно из испытаний, которое жизнь предъявляет человеку, состоит в выборе между верностью истине и собственной идентичностью, солидарностью со «своими» (этнически, идеологически, конфессионально, партийно). Ответы на этот вопрос даются каждым из нас в неисчислимых ситуациях. На наш взгляд, это испытание критериально. Тот, кто избирает верность идентичности, — индивид. Тот, кто избирает истину, — личность.

Поучительно на развернутом историческом примере рассмотреть, каким образом формируется практика корректировки реальности. Как и почему редактируют истину во имя самых возвышенных соображений: сохранения образа высокого и святого от пошлых, а случается и от страшных подробностей эмпирической реальности (вспомним диалоги Светланы Алексиевич). Почему массовый человек принимает святочные рассказы и отторгает истину, корректирующую возвышающую ложь. Как, казалось бы, приличные люди берут на свою душу грех оправдания очевидных негодяев и бесспорных преступлений. В данном случае мы имеем в виду историю христианства.

Здесь требуется вводное разъяснение. Политеистическое сознание толерантно. Язычник исходит из того, что у «нас» есть наши боги. Что же касается других людей, то им покровительствуют и ими управляют другие боги, которые к нам не имеют отношения. Разноплеменная толпа в больших городах, смешанные браки и жизнь бок о бок вели к тому, что до эпохи утверждения монотеизма каждый человек мог принимать те или иные верования. Это было его личным делом.

Победа монотеизма диктует совершенно иную картину мира. Если Бог один, то все иные боги суть бесы и демоны, противостоящие настоящему, то есть «нашему» Богу. В Библии политеизм номинируется язычеством, понимаемым как *измена* единому Богу. Само существование язычников, поклоняющихся своим ложным богам, есть вызов и оскорбление Творца. Однако еще большим оскорблением Бога является любая ересь как сознательное отклонение от догматов веры. Уровень ожесточения в среде христиан и мусульман (да, впрочем, и ортодоксальных иудеев) по отношению к еретикам существенно превосходит отчуждение и ненависть к язычникам (на это обращал внимание еще Юлиан Отступник).

Возникшее в I веке на территории Палестины как одно из мессианских движений внутри иудаизма, христианство формируется в напряженном конфликте с иудаизмом. Христианские историки рассматривают «гонения на христиан от иудеев» как хронологически первые. После Первой иудейской войны (66–70) и разрушения Иерусалимского храма пути иудаизма и христианства окончательно разошлись. Центр христианской проповеди переносится в столицу империи — Рим.

Вышедшее за рамки еврейского народа, христианство разворачивает напряженную и в высшей степени драматическую борьбу за души людей. В этой борьбе христианство противостоит сложнообозримому множеству религиозных культов и, шире, многовековой культуре античного общества. Христианство рождается в эпоху глубокого идейного кризиса античного мировидения и притязает на кардинальную смену парадигматики всего общества. Напряженный прозелитизм раннехристианских проповедников сталкивается как с противостоянием миллионов носителей традиционного сознания, так и с языческим государством, инстинктивно сторонящимся любых идейных брожений и стремящимся сохранить базовые основания римского целого.

Параллельно молодые христианские общины переживают доктринальное ветвление. Разные учителя по-разному трактуют те или иные аспекты формирующейся доктрины. Причем каждое направление естественно притязает на обладание единственной сакральной истиной. Поскольку истину и жизнь человек может обрести только во Христе (Ин. 14:6), любая альтернатива автоматически обрекает человека на погибель. Так возникает еще один фронт борьбы на уничтожение. Идеологическая борьба внутри христианства, борьба за статус ортодоксии переживает эпоху противостояния язычникам и продолжается на всем протяжении истории христианства. Термин «секта», первоначально употреблявшийся для образования философских школ, с началом христианской эпохи становится обозначением религиозных общин, отколовшихся от господствующей церкви. Точно такую же эволюцию переживает понятие «ересь». Уже апостол Павел помещает «ереси» в один ряд с грехами волшебства и идолослужения (Гал. 5:20). Помимо утратившего энергию язычества, христианству противостояли жизнеспособные идейные конкуренты. В то же самое время в римском обществе разворачивались еврейский прозелитизм, культ Изиды, митраизм.

Религиозные практики и образ жизни христиан несли в себе вызов традиционным устоям. Христиане отказывались отмечать народные праздники, участвовать в мероприятиях императорского культа, публично критиковали древние обычаи. Эсхатологическая устремленность раннего христианства, отторжение антич-

ного образа жизни вели к тому, что римляне видели в христианах людей, проникнутых ненавистью к человеческому роду. Христиане отторгались как образованным античным обществом, так и невежественной толпой. Их обвиняли в черной магии, а также приписывали христианам инцест и каннибализм. Отношение государства задавалось тем, что культ правителя империи являлся частью государственной религии. Надо помнить: жрецы и понтифики в Риме были государственными чиновниками. Для христиан поклонение «гению императора» (отказ принести жертву перед статуей императора) было невозможным, что расценивалось как преступление.

Начиная со времени правления императора Домициана (96 год) разворачивается эпоха более или менее систематических гонений. Время сравнительно мирного развития христианских общин сменялось периодами преследований христиан со стороны общеимперских или местных властей. Сплошь и рядом источником гонений становилась враждебность широких масс населения. Чернь видела в христианах причину любых несчастий и стихийных бедствий. Провинциальные правители часто сталкивались с разъяренной толпой, требовавшей без суда казнить христиан, и иногда уступали этим требованиям.

Самым суровым было так называемое Великое гонение (303—313), начавшееся при императоре Диоклетиане и продолжавшееся при его преемниках. Масштаб жертв Великого гонения по сегодняшним меркам скромный. Погибло 3000—3500 человек. Другие подверглись пыткам, были высланы, попали в заключение. В ходе гонений христиане всячески репрессировались. При Нероне вывалянные в смоле и облепленные паклей христиане стали живыми факелами. Христиан отдавали на растерзание львам в цирке. Апостол Петр (да не только он один) распят на кресте головою вниз. Пергамский епископ св. Антип сожжен в медном быке и т. д.

Эпоха гонений породила яркую христианскую публицистику. Возникает апологетика (раздел теологии, посвященный рациональной защите истинности верования). Раннехристианские писатели-апологеты II—III веков защищали христианство и писали сочинения, направленные против его гонителей. Цитата из Тертуллиана: «Если Тибр вошел в стены, если Нил не разлился по полям, если небо не дало дождя, если произошло землетрясение, если случился голод или эпидемия, то тотчас кричат: христиан ко льву. Столь многих к одному? Спрашиваю вас: прежде Тиберия, то есть прежде пришествия Христа, сколь великие бедствия обрушились на землю и города?»¹⁶ — дает представление о вершинах этого жанра.

Гонения и противостояние традиционалистской массы не могли остановить распада античного космоса. Христианская община неумолимо росла. Миланский эдикт императоров Константина и Лициния от 313 года о веротерпимости на территориях Римской империи был важным шагом по пути превращения христианства в официальную религию империи.

Но после эдикта начинается самое интересное. Можно было бы подумать, что с установлением веротерпимости в империи кончается эра идеологического насилия и подавления инакомыслия. Однако не тут-то было. В борьбе с язычеством церковь двигалась к победе, пронизывая элиту римского общества. К III—IV векам христианство освоило культуру античности в той мере, которая позволяла найти дорогу к сердцу и разуму интеллектуальной и политической элиты. *Стратегическая цель*, поставленная лидерами христианской общины, — *нерушимый союз с государством*. Христианская проповедь проникает на самые верхние этажи римского общества. Декларация веротерпимости рассматривалась как шаг на пути к окончательной победе, которая состояла в превращении христианства в официальную религию империи и искоренении язычества. Борьба за лидирующие позиции в госу-

¹⁶ Тертуллиан. «Апология». Гл. 8.

дарстве, а значит — борьба с язычеством на уничтожение разворачивается практически сразу после Миланского эдикта.

Церковь мгновенно отреклась от Тертуллиана писавшего — «Право естественное, право общечеловеческое требует, чтобы каждому было предоставлено поклоняться тому, кому он хочет. Религия одного не может быть ни вредна, ни полезна для другого...»¹⁷. Миланский епископ св. Амвросий Медиоланский, духовный наставник императора Феодосия Великого, утверждал: стеснение язычников, результатом которого будет обращение их в христианство, есть триумф Церкви. Такую же позицию поддерживал блаженный Августин. В корпусе христианских текстов зафиксирована куда более радикальная позиция. К примеру, латинский писатель, астролог Фирмик Матерн в апологетическом сочинении «De errore profanarum religionum», обращенном к сыновьям Константина Великого, требовал от императоров уничтожения язычников. Из этих убеждений вытекала соответствующая историческая практика.

Буквально сразу после эдикта начинаются шаги, направленные на ограничения и стеснения языческих культов. Церковь разворачивает борьбу с язычниками. Исходящая из общеполитической логики императорская власть не заинтересована в беспорядках и дестабилизации. Она занимает скорее позицию благожелательного нейтралитета по отношению к христианам. Но церковь, проникая на высшие этажи власти, давит на императоров, смещая политику в сторону преследования вначале язычников, а затем инаковерующих (еретиков). В этой битве участвуют лидеры христианской общины, их сторонники, сочувствующие, монахи. Чернь, всегда готовая принять участие в любом погроме и поживиться за счет несчастных, получает идейное обоснование бесчинства. Ибо они не просто грабят, убивают и насилизуют, а участвуют в великой битве на стороне истинного Бога. Вчера еще правоверные носители античной идентичности сначала превращаются в людей второго сорта, а потом — в гонимых.

Приведем всего один пример, связанный с историей св. Кирилла Александрийского (376—444). Св. Кирилл, архиепископ Александрийский, был представителем знаменитой епископской династии, человеком энергичным и амбициозным. Кирилл всеми мерами боролся за религиозно-политическую власть в Александрии, преследуя язычников, иудеев и христиан — противников его епископата, что неоднократно приводило к кровопролитию.

В частности, Кирилл активно боролся с иудейской общиной. По его инициативе иудеи были изгнаны из города, а их имущество конфисковано. Борьба Кирилла с обширной иудейской общиной Александрии шла вразрез с политикой римской власти и сделала его врагом префекта Ореста.

Здесь в нашей истории появляется новый персонаж — ученый и философ, язычница Гипатия. Преподавала в Александрийской школе философию, математику и астрономию. Гипатия принимала участие в александрийской городской политике, имея влияние на главу города, префекта Ореста.

Св. Кирилл опирался на верных ему боевиков — монахов из Нитрийской пустыни и парабаланов (христианская община, члены которой добровольно ухаживали за больными и хоронили умерших от болезней в надежде таким образом принять смерть во имя Христа). Противники святого утверждают, что Кирилл решает убрать со своего пути самого известного в городе союзника Ореста — Гипатию.

По городу пошли разговоры, что именно она выступает против примирения патриарха и префекта, а потом появился новый слух: Гипатия якобы практикует чер-

¹⁷ Тертуллиан. «Апология». Гл. 28.

ную магию. Слухи достигли желаемого результата: мартовским днем 415 года толпа парабаланов напала на Гипатию, вытащила ее из повозки и потащила в церковь. Христианский историк Сократ Схоластик так описывает произошедшее: «Когда она возвращалась откуда-то домой, они стащили ее с носилок и привлекли к церкви, называемой Кесарион, потом, обнажив ее, умертвили черепками, [разорвали на части], а [куски] тела снесли на место, называемое Кинарон, и там сожгли. Это навлекло немалую хулу не только на Кирилла, но и на Александрийскую церковь [в целом]», то есть убийство Гипатии создало повод для порицания александрийских христиан¹⁸.

Христианские авторы ожидаемо отмечают причастность св. Кирилла, указывая на то, что документальных свидетельств этого не существует. Если учесть, что Кирилл оказался в стане победителей (как тех, кто позже был объявлен еретиками, так и язычников) и канонизирован, искать прямые документальные свидетельства — занятие малоосмысленное. С равным успехом можно было бы искать документальные свидетельства практики концлагерей на страницах «Völkischer Beobachter». Как справедливо отмечает П. Ф. Преображенский: «Христианская церковь чувствовала некоторую неловкость за кровавую расправу с Ипатией. Приходилось тщательно выгораживать Кирилла Александрийского, чтобы снять с этого признанного авторитета клеймо погромщика»¹⁹. Будем исходить из презумпции невиновности. При всех обстоятельствах ответственность за это гнусное преступление ложится на христианскую общину города.

История с Гипатией лишь один из эпизодов широкого процесса.

324 год — император Константин объявляет христианство единственной официальной религией Римской империи. Разворачивается практика разрушения и ограбления языческих храмов. Статуи и сокровища из разграбленных храмов направляются на украшение новой столицы империи — Константинополя.

Император Констанций (правление: 337—361) разворачивает новые масштабные гонения язычников. Вводится смертная казнь за все виды «идолопоклонства» и жертвоприношений. Принимается новый эдикт, повелевающий закрыть все языческие святилища. Некоторые из них оскверняются. Проходят первые сожжения хранящих языческую мудрость библиотек в разных городах империи. Запрещаются все виды гаданий и астрология.

Руины языческих храмов используются как каменоломни. Рядом с закрытыми языческими храмами создают предприятия для изготовления извести. Разбитые статуи языческих богов систематически пережигают в известь²⁰.

364 год — император Флавий Клавдий Иовиан правил недолго (363—364), но вошел в историю гонений на язычников. По его приказу сожжена Антиохийская библиотека. Это был языческий храм, выстроенный еще при Адриане, который Юлиан Отступник превратил в библиотеку. Практика принудительного обращения в христианство становится всеобщей, а возвращение христианина к вере отцов с некоторого момента рассматривалось как уголовное преступление.

Разрушение языческих храмов, убийство жрецов, уничтожение памятников превращается в рутинную примету эпохи. При императоре Валенте (370) *языческие*

¹⁸ Сократ Схоластик. Церковная история, 7, 15. Опубликовано на греческом языке Робертом Эттьеном в Париже в 1544 году.

¹⁹ Преображенский П. Ф. Вступление // Кингсли Ч., Маутнер Ф. Ипатия. Харьков: ИКП «Паритет» ЛТД, 1994.

²⁰ В 70-е годы прошлого века в глубинке Владимирской области бодрый старичок с комсомольским прошлым рассказывал автору о том, как в 30-е годы он «раздевал церкви», а другой респондент напомнил: иконами раздетых церквей топили районную электростанцию. Нет ничего нового под луною.

книги сжигают на площадях²¹. Наконец в 380 году в эдикте императора Флавия Феодосия провозглашается требование, чтобы «все народы, пребывающие под нашим милосердным и умеренным правлением, должны заявить о своей приверженности религии, которая принесена римлянам божественным апостолом Петром». Нехристиане называются «отвратительными еретиками, глупыми и слепыми». Амвросий Медиоланский приступает к уничтожению всех языческих храмов в подведомственной ему области.

391 год — в Александрии египетской восставшие язычники заперлись в Серапее (храме бога Сераписа, покровителя Александрии), где располагалось отделение Александрийской библиотеки. Ворвавшиеся внутрь христиане разгромили и сожгли библиотеку и надругались над культовыми изображениями.

392 год — своим указом Феодосий закрыл элевсинское святилище. Христианские священники и монахи натравливают толпу против храма Деметры в Элевсине и пытаются линчевать иерофантов Нестория и Приска. Девяностопятилетний иерофант Несторий завершает элевсинские мистерии и объявляет о грядущем впадении человеческого рода в умственную тьму.

В 419 году состоялся поместный Карфагенский Собор. Принятое на Соборе правило 69 гласит: «Да будет заповедано: и идолов истребить и капища их, в селах и в сокровенных местах без всякой благовидности стоящие, всяким образом разрушать». Правило 95: «Заблагорассуждено также просить славнейших царей, да истребляют всяким образом остатки идолопоклонства не только в изваяниях, но и в каких-либо местах, рощах или деревьях».

Борьба с язычниками идет полным ходом в V и VI веках. В VII веке она несколько затихает, но это связано с изживанием языческой традиции. Языческие практики, тайные жрецы, празднования календ и исполнение ритуалов прослеживаются вплоть до IX века. Но это уже разрозненные остатки целостной традиции, уничтоженной победителями. Жития христианских святых описываемой эпохи, подвизавшихся на ниве христианского просвещения язычников, часто содержат примечательный эпизод — сокрушение языческого идола. Идолы — это кумиры, статуи и другие изображения языческих богов.

Христианские авторы развернуто пересказывают истории гонений на христиан. Что же касается описанных нами событий, они если и излагаются, то сбивчиво и скороговоркой. Эти авторы склонны утверждать, что язычество скончалось, так сказать, «своей смертью»; что не так, языческое сознание, безусловно, переживало кризис и в широкой исторической перспективе было обречено. Но христианство сделало все для того, чтобы ускорить этот процесс и уничтожить язычество²².

Заметим, что в средние века церковь полагала происходившее в эпоху изживания язычества нормальным и естественным. Однако времена меняются, приходит Возрождение, утверждается новая культурная атмосфера, а затем и Реформация, и подробности торжества истинной веры оказываются не ко двору.

В подобной эволюции нет ничего необычного. Придя к власти, большевики утверждались за счет в высшей степени энергичных мер. Причем этого никто не скрывал. Был обнародован декрет СНК от 5 сентября 1918 года «О красном терроре». Далее, 21 февраля 1918 года СНК издал декрет «Социалистическое отечество в опасности!», который постановлял, что «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы рас-

²¹ Так вот где исторические истоки этой практики.

²² Подробнее история насильственного уничтожения язычества излагается в монографии: Власис Рассаис (Vlasis Rassias). «Сокрушите их». Афины, 2000. <http://www.proshkolu.ru/user/antic/blog/260842/>

стреливаются на месте преступления»²³. Вводится институт заложников, которых расстреливают в ответ на происки классового врага. Заложники — зримая примета эпохи. Фиксируя яркую примету революционной поры, пролетарский поэт Владимир Маяковский слагает стихи: «Ветер сдирает списки расстрелянных, / Рвет, закручивает и пускает в трубу. / Лапа класса лежит на хищнике — / Лубянская лапа ЧК». Издавался журнал «Еженедельник ВЧК» и т. д.

Проходят десятилетия, и в отредактированной, казенной версии истории Гражданской войны поминают 26 бакинских комиссаров, расстрелянных в сентябре 1918 года по приказу правительства Туркестана за сдачу Баку турецко-азербайджанским войскам. Поминают Сергея Лазо, по одной из версий сожженного в конце мая 1920 года казаками-белогвардейцами в паровозной топке живьем. Ни «красный террор», ни заложники, ни «концентрационные лагеря» не находят места в истории родной страны.

Расставим точки над *i*. Автор настоящего текста христианин. Правда, моя церковь не имеет отношения к описанным гонениям и духовно возводит себя к первохристианам. Тем не менее история раннего христианства со всеми ее ужасами и омерзением — реальность. Наш долг — знать ее и нести следующим поколениям. В назидание и поучение. Существуют грустная логика и страшная диалектика всемирно-исторического процесса, в соответствии с которой по пути от секты к мировой религии христианство становится властным институтом, проникается злом мира сего, а далее притязает на абсолютное господство. На том этапе всемирно-исторического процесса христианизация Ойкумены по-другому была невозможна. Потребовались Реформация, войны Контрреформации, буржуазные революции и утверждение секулярного сознания для того, чтобы свобода совести стала безусловной конвенцией в цивилизованном мире.

Святая Инквизиция, судьба Джордано Бруно и Яна Гуса, крестовые походы против еретиков более или менее известны широкой публике. Что же касается первых веков утверждения христианства, то этот пласт истории остается в тени.

Суммируя, можно сказать лишь одно. В описанном нами виновато не христианство как доктрина, а человеческая природа носителей, интерпретаторов и практиков этой доктрины, попиравших самую суть и дух учения. Мерзкая природа человека, то самое низменное и паскудное, что есть в каждом и требует постоянной работы духа, следящего за тем, чтобы подавлять эти инстинкты и потенции. Придворные христиане при первых христианских императорах не вынесли одного из самых сложных и страшных испытаний — соблазна безграничной власти. Следовавшие за ними воспринимали репрессии, обращенные к язычникам и отколовшимся, как устоявшуюся и самоочевидную традицию и громили без размышлений, опираясь на авторитет сакрализованной иерархии.

Завершая наше исследование, сделаем оговорку: обозначая те или иные механизмы, с помощью которых культура манипулирует человеком, называя некоторые из мифов, показывая примеры идеологий, я лишь *прописываю типологию феноменов, отвечающих за аберрации человеческого сознания*. Развернутый и сколько-нибудь исчерпывающий перечень с подробным анализом природы явления потребовал бы солидной монографии. Предоставим вдумчивому читателю самостоятельно двигаться в глубь обозначенного нами пространства.

К примеру, обращаясь к культуре, я показал устойчивые механизмы манипуляции, заложенные в структуре культуры. Помимо этого, культура по-разному манипулирует человеком на разных этапах своего существования, добываясь собст-

²³ Декрет «Социалистическое отечество в опасности!». Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

венного развития и самоосуществления в конкретных условиях. Интересы культуры и человека могут не совпадать в данной исторической ситуации. Однако культура стремится подчинить своих адептов решению необходимых ей задач. Как правило, эти процессы оказываются вне поля зрения исследователей. Единственный известный автору пример — последняя монография А. А. Пелипенко «Контрэволюция» (Андрей Пелипенко. Контрэволюция. М.: Знание 2016).

И, наконец, последний сюжет. Бессмысленно задаваться вопросом, какое из суждений — «мир прекрасен» и «мир ужасен» — ближе к истине. Перед нами классический философский вопрос, на который не может быть единственного и конечного ответа. Поэты, философы и религиозные авторитеты могут спорить до бесконечности. Между тем в практическом аспекте подавляющее большинство людей выбирает жизнь. А это значит, что жажда жизни и страх смерти — в подлинном смысле решающие аргументы в формировании отношения к жизни большинства *homo sapiens*.

Мощная и самоочевидная человеческая эмоция, которую мы обозначаем как «жажда жизни», присуща всему живому и, безусловно, человеку. С ней сопряжена другая мощнейшая эмоция — страх смерти. Страх смерти имеет множество измерений, осмысливается и переживается по-разному. Но прежде всего в основании этой эмоции лежат биологический ужас и мобилизация всех сил человека в ситуации витальной опасности. Общебиологический смысл данной эмоции очевиден. Страх смерти оберегает живое существо от опасных ситуаций и мобилизует все силы организма в критические моменты. Жажда жизни работает в том же направлении, и в некотором смысле это взаимоперетекающие и неразделимые переживания.

Когда мы обращаемся к биологическим механизмам, детерминирующим общее отношение человека к жизни и миру, в котором живет человек, имеет смысл задать вопрос: какова судьба живой особи, негативно или хотя бы безразлично относящейся к жизни. По нашему разумению, такие существа обречены вымирать, не оставив потомства. Соответственно, выживают, плодятся и размножаются носители противоположной эмоциональной доминанты. Отбор по описанному нами параметру идет постоянно. Соответственно, закрепляется и утверждается позитивная, мироприемлющая установка.

Гностики называют это узлами материи, описывая материю как активную злую силу. Носители самых разнообразных религиозно-философских доктрин по-разному объясняют несовершенство нашего мира и отвечают на вопрос, как человеку жить в этом сложном и трагическом мире.

На наш взгляд, задаваться вопросом — почему мир несовершенен — занятие малопродуктивное. Это религиозно-философская проблема, и, по существу, любой ответ на данный вопрос является предметом веры, дискуссии здесь мало осмыслены. Что же касается вопроса — как жить в этом сложном и трагическом мире, — то это ключевая личностная проблема. Ответ на этот вопрос дает каждый из нас. Не имеет значения, рефлексирует ли он названную проблему и размышляет об интересующих нас сущностях или вырабатывает линию жизненного поведения инстинктивно, двигаясь от одной коллизии к другой и наработывая некоторую устойчивую колею. В любом случае человек отвечает на ключевое вопрошание, перед которым ставит его жизнь. Интеллектуальное мужество, с которого мы начинали наше исследование, представляется одним из важнейших оснований человеческой зрелости, необходимым моментом постижения природы этого мира и формирования человеческой позиции. Осмысленной, нравственной, соответствующей зрелой автономной личности.

Александр ГЛАДКОВ

ДНЕВНИК. 1975 ГОД (январь—июнь)

Выписки из фонда РГАЛИ (№ 2590, оп. 1, е. х. 115). Первый экземпляр машинописи, заполнен только по лицевой стороне: от 1 янв. до 31 дек. — почти без пропусков, листы не проколоты; 200 л.¹

(2) 1 янв. (...) До 3-х часов сидел у Б. Н.² Еда была первоклассной и я ел много, но пил немного. Когда шел обратно, сильнейшая типа стенокардической боль в аорте. Несколько раз останавливался, не мог идти. Так иногда бывало и раньше, но давно уже не было. И дома не сразу пришел в норму. Принимал валидол, охал и долго не мог заснуть. (...) Сенсация вечера: никто из правительства не выступал по ТВ с традиционным новогодним поздравлением. Его прочитал Левитан³. (...) Б. Н. своими глазами видел на столе у одного начальника приказ о запрещении демонстрировать всех фильмов Параджанова, который несколько недель назад в тюрьме покончил жизнь самоубийством⁴. (...) Б. Н. и Е. С.⁵ смотрели «Театральную жизнь» Зорина⁶ у вахтанговцев и бранят. Еще больше он бранит знаменитое «Зеркало» Тарковского⁷ [:] пижонский эксгибиционистский фильм, «Феллини для бедных»⁸. Его показывали в Доме Кино.

¹ В квадратных скобках — вставки и примечания публикатора и комментаторов. Вставки — прямо в тексте, комментарий — в подстрочных примечаниях. Особенности орфографии оригинала и описки автора в некоторых, характерных для него местах сохраняются (они помечены подчеркиванием); выделения в тексте (в оригинале — разрядкой) передаются п/жирным.

² Ляховский Борис Натанович, в дневнике, как правило — Б. Н. или Бор. Нат. (1906—1980), режиссер научно-документального кино; 1925—1931 гг. жил во Франции; в 1929 окончил Парижский киноинститут; товарищ АКГ еще по Каргопольлагу (26 июня 1954. *Пожалуй, кроме Б. Н., у меня во всем лагере нет друга в истинном смысле слова, хотя приятелей много...*), водитель и владелец автомашины, чьими услугами он часто пользовался, сосед по даче в Загорянке и по дому на Красноармейской (д. 27, кв. 42), проживавший по адресу: Часовая ул. 5б, кв. 43.

³ Левитан Юрий Борисович (первоначальное имя Юдка Беркович Левитан; 1914—1983), с 1931 г. — диктор Всесоюзного радио, диктор Государственного комитета СМ СССР по телевидению и радиовещанию; обладатель редкого по тембру и выразительности голоса.

⁴ Сергей Иосифович Параджанов (арм. Саркис Параджанян; 1924—1990), советский кинорежиссер и сценарист. Слух не подтвердился (в то время П. находился в заключении, в лагере строгого режима, и там высказывал намерение покончить жизнь самоубийством).

⁵ Жена Б. Н.

⁶ Зорин Леонид Генрихович (настоящая фамилия Зальцман; род. 1924), писатель, драматург, сценарист. Однако его пьеса с таким названием не известна.

⁷ Тарковский Андрей Арсеньевич (1932—1986), кинорежиссер и сценарист; «Зеркало» (1974) — во многом автобиографичный фильм, ставший культовым и вошедший в классику как российского, так и мирового кинематографа. 1975

⁸ Феллини Федерико (итал. *Federico Fellini*; 1920—1993), итальянский кинорежиссер. 1975

(3) 3 янв. Никак не могу выздороветь. Мокрота, что-то с желудком. Не говорю уже про бессонницу. (...) Рассказ Б. Н. Саша Фридман (Паламишев)⁹ снова женился. Будто бы он поссорился с Захавой¹⁰ и изгнан из Щукинского училища.

(4) 4 янв. (...) Умер Костя Финн¹¹. Прочитал в Вечерке. Он жил в соседнем доме и под вечер гулял с палкой на наших двориках. Человек он был способный, но необыкновенный юмор его как-то не ложился на бумагу и он почему-то писал в мелодраматическом тоне. Наверно Шток¹² напишет некролог, как всегда приблизительно и неточно. (...) Когда-то он [Финн] очень пил.

(6) 5 янв. (...) Опять бессонница. Читаю дневники и записные книжки Блока, которые и так знаю почти наизусть. Утром, прочитав газеты, снова засыпаю и сплю до двенадцати. (...) У Левы¹³ новости: нашлись его обе сестры: одна живет в Телль-Авиве, другая в Лос-Анджелесе. Братья умерли: один в Москве (!), другой еще где-то. Лева возбужден, хочет навестить сестру, живущую в США. (...) В Московской организации [ССП] оказывается, идет борьба С. С. Смирнова с В. Н. Ильиным. Смирнов хочет выпереть Ильина на пенсию, но того поддерживает Верченко¹⁴.

⁹ Поламишев Александр Михайлович (1923–2010), режиссер в театрах Москвы, Петербурга, Ярославля, Харькова, Самары, Уфы, Вятки; участник войны: был командиром диверсионной группы; в 1949 — осужден по доносу как враг народа на 25 лет (из рассказа Сергея Мирова «Интервью с диверсантом» 8 мая 2010 — <http://www.kino-teatr.ru/teatr/activist/370887/bio/>); через 6 лет и 10 мес. освобожден; в 1957 — реабилитирован; с 1962 — педагог Щукинского училища; профессор, декан режиссерского факультета; автор многих статей, методических пособий и книг: «Мастерство режиссера. О методе действенного анализа», «От замысла к воплощению» (изд. «Искусство»).

¹⁰ Захава Борис Евгеньевич (1896–1976), театральный актер, режиссер, педагог, театровед; народный артист СССР (1967). Преподавал актерское и режиссерское мастерство в студии Вахтангова (с 1933 года — Театральное училище имени Б. В. Щукина), в 1925 году стал ее руководителем.

¹¹ Финн Константин Яковлевич (настоящая фамилия Финн-Хальфин, 1904–1975), драматург, прозаик; участник Гражданской войны; известен как автор комедий; его пьесы (всего более 40) неизменно соответствовали текущей партийной линии, но часто критиковались за низкий художественный уровень.

¹² Шток Исидор Владимирович (1908–1980), драматург и актер, друг юности АКГ, с которым они потом разошлись (в последние годы АКГ относился к нему с откровенной неприязнью).

¹³ Левицкий Лев Абелевич, или часто в дневнике, как здесь, просто — Лева, (Левинштейн; 1929–2005), литературный критик, литературовед, сотрудник «Нового мира», работавший в отд. поэзии, многолетний друг АКГ, с 1997 г. жил в Лос-Анджелесе; оставил 2 тома опубликованных дневников: Утешение цирюльника. Дневник. 1963–1977. СПб., 2005; Термос времени. Вторая часть (1978–1997). СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006.

¹⁴ Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976), писатель, автор книги «Брестская крепость», в качестве руководителя московской организации Союза писателей в 1958 году принимал активное участие в травле Б. Пастернака; позже подписал Письмо группы советских писателей в редакцию газеты «Правда» 31 авг. 1973 о Солженицыне и Сахарове; но вместе с тем в марте 1966-го подписал письмо 13 деятелей советской науки, литературы и искусства в президиум ЦК КПСС против реабилитации Сталина; был секретарем СП СССР в 1975–1976 гг. (Но, по мнению Е. Ц. Чуковской, он не только «подписывал письма», а и выживал з/к из лагерей военнопленных и поселял у себя — то есть фигура более объемная.)

Ильин Виктор Николаевич (1904–1991), сотрудник НКВД, комиссар госбезопасности (в 1937–1938 гг. отвечал за работу по разработке меньшевиков, стал начальником третьего отдела Секретно-политического управления НКВД, занимавшегося работой с творческой интеллигенцией); в 1943 осужден на девять лет тюрьмы. Отбыв срок, уехал в Рязань, где работал грузчиком (реабилитирован после расстрела Берия в 1954 году); в 1956 был избран секретарем Московского отделения Союза писателей и до 1977 — член СП СССР и его секретарь.

(7) 6 янв. (...) Опять плохо спал и надо досыпать. Заварю крепкого чая, а там видно будет. Пробуя заснуть, заставил себя вспоминать наш муромский сад. Как я его помню! Все дорожки, все деревья, все уголки. Все террасы, которыми он спускался в овраг. Все сорта яблонь. (...) Невозможно без острой боли читать дневниковые записи Блока за 1919—1921 гг¹⁵. Сколько лишений! Все ли это было необходимо?

7 янв. [накануне в дневнике было записано: «Завтра Рождество».] Верил ли я когда-нибудь в бога? Вырос в семье, где религия занимала какое-то бытовое место и даже года два прислуживал в церкви. (...) и все же, пожалуй, не верил. Сужу об этом потому, что незаметно перешел от условной полуверы к неверию. Ни на один час это не было проблемой, переломом. Ни от одного религиозного явления не испытал потрясения хотя бы приблизительно такого, как от чтения романа У. Синклера «Джунгли»¹⁶ в 14 лет или от казни Сакко и Ванцетти в 15 лет¹⁷. Детская религиозность умещалась в жизнь как смена праздников, как перемены времен года и была почти календарем. Думаю, что и мама верила так же, а отец не верил совсем. Не помню, чтобы он когда-нибудь ходил в церковь, даже на пасхальную заутреню. В ранние муромские годы церковная жизнь была формой общности: перевыбирали старосту, свергали регента, защищали от нападков отца Арсения, судачили о патриархе Тихоне и Живой Церкви. Меня это интересовало куда меньше, чем сюжеты Майн Рида: прислушивался за столом, а иногда и пропускал мимо ушей. Звонок Левы. Умер А. Дымшиц¹⁸. (...) В Союзе идет кровавая борьба между Ильиным и С. С. Смирновым. Как ни странно, я скорее за Ильина. От него ничего плохого не видели¹⁹, а Смирнов профессиональный предатель и убийца.

(8) 8 янв. (...) Не спал до пяти: проснулся в девять. Реальный до мельчайших подробностей сон: мне должны вместе с двумя незнакомыми людьми отрубить голову за какое-то политическое преступление. Где-то этого зрелища ждет народ. С нами в полузакрытом помещении тот, кто руководит казнью, человек в штатском

Верченко Юрий Николаевич (1930—1994), работал заведомом писем «Московского комсомольца», в ЦК комсомола и в Моссовете; был директором изд-ва «Молодая гвардия»; заведовал отд. культуры горкома КПСС, был секретарем СП СССР по оргвопросам.

¹⁵ Очевидно, имеется в виду издание: Блок А. А. Собрание соч. (в 8 томах). Т. 7. М., 1962. В седьмой том вошли дневники 1901—1921 годов и приложения.

¹⁶ Синклер-младший Эптон Билл (англ. Upton Beall Sinclair, Jr.; 1878—1968), американский писатель, выпустивший более 90 книг в различных жанрах, один из столпов разоблачительной журналистики и социалистический деятель; обрел известность с выходом социологического романа «Джунгли» (The Jungle, 1906), о судьбе литовских иммигрантов, безжалостно эксплуатируемых на их новой родине, в США.

¹⁷ Сакко и Ванцетти — Никóла Сакко (итал. Ferdinando Nicola Sacco, 1891—1927) и Бартоломéо Ванцетти (итал. Bartolomeo Vanzetti, 1888—1927), участники движения за права рабочих, рабочие-анархисты, выходцы из Италии, проживавшие в США. Несмотря на слабую доказательную базу обвинения в 1921 году были признаны виновными в убийстве кассира и двух охранников обувной фабрики в г. Саут-Брейнтри и казнены (1927) на электрическом стуле. Многие были уверены в невиновности казненных, и этот процесс стал символом беззакония и политических репрессий.

¹⁸ Дымшиц Александр Львович (1910—1975), литературовед, литературный и театральный критик; автор вступительной статьи к первому в СССР изданию стихов О. Мандельштама «Стихотворения» (Л.: Советский писатель, 1973); известен также своим противостоянием с М. Лифшицем: имел репутацию свирепого гонителя талантов (в частности, в мемуарах Эренбурга видел «неоправданную идеализацию второстепенных художественных явлений»).

¹⁹ Хотя ранее АКГ писал в дневнике: 16 июня 1966 (...) Нынешний секретарь московской организации ССП Ильин в 1937—1938 гг. непосредственно занимался в органах писательскими делами — у него руки в крови по плечи.

с еврейским лицом и седой шевелюрой, как у Юрия Либединского²⁰. Чувство тоски и неотвратимости. Я спрашиваю, можно ли какие-нибудь мои вещи передать родным. Он спрашивает, что у меня в карманах. Шарю и вынимаю пластмассовую мыльницу. Он говорит — Вот это оставьте. Я без пиджака в мятой белой рубашке. Нам всем разрешено приготовиться и самим сказать, когда мы будем готовы. Руководитель кажется расстроенным и смущенным. Мои товарищи курят. Я не хочу курить и думаю, чего еще тянуть. Ожидание ужасно. Говорю, что я готов и... просыпаюсь. Еще минуты нахожусь под властью сна. Отчетливо помню лицо коменданта или как там его? (...) От итальянцев, приходивших к Ц. И.²¹ рассказы о жизни Мариолины в Венеции²² Там считают, что у нее в Москве роман — так часто она сюда ездит. С мужем она вероятно разведется. Он богатый человек, но крайне левый коммунист. В Венеции все друг друга знают: там около ста тысяч населения. Мать Мариолины богатая землевладелица. (...) Шукшин когда-то переспал с дочкой Софронова. У нее родилась дочь²³. Когда она подросла, сама ли она, или по наущению матери написала Шукшину, что ее мать всю жизнь мучается тем, что носит фамилию Софронова, и неужели Шукшин хочет, чтобы его дочь носила эту фамилию. Шукшин признал юридически дочь, а теперь она претендует на 20 % наследства.

(9) 9 янв. (...) Письмо от Маргариты Алигер²⁴. Она пишет, что мой отклик на «В последний час» был одним из первых²⁵. «(...) Я так твердо убеждена, что воспоминания наши о пережитом — сейчас самое главное, самое интересное в литературе. В них все-таки, все-таки, все-таки удастся несколько расширить рамки истины и кое-что осмыслить и восстановить по правде. И писать их, пожалуй, интереснее всего, сам для себя столько открываешь и объясняешь»... Просит дать ее доче-

²⁰ Либединский Юрий Николаевич (1898–1959), писатель, член РКП(б) с 1920 года. В 1921–1923 поллитработник (Челябинск, Екатеринбург) и преподаватель военного училища в Москве. Публиковался с 1921 года. Активный деятель групп «Октябрь», МАПП, один из руководителей РАПП.

²¹ Кин Цецилия Исааковна, или в дневнике просто Ц. И. (1905–1992), литературный критик, литературовед, публицист, специалист по культуре Италии; она активно посредничала между московскими писателями и итальянскими журналистами. Вдова писателя Виктора Кина. Соседка АКГ по дому на Красноармейской улице и его близкий друг в последние годы жизни: как он сам говорил, у него был с ней роман *отношений*: «Вскоре после того, как Александр Константинович Гладков впервые появился в моем доме (14 января 1964 года, день рождения Виктора Кина), я стала называть его АКГ, и это ему, кажется, нравилось» (Ц. Кин. О дорогом АКГ — <http://do.gendocs.ru/docs/index-61281.html>).

²² Ронкале Мариолина, итальянская славистка, которая привезла (в подкладке своей шубы) американское издание Струве и Филиппова О. Мандельштама (из рассказа Алексея Аренса: «Короткий такой мех, блестящий, красивый. Мы поехали на метро к Надежде Яковлевне. <...> И когда мы приехали, то эта итальянка сказала: „Надежда Яковлевна, у вас есть ножницы?“ Потом она разрешила подкладку, достала три экземпляра первого тома Мандельштама, проговорила: „Видите, как я легко обманула ваших таможенников“» (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М: Наталис, 2002, с. 347).

²³ Софронова Виктория Анатольевна (фамилия по первому мужу — *Старикова*; 1931–2000), литературный критик, в 60–80-е гг. — редактор отдела критики журнала «Москва», дочь А. В. Софронова.

²⁴ Алигер Маргарита Иосифовна (настоящая фамилия *Зейлигер*; *Алигер-Макарова*; 1915–1992), поэтесса.

²⁵ Неясно, что имеется в виду: какой-то отклик АКГ на выступление Алигер в радиопередаче «Из сообщения Совинформбюро» в рубрике «В последний час»? или реакция АКГ на смерть старшей дочери Маргариты Алигер, Татьяны Макаровой, писавшей стихи и переводившей на русский язык поэзию зарубежных авторов, умершей в 1974 г. от острого лейкоза, а возможно — отклик на воспоминания самой Алигер об Эренбурге (см. ниже).

ри, работающей в Кембридже, почитать написанное мной о Маяковском²⁶. (...) Еще поздравительная открытка от Е. С.Добина²⁷. «Вы — один из самых почитаемых и любимых мною людей. (...)» Сегодня хоронят Дымшица. (...)

(10) 10 янв. (...) Недавно слышал по радио, как читал свои стихи Бродский.²⁸ длинно и не впечатляюще.

(11) 12 янв. 1975. (...) Вчера Ц. И. рассказывала о жизни с Кином²⁹ и упомянула об его «изменах». Я удивился ее равнодушию. Она сказала, что не любила его как мужчину и ей были в тягость половые отношения с ним. Его это задевало. Поэтому она была рада его романам. И все же у них был сын. Все это было бы странным, если бы я не знал, что М. Н. Волконская не «любила» мужа[-]декабриста, хотя и поехала к нему в Сибирь³⁰. Так и Ц. И. бесконечно много сделала для памяти Киона. Как непроста жизнь!³¹

(14) 17 янв. (...) В № 1 «Москвы» талантливый «лирический репортаж» В. Солоухина³² «Приговор». Это рассказ о том, как автора испугали тем, что у него рак, все испытания обследований и подготовки к операции. Проза перемежается неплохими стихами на тему возможного прощания с жизнью. Написано это хорошо и волнует, так <как> это сейчас тема № 1. В этом сочинении поражает удивительная откровенность или, как сейчас говорят, раскованность. Автор — человек семейный, но прямо и свободно пишет о пребывании на юге с некоей красоткой. У нас и проза вымысла в этом отношении ханжески сдержанна, и смелость Солоухина удивляет. Я давно читаю все, что пишет С. и высоко его ставлю, и много раз спорил с теми, кто подозревает его в симпатиях к «славянофилам».

(15) 18 янв. (...) Кацева³³ дала почитать новые воспоминания Катаняна о Маяковском — 10 листов³⁴. (...) (...) Залпом прочитал 288 страниц рукописи Катаняна «Не

²⁶ Алигер-Энценсбергер Мария (1943–1991), младшая дочь М. И. Алигер и А. А. Фадеева (женатого в то время на актрисе Ангелине Степановой), выйдя замуж за немецкого поэта Ганса Магнуса Энценсбергера, долгое время жила в Лондоне, также занималась переводами.

²⁷ Добин Ефим Семенович (1901–1977), литературовед.

²⁸ Бродский Иосиф Александрович (1940–1996), русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик; был арестован в 1963 году и помещен в судебную психбольницу, на суде по обвинению в «тунеядстве» приговорен к пятилетней ссылке; в 1965 году освобожден; в 1972 году был принужден уехать из СССР.

²⁹ Кин Виктор Павлович (настоящая фамилия *Суловикин*, 1903–1938?), писатель, ставший известным после публикации романа «По ту сторону» (1928). Статью о нем АКГ напишет и опубликует в следующем году: А. Гладков. Виктор Кин и его современники // Новый мир. 1965. № 11, с. 213–230.

³⁰ Волконская Мария Николаевна (урожденная Раёвская; 1805/1806–1863), княгиня, дочь героя Отечественной войны 1812 года генерала Николая Раевского. В янв. 1825 года вышла замуж за будущего декабриста Сергея Волконского. В 1826 году, несмотря на сопротивление родных, оставив годовалого сына, уехала в Сибирь вслед за сосланным мужем. В сибирской ссылке провела около тридцати лет. Автор воспоминаний (фр. *Mémoires de La Princesse Marie Wolkonsky*), написанных на французском языке и адресованных детям и внукам.

³¹ Как видим, АКГ был ценителем еще и такого рода «непростоты жизни».

³² Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997), писатель и поэт, представитель «деревенской прозы».

³³ Кацева Евгения Александровна (1920–2005), переводчик, критик и популяризатор германоязычной словесности, с 1949 по 1953 редактор отдела критики журнала «Новый мир», далее сотрудник журналов «Знамя» и «Вопросы литературы».

³⁴ Катанян Василий Абгарович (1902–1980), литературовед, биограф Владимира Маяковского. Основным трудом К. является хроника жизни и творчества Маяковского, вышедшая четырьмя изданиями.

только воспоминания». Мне это очень интересно. Напечатано это вряд ли будет или с большими купюрами. Из полемических отступлений трудно не согласиться с тем, что говорится о сестре поэта, о РАППе, но наивно и вряд ли верно изображение Агранова и Воловича как светлых личностей³⁵, пай-мальчиков и светлых друзей. Тут Катанян сам опровергает себя, рассказывая биографию Воловича (об участии его жены в похищении Кутепова — грязной истории, что ни говори)³⁶. Очень любопытно описание всех лефовских ссор и склок. О Пастернаке мемуарист пишет сбивчиво, пытаюсь быть объективным и сбиваясь на осуждение Б. Л. Конечно изображение Лили³⁷ как почти святой — вздор, но его трудно за это упрекать, ведь он ее муж. Может быть, главная задача этой рукописи — ее защита. Мемуарист не поднимается до высокого объяснения драмы жизни Маяковского: он пишет пристрастно и сводит счеты, очень страстно и лично, но в этом м. б. и главная ценность мемуаров. И сквозь все проходит тема самоубийства, к которому М. стремился будто бы всю жизнь и даже уже покушался. Написано хорошо, много новых фактов и подробностей, но объяснения загадки смерти Маяковского все же нет³⁸.

(17) 22 янв. (...) Беда мемуаров А. Штейна («Театр» № 1) в том, что они написаны чужим голосом³⁹. Неправда тона. Лучше любая сухость, чем эта фальшивая экзегирация (так говорили в XIX веке)⁴⁰.

(19) 28 янв. (...) (...) Лева читал новую Юрину повесть и хвалит. Она называется «Другая жизнь»⁴¹. В ней более семи листов. (...) Про Викторину Федорову, ока-

---

ями (в 1945, 1948, 1956 и 1961 гг.). В 70-х годах и до конца жизни писал мемуары о Маяковском, которые, по его слову, включают «отступления — лирические и полемические, и документальные паузы». Эта манера была безусловно близка АКГ.

³⁵ Агранов Яков Саулович (наст. имя — *Янкель Шмаевич Соренсон*; 1893—1938: расстрелян), сотрудник ВЧК—ОГПУ—НКВД, комиссар государственной безопасности 1-го ранга (26 ноября 1935), один из организаторов массовых репрессий 1920—1930-х гг.

Волбвич Захар Ильич (1900—1937: расстрелян), с фев. 1928 — резидент Советской внешней разведки, находился в командировке по документам на имя Владимира Борисовича Яновича и под прикрытием должности сотрудника Генерального консульства СССР; 1935 — замначальника Оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР, старший майор государственной безопасности.

³⁶ Кутепов Александр Павлович (1882—1930), участник русско-японской и Первой мировой войны, «Ледяного похода», генерал от инфантерии (1920), первопоходник, активный участник Белого движения. В 1928—1930 гг. — председатель Русского общеинского союза (РОВС). 26 янв. 1930 был похищен в Париже советскими агентами. Документы об обстоятельствах, месте и времени смерти до сих пор являются секретными.

³⁷ Брик Лиля Юльевна (урожденная Лили Уриевна Каган; 1891—1978), литератор, любимая женщина Владимира Маяковского, старшая сестра французской писательницы Эльзы Триоле; в третьем официальном браке — жена В. А. Катаняна.

³⁸ АКГ способен оценить именно «пристрастность» мемуаров, если это пристрастие объективно и сознает себя таковым, не пытаюсь выдавать себя за нечто объективное, не претендует, не замахиывается на что-то еще.

³⁹ Штейн Александр Петрович (настоящая фамилия Рубинштейн, 1906—1993), писатель, драматург, сценарист. Из его мемуарных книг АКГ мог знать и предыдущую: «Повесть о том, как возникают сюжеты» (1964: о ее жанре сам автор сказал: «Написал не мемуары, не дневники, не новеллы, но и то, и другое, и третье...»), а здесь имеет в виду, очевидно, «Второй антракт» (1975).

⁴⁰ *Экзажерация*, франц. Преувеличение (Словарь Брокгауза и Ефрона. 1907—1909).

⁴¹ *Юра* — это Юрий Валентинович Трифонов (1925-1981), писатель, мастер «городской» прозы, одна из главных фигур литературного процесса 1960—1970-х гг., друг АКГ. Однако в последнее время между ними возникают размолвки. Вот и здесь, как увидим, автор будет обижаться от-

зывается, я записал неверно⁴². Она не замуж хочет за границу, а у нее нашелся отец, американский адмирал, во время войны переспавший с Зоей и теперь только узнавший, что у него есть в России дочь. Она играла в моем фильме (плохом) «Возвращенная музыка». Папа адмирал живет в Флориде. Ее пока не пускают, но наверно в конце концов пустят. Но она пьет.

(20) 29 янв. (...) Звонил Юре и попросил дать почитать его новую повесть. Он, кажется, был рад. (...) Ю. Даниэль⁴³, живущий в Москве (или под Москвой) обратился с письмом в редакцию «Монд», в котором протестует против утверждения диссидента Шахарефича, что добровольная эмиграция это политическое дезертирство (он тут вторит Солженицыну) и утверждает, что эмиграция во многих случаях это наилучший путь служить своей родине⁴⁴. Это, положим, так, но каковы стали нравы. Сразу — письмо в «Монд»! И не боится, что самого за это самое письмо возьмут за шкуру... (...) Лева уверяет, что С. С. Смирнов настроен — не поднимать скандалов. Но так ли это? В некоторых прочих скандалах (Пастернак) он играл главную роль. И все же ползимы уже прошло.

того, что Ю. Т. не даст ему, как обещал, свою повесть для чтения (ср. зап. от 13 янв.). Речь идет о его повести «Другая жизнь» (М.: Советский писатель, 1976).

⁴² Федорова Виктория Яковлевна (1946–2012), советская и американская актриса, писательница, сценарист, одно из самых красивых лиц советского кино 1960–1970-х гг. Дочь советской актрисы Зои Федоровой и военного атташе при посольстве США, капитана (впоследствии — вице-адмирала) ВМФ США Джексона Роджерса Тэйт. Виктория Яковлевна появилась на свет, когда отец, не знавший о рождении дочери, был выслан из СССР. В 1946 году Зоя Федорова была арестована и после предварительного заключения на Лубянке и в Лефортовской тюрьме приговорена к 25 годам лагерей усиленного режима (с заменой на заключение во Владимирской тюрьме), конфискации имущества и ссылке для всей семьи. С 1947 Виктория Федорова жила в ссылке в селе Полудино на севере Казахстана. В 1955 после пересмотра дела, полной реабилитации и освобождения Зои Федоровой Виктория воссоединилась с матерью в Москве. По окончании школы в 1962 поступила в студию драматического искусства. Дебютировала в кино в 1964 году, исполнив эпизодическую роль Жени в фильме Михаила Калика «До свидания, мальчики!». Один из самых знаменитых фильмов с ней — «Двое» (1965 г., режиссер М. Богин). Окончила ВГИК (1969). Снималась также в фильмах «Сильные духом» (1967), «Преступление и наказание» (1969), «О любви» (1970), «Гнев» (1974). С 1975 жила в США. Автор автобиографической книги «Дочь адмирала».

⁴³ Даниэль Юлий Маркович (псевдоним *Николай Аржак*; 1925–1988), школьный учитель, поэт, прозаик, переводчик, диссидент. В 1962–1964 гг. опубликовал под псевдонимом на Западе четыре произведения (повести «Говорит Москва» и «Искушение», рассказы «Руки» и «Человек из МИНАПа») и 12 сент. 1965 был арестован, в 1966 в ходе процессе Синявского и Даниэля приговорен к 5 годам заключения («антисоветская агитация и пропаганда»: Дубровлаг, Мордовия); участвовал в борьбе за права заключенных; после освобождения (12 сент. 1970) жил в Калуге, занимался поэтическим переводом. (Зубарев, с. 174).

⁴⁴ Шафаревич Игорь Ростиславович (род. 1923), математик, философ, публицист и общественный деятель, академик РАН, доктор физ.-мат. наук. Ю. Даниэль («Ответ И. Р. Шафаревичу») отвечал на его заявление, сделанное в Москве на пресс-конференции по поводу выхода сборника «Из-под глыб» (одновременно в Цюрихе такую же пресс-конференцию проводил Солженицын). Главным предметом нападков обоих стал Синявский и его статья «Литературный процесс в России», опубликованная в первом номере журнала «Континент» (с сакраментальной фразой «Россия-сука»). Заодно оба (Ш. и С.) обругали всех писателей, добровольно уезжающих из России. Даниэль защищал Синявского и вообще право на эмиграцию. Выступление С. на пресс-конференции опубликовано в его собр. соч.

(21) 30 янв. Письмо от Эммы⁴⁵. Живется ей трудно. Но пишет, что «живучая». Беспрестанные ссоры с Толей и его женой⁴⁶. Хотят уже меняться. Толю снова едва не выгнали из института. (...) Очень просит приехать (...) Поехать бы надо, но недели через три — к показу «Молодости театра»⁴⁷. Жалко ее. Нелепая жизнь! В наших домах еще одно самоубийство. Из соседнего дома (№ 29, т[а]м, где парикмахерская) выбросилась с 9-го этажа дочь Ираклия Андронникова⁴⁸.

31 янв. (...) Сегодня хоронили дочь Андронникова. Ей 38 лет: она шизофреничка. (...) На Андронникова страшно смотреть.

(22) 2 [февраля: напечатано вероятно по ошибке: «января»] (...) В холодильнике лопнула бутылка пива. Пиво замерзло. Этого никогда еще не было. (...) Слышал по радио, что вышел № 2 журнала «Континент»⁴⁹ (...) Еще слышал, что Р. А. Медведев⁵⁰ «опубликовал» свою работу о Шолохове, т. е. вероятно она размножена в самиздате⁵¹. В США вышел перевод романа «Семь дней творения» В. Максимова⁵², а в Париже на русском языке выходит «собрание сочинений» Максимова в 5 томах(!)⁵³.

⁴⁵ Эмилия Анатольевна Попова (а также в дневнике — просто Э. или Эмма, по первому мужу *Бирман*; 1928—2001), актриса в труппе БДТ (Ленинградского большого драматического театра) — подруга и фактически жена Гладкова последних десятилетий его жизни (начиная с 1959). Впрочем, в последние годы жизни АКГ, 1972—1976, они хоть и встречались, но жили отдельно, на грани разрыва.

⁴⁶ Толя — сын Эммы Поповой.

⁴⁷ Постановка спектакля по пьесе АКГ — в БДТ: «Молодость театра» первый постановщик Н.М. Шейко (Рижский театр юного зрителя, 1971), Р. Н. Симонов (Театр Вахтангова в Москве, 1972).

⁴⁸ Андроников Ираклий Луарсабович (настоящая фамилия — Андроникашвили; 1908—1990), писатель, литературовед, мастер художественного рассказа, телеведущий, доктор филологических наук (1956). Дочь — Манана Ираклиевна Андронникова (1936—1975), искусствовед, погибла.

⁴⁹ Журнал «Континент» основан в Париже Владимиром Максимовым в 1974 как орган «свободной» русской мысли, российского и общеевропейского антикоммунистического «освободительного» движения; первоначально издавался в Париже (1974—1992), а с 1992 — в Москве. Хотя Максимов поселился в Париже, где находилась редакция, сам журнал выходил в Мюнхене и Берлине. 25 сент. 1974 в Лондоне, в зале Черчилля — в Центре международной прессы — Владимир Максимов и издатель журнала Джордж Бейли представили журналистам первый номер еще не вышедшего «Континента».

⁵⁰ Медведев Рой Александрович, в дневнике часто обозначается инициалами — Р. А. М., или Р. А. (род. в 1925), публицист, политический деятель, представитель левого крыла диссидентского движения в СССР; автор работ по истории. После XX съезда КПСС вступил в партию, был ее членом (1959—1969), но был исключен за книгу «К суду истории», которая (как и книга «Они окружали Сталина») была издана на Западе; автор более 35 книг по истории, социологии, педагогике, философии, в том числе «Неизвестный Сталин» (М.: Время, 2007: в соавторстве со своим братом, Ж. А. Медведевым). В 1964—1970 гг. издавал самиздатский журнал, позднее вышедший на Западе под названием «Политический дневник» (М. № 1—70).

⁵¹ (См. ниже прим. к зап. от 16 сент.)

⁵² Максимов Владимир Емельянович (наст. фамилия, имя и отчество Лев Алексеевич Самсонов; 1930—1995), писатель, публицист; сын рабочего, репрессированного в кампанию борьбы с троцкизмом; сменив фамилию и имя, сбежал из дома, беспризорничал, воспитывался в детских домах. В 1951, после освобождения из мест заключения, был определен на жительство в одну из станиц Кубани. Начал выступать как колхозный поэт в газетах Краснодара; в 1961 в сб. «Тарусские страницы» вышла его повесть «Мы обживаем землю». Роман-эпопея «Семь дней творения» (1971) пронизан тоской по христианскому идеалу.

⁵³ Очевидно, имеется в виду его собрание в 6 томах, Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975—1979.

(24) 5 фев. (...) Звонил Юра. Извинялся, что не мог мне до сих пор дать повесть. Оказывается, Солоухин в «Приговоре» довольно точно описал свои личные дела (жена любовница). Он разошелся с женой и там скандал: она требует раздела имущества, а у него богатейшая коллекция икон.

(28) 11 фев. (...) В Париже в изд-ве Имка-пресс вышла новая книга Солженицына, род автобиографии — о его жизни с 1961 года до его изгнания. Название я не разобрал⁵⁴.

12 фев. (...) Новое сочинение Солженицына носит странное название: «Телок с дубом подбр^{бод}ался»⁵⁵. Я конечно не знаток фольклора, но такой поговорки никогда не слышал. Это будто бы рассказ о движении «инакомыслящих» за последние 15 лет. (...) Слышал, что брат Б. Л. Пастернака, А. Л. Пастернак написал мемуары чуть ли не в 20 листов⁵⁶. Отрывок был напечатан в «Новом мире», но это малая часть.

(29) 13 фев. (...) У Вильсона умное интеллигентное благородное лицо⁵⁷. Везет же иным странам на вождей с такими лицами. Конечно лица выражают стиль нации. В США президенты имеют лица мальчишеского склада (Эйзенхауэр, Кеннеди, Форд) или лица представительных жуликов (Никсон, Джонсон). А у нас Хрущев, Подгорный, Брежнев — тоже определенный стиль. В «Правде» фото⁵⁸: есть, на что посмотреть. Как грим в «Идеальном муже» в Художественном театре⁵⁹. Юра все не собрался дать мне прочесть свою повесть. А тому, как я попросил ее у него, скоро три недели. Уже как-то и неловко читать ее — раз ему это настолько безразлично, что он не торопится. Меня это не обижает — сам виноват: сколько раз летом я уклонялся от встреч с ним. Нет сил даже на дружбу.

(30) 14 фев. Сборник о Паустовском вышел наконец⁶⁰. Я днем забрал в Лавке свои 15 экземпляров.

15 фев. (...) Говорят, что цензура расколошматилa № 2 «Нового мира». Выброшено продолжение мемуаров М. Шагинян (то, что про Мережковского, Гиппиус

⁵⁴ Имеется в виду «Бодался теленок с дубом».

⁵⁵ Исправлено поверх машинописи шариковой ручкой.

⁵⁶ Александр Леонидович Пастернак (1893—1982), младший брат Бориса Пастернака; инженер, архитектор, градостроитель и преподаватель Академии художественных наук. Автор «Воспоминаний» (М.: Прогресс-Традиция, 2002. 432 с.).

⁵⁷ Вильсон Томас Вудро (англ. Thomas Woodrow Wilson, обычно без первого имени — Вудро Вильсон; 1856—1924), 28-й президент США (1913—1921).

⁵⁸ Очевидно, АКГ имеет в виду фотографию Брежнева.

⁵⁹ «Идеальный муж» (англ. An Ideal Husband) — комедийная пьеса Оскара Уайлда, написанная в 1895 году, действия которой вращаются вокруг шантажа и политической коррупции, затрагивающие темы общественной и частной честности.

⁶⁰ «Воспоминания о Константине Паустовском». М.: Сов. писатель, 1975.

и богоискателей)⁶¹. Шагинян леж[и]т в Кремлевской больнице и будто бы угрожает наложить на себя руки, если мемуары запретят. (...) Вдруг образовалась масса читава. Не знаю, за что и браться.

(31) 16 фев. Прочитал ночью новую повесть Юры «Другая жизнь». Очень смутное впечатление. Это неожиданно, талантливо, но как-то неясно. Трудно даже сказать — о чем это. Название как бы указывает на то, что люди живут не главной из возможных жизней и это их обедняет и искажает. Но это умозрительный, а не образный вывод, к тому же оспариваемый рассказчицей, женой героя. Есть еще тема взаимной непроницаемости близких людей, далекость при полной близости. И это — тема, но не до конца выраженная. Может быть, я ищу схемы, а ее нет? не знаю. При этом все люди не очень приятные, но это всегда у Юры. Написано талантливо и по-новому для Юры — как бы огромный монолог. Но иногда мне было скучновато. Есть длинноты, монотонность, повторения внутри абзацев. Есть странности. Сомневаюсь, чтобы в таком виде напечатали. (...)

(32) 17 фев. (...) Во время одного из телефонных разговоров в дверь начинает трезвонить Р. Н. Райт, восклицая, что ей нужен телефон⁶². Это повторяется неоднократно. Наконец, я уже не открывая дверь, говорю ей, чтобы она прекратила хулиганить... Тогда она кричит, что я [у] нее похитил телефон. Я по телефону говорю мало, а она бесконечно. (...) [от Ц. Кин:] (...) Ей звонила юрина мать. Она недовольна юриной манерой выводить в своей прозе близких друзей и родных, и их быт. И в «Другой жизни» то же: художник — это Нюрнберг, отец первой жены и т. п.⁶³ Даже мебель выводит из обстановки родни. Ничего особенного я в этом не вижу, но людей это сердит.

(33) 18 фев. (...) Пикантные подробности пребывания в Москве Генриха Бёлля⁶⁴. Он обедал у Копелева⁶⁵ в обществе Б.Ахмадуллиной, А.Вознесенского, Евту-

⁶¹ Будет напечатано: Мариэтта Шагинян. Человек и время. Воспоминания. Журнал «Новый мир», 1975, № 3.

⁶² Райт-Ковалева Рита Яковлевна (урожденная Раиса Яковлевна Черномордик; 1898–1988), писательница и переводчица; сосед АКГ по дому на Аэропорте.

⁶³ Здесь речь об отце первой жены Юрия Трифонова Нины Нелиной, — известном художнике Амшее Нюрнберге (1887–1979).

⁶⁴ Бёлль Генрих (нем. Heinrich Theodor Böll; 1917–1985), немецкий писатель, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1972); неоднократно бывал в СССР (1962, 1965, 1966, 1970, 1972, 1975, 1979), однако был известен и как критик советского режима. Принимал у себя А. Солженицына и Льва Копелева, изгнанных из СССР. Нелегально вывозил рукописи Солженицына на Запад, где они были опубликованы. В результате произведения Бёлля были запрещены к публикации в Советском Союзе. (Запрет был снят лишь в середине 1980-х годов с началом перестройки.)

⁶⁵ Копелев Лев Зиновьевич (Лев Залманович Копелевич; 1912–1997), критик, литературовед (германист), диссидент и правозащитник. В 1941 году записался добровольцем в Красную армию; служил пропагандистом и переводчиком; был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорен к десяти годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». Освобожден в 1954 году, реабилитирован в 1956-м. Восстановился в КПСС. Содействовал напечатанию в «Новом мире» рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича». С 1966 года активно участвовал в правозащитном движении. В 1968 году исключен из КПСС и Союза писателей, уволен с работы за подписание протестных писем против преследования диссидентов, а также за критику советского вторжения в Чехословакию.

шенко, В.Корнилова!)⁶⁶ и др. Обедал у Кости Богатырева⁶⁷. Виделся с ак. Сахаровым⁶⁸ и В.Буковским⁶⁹ (?) и др. диссидентами. «Новый мир» по указанию свыше заплатил ему гонорар по высшей ставке. Все это странно, учитывая его отношения с Солженицыным и многие выступления. Но о чем-то это все же свидетельствует. О чем? (...) Е. А. Кацева как-то говорила Ц. И., что А. К. Г. что-то давно ничего не писал в «Вопросы литературы». Надо бы что-нибудь придумать. Это журнал, в котором приятно сотрудничать.

(34) 19 фев. (...) Мариолина рассказывала Ц. И. что она виделась с Н. Я. Мандельштам у Аренс⁷⁰ и та буквально кричала на нее, за то что та не привезла ей

⁶⁶ Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна (тат. Әхмәдуллина Белла Әхәт кызы; 1937–2010), писательница, переводчица.

Вознесенский Андрей Андреевич (1933–2010), поэт, публицист, художник и архитектор.

Евтушенко Евгений Александрович (фамилия при рождении — Гангнус, род. 1932 по паспорту 1933), советский поэт.

Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002), поэт, писатель, литературный критик. В 1965 по рекомендации Ахматовой принят в Союз писателей СССР. Первую и вторую свои повести — «Без рук, без ног» (законченную в 1965) и «Девочки и дамочки» (1968) — автор долго и безуспешно пытался опубликовать в Советском Союзе. Первую не напечатали, вторая в дек. 1971 года была набрана, но сразу же после этого рассыпана. Свое третье и самое крупное прозаическое произведение — роман «Демобилизация» — он уже не пытался опубликовать на родине и передал свои произведения на Запад, где с 1974 года они были напечатаны. Публикации в самиздате и в зарубежных русскоязычных изданиях, выступления в поддержку Юлия Даниэля и Андрея Синявского (1966), а также подписание письма «главам государств и правительств» с просьбой защитить академика А. Сахарова вызвали недовольство советской власти — в марте 1977 он был исключен из СП СССР (восстановлен в 1988).

⁶⁷ Богатырев Константин Петрович (1925–1976), филолог-германист, переводчик. В 1951 г., будучи на третьем курсе филологич. ф-та МГУ, был арестован по доносу сексота; в 1956 реабилитирован, вернулся в Москву, окончил университет. Переводить стихи с немецкого начал в лагере, выбирая тексты, которые знал наизусть. Основная литературная работа — перевод полного текста книг Райнера Мария Рильке «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть» (М.: Лит. памятники, 1977); переводил также Ф. Гёльдерлина, А. Шамиссо, П. Целана, Г. Тракля, Б. Брехта. стихи и прозу Эриха Кёстнера, прозу Клауса Манна и В. Герцфельде, трагедии и комедии (К. Ф. Геббель, Макс Фриш, Фридрих Дюрренматт). Был близок к диссидентским кругам, передавал на Запад запрещенную в Сов. Союзе литературу, дружил с А. Д. Сахаровым.

⁶⁸ Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989), физик и общественный деятель, академик АН СССР (1953). Один из создателей водородной бомбы (1953) в СССР. С конца 50-х годов активно выступал за прекращение испытаний ядерного оружия. С конца 60-х — один из лидеров правозащитного движения.

⁶⁹ Букóвский Владимир Константинович (род. 1942), писатель, политический и общественный деятель, ученый-нейрофизиолог; один из основателей диссидентского движения в СССР. В общей сложности в тюрьмах и на принудительном лечении провел 12 лет. В марте 1971 его в четвертый и последний раз арестовали. Аресту предшествовала статья в газете «Правда», в которой он был назван злостным хулиганом, занимающимся антисоветской деятельностью. Статья принесла Буковскому всесоюзную известность. В 1972 за «антисоветскую агитацию и пропаганду» приговорен к семи годам заключения — с отбыванием первых двух лет в тюрьме и пяти годам ссылки. (Позднее, в 1976 году будет обменян на чилийского политзаключенного, лидера компартии Чили, Луиса Корвалана.)

⁷⁰ ренс Елена Михайловна (1904–1988), подруга Н. Я. Мандельштам еще по периоду ее жизни в Калининне с 1937 г. (они там были некоторое время с О. М., когда обнаружилось, что его «минус» распространяется и на нее) и до начала войны; Елена Михайловна, тоже с «минусом» из-за репрессированного мужа, преподавала в школе английский и приохотила к преподаванию Н. Я. (информация от Ю. Л. Фрейдина).

сборник «Россия-Руссия». Мариолина ответила, что она привезла всего один экземпляр — от В. Страды — А. К. Г.⁷¹ Так что Н. Я. знает о сборнике и моем участии в нем⁷².

(36) 24 фев. Сегодня идет «Давным-давно». Днем получал гонорар в новом помещении изд-ва «Советский писатель» на улице Воровского. Получил 289 р. Потом пошли обедать в ЦДЛ слевой и Сарновым⁷³. Ели форель и запивали ее Гурджиали (сухим белым)⁷⁴ (...) (...) Когда вернулся домой, у меня в голове шумело. (...) Звонок редакторши сборника об Олеше. Новые купюры и переделки. (...) Еще звонок Малхазовой (редакторша сборника об Эренбурге). Надо вернуть ей правленную верстку. (...) Все как в пьесах — в один день — получаю гонорар за Паустовского и веду переговоры об Эренбурге и Олеше.

(37) 26 фев. Пишу в Ленинграде. Доехал неплохо, но еле доволок чемодан до вагона. В нем были машинка, транзистор, книги. Почему-то он оказался тяжеленным. В вагоне книги и конфеты переложил в авоську. Хотя я телеграфировал, что встречать необязательно, но Эмма меня встречала. Сейчас она ушла на репетицию. Промотры «Молодости театра» будут 7–8 марта. Так что доживу здесь минимум до 10-го.

(38) 27 фев. (...) Вечером по радио сообщение об аресте Анатолия Марченко⁷⁵, якобы за нарушение правил прописки. Он жил в Тарусе и чуть ли не в доме Оттепов. Сейчас посыпятся письма Ларисы Богораз, заявления Сахарова и пр. Год назад Марченко отказался от советского гражданства.

28 марта (...) Марченко (...) в последнее время отказывался рег[и]стрироваться в милиции.

(39) 1 марта. Как это приятно писать: «март». (...) Утро. Вчера вечером принимал душ. Спал не очень хорошо. У Эммы сегодня и завтра по два спектакля.

⁷¹ Стр́ада Витто́рио (итал. Vittorio Strada, род. 1929), итальянский литературовед и переводчик-славист, историк русской литературы, научной и общественной мысли; в 1956 познакомился с Пастернаком, связав его с издателем Фельтринелли (где вышел «Доктор Живаго»); в Москве подружился со многими писателями и философами либерально-реформаторского направления. Вернувшись в Италию в 1961, работал консультантом по русской культуре в издательстве Einaudi. В 1968 году пришел в конфликт с советскими властями, которые на протяжении последующих двадцати лет отказывали ему во въездной визе. Позднее издавал международный альманах, или ежеквартальный журнал «Россия/Russia» (1974–1993). Речь о напечатанной в нем статье АКГ о Юрии Олеше «Слова, слова, слова...», написанной еще в 1967 и предложенной в «Новый мир», но впервые напечатанной только в 1974 в этом альманахе Страды.

⁷² При этом кажется характерным, что сам АКГ о нем Н. Я. не сообщает!

⁷³ Сарно́в Бенедикт Михайлович (1927–2014), литературовед, литературный критик.

⁷⁴ Правильно: *Гурджаани* — белое вино, которое изготавливается из винограда сортов Мцване и Ркацители.

⁷⁵ Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986; умер после выхода из голодовки в тюрьме), писатель, диссидент, политзаключенный. В 1967 году написал книгу о советских политических лагерях и тюрьмах 1960 г. — «Мои показания» (Париж: La Presse Libre, 1969; по словам Ю. Даниэля, книга появилась в самиздате уже в 1967 году). 22 июля 1968 года выступил с открытым письмом, адресованным советским и иностранным газетам, а также радиостанции Би-би-си, об угрозе советского вторжения в Чехословакию. Через несколько дней был арестован и 21 августа 1968 года по обвинению в нарушении паспортного режима приговорен к одному году заключения. Свое кратковременное пребывание на свободе и жизнь в Ныробском лагере позднее описал в автобиографической книге «Живи как все» («Знамя». 1989, № 12).

А я днем иду смотреть «Энергичные люди»⁷⁶. Не был в театре бесконечно давно, кажется, с позапрошлой осени, когда с Э. ходили к вахтанговцам и на «Таланты и поклонники». Это я-то, который когда-то считал день потерянным, если не был в театре!⁷⁷ (...) Просмотрел «Энергичные люди» с большим удовольствием. Очень хорошо играют актеры: особенно Эмма, Лебедев, Панков, да и Кузнецов и Лавров тоже. Очень все смешно. С отвычки устал даже. У Лебедева есть моменты по точности и блеску пантомимической игры приближающиеся к Чаплину (особенно — утро после пьянки).

2 марта. (...) Вчера Рецепттер⁷⁸ поправил Эмму: мою книгу они купили в городе Фрейбурге. Кажется, там учился молодой Пастернак. Вдвойне забавно.

(40) 3 марта. (...) Как н[и] низок в Москве уровень руководства Союзом, а в Ленинграде он неизмеримо ниже (Дмитревский, Минчковский)⁷⁹. В своих мемуарах Бергер⁸⁰ описывает Дмитриевского как откровенного стукача. Да и стукач Альшиц тоже вертится при руководстве⁸¹. Все-таки Рекемчук и карьерист С. С. Смирнов по сравнению с ними — это фигуры⁸². Говорят, ленинградскую партдаму Круглову взяли в Москву на повышение⁸³. Интересно, кем ее назначат? Сегодня Эмма идет смотреть прогон «Молодости театра», а завтра позовут меня. А я сегодня поеду к Л. Я. Гинзбург⁸⁴. Весь вечер просидел у славной, умной Л. Я. Гинзбург. Я в первый раз у нее на новой квартире на проспекте Шверника (б. Мичуринском). Это дальше за проспектом Смирнова, где я когда-то снимал комнату. Квартирка хорошая и гораздо лучше, чем прежн[ая], в которой хорош был только район (напротив Казанского собора). Те же книги, кресла, диван. Прочитала мне свое маленькое эссе «Вечер с Мандельштамом» и подарила машинопись воспоминаний об Н. Заболоцком⁸⁵. Показала еще свои дневниковые записи начала 30-х годов⁸⁶. Тут отзвуки и смерти Маяковского, и разных проработок того времени. Личных запи-

⁷⁶ «Энергичные люди» — спектакль по сатирической повести для театра в двух частях Василия Шукшина (преьера в БДТ состоялась 22 июня 1974 года).

⁷⁷ АКГ регистрирует изменения в своих привычках.

⁷⁸ Рецепттер Владимир Эмануилович (род. 1935), актер, режиссер и писатель, пушкинист. Народный артист России (2003), лауреат Государственной премии Российской Федерации (1999). Член Всероссийского театрального общества (1960), Союза писателей СССР (1979) и Союза кинематографистов СССР.

⁷⁹ Минчковский Аркадий Миронович (Минчиковский; 1916—1982), писатель, драматург и сценарист. Владимир Иванович Дмитриевский (1908—1978), писатель, критик, исследователь фантастики.

⁸⁰ Лицо не установлено.

⁸¹ Альшиц Даниил Натанович (псевдоним — *Д.Аль*; 1919—2012), историк, источниковед, драматург, прозаик, сатирик, доктор исторических наук (1983).

⁸² Рекемчук Александр Евсеевич (род. 1927), прозаик, поэт, кинодраматург, переводчик; с 1970 г. член правления СП РСФСР.
С. С. Смирнов — см. выше.

⁸³ Круглова Зинаида Михайловна (1923—1995), советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1944 года; 1968—1974 — секретарь Ленинградского обкома КПСС; 1974—1975 зам. министра культуры СССР; 1976—1989 член ЦК КПСС.

⁸⁴ Гинзбург Лидия Яковлевна (1902—1990), литературовед, писатель, мемуарист; знакомая и собеседник АКГ.

⁸⁵ Л. Я. Гинзбург. О Заболоцком конца двадцатых годов // Воспоминания о Заболоцком / Под ред. Е. В. Заболоцкой и А. В. Македонова. М.: Сов. писатель, 1977, с. 120—131.

⁸⁶ Лидия Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002 (<http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/ginzburg/1.htm>).

сей совсем нет. Это очень, как всегда у нее, умно и остро, и интересно. Говорили о разном. Ушел в полдвенадцатого и долго ловил такси.

(41) 4 марта. (...) Ходил в Лавку писателей, которая переехала временно на улицу Плеханова. Персонал Лавки еще меня помнит. Там встреча с Комой Ивановым⁸⁷. Прошелся по Невскому в скверном настроении ввиду того, что мне вечером предстоит. Глупая ссора с Эммой, от которой досадно. (...) Когда-то я не мог пройти по солнечной стороне Невского от Казанского собора до Московского вокзала и не встретить нескольких знакомых — и москвичей в том числе. Вот уже второй раз гуляю этим маршрутом и ни одной встречи. И Ленинград стал другой, и я другой. Решаю, даже если мне очень не понравится, браниться не стану и выдавлю из себя какие-нибудь комплименты. Вечером едем в Институт⁸⁸. Спектакль играют на малой сцене. Крошечный зал набит битком. Смотрят преподаватели, члены кафедры, ректор Агамирзян и М. В. Сулимов, который вернулся из Алма-Аты в Ленинград⁸⁹. Что ж сказать? Это совсем неплохо, серьезно, интеллигентно, менее смешно, чем у вахтанговцев, но более трогательно. Есть хорошие куски и два-три исполнения. Слушают пьесу отлично, чем-то это захватывает. Есть очень обидные купюры, из-за которых роли повисают в воздухе. У меня все размашистее, ярче, смешнее. Здесь режиссер Николаев сделал из моей шумной и красочной пьесы некую притчу, хотя, пожалуй, главное в пьесе доносится. Потом было обсуждение на совете актерской кафедры. Я выступил первым и (как говорит Эмма) задал тон. Все прочие как бы шли по моим следам. Эмма говорит, что она не помнит такого мирного и дружного обсуждения. В общем, никто не сводил счетов, как это обычно бывает, и все говорили довольно верно и дружелюбно. Заключал тоже верно Агамирзян, посоветовавший режиссеру вернуть кое-что из вычеркнутого минут на 30—40. Сейчас спектакль идет два часа без антрактов. В общем, все сошло лучше, чем я ожидал. (...) «Премьеру» назначили на 7-е. Вечером после спектакля я делаю дома у Эммы маленький банкет. А потом можно и ехать. Завтра поеду брать билет.

(42) 5 марта. (...) Нина Ивановна соорудила отличные блины — идет масляница⁹⁰. (...) Марамзин, как рассказывают, на суде бичевал себя, но не назвал ни одного имени и не потянул за собой никого в отличие от героя предыдущего процесса Хейфеца, из-за которого таскали многих⁹¹. Хейфец получил 4 года.

⁸⁷ Ива́нов Вячеслав Всеволодович (а также *Кома* — первоначально семейное прозвище; род. 1929), сын писателя Вс. Иванова; лингвист, семиотик, антрополог, переводчик, специалист по сравнительно-ист. языкознанию, академик. В 1961—1989 гг. был заведующим сектором структурной типологии академического Института славяноведения; позднее народный депутат, директор ВГБИЛ.

⁸⁸ Э. Попова была преподавателем Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), где на своем учебном курсе ставила пьесу АКГ «Молодость театра» (1975).

⁸⁹ Агамирзян Рубен Сергеевич (1922—1991), актер, театральный режиссер, педагог; с 1966 — главный режиссер и художественный руководитель Ленинградского драматического театра им. В. Ф. Комиссаржевской.

Сулимов Мар Владимирович (1913—1994), актер, режиссер и театральный педагог. В 1959—1965 годах возглавлял Ленинградский государственный драматический театр им. В. Ф. Комиссаржевской; в 1957—1959 и 1969—1974 годах руководил Государственным республиканским русским театром драмы им. М. Ю. Лермонтова в Алма-Ате; с 1963 по 1968 и с 1975 по 1994 гг. — режиссерской мастерской в ЛГИТМиКе.

⁹⁰ Нина Ивановна, или *Н. И.*, — мать Эммы Поповой.

⁹¹ Марамзин Владимир Рафаилович (*Кацнельсон*; род. 1934), писатель; в 1971—1974 вместе с историком, литератором Михаилом Хейфецем и литературоведом, переводчиком Ефимом Эткингом

(43) 7 марта. Утром на Ленфильме, где не был несколько лет. (...) Молдавскому⁹² кто-то звонит и сообщает новость: сегодня ночью в больнице умер от сердечного приступа Копелян⁹³. Вернувшись, я не говорю об этом Эмме, чтобы не омрачить день приезда и банкета, на который я дал 150 р. Вечером спектакль идет лучше, чем 4-го. Смотрят его директор т-ра Комиссаржевской (кажется, Сайченко)⁹⁴ и Коля Шейко⁹⁵, которым нравится, а Сайченко даже делает предложение играть у него в театре спектакль по выходным дням. Вечер и всю ночь до полшестого утра у Эммы банкет, который проходит шумно, но мило. Я пью только шампанское. (...) Это я пишу уже 8-го утром. Сегодня еду и с удовольствием думаю уже о Москве.

(45) 10 марта. (...) Умер литературовед М. М. Бахтин⁹⁶. Он жил где-то в наших домах.

11 марта. (...) Некоторое время назад произошло странное происшествие. На собрании партактива Радио-комитета после доклада С. Лапина⁹⁷ взял слово нач. Отдела кадров одного из отделений комитет некто Винокуров и спокойно заявил, что по его мнению КПСС не может справиться с экономикой страны, что партия — препятствие всему, и он просит более не считать его членом КПСС, тем более, что он состоит членом новой Рабочей партии... И он положил на стол свой партбилет. После этого он вышел. Общее оцепененье. Обозреватель Л. Зорин⁹⁸ взял слово и «дал отпор», а представитель ЦК, закрывая собрание, сказал, что оно правильно реагировало на «вылазку». Ранее Винокуров долго работал секретарем райкома на Ура-

---

составил для самиздата машинописное собрание сочинений Иосифа Бродского в 5 томах, что послужило поводом для его ареста 24 июля 1974. Признал свою «вину»; судом приговорен к 5 годам условного заключения. Ему было разрешено властями выехать на Запад; с 1975 — в эмиграции во Франции.

Хейфец Михаил Рувимович (род. 1934), советский и израильский писатель, автор работ по истории, журналист. С 1980 года постоянно живет в Израиле. В 1974 арестован и осужден по 70 статье УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») на 4 года лишения свободы и 2 года ссылки за написание предисловия к самиздатскому собранию сочинений Иосифа Бродского (так называемому «марамзинскому собранию»), а также за изготовление в 1969 году и «хранение с целью распространения» двух экземпляров эссе А. Амальрика «Просуществовать ли Советский Союз до 1984 года?» и ознакомление в 1971—1974 гг. с этим эссе трех человек. В годы заключения написал, переправил за «проволоку» и выпустил в Париже три книги публицистики, документальной прозы и интервью («Место и время», «Русское поле», «Путешествие из Дубровлага в Ермак»).

⁹² Молдавский Дмитрий Миронович (1921—1987), ленинградский киноредактор, литературовед.

⁹³ Ефим Захарович Копелян (1912—1975), актер театра и кино, один из ведущих актеров Большого драматического театра в Ленинграде.

⁹⁴ Очевидно, ошибка: на самом деле — Агамирзян (см. выше).

⁹⁵ Шейко Николай Михайлович (род. 1938), режиссер театра и кино, первый постановщик спектакля АКГ «Молодость театра» (Рижский театр юного зрителя, 1971); работал главным режиссером в Минском республиканском молодежном театре и в Русском театре Эстонии (Таллин); с 1987 живет в Москве; заслуженный деятель искусств РФ, поставил около 100 спектаклей; заведующий литературной частью МХТ им. Чехова.

⁹⁶ Бахтин Михаил Михайлович (1895—1975), философ, культуролог, теоретик европейской культуры и искусства. Исследователь языка, эпических форм повествования и жанра европейского романа.

⁹⁷ Лапин Сергей Георгиевич (1912—1990), партийный и государственный деятель. Председатель Государственного комитета по радио и телевидению при Совете Министров СССР (1970—1985).

⁹⁸ Зорин Валентин Сергеевич (1925—2016), американовед, телеведущий, политический обозреватель, журналист, писатель.

ле, а до этого на войне был партизаном. Трудно в это поверить, но со всех сторон это подтверждают.

(46) 12 марта. (...) Этот Винокуров помещен в больницу Сербского. Слух о смещении Ермаша⁹⁹. Он в три года развалил кинематографию (...) (...) В Москве уже кое-кто читал последнюю книгу Солженицына «Бодался теленок с дубом»¹⁰⁰, но все они далеки от меня. Дойдет ли книга? И какими путями? Тут ничего верного нет. (...) Узнал из америк[анского] радио, что в Москве начал выходить новый самоздатовский журнал «XX век» под редакцией Роя Медведева. В № 1-м 300 страниц¹⁰¹. Посмотреть бы!

(53) 22 марта. (...) Наши хоккеисты проиграли подряд три матча чехам в Праге. Такого еще, кажется, не было. У Инны Борисовой родился ребенок¹⁰². Она не замужем и имя отца скрывает из-за гордыни. «Г[олос] А[мерики]» сообщает, что Р. Медведеву было сделано предупреждение, чтобы он прекратил выпуск машинописного журнала «XX век», и ему запрещено печатать за рубежом его работу о Шолохове. Получил 8-й том «Литер. энциклопедии» по букву «Я» включительно. Но это не последний: будет еще том дополнительный¹⁰³. В этом томе есть Шаламов.

(54) 24 марта. Утром звонок Хеси Александровны. Зовет, но я отговариваюсь. Последние дни я очень скучаю — состояние у меня редкостное. Есть много домов, где мне были бы рады, но не хочется идти. Как это совместить и понять — не знаю. (...) Виктория Федорова (дочь Зои Федоровой) прибыла в США в гости к своему отцу американскому адмиралу 77 лет. Ей 29 лет. У ее матери был роман с адмиралом, бывшим в конце 40-х годов в Москве атташе посольства США. Ей не разрешили выйти за него замуж, его удалили из Москвы, а ее через некоторое время обвинили в шпионаже и дали ей 8 лет. Тогда была целая серия таких процессов (и Окуневской тоже)¹⁰⁴. С Викторией я познакомился, кажется, в 63-м году, когда на Ленфильме снимался мой сценарий «Возвращенная музыка», где она играла еще совсем в юном возрасте¹⁰⁵. Потом как-то ехал с ней в одном купэ из Москвы в Ленинград (лет через 5–6). Она уже пришла в вагон пьяная и еще пила коньяк после отхода поезда. Рассказывали, что она одно время совсем спилась. (...) Почти ночью звонит Яша Гордин, приехавший на несколько дней¹⁰⁶.

⁹⁹ Ермаш Филипп Тимофеевич (1923–2002), партийный и государственный деятель, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по кинематографии (1972–1978).

¹⁰⁰ Тут наконец АКГ пишет точное название.

¹⁰¹ В 1975–1976 гг. под редакцией Р. Медведева в издательстве, созданном братьями Роем и Жоресом Медведевыми за границей, тиражом 1 тыс. экземпляров выходил альманах «XX век» («Голоса социалистической оппозиции в Советском Союзе»), который переводился на итальянский, японский, английский и французский языки.

¹⁰² Борисова Инна Петровна (род. 1930), редактор отдела прозы «Нового мира».

¹⁰³ Краткая литературная энциклопедия. В девяти томах. М.: Сов. энциклопедия, 1962–1978.

¹⁰⁴ Окуневская Татьяна Кирилловна (1914–2002), актриса театра и кино. Дебют в кино — главная роль в фильме режиссера Михаила Ромма «Пышка» (1934). С 1943 по 1948 год служила в театре им. Ленинского комсомола. В 1948 году была арестована по статье 58.10 — антисоветская агитация и пропаганда; осуждена на 10 лет и отправлена в Степлаг в Джезказгане, позже отбывала срок в Каргопольлаге, Вятлаге. В 1954 выпущена из лагеря на свободу и вернулась в труппу театра им. Ленинского комсомола, в котором работала до 1959 года. С 1959 по 1979 год — артистка Госконцерта и Москонцерта. Автор мемуаров «Татьянин день».

¹⁰⁵ «Возвращенная музыка» — фильм по сценарию АКГ (режиссер-постановщик Аксенов Виталий Евгеньевич; 1964, «Ленфильм»).

¹⁰⁶ Гордин Яков Аркадьевич (род. 1935), историк, публицист, литератор, ныне соредактор (с А. Ю. Арьевым) журнала «Звезда».

(55) 25 марта. Сегодня вечером идут две мои пьесы¹⁰⁷. Что ни говори, а это приятно. Оказывается, Р. А. Медведева вызывали не в КГБ, а в прокуратуру. Спрашивали, почему он нигде не работает, он ответил, что посылал заявление в ряд институтов на конкурсы и ему отказано, и что не дворником же ему работать. Ему сказал[и]: — Значит, вы предпочитаете жить на гонорар за антисоветские книжки?... Он сказал, что, каковы эти книжки, могут установить только в суде.

(57) 26 марта. Письмо от Л. И. Гинзбург от 22 марта. Она пишет о «Похвале анекдоту»¹⁰⁸: «Ваш опус очень мне понравился. Это сконцентрировано и занимательно, и верно. К тому же мне близка эта тема — тема пер[е]стройки и построения действительно бывшего. Между прочим, Н. Я., при всей нелюбви к автору¹⁰⁹, понравилась книга «О психологической прозе», п. ч. там более или менее прямо сказано, что чем талантливее мемуарист, тем он больше врет. Но неправда может остаться неправдой, а может у настоящего писателя превратиться в подлинность — Вы это хорошо в своем очерке показали». Она работает над подготовкой переиздания «О психол[огической] прозе» для Гослита¹¹⁰. Еще пишет: «Рецензией в Литгазете я очень довольна. Она какая-то необычная и все в ней сказано по-человечески». Совет приехать и побыть у нее побольше, чтобы почитать разные материалы. Присит подумать, куда дать ее воспоминания о Заботоцком в конце 20-х годов, рукопись которых она мне дала. (...) Телефон слевой [Левицким]. Говорит, что номера «Нового мира» будут дальше еще хуже. Впереди роман Ананьева, совсем бесталанного¹¹¹. И тому подобное. Наровчатов только пришел в редакцию, а держится, словно ему все страшно надоело¹¹². Рукописи будут принимать не по качеству, а чтобы было меньше неприятностей.

(58) 27 марта. Серый, но довольно теплый денек. Звонки Яши Гордина и Ц. И. С ней ссоримся из-за моего дня рождения, который она непременно хочет отметить (...). Яша приходит в час: сидит до трех. Сейчас он работает над декабристами. Рассказываю ему о своем споре с А. И. С., о том, могли ли они победить¹¹³. Он согласен со мной и приводит любопытные аргументы. [далее уже о другом]

¹⁰⁷ Рядом с текстом вклейка из объявлений в газете, где: «Акад. Театр им. Евг. Вахтангова (...) веч. Молодость театра» и «Центр. Акад. Т-р Совет. Армии (...) веч. Давным-давно».

¹⁰⁸ «Похвала анекдоту» — мемуарный очерк АКГ о К. Г. Паустовском (сб. «Воспоминания о Константине Паустовском». М.: Сов. писатель. 1975).

¹⁰⁹ Здесь «Н. Я.» это очевидно — Н. Я. Мандельштам. Но разве она как-то специально не любила Л. Я. Гинзбург? Возможным ответом может быть признание самой Л. Я. в письме к АКГ, сделанное несколько ранее: «С Н. Я. тоже давно не вижу „тоже“, потому что и с АКГ они стали редко видятся. Все это, вместе взятое, не для меня. Перестала у нее бывать без ссор и писем. Она, по слухам, всячески меня хулит. Ее поведение, помимо всего прочего, продукт вообще характерной потери масштабов. Она всерьез верит в то, что она непререкаема во всех вопросах философии, искусства, литературы и проч.» (РГАЛИ, ф. 2590, оп. 1, е. х. № 233 Письма Гинзбург Л. Я. — А. К. Гладкову 10.1.1974, л. 17).

¹¹⁰ «О психологической прозе» (1971, 1977; англ. пер. 1991).

¹¹¹ Ананьев Анатолий Андреевич (1925—2001), писатель; главный редактор журнала «Октябрь» (1913—1992).

¹¹² Наровчатов Сергей Сергеевич (1919—1981), поэт. В 1974—1981 годах гл. ред. «Нового мира».

¹¹³ Очевидно, имеется в виду Солженицын, о встрече с которым рассказано в дневнике АКГ за 30 июля 1973, но там упоминаний о декабристах не было; о каком именно споре идет речь, непонятно — могли ли победить «русситы», то есть «русская партия» внутри страны, склонив на свою сторону руководство ЦК?

(60) 29 марта. (...) Американцы сообщают, что московская милиция прервала сегодня пасхальное богослужение в синагоге.

30 марта. Жизнь полна удивительных совпадений. Сегодня, в день моего рождения, «Немецкая волна» между 6-ю и 7-ю вечера передавала отрывки из книги «Встречи с Пастернаком»¹¹⁴, предварив ее моей биографией. Ввиду поломки моего транзистора я сейчас могу слушать только американцев и не слышал, но Л.<Лев Левицкий?>, слушавший, говорит, что это было хорошо. (...) Ц. И. тоже слушала и после позвонила. У нее тоже хорошее впечатление¹¹⁵. Она добавила, что было сказано, когда [книга] «Встречи с Пастернаком» написана (в 1963 г.), а напечатана через 10 лет в Париже (издательство не указано). Еще будто бы это было передано в передаче, посвященной Пасхе. (...) Лева встретил где-то Осипа Черно-го¹¹⁶. Тот подтвердил, что первый том его романа вышел в Амстердаме. У него самого книги еще нет. Он думает, что неприятности у него могут начаться только после выхода третьего тома (первые два про эпоху Сталина). Ему много больше семидесяти лет. Вот вам — писательская судьба. Всю жизнь писал серые и скучные романы, чисто иллюстративные, а под финал нашел в себе силы взорвать все это. Впрочем, м.б. и этот последний роман не блестящ, но у него есть тот шанс, что когда пишешь правду, она сама за себя говорит¹¹⁷. Я мало верю в литературу «третьей эмиграции», более вероятно, что у нас внутри будут писаться настоящие вещи. Слишком много свободы — это тоже опасно, наверно распускаешься: несвобода, соединенная с потребностью говорить правду, дает более зрелые плоды.

(62) 31 марта. (...) Вчера так устал, что не дослушал что-то интересное у американцев. Президент Форд деликатно заметил, что позиция Израиля могла бы быть «более гибкой». Она бы и стала более гибкой, если бы США сократил[и] помощь Израилю. Но видимо президент боится избирателей еврейского происхождения. (...) На Леву вчерашняя радиопередача произвела большое впечатление. Он снова позвонил и передал мнение Кривенко¹¹⁸ (положительное и весьма), который тоже слушал и начал рассуждать о преимуществах Б. Л. перед «гражданином кантона Ури», как в Москве именуют Солженицына. Разочарование в С. у нас увеличивается из-за ряда его неумных выступлений. Его беда — отсутствие культуры. (...) Ночью стал перечитывать «Встречи с Пастернаком» в книжке [Парижской] и все время ужасался невероятному количеству опечаток, пропусков, часто делающих текст бессмысленным или — что гораздо хуже, бессмыслица видна, — изменяющих его. В одном месте слово «донос» заменено на «допрос» (это как раз из текста, читавшегося по радио вчера) и все становится иным. Будет со-

¹¹⁴ «Встречи с Пастернаком» (Париж: Умса-Press, 1973. Полный текст опубликован позднее Е. Б. Пастернаком — М.: Арт-Флекс, 2002).

¹¹⁵ На след. листе дневника (л. 61) — машинописное письмо (с подписью Ц. И. Кин от руки) и подробным пересказом того, что было в передаче: «Текст звучал великолепно. Передача была абсолютно корректной (...). Они только не знали, что сегодня еще день Вашего рождения».

¹¹⁶ Осип Черный (литературное имя Иосифа Евсеевича Черного; 1899—1981), писатель. В 1930 году окончил Московскую консерваторию. До 1937 года работал дирижером. Автор романов и повестей на музыкальную тематику, главным образом жизнеописаний русских композиторов. Очевидно, имеется в виду его книга: Книга судеб. Амстердам: Фонд Александра Герцена, 1974, 342 с.

¹¹⁷ Вот что сказано было им за год до смерти (о приближении которой он как будто не догадывался).

¹¹⁸ Возможно, имеется в виду: Лев Александрович Кривенко (1920—1979), писатель. Окончил Литературный институт имени Горького. Член Союза писателей СССР. Ушел на Великую Отечественную войну со школьной скамьи и воевал автоматчиком на Ленинградском, Калининском, Центральном фронтах.

всем ужасно, если вздумают переводить с книжного текста. Дело в том, что рукопись «Встреч» столько раз перепечатавали вне моего контроля, что видимо опечатки накапливались и в Париж неведомыми путями приплыл совершенно испорченный экземпляр. Есть даже опечатки в стихотворных цитатах, казалось бы широко известных.

(63) 1 апр. Настоящая весна, весна без дураков... Между рам бьется ожившая муха. (...) Умерла в возрасте 77 лет Ольга Андровская¹¹⁹. Ах, какая очаровательная актриса она была в 20-х—30-х годах! Как она играла Сюзанну в «Фигаро»! (...) Сегодня должна решиться судьба матча на первенство мира по шахматам¹²⁰. Растропович¹²¹ принял предложение стать в 1977 году руководителем Вашингтонского национального оркестра.

(64) 2 апр. (...) Днем обедаю в ЦДЛ с Ваншенкиным¹²². (...) Потом к нам подсаживается Винокуров и критик А. Михайлов.¹²³ Рассказы о прошлом пьянстве. Винокуров хвалит Смелякова¹²⁴ как поэта, но говорит, что он был мерзавцем. (...)

(65) 3 апр. Сегодня идет «Молодость театра». Вчера Ваншенкин мне сказал, что «Похвала анекдоту» — лучшее, что есть в сборнике о Паустовском. Макс Эйве¹²⁵ должен сегодня объявить Карпова чемпионом мира¹²⁶. Это мало кому принесет радости, а Корчной совсем сойдет с ума от радости¹²⁷. Даже проиграв матч, Карпов получил бы приз в полтора миллиона долларов. А сейчас — ничего. Лучше было ему согласиться играть на любых условиях Фишера. И красиво, и спортивно, и де-

¹¹⁹ Андровская Ольга Николаевна (настоящая фамилия Шульц; 1898—1975), актриса театра и кино, педагог.

¹²⁰ Имеется в виду очередной матч на первенство мира, который должен был пройти между Робертом Фишером и Анатолием Карповым на Филиппинах весной 1975 года, но так и не состоялся.

¹²¹ Растропович Мстислав Леопольдович (1927—2007), виолончелист, дирижер, пианист, обществ. деятель, защитник прав человека и духовной свободы (начиная с 1969 года он и его семья поддерживали А. И. Солженицына, разрешив ему жить на своей даче под Москвой и написав открытое письмо Брежневу в его защиту).

¹²² Ваншенкин Константин Яковлевич (1925—2012), поэт, автор слов многих известных песен, например, такой, как «Я люблю тебя, жизнь».

¹²³ Винокуров Евгений Михайлович (1925—1993), поэт; Михайлов Александр Алексеевич (1922—2003), литературный критик, филолог, литературовед. Доктор филологических наук.

¹²⁴ Смеляков Ярослав Васильевич (1912/1913—1972), поэт, критик, переводчик; с дек. 1934 репрессирован («за участие в контрреволюционной группе»), получив три года исправительно-трудовых лагерей, но за ударный труд выпущен досрочно, в начале 1937. С июня по нояб. 1941 был рядовым на Северном и Карельском фронтах: попал в окружение, находился в финском плену до 1944. В результате обмена военнопленных между финской и советской сторонами в 1944 опять попал в лагерь, но уже советский (до 1946). В 1951 по доносу вновь арестован, отправлен в лагерную Инту; просидел до 1955 года, возвратился домой по амнистии, еще не реабилитированный. Его наиболее известные стихотворения «Если я заболею...», «Хорошая девочка Лида».

¹²⁵ Эйве Махгилис (Макс) (нидерл. Machgielis «Мах» Euwe, 1901—1981), нидерландский шахматист и математик, пятый чемпион мира по шахматам (1935—1937), международный гроссмейстер (1950); президент шахматной организации ФИДЕ (1970—1978).

¹²⁶ Карпов Анатолий Евгеньевич (род. 1951), двенадцатый чемпион мира по шахматам (1975—1985).

¹²⁷ Корчной Виктор Львович (род. 1931), советский, впоследствии — швейцарский шахматист, гроссмейстер (1956), претендент на звание чемпиона мира с начала 60-х годов XX века, участник матчей на первенство мира по шахматам 1978 и 1981 годов (единственный из участников таких матчей между 1954 и 1990 годами, кто не был чемпионом мира).

нежно. (...) Из вчерашнего разговора с Винокуровым. (...) Полушутя он говорил, что много потерял в глазах нынешних молодых поэтов оттого, что бросил пить. Они стали думать: не ханжа ли он? Воспоминания как пили Смеляков, Шубин¹²⁸, он с Ваншенкиным. Солоухин никогда не пил. Он отходит от столика и Ваншенкин мне рассказывает, как они пили у него, и Винокуров упал в коридоре и он не мог его поднять, и он там лежал до утра, и все его обходили... Вернувшийся В. выслушивает конец рассказа без удовольствия.

(66) 6 апр. 1975. (...) Обедаю и сижу часа три у Бориса Натановича [Ляховского]. (...) Будто бы по Москве ходят мемуары Молотова¹²⁹. Эпизод как Жуков¹³⁰ в первые дни войны закричал на Сталина и Сталин сник. Берия¹³¹ схватился за телефон, но Сталин его остановил. Б. Н. месяц был в Тбилиси. Там все есть, но в полтора раза дороже, чем раньше. «За риск». Тюремь переполнены. Идут суды. Бранить Сталина считается дурным тоном. Рассказы о прошлом. Рассказ певца Рейзена¹³². Вл<а-сик?>¹³³ поцеловал Сталину руку, когда тот нервничал. Ежов лично рас[с]стрелял Блюхера¹³⁴.

¹²⁸ Шубин Лев Алексеевич (1928–1983), литературовед, старший редактор издательства «Советский писатель», в течение более 20 лет, с начала 60-х до конца своей жизни, занимавшийся исследованием творчества Андрея Платонова, автор книги о нем «Поиски смысла отдельного и общего существования» (1987), не законченной при жизни (завершенные главы книги и черновики были опубликованы Еленой Даниловной Шубиной).

¹²⁹ Молотов Вячеслав Михайлович (настоящая фамилия Скрябин; 1890–1986), политический и государственный деятель. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР в 1930–1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939–1949, 1953–1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 г. Герой Социалистического Труда. Депутат Верховного Совета СССР I–IV созывов. Один из наиболее активных организаторов массовых репрессий 1930-х — начала 1950-х годах. Выступил против критики культа личности И. В. Сталина в середине 50-х гг. (<http://to-name.ru/biography/vjacheslav-molotov.htm>). Записывавший за ним Феликс Чуев пишет в предисловии своей книги: «Я встречался с ним регулярно последние 17 лет его жизни — с 1969-го по 1986 годы. Сто сорок подробнее записанных бесед, каждая, в среднем, по четыре-пять часов» («Сто сорок бесед с Молотовым», 1991).

¹³⁰ Жуков Георгий Константинович (1896–1974), военачальник, маршал, четырежды Герой Советского Союза; автор книги мемуаров «Воспоминания и размышления» (первое изд. — М.: АПН, 1969; для 2-го изд. автором были написаны три новые главы и переработано «Заключение»; без купюр мемуары вышли 10-м изд. в 1989 г.).

¹³¹ Бэрия Лаврентий Павлович (Лаврэнти Пáвлес дзе Бэриа; 1899–1953), государственный и политический деятель, генеральный комиссар госбезопасности (1941), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943), лишенный этих званий в 1953 году в связи с обвинениями в организации «сталинских репрессий».

¹³² Рейзен Марк Осипович (1895–1992), оперный певец (бас); солист Большого театра СССР. Во время Первой мировой войны служил в Финляндском стрелковом полку, дважды ранен, награжден двумя Георгиевскими крестами.

¹³³ Власик Николай Сидорович (1896–1967), сотрудник органов государственной безопасности СССР. Начальник охраны Сталина (1931–1952).

¹³⁴ Ежов Николай Иванович (1895–1940), партийный и государственный деятель, генеральный комиссар госбезопасности. Народный комиссар внутренних дел СССР (1936–1938), стал главным организатором массовых репрессий 1937–1938 годов, также известных как «Большой террор». В 1939 году арестован, а спустя год расстрелян по обвинениям в подготовке антисоветского путча. Блюхер Василий Константинович (1890–1938), советский военный, государственный и партийный деятель; Маршал Советского Союза (1935). В 1938 арестован в ходе массовых репрессий в РККА. По показаниям бывшего врача тюремной больницы, за две недели после ареста был избит до такого состояния, что лицо его было неузнаваемым; умер от пыток во время следствия в Лефортовской тюрьме от закупорки артерии тромбом; в 1956 реабилитирован.

(69) 11 апр. (...) Надо-бы зайти к болящему Юре [Трифонову], но не хочется. Мне не очень понравилась его «Другая жизнь», а Юра человек самолюбивый и нас это будет связывать.

12 апр. (...) Умер писатель О. Куваев, роман которого «Территория» только что имел большой успех¹³⁵.

13 апр. (...) С. С. Смирнов на пленуме зачем-то рассказал, как Е. Н. Герасимов после войны объездил места, где воевал Ковпак, и по рассказам партизан написал о нем книгу. В издательстве ему предложили напечатать ее от имени Ковпака, обещав 100 % гонорара. Он согласился. Ковпак написал на рукописи «**Четал**» и поставил инициалы. Книга вышла, но Ковпак отказался делиться гонораром с Герасимовым¹³⁶.

(70) 14 апр. (...) В № 7 «Театр. жизни» я снова фигурирую среди героев кроссворда. (...) На полном бескнижьи подписался в Лавке на собрание сочинений Юрия Германа¹³⁷ и получил первый том с романом «Наши знакомые». Не перечитывал его с того далекого времени, когда он напечатался в журнале¹³⁸. Тогда он мне очень нравился, но потом в памяти стал казаться пошловатым. Стал читать и сначала чем-то увлекся: живостью рассказа, бытом. Но потом стали утомлять длинноты, заметил, что не читаю, а перелистываю. Очень много топтания на мест[е], сентиментальность, какое-то лирическое повидло, особенно в «гражданственных» местах. Нет, это не литература, а беллетристика. Много морализаторского занудства. Сюжет топчется на месте. Антонина почему-то не вызывает ни жалости, ни сочувствия. Хорош фон: конец нэпа. Здесь есть точность.

15 апр. (...) Дожевываю «Наши знакомые». В конце совсем невкусно.

(71) 16 апр. (...) Сенсация! Днем зарубежное радио сообщило, что Шелепин выведен из состава Политбюро¹³⁹. (...) Говорили, что Ш. был главным действующим лицом в удалении Хрущева. Он тогда ждал возвышения[я], вплоть до центрального поста (...).

¹³⁵ Кувáев Олег Михайлович (1934–1975), геолог, геофизик, писатель. Выпускник МГРИ. Известен романами «Территория» (1969–1975) и «Правила бегства» (1975).

¹³⁶ Ковпáк Сидор Артемьевич (Артемович; укр. *Сидір Артемович Ковпак*; 1887–1967), государственный и общественный деятель. Во время Великой Отечественной войны командир Путивльско-го партизанского отряда (позднее – Сумского партизанского соединения, еще позднее – 1-й Украинской партизанской дивизии), член ЦК КП(б) Украины, генерал-майор. Дважды Герой Советского Союза. Очевидно, речь идет о сочинении: «От Путивля до Карпат» (М., 1945), автором литературного текста которого считается член Союза писателей СССР Евгений Николаевич Герасимов (1903–1986).

¹³⁷ Герман Юрий (Георгий) Павлович (1910–1967), писатель, драматург, киносценарист.

¹³⁸ В 1932–1934 гг. были опубликованы начальные главы романа Ю. Германа «Наши знакомые», а в 1936 году – последние.

¹³⁹ Шелепин Александр Николаевич (1918–1994), советский комсомольский, партийный и государственный деятель. Еще студентом получил прозвище «Железный Шурик» за свой карьеризм. Член ЦК КПСС в 1952–1976. Во время волнений в Новочеркасске в 1962 г. на месте событий принимал участие в «решении о расправе со „смутьянами“». Позже активно участвовал в действиях по смещению Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС. По воспоминаниям А. И. Микояна, «совершенно неожиданно для меня группировка Шелепина в начале 1967 г. обратилась ко мне с предложением принять участие в их борьбе против группировки Брежнева...» После этого, в 1967–1975 гг. Ш. был «разжалован» до председателя ВЦСПС.

(72) 17 апр. (...) Будто бы Бибиси передавало, что демонстрации в Лондоне против Шелепина украинцев¹⁴⁰ связаны с тем, что он в свое время дал санкцию на убийство Бандеры¹⁴¹. (...)

(73) 19 апр. (...) Говорят, что Е. Кузьмина, вдова М. И. Рома¹⁴², написала острые и содержательные мемуары, которые однако совершенно нецензурны и долго не смогут быть напечатаны. В Москве уже ходит по рукам последняя книжка Соложеницына. Не знаю, удастся ли ее прочесть.

(74) 21 апр. (...) В три часа вышел купить что-нибудь поесть. Покупаю ряженку, ветчину, вермишель, концентраты гречневой каши. Захожу в кафе на углу и встречаю там Винокурова. Он приезжал в поликлинику (лечится от диабета) и зашел поесть. Едим зразы с гречкой. Разговаривать с ним неинтересно: он всех бранит. Рассказывает, что на него обиделся Юра. (...) Новые журналы не читает. Я рассказываю, что Кушнер¹⁴³ прислал новую книжку. Минимум интереса. Розовое свинообразное лицо. (...) Еще Винокуров уговаривал меня, что у меня диабет и мне необходимо от него лечиться. Я ответил: — Семь бед — один диабет... он очень любит лечиться¹⁴⁴. Прочитал посмертный роман Димы Голубкова «Недуг бытия» — о Баратынском¹⁴⁵. Сначала нравилось, потом в середине стало скучно и так было до конца. Интеллигентно, но пресновато и монотонно. И сам автор был такой.

¹⁴⁰ В дневнике ранее сообщалось, что его забросали яйцами в Лондоне.

¹⁴¹ Бандэра Степан Андреевич (1909–1959), украинский политический деятель, идеолог и теоретик украинского национализма. Член Украинской войсковой организации (с 1927 года) и Организации украинских националистов (ОУН) (с 1929 года), организатор ряда террористических актов. В 1934 году был арестован польскими властями и приговорен судом к смертной казни, которую позднее заменили на пожизненное заключение. В 1936–1939 годах отбывал срок в польских тюрьмах, свободу получил в сентябре 1939 года благодаря нападению Германии на Польшу. Некоторое время находился в подполье на советской территории, после чего ушел на Запад. С февраля 1940 года — после раскола ОУН — руководитель фракции ОУН(б) (бандеровского движения). В 1941 году возглавил созданный годом ранее Революционный провод [ком. 2]. После нападения Германии на СССР был вместе с другими деятелями украинского националистического движения арестован германскими властями за несанкционированную попытку провозглашения самостоятельного Украинского государства и помещен под домашний арест, а позднее (в начале 1942 года) отправлен в концлагерь Заксенхаузен, откуда был выпущен руководством Третьего рейха в сентябре 1944 года. В 1947 году возглавил Провод ОУН. В 1959 году был убит агентом КГБ Богданом Сташинским. Точки зрения на личность Степана Бандеры крайне полярны. В настоящее время Бандеру и его последователей почитают главным образом на Западной Украине, где после распада СССР его имя стало символом борьбы за независимость украинского государства.

¹⁴² Ромм Михаил Ильич (1901–1971), кинорежиссер, сценарист, педагог, театральный режиссер. С 1931 года работал на «Совкино» (ныне «Мосфильм»); режиссер нескольких художественных и документальных («Обыкновенный фашизм», 1965) фильмов.

Кузьмина Елена Александровна (1909–1979), киноактриса, ученица Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга, сыгравшая множество заметных ролей в кино (фильмы «Новый Вавилон» (1929), «Одна» (1931), «Окраина» (1933)). Вдова М. И. Ромма. По-видимому, речь о ее части воспоминаний в книге мемуаров ее мужа (М. И. Ромм. Как в кино. Устные рассказы. — Нижний Новгород: Деком, 2003).

¹⁴³ Кушнер Александр Семенович (род. 1936), ленинградский поэт.

¹⁴⁴ Возможно, у самого АКГ в конце жизни и был диабет.

¹⁴⁵ Голубков Дмитрий Николаевич (1930–1972), писатель, поэт, живописец; автор биографии: Недуг бытия. Хроника дней Евгения Баратынского. М., 1973.

(75) 22 апр. (...) Обыск у А. Гинзбурга¹⁴⁶ в Тарусе. Арестован и был судим некий религиозный проповедник Иван Федотов¹⁴⁷.

(76) 24 апр. Прекрасный день. Сейчас сижу и жду Бориса Натановича, который сам мне предложил съездить в Загорянку. Без машины все так таскать тяжело. Да и с замком он может что-нибудь придумать, если он не в порядке или взломан. 2 часа дня. Уже вернулся. Выехали в одиннадцать. Ключ открыл замок, дома все в порядке, сад запущен, забор сломан, на сирени листочки... Рад, что побывал и отвез вторую машинку и кучу книг, и всякое разное. Теперь можно ехать [самому] и приводить все в порядок. Не был 5⁶ месяцев¹⁴⁸.

(77) 26 апр. (...) Около дома много встреч: совсем старенький Н. П. Смирнов¹⁴⁹, Герман Абрамов¹⁵⁰, В. Корнилов и др. (...) Роман Г. Бакланова «Друзья»¹⁵¹ мелок и пошловат. Главная коллизия банальна. Непонятно, ради чего это писалось. Кажется, что все это уже не раз читал. В романе есть что-то саморазоблачительное. Хочется сказать: — Как? только и всего? судя по заглавию и теме, я думал, что автор опишет жизненный сюжет — его дружбу и разрыв с Ю. Бондаревым¹⁵², но не хватило храбрости *на правду и*¹⁵³ он соскользнул в беллетристику, где все условно, ничтожно.

¹⁴⁶ Гинзбург Александр Ильич (1936—2002), журналист, издатель, участник правозащитного движения в СССР, член Московской Хельсинкской группы, составитель одного из первых сборников самиздата («Синтаксис»), член редколлегии журнала «Континент» в 1979—1990 годах. В 1959—1960 составил и распространил среди своих друзей и знакомых самиздатский поэтический альманах «Синтаксис». За это был в первый раз арестован (по обвинению в антисоветской деятельности и осужден — «за подделку документов» к 2 годам тюрьмы). В 1966 собрал вместе все доступные ему материалы по делу А. Синявского и Ю. Даниэля и составил из них сборник, ставший известным под названием «Белая книга», и лично принес пятый экземпляр машинописной закладки рукописи в приемную КГБ СССР на Кузнецком Мосту с предложением обменять публикацию книги на досрочное освобождение Синявского и Даниэля. В нояб.—дек. 1966 «Белая книга» была разослана в официальные советские инстанции, передана некоторым деятелям культуры и опубликована за границей. В 1967 осужден по статье 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда») на пять лет лагерей. С апр. 1974 был распорядителем «Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям», созданного А. И. Солженицыным в Швейцарии. В 1977 арестован в третий раз. В 1979 вместе с еще четырьмя другими политзаключенными — Э. Кузнецовым, М. Дымшицем, Г. Винсом и В. Морозом — был обменен на двух граждан СССР, сотрудников КГБ Р. Черняева и В. Энгера, осужденных в США за шпионаж.

¹⁴⁷ Федотов Иван Петрович (род. 1929), епископ, проповедник, пастор и пресвитер церкви пятидесятников. В 1974 был арестован и Калужским областным судом осужден к 3 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях строгого режима. Отбывал срок в Пензенской области. В первый раз был осужден в 1960 — на десять лет. В общей сложности провел в ГУЛАГе 18 лет.

¹⁴⁸ Цифра переправлена поверх машинописи.

¹⁴⁹ Смирнов Николай Павлович (1898—1978), писатель, критик, краевед (входил в группу «Перевал»); с 1934 член Союза писателей. В конце этого же года был репрессирован (статья 58-10, за распространение контрреволюционной литературы), провел 4 года в исправительно-трудовых лагерях. После освобождения жил в городе Александрове (100 км от Москвы). С 1950 года развил активную деятельность по изданию ежегодного альманаха «Охотничьи просторы»; автор монографии «Михаил Пришвин» (1952); знакомый АКГ.

¹⁵⁰ Абрамов Герман Моисеевич (настоящая фамилия: Абрамович; род. 1906), поэт, переводчик.

¹⁵¹ Григорий Яковлевич Бакланов (настоящая фамилия Фрийдман; 1923—2009), писатель, один из представителей «лейтенантской прозы». Имеется в виду его роман «Друзья», который потом выйдет книгой (М.: Советский писатель, 1976).

¹⁵² Бондарев Юрий Васильевич (род. 1924), писатель; участник войны.

¹⁵³ Как будто зачеркнуты эти три слова — или что-то на них пролито.

(79) 2 мая. Вечером приходит Р. А. М. Рассказы о разном. Он читал книжку Солж. «Бодался теленок с дубом». Говорит, что безобразно. Подтекст — антитвардовский. Описания его запоев, унижений перед начальством и пр. Бранит всю прежнюю редакцию «Нового мира» кроме Берзер¹⁵⁴. Он (Солж.) избран богом, который вылечил его от рака. И т. п. ерунда. Как он ликовал, когда узнал про резню коммунистов в Индонезии¹⁵⁵. Удалением Шелепина доволен. У Брежнева в декабре был порез с параличем речи. В это время Шелепин начал интриговать. Он как и я думает, что в посылке Ш. в Англию была преднамеренность. (...) Стало известно, что жена Шолохова родная дочь близкого друга Крюкова, у которого тот умер на руках и оставил ему сундучек с рукописями. Цепочка ясна¹⁵⁶.

(80) 5 мая. (...) Вечером приходит Р. А. М. Подарок¹⁵⁷. Его рассказы. Он в конце мая собирается до августа на юг. На каждые 100 евреев, желающих уехать, не пускают 4 человек. О том, как Г. Свирский¹⁵⁸ требовал у Сахарова 5 тысяч рублей. Сейчас политических сидит мало, а в психолечебницах тоже почти всех инакомыслящих выпустили. Он отказался подписывать заявление «60» (среди подписавших Л. К. Чуковская, Войнович, В. Корнилов)¹⁵⁹. Еще разные рассказы.

6 мая. Сутки напролет читаю (вернее — перечитываю) работу Р. А. Мне все это страшно интересно. Ведь в этом тайна эпохи, в которую я жил и живу, тайна века. И моя память как бы пишет заметки на полях этой книги¹⁶⁰. Мое имя тоже есть в ней. И дважды. Я замыкаю список писателей, подвергшихся резкой критике в 1946 году, и на той же странице после фразы об аресте еврейских писателей и поэтов сообщается и об моем аресте. Но есть в книге и данные, мною сообщенные Р. А. после первого прочтения рукописи (вернее машинописи). В книге более тысячи страниц, но почти каждая страница могла бы быть развернута в две: информационная беглость местами как-то съезживает рассказ. О многом я знаю больше, но о многом узнаю и впервые. Написать такую книгу — подвиг. Ведь за это время Р. А. не раз угрожали, выгнали с работы, исключили из партии, запросто могли посадить. У него жена и сын. Как говорится: «жена, дети». Но ничто не могло его остановить. Мы с ним во взглядах во многом сходимся. А именно в том, в чем расходимся с Солж. Толстенный том в зеленой обложке. Нью-Йорк. Сидя на Лубянке, думал ли я о том, что когда-нибудь буду читать такую книгу? И вот, дожил и читаю...

¹⁵⁴ Бёрзер Анна Самойловна (*Ася Берзер*) (1917–1994), литературный критик, старший редактор отдела прозы «Нового мира».

¹⁵⁵ По различным оценкам, в результате массовых репрессий против КПИ в 1968 было убито от 300 тыс. до миллиона индонезийцев, среди них было немало людей, не связанных с компартией и убитых по ошибке.

¹⁵⁶ Жена М. Шолохова Мария Петровна (1901–1992) была дочерью П. Я. Громославского. В 1918 она училась в Усть-Медведицкой гимназии, директором которой состоял Ф. Д. Крюков, но ее отец с Крюковым друзьями не были (наоборот, Крюков писал о своем «земляке» и публиковал в печати обличающие того статьи). Что бумаги Крюкова после его смерти каким-то образом могли оказаться в руках Громославского, до сих пор ничего достоверного не известно.

¹⁵⁷ Р. Медведев, очевидно, принес в подарок АКГ свою книгу, опубликованную на Западе (см. ниже).

¹⁵⁸ Свирский Григорий Цезаревич (род. 1921), писатель и мемуарист; участник Великой Отечественной войны, член КПСС с 1944 по 1968 год; член Союза писателей СССР. В 1972 эмигрировал в Израиль, живет в Канаде.

¹⁵⁹ Имеется в виду, очевидно, заявление Л. Чуковской, В. Корнилова и В. Войновича с порицанием 72 академиков, поставивших свои подписи под опубликованным в советской печати письмом, осуждавшим присуждение Нобелевской премии мира академику Сахарову.

¹⁶⁰ Вот тут АКГ выразил афористически главный свой интерес при чтении!

(81) 8 мая. (...) В работе Р. А. я нашел ряд формулировок из моей рецензии на первый вариант этой работы, но почти везде не цитируемых, а пересказанных, т. е. видоизмененных. (Например, о государственном перевороте сверху.)

(83) 13 мая. (...) Постепенно вокруг меня образовалась пустота. Телефон молчит по целым дням.

(85) 14 мая. (...) Ездил на дачу и упился квасом. На каштанах белые свечечки. Очень жарко.

16 мая. Жарко. В «Известиях» напечатано, что такой весны не было более ста лет. Жаркий воздух идет из Ирана и Афганистана посредством антициклона. Сирень уже цветет.

(86) 17 мая. (...) Лариса Богораз (Марченко)¹⁶¹ не получала больше месяца никаких сведений о муже Анатолии Марченко и думает, что он умер в этапе в ссылку. Перед отправкой он объявил голодовку. (...) Виктория Федорова получила предложение из Голливуда сыграть роль своей матери Зои Федоровой в фильме о любви ее и американского адмирала. Но ведь она совсем не похожа на мать. А фильм можно снять интересный. Звонил Лева. Ему разрешили вызов в гости сестры из Лос-Анжелоса и переиздание книги как будто попало в резерв плана 76-го года. (...)

(87) 18 мая. Продолжается жарища. (...) Перечитываю уникальную книгу А. Воронского¹⁶². Весь тираж ее был уничтожен и ее нет в каталогах ЖЗЛ. Купил ее случайно. По словам Галины Александровны Воронской¹⁶³, сохранилось чудом считанное количество экземпляров.

(89) 20 мая. (...) Лева (...) случайно услышал на вечере-юбилее «Нового мира» в Колонном зале в комнатке за сценой, с какой злобой второстепенное цекистское начальство говорило о Солженицыне. Им все безразлично: считали его гонорары и обсуждали, что он собирается купить в Канаде дом. Слух, что Ивинскую вызвали в Госбанк и дали ей огромную сумму денег (из гонораров Б. Л.), чуть ли не два миллиона, и она, подумав, решила поделиться с сыновьями: Евгением и Леонидом¹⁶⁴. (...) Будто бы «Континент» с № 4-го будет печатать исчезнувший роман Василия

¹⁶¹ Богораз Лариса Иосифовна (Богораз-Брухман; 1929–2004), первая жена Ю. Даниэля, филолог, канд. филол. наук. После ареста Даниэля и Синявского вместе с М. В. Розановой активно способствовала организации кампании в их защиту. На суде обе они вели записи, позволившие воссоздать ход процесса и позднее вошедшие в «Белую книгу». 25 августа 1968 года приняла участие в знаменитой демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию, состоявшейся на Красной площади. За это получила 4 года ссылки в Иркутской области (1968–1971).

¹⁶² Воронский Александр Константинович (1884–1937: расстрелян), революционер-большевик, писатель, литературный критик, теоретик искусства. Имеется в виду издание его автобиографической книги «За живой и мертвой водой» (Федерация; 1931).

¹⁶³ Воронская Галина Александровна (псевдоним Галина Нурмина; 1914–1991), литератор, писала под псевдонимом «Галина Нурмина»; дочь А. К. Воронского.

¹⁶⁴ Е. П.: После возвращения О. Ивинской из лагеря наследники обратились в Инюрколлегия и после окончания долгого суда Фельтринелли с С. Анджело, который требовал половины гонораров Б. П., получили первые деньги. Они были разделены на три доли: З. Н. Пастернак и двум сыновьям. По советским законам Ивинская не входила в число наследников. Евгений Борисович со своим братом Леонидом отделили от своей доли каждый по половине в пользу О. Ивинской, так, чтобы было всем поровну. Кто считал эти суммы и какие они были, не знаю.

Гроссмана¹⁶⁵. Столько воды утекло и после книг Солженицына, Медведева и других он может казаться розовой водичкой. Такие книги быстро стареют.

(90) 23 мая. 70-летие Шолохова. Еще один орден Ленина. Полоса в «Правде» и соответственно в других газетах. Надоел он. (...) На днях на улице Кирова, там где в нее вливается улица Грибоедова, стояли толпы в ожидании машины с участниками и гостями свадьбы чемпионов по танцам на коньках Родниной и Зайцева¹⁶⁶. На улице Грибоедова находится, так называемый, «Дворец бракосочетаний». Черточка нашего быта в середине семидесятых годов. Это видел Лева.

(91) 25 мая. (...) Шолохов лежит в больнице. Сосуды. Предынсультное состояние. (...) Днем приходит Альма¹⁶⁷. Она перевела на английский мой «Мейерхольд говорит» и кажется напечатает перевод в Нью Йорке. Отвечаю на ее вопросы в том, что ей непонятно в тексте. Она все-таки молодец; уже многое знает и понимает в мейерхольдиане. Третий том Мандельштама¹⁶⁸ и «Россия-Россия»¹⁶⁹. Обещает достать письма Цветаевой.

(92) 26 мая. (...) Ночью читал трогательные и жалкие письма Мандельштама. Я их читал и раньше, и они у меня были в машинописной копии, но в книге они как-то убедительней. В томе есть «История одного посвящения» Цветаевой (воспоминания о Манд-ме) и библиография. Статьи плохи. Теперь у меня есть полный Мандельштам. Первый том когда-то был в двух экземплярах (подарок Кларенса Брауна), но я подарил дублет Лева. (...) По просьбе М. И. Твардовской¹⁷⁰ внучка К. И. Чуковского¹⁷¹ сделала выписки из дневников К. И. о разговорах с Твардовским. Они

¹⁶⁵ Гроссман В. За правое дело. Главы из второй книги романа // *Континент*. № 4. 1975. С. 179–216; Он же. То же // Там же. 1975. № 5. С. 7–39; Он же. Жизнь и судьба. // Там же. 1976. № 6. С. 151–171; Он же. То же. // Там же. 1976. № 7. С. 95–112; Он же. То же. // Там же. 1976. № 8. С. 111–133. Лишь с шестого номера появилось заглавие «Жизнь и судьба», и редакцией отмечено: «Как нам стало известно в последний момент, именно так назвал автор вторую книгу романа „За правое дело“. Принимая во внимание волю покойного писателя, мы продолжаем публикацию глав этой замечательной книги под новым названием» (Ю. Г. Бит-Юнан, Д. М. Фельдман. К истории публикации романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» или «Как это было» у Б. Сарнова — <http://culturossica.ru/data/Grossman%20i%20Sarnov.pdf>).

¹⁶⁶ Роднина Ирина Константиновна (род. 1949), советская фигуристка, трехкратная олимпийская чемпионка в парном катании на коньках, десятикратная чемпионка мира, российский общественный и государственный деятель, депутат Госдумы.

Зайцев Александр Геннадьевич (род. 1952), советский фигурист. Двукратный олимпийский чемпион по фигурному катанию на коньках в парном разряде (1976, 1980), шестикратный чемпион мира (1973–1978), семикратный чемпион Европы (1973–1978, 1980). Выступал в паре с Ириной Родниной (ее муж в 1975–1985 годах).

¹⁶⁷ Лоу Альма (Alma H. Law), американская исследовательница Мейерхольда, эксперт по русскому авангардному театру, коллекционер, переводчица на английский работы А. Г. «Мейерхольд говорит», автор книги (в соавторстве с Мэлом Гордоном) «Мейерхольд, Эйзенштейн и биомеханика: актерский тренинг в революционной России» (Law A. H., Gordon M. Meyerhold, Eisenstein and biomechanics: actor training in revolutionary Russia. 1996).

¹⁶⁸ Осип Мандельштам. Собрание сочинений в 3 томах. 3 том. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1969.

¹⁶⁹ Повтор: это международный альманах «Россия/Russia», который издавал Витторио Страда.

¹⁷⁰ Твардовская Мария Илларионовна (1908–1991), жена поэта А. Т. Твардовского (1910–1971), редактор стихов мужа.

¹⁷¹ Чуковская Елена Цезаревна (домашнее имя *Люша*: 1931–2015), химик и литературовед, дочь Лидии Корнеевны Чуковской и литературоведа Цезаря Самойловича Вольпе; кандидат хими-

очень интересны. Есть и разговоры К. И. с Солженицыным, где он признается, что неискренен с Твардовским, внушая ему в тактических целях надежду, что он С. может как-то эволюционировать к советской власти. Говорят, дневники Чуковского обширны и необыкновенно интересны. Мало надежны, что наше поколение их прочтет. В Москве говорят об инфаркте у Шолохова. А я слышал об инсульте¹⁷², Будто бы Брежневу делают какую-то операцию челюсти.

(95) 31 мая. (...) [слушает по 1-й программе радио передачу, в которой записывался, и два отрывка из спектакля театра Моссовета «Надежда Дурова», называя их «стряпней Липскерова»] кстати, Кочетков почему-то не был назван¹⁷³. (...)

(96) 1 июня. (...) Те, кто слушал речь Брежнева 9-го мая, говорят, что он говорил с явным трудом, как бы выталкивая из себя слова, и что похоже, дело тут не в челюсти, [а] в каких-то мозговых явлениях¹⁷⁴. (...) Перечитал в книге «Слова, слова, слова» для вдохновения¹⁷⁵. Написано очень хорошо, и не знаю, смог ли бы я теперь написать так. Но это мое свойство: я никогда не мог повторяться, т. е. писать, как уже писал. И в драматургии, и в эссеистике. Всегда искал новой манеры, в то время как для успеха нужно было внедрять себя в том качестве, где меня встретила удача. Слушая вчера по радио отрывки из «Давным-давно», я тоже думал, что теперь я так бы не **смог**. Т. е. умения-то я не потерял, конечно, но психологически мне это невозможно. Может быть, поэтому я и мало пишу. Надо писать, как пишу дневник, импровизируя на ходу¹⁷⁶. (...) Третьего дня 15-летняя годовщина со дня смерти Бориса Леонидовича Пастернака. А завтра годовщина его похорон. Моя затянущаяся несобранность помешала мне поехать в Переделкино.

(97) 2 июня. С семи часов за машинкой. (...) (...) 17-го июня свадьба Оли Трифоновой¹⁷⁷, Юра устраивал «прием» для родных жениха и своих, когда Алла ездила в командировку в Лен-д. Молодые будут пока жить с Юрой. Не думал я, что на Олю найдется охотник.

ческих наук; издатель наследия деда и матери: ее стараниями впервые увидели свет «Прочерк» и «Дом поэта» Л. К. Чуковской, «Дневник» К. И. Чуковского, переписка отца и дочери.

¹⁷² Весной 1975 года Шолохов пережил тяжелейший инсульт.

¹⁷³ К. Липскеров и А. Кочетков выступали в 1945–1946 гг. с обвинениями АКГ в плагиате за его пьесу «Давным-давно», но суд эти претензии отклонил. Подробности — см. в статье Михеев М. Дело о «плагиате»: пьеса Александра Гладкова о кавалерист-девице / «Русская литература». 2015. № 1.

¹⁷⁴ В конце 1975 года Брежнев был занят подготовкой очередного партийного съезда. «Он обсуждал с нами, не стоит ли поручить Суслову открыть съезд, — вспоминал Черняев. — Он, Брежнев, сам очень бы хотел это сделать — ведь генеральный секретарь. — Но тогда придется в течение получаса произносить приветствия иностранным гостям, называть труднопроизносимые фамилии. И — устанешь еще до начала доклада. Брежнев очень тревожился по поводу того, что болезнь челюсти не позволит ему внятно говорить несколько часов подряд. Он действительно утомляется после двадцати пяти — тридцати минут говорения, и начинается косноязычие. Шишлин предложил: пусть Леонид Ильич войдет в зал один, откроет съезд, проведет выборы президиума и даст слово Сулову для перечисления братских партий. На том Брежнев и порешил, успокоившись и заметив: „Так-то лучше“» (Л. М. Млечин. Брежнев. — <http://booksonline.com.ua/view.php?book=12270>).

¹⁷⁵ Статья АКГ «Слова, слова, слова...» о Юрии Олеше (см. выше).

¹⁷⁶ Ценные наблюдения с отстранением от себя самого.

¹⁷⁷ Трифонова Ольга Юрьевна — дочь Ю. Трифонова и Н. Нелиной.

(99) 5 июня. (...) Таня¹⁷⁸ перешла в 10-й класс.

6 июня. (...) Слух, что Р. А. М. куда-то вызывали и предложили расторгнуть его договор с английским изд-ом на книгу о Шолохове.

(100) 8 июня. (...) Солженицын работает в Колумбийском Университете над имеющимся там собранием документов по истории НКВД-КГБ. (...) Солженицын в своем «Бодался теленок с дубом» написал о том, что Ю. Карякин прятал одно время его «Архипелаг» в своем служебном сейфе. Семья Твардовского (жена и дочери), прочитав эту книгу, плакали и сейчас подумывают об ответе¹⁷⁹. Это зря, так как без АПН дело не обойдется и органов, и разных «отделов» тоже, и инспирированность будет ясна. Н. Бианки прочла эту книжку и говорит, что из нее ясно, что осведомителем Солж. в делах «Нового мира» была А. Берзер. Бианки будто бы сама пишет мемуары о «Новом мире»¹⁸⁰.

(102) 12 июня. (...) Под вечер К.¹⁸¹ приносит на два дня книгу Солженицына «Теленок с дубом бодался»¹⁸². Читаю пол_ночи. Очень любопытно.

13 июня. (...) А ночью под влиянием атмосферы книги, которую я читаю, мне стало казаться, что надо мною что-то нависло — и «Давным-давно» уже 10 дней не идет, и гранки не прислали [накануне редактор М. Файнберг обещала АКГ прислать гранки сборника об Олеше по почте], и тому подобное. Почти весь день сижу на балконе и читаю. Звонок Ц. И. Она смотрела и слушала по ТВ предвыборное выступление Брежнева и говорит, что он выглядит прилично и не похож на калеку-больного. Рад за него.

(103) 14 июня 1975. (...) Давно уж не помню, чтобы я что-либо читал с такой жадностью и интересом, как «Бодался теленок с дубом». Можно сделать много оговорок насчет несимпатичного эгоцентризма автора, мутности его политических идеалов и пр. Но характер его и воля к работе удивительны. И — странное дело — это кажется написанным лучше, чем претендующий на шедевр роман «Август 14», хотя писалось второпях, бегло, прямо набело вероятно. Солженицын человек талантливый и умный, но лишь тогда, когда он не очень старается и когда не рассуждает об исторических и философских проблемах¹⁸³. Почему же мне это так ин-

¹⁷⁸ Гладкова Татьяна Александровна (1959–2014), дочь АКГ.

¹⁷⁹ ЕЧ: Такой ответ был от Вали Твардовской (ниже сказано, что она напечаталась в газете «Унита»). Эта история подробно изложена в книге «Кремлевский самосуд (М.: Родина, 1994). Там на с. 509 (докум. № 163) помещена «Информация Комитета гос. безопасности...» от 11 июля 1975 г. за подписью Андропова, где сказано, что «Комитетом проводятся мероприятия по дискредитации Солженицына». В связи с этим в итальянской газете «Унита» 24 июня сего года опубликовано открытое письмо дочери Твардовского...

¹⁸⁰ ЕЧ: Мемуары Бианки о «Новом мире» напечатаны: См.: «Наталья Бианки. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире» (Воспоминания). М.: Виоланта, 1999. Воспоминания Берзер мне не известны (у нее есть о Гроссмане).

¹⁸¹ Лицо не установлено.

¹⁸² Здесь опять несколько перевирает название.

¹⁸³ Что это — особая философия у АКГ «писания левой ногой» или же еще розановское предпочтение предельной откровенности черновика перед обсосанностью и выхолащенностью парад-

тересно? Потому что это «было при нас, это с нами уйдет в поговорку»¹⁸⁴, потому что читая я все время вспоминал, как, что и когда доносилось до меня, и что в это время было. Твардовский описан масштабно и по-моему верно. Кстати, он никогда не привлекал меня на близкое знакомство. Когда большие люди меня интересовали и мне нравились, я как-то без особых усилий близко знакомился с ними (Мейерхольд, Пастернак, Эренбург, Паустовский и другие). Но к Твардовскому не тянуло, скорей даже было какое-то отталкивание от него. Он был редактором журнала, где я иногда печатался и выступал не только с рецензиями, но и с большими статьями («Мейерхольд говорит», «В прекрасном и яростном мире», «Виктор Кин и его время»), но не был с ним даже формально знаком и, встречаясь в коридорах редакции, мы не здоровались: кланяться первым как-то не хотелось, а он пялил на меня глаза и тоже не здоровался. Мне кажется, С. не во всем прав относительно Дементьева¹⁸⁵ и Лакшина¹⁸⁶. Он слишком мягок по отношению ко второму и суров к первому. Что помню я лично. Лакшин считал, что статья о Кине нецензурна и был против нее, а Дементьев дал на нее визу и пустил. Из-за Локшина не пошли «Слова, слова, слова». Дементьев кажется не читал. Дело в том, что меня как критика все хвалили и Лакшин попросту ревновал, желая быть единственным петухом в курятнике. Все прочие оценки персонажей редакции и секретаря Союза, по-видимому, верны. И «многоликий Симонов»¹⁸⁷, и др. О[бо] всем, о чем рассказывает С., в свое время с разной степенью подробного доносилось и до меня. Сам я с ним познакомился только за полгода до его высылки. Часто были и споры о нем. Помню какой-то спор о «Раковом корпусе», который мне не очень понравился. Захватывающе интересно читать о его аресте и высылке. Кстати, по моему дневнику можно судить, что я все время ожидал именно его высылки и не допускал другой расправы. Книга написана, напечатана, у нас ее читают из-под полы, но всему миру она доступна и один этот факт должен как будто заставить воротил Союза быть осторожнее в проработках и нажиме на писателей. Похоже, что так оно и есть (Окуджава, В. Корнилов, Войнович и ваш покорный слуга в том числе)¹⁸⁸. Как будет дальше? Посмотрим...

(104) 18 июня. Загорянка. Забор отремонтирован. Сам не верю своим глазам. Все обошлось мне чуть более ста рублей.¹⁸⁹

(106) 21 июня. (...) Оля Трифонова сыграла свадьбу. Алла была. Ее пригласили в последний момент.

но-белового текста?

¹⁸⁴ РТ и ЕЧ: На самом деле *Это было при нас. / Это с нами вошло в поговорку* (Борис Пастернак. Девятьсот пятый год), начальные строки главки «Отцы» (1925).

¹⁸⁵ Дементьев Александр Григорьевич (1904–1986), литературовед, критик. В 60-е годы зам. зав. отд. сов. лит. ИМЛИ и одновременно (1959–1967) зам гл. ред. жур. «Новый мир», друг Твардовского.

¹⁸⁶ Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993), литературный критик, литературовед, прозаик, мемуарист, доктор филол. наук; в 1962–1970 гг. — член редколлегии, а в 1967–1970 — зам. гл. редактора жур. «Новый мир»; в 1970–1986 — консультант жур. «Иностранная литература»; автор дневников 1969–1970 и 1970–1971 гг.: «Последний акт» («Дружба народов», 2003 № 4–6) и «После журнала: Дневник 1971 г.» (2004, № 10–11).

¹⁸⁷ Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979), писатель, поэт, общественный деятель.

¹⁸⁸ Перечислены авторы, печатавшиеся за границей, в обход советской печати. То есть АКГ не может не признать безусловной пользы такой книги в раздвигании границ для свободы творчества.

¹⁸⁹ АКГ купил разбивавшийся забор у соседа по даче.

(107) 27 июня. Вчера ночевал на даче, за что был покусан клопиками, но умеренно. Покупаю молодую картошку на рынке по 1 р. кило. Индира Ганди арестовала оппозицию¹⁹⁰. 600 человек. (...) Вчера объелся молодой картошкой с квасом и, когда возвращался в такси, муки тантала...

(108) 30 июня. (...) Письмо В. А. Твардовской напечатано в «Унита» почти на полосу. Вопрос решался в политбюро ИКП¹⁹¹. Сегодня Солженицын выступает на банкете, устраиваемом лидером профсоюзов Дж. Мини¹⁹².

Публикация и комментарии
Михаила МИХЕЕВА

¹⁹⁰ В мае 1975 в Индии было введено чрезвычайное положение, авторитарное правление Индиры Ганди и Индийского национального конгресса (продолжалось по март 1977).

¹⁹¹ Письмо с протестом против освещения А. Т. в «Теленке»? ДЗ: На «Теленка» откликнулась не только вдова Твардовского (я этого не знал), но и Лакшин — в журнале «Век XX», о котором пишет сам Гладков. ВАТ: Мое открытое письмо Солженицыну написано по моей инициативе. Мария Илларионовна (наша мама) ему не писала, посчитав это достаточным. Ни единого слова в нем не было изменено, ничего не вписано то есть постороннего вмешательства не было. Сейчас я знаю о С. больше и написала бы еще резче. Но в целом не отказываюсь и от прежнего текста. В комментариях к дневникам А. Т. отношение к С. выражено вполне определенно на основе документальных материалов. АКГ слишком мало знал о нем и в основном питался слухами. Некоторым, при всей их абсурдности, по-видимому, верил. Вряд ли мне стоит опровергать, что жена и дочери А. Т. плакали, читая «Теленка». Мое открытое письмо С-у красноречиво говорит о реакции на это произведение. Письмо было напечатано в мае 1975 г. в «Унита» газете компартии Италии — и перепечатано в ряде стран. Текст (с сокращениями) есть в сб-ке документов о С-е «Кремлевский самосуд» (1991). Последняя публикация — в книге, составл. А. Турковым: «А. Твардовский: Pro et contra» (СПб., 2010). Видно, Ц. И. Кин не сказала о моем письме АКГ, зная его одобрительную оценку «Теленка». Она-то разделяла мою позицию (именно она передала письмо в «Унита»). АКГ по-детски наивен, объясняя в дневнике свои оценки А. Т. и новомирцев и солидарность с «Теленком». А. Т. не поздоровался с ним, и вот уже он свою неприязнь к редактору переносит на журнал. Лакшин отверг его статью и он уже считает, что карикатурное изображение новомирского критика в солженицынских мемуарах могло быть жестче. А к Дементьеву, в чем-то АКГ поддержавшему, надо было бы А. И. отнестись более мягко. Право, это даже трогательно. (в эл. письме 8 дек. 2015).

¹⁹² ЕЧ: Эту речь см. в трехтомнике Публицистики А. Солженицына, на его сайте в отделе Произведения / Публицистика.

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

НЕОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Список слов:

СТЫД, СУД, СУДЬБА

ТЕЛО и ПЛОТЬ, ТОЛПА, ТОСКА

УМ

ХЛЕБ

ЧЕЛОВЕК, ЧЕСТЬ, ЧИСТОТА

ЯЗЫК

СТЫД

Стыд — это одновременно и сам факт позора, бесчестия, и то чувство сильного смущения, которое испытывает сам совершивший нечто «постыдное». Но важно (и это обычно не отмечается в толковых словарях), что стыд — это еще и сопереживание другому («мне стыдно за тебя»), чего нет, например, в английском «shame».

Можно сказать, что «стыд» — это проявление совести, «столкновение» совести с бессовестным, Добра со Злом («ни стыда, ни совести»; ср., кстати, пародийное «ни стыда, ни Родины»), Жизни со Смертью.

Стыд — пограничное состояние, чисто русское, «достоевское». Ясно, что настоящему человеку должно быть стыдно за все Зло на земле, равно как и за самый малейший собственный недостаток, недостойную мысль и т. д.

Владимир Станиславович Елистратов родился в Москве в 1965 году. Окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова в 1987 году. Защитил кандидатскую диссертацию по филологии в 1993 году, докторскую диссертацию по культурологии в 1997-м. Заслуженный профессор МГУ. Преподает риторику, семиотику, историю литературы, современный русский язык, культуру речи, лексикографию. Лауреат премии имени Шувалова I степени. Автор книг «Арго и культура» (1995), «Трактат рго таракана» (1996), «Словарь русского арго» (1994, 2000), «Язык старой Москвы» (1997, 2004), «Словарь крылатых фраз российского кино» (1999, 2010), «Словарь языка Василия Шукшина» (2001), «Толковый словарь русского сленга» (2010), «Нейминг: искусство называть» (2013, совм. с П. А. Пименовым), «Словарь жаргона русского капитализма начала XXI века» (2013) и др. Автор более 700 публикаций. Работы переведены на немецкий, венгерский, болгарский, английский языки. Переводчик, поэт, прозаик, эссеист, публицист. Автор сборника юмористических рассказов «Тю! или рассказы российского туриста» (2008), поэтических сборников «Московский Водолей» (2002), «По эту сторону Стикса» (2005), «Духи мест» (2007). Печатается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Поляна», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «АиФ — путешествия», «Аэрофлот» и др., постоянный автор газеты «Моя семья». Живет в Москве.

* Окончание. Начало в № 1—4, 2017.

Стыд — это вечная память Добра о Зле, Жизни о Смерти. Не случайно одноко-ренное греческое слово — «Стикс», главная Адская Река.

В индоевропейских языках этот корень связан с идеей 1) холода (ср. русское «студеный», «стужа», «застудить» и т. п.), 2) сжимания, сужения (в греческом это — «стягивать», «сжимать», «лихорадка», в древнеиндийском — «капля», «клок»), 3) чего-то мерзкого, отвратительного (в греческом «стюгос» — чудовище) и 4) чего-то резкого, бóльшого, агрессивного (в разных языках: «толкать», «бить», «жалить» и т. п.).

В сущности, образ «стыда» — это так называемый хтонический, адский, смер-тельный образ. Это — остывающий (= умирающий) мир, сжимающаяся вселенная, царство агрессивных подземных чудовищ. Иначе говоря — Хаос (в отличие от Кос-моса и Гармонии «совести»).

Самый близкий аналог, почти синоним — корень «срам» («сором»), вбираю-щий в себя в разных языках идею позора, неприличия, страдания, горя. Но этот корень семантически менее универсален (поэтому в идиоме «стыд и срам» он сто-ит на втором месте).

«Двумерность», «амбивалентность» стыда очень наглядно проявляется в, каза-лось бы, оксюмороне «сгорать со стыда». Чисто физиологическая реакция «сгора-ющего со стыда» человека (в состоянии стыда он краснеет, ему жарко, он потеет и т. д.) — это есть не что иное, как защита от адского холода, замерзания мира, «льда бездушия». Герои Достоевского, Толстого и многих других русских класси-ков постоянно «краснеют» от стыда. И при этом они — прекрасны (то есть «крас-ны»), особенно девушки у того же Тургенева или Бунина. Отрицательные герои рус-ской классики не умеют краснеть.

Стыд есть Жизнь. Это глубоко «динамичное» явление, в отличие от «статики» Смерти. Отсюда — богатейшее словообразование с этим корнем, в том числе и, что особенно показательно, глагольное: «пристыдить», «застыдить», «устыдиться» и т. д.

Кроме того, будучи глубоко «личным» состоянием, «стыд» — нечто вселенское, космическое, универсальное. Лингвистам известно, что самые сокровенные мысли и чувства русский выражает в безличной форме, как бы апеллируя к Высшим Сфе-рам: «мне хочется», «мне грустно» и т. д. Отсюда же — «мне совестно» и «мне стыдно».

Корень «стыд» продолжает быть глубоко, как бы сказал Андрей Платонов, «со-кровенным» русским корнем, то есть «скрытым», «потаенным». Судьба в значи-тельной мере уберегла его от семантической девальвации: в СМИ, наиболее уязви-мой для «сокровенных смыслов» сфере, это слово встречается лишь эпизодически, а в обиходно-бытовой речи оно продолжает сохранять роль каждодневного регуля-тора отношений между людьми. А люди — они всегда люди.

СУД

У большинства современных людей слово «суд» сразу «включает» в сознании юридическую тему. «Встать, суд идет!» «Подать в суд иск». «Разделит имущество по суду». «Судебная экспертиза». «Народный суд».

Наверное, кому-то ближе спортивные «судья назначил пенальти», «несправед-ливое судейство» и «судью на мыло!».

Разумеется, многие догадываются, что существительное «суд» связано с глаго-лами «судить», «рассуждать» и существительными «рассуждение», «рассудок».

Да, в современном русском языке слово «суд» — это в первую очередь государ-ственное или общественное учреждение, занимающееся рассмотрением гражданских

споров, уголовных дел, чьих-либо административных поступков. Суд, соответственно, может быть Верховным, народным, областным, товарищеским и т. д. Кроме того — это помещение, пространство, где размещается это учреждение.

Во-вторых, это сам процесс разбирательства таких дел, уже — судебное заседание. В суде можно «выступить». Под него можно «попасть» (не хотелось бы!). Его можно «избежать» (хотелось бы!).

В-третьих, это те люди, которые непосредственно судят. «Суд рассматривает дела», «удаляется на совещание» и «выносит приговор».

В-четвертых, это вся система, включающая и судебные учреждения, и судебные процессы, и судей. Мы не устаем повторять, что в современных условиях развития нашего общества нам немедленно нужна «реформа суда».

Наконец, несколько особняком стоит не совсем юридическое значение этого слова — «мнение», «заключение». Можно отдать что-либо «на суд общественности». Мы говорим «суд истории» или «суд совести».

«Реформа суда» — это, конечно, очень важно. Суд как правовая система в целом — очень нужная вещь. Без совершенной судебной власти, как без законодательной и исполнительной, общество полноценно развиваться не может. Все это так.

И все же.

Корень «суд» — очень древний. Ему много тысяч лет. У древних индоевропейцев, предков современных славян, германцев, индусов и многих других народов, корень «суд» состоял из двух частей. По сути, это были два корня. Условно говоря, «су» и «д».

«Су» (произносилось как «сом») нес в себе идею совместности, объединения, связи, взаимности. В современном русском языке это приставка *со, су* («собрат», «супруг»).

«Д» (оно звучало примерно как «дхэ») значило ставить, класть, устанавливать, трудиться, поступать, совершать и т. п. У нас отсюда «деть», «делать», «действовать».

«Суд» есть, таким образом, совместный труд, объединенное усилие, взаимное содействие. Эта глубинная этимология слова о многом говорит.

Мы понимаем «суд» как нечто однонаправленное, карательное, наказывающее, репрессивное. А это не так!

Что такое «судить»? Это не только (и не столько) осуждать, выносить судебный приговор, рассматривая дело в судебном порядке, обвинять. Это еще и составлять и высказывать мнение, по сути — рассуждать. «Судите сами» — значит думайте, рассуждайте, сопоставляйте (опять же — *со-сом*) различные факты, мнения и вырабатывайте свою точку зрения, а дальше — действуйте (*дхэ*).

А есть еще «судить²» (фиксируемое в большинстве словарей как омоним предшествующего «судить¹»), от которого образована очень употребительная в русском языке форма «суждено», передающая идею предназначения, того, что происходит не по нашей воле. «Суждены нам большие порывы, но свершить ничего не дано».

Мы видим: есть *суждено*, есть *рассуждать* (обсуждать), а есть — *судить* (в смысле судить). И все они — неразрывно связанные элементы «суда» как чего-то санкционированного «свыше» («суждено»), совместно обсужденного («рассуждать», «обсуждать») и окончательно решенного, объявленного («осудить»).

«Суд» — очень древний и мудрый корень. Он не так прост, как кажется на первый взгляд. Давайте поймем, что «судить» — значит быть вместе и совместно делать что-то очень и очень важное. Но что в конечном счете — «суждено» нам всем.

Давайте «судить вместе» нашу жизнь.

Нет?

Ну, тогда — «на нет и суда нет».

СУДЬБА

Нарочито используя прием тавтологии, можно сказать так: у слова «судьба» в русском языке очень непростая, но интересная судьба.

Этому слову, как минимум, тысяча лет. Оно известно с XI века.

Можно сказать, что изначально слово «судьба» было синонимом слова «суд». «Судьба» — это место и процесс суда («судилище»), правосудие и приговор. «На судьбе в результате судьбы свершилась судьба и была вынесена судьба». Примерно так.

Но суд, правосудие и приговор могут быть человеческими (чисто юридически), а могут — Божьими, не зависящими от воли человека.

Постепенно слово «судьба» из «юридического измерения» стало перемещаться, дрейфовать в высшее, так сказать, в «Небесную канцелярию». «Судьба» стала не просто судом, а Судом Божьим.

А Суд Божий, как известно, вершится постоянно. В результате слово «судьба» постепенно вобрало в себя все возможные значения. Оно стало обозначать и прошлое, и будущее, и человеческую жизнь (и не только жизнь человека: народа, книги, чего угодно...), и отдельно взятое событие в этой жизни.

Мы говорим: «Судьба этого слова очень интересна». Здесь «судьба» может быть заменена «историей». История — это то, что было, свершилось, прошлое, прошедшее.

В учебниках по истории пишут: «Война поставила на карту судьбы народов». Здесь «судьбы» — то, что будет, будущее, условия дальнейшего существования, будущность.

«Моей судьбы не разделить со мной...» — пишет А. С. Пушкин. Здесь «судьба» — жизнь, жизненный путь, участь, доля.

М. Ю. Лермонтов констатирует: «Судьба вчера свела случайно нас». Тут речь идет о стечении обстоятельств, о событии, которое произошло помимо нашей воли, по Воле Божьей, или, говоря иначе, согласно логике таинственного Фатума, Рока.

Можно верить в судьбу (Судьбу) и считать, что все свершается «волею судеб», можно не верить («натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка»), можно считать, что человек сам — «хозяин своей судьбы».

Но, так или иначе, язык упрямо создает образ судьбы как некоего главного существа. «Волей судеб», «судьба — индейка» и «хозяин судьбы» — во всех этих выражениях присутствует (явно или «исподволь») фигура одушевления. Судьба обладает волей («волею судеб»), она зооморфна («судьба — индейка»), судьбу как бы «приручают», подчиняют своей воле («хозяин судьбы»); заметьте: это не то же, что «хозяин машины», тут скорее «кто в доме хозяин?».

Можно кого-нибудь «бросить на произвол судьбы». Судьба бывает «злой», «счастливой», «слепой», «суровой». Судьба «приводит» кого-нибудь куда-нибудь.

Судьба может «взлюбить» или, наоборот, «невзлюбить» кого-то. И везде она — таинственное, но словно бы совершенно реальное существо.

«Судьба» — это постоянное напоминание человеку о том, что есть нечто большее, чем его прагматичные расчеты, карьерные планы. Веришь ты в судьбу или нет, в жизни всегда случаются вещи, которые не входят в твои планы и расчеты. «Судьба» — лекарство от самоуверенности, высокомерия, гордыни. Нет, конечно, нужно быть активным, иметь в жизни цель и идти к своей «судьбе-звезде». Но все же...

Наше время можно охарактеризовать как время «прагматической гордыни». Считается, что главное в жизни — удачная карьера, материальный достаток. И к ним надо идти во что бы то ни стало. Слово «амбициозный», которое еще десять-пятнадцать лет назад было отрицательным и считалось синонимом слов «надутый», «чванливый», «зазнавшийся», «спесивый», «напыщенный», теперь многими вос-

принимается со знаком плюс. Иметь большие амбиции — правильно. Карабкаться по карьерной лестнице — верно. Побеждать конкурентов — очень хорошо.

Но, как говорят в народе, «бил Ерощка Тимошку, да судьба побила Ерощку».

Амбиции амбициями, а от «судьбы не уйдешь».

Не согласны?

ТЕЛО и ПЛОТЬ

Слово «тело» — одно из самых этимологически «темных» в русском языке. Кроме того, исторически оно очень многозначно (полисеманлично). Оно имело в древнерусском языке такие значения: вещество, материальное существо, изображение, образ, вид, идол, истукан, основа, почва и др.

Вполне возможно (хотя строго этимологически этого доказать практически невозможно), что слово «тело» родственно слову «тень» (как то, что тело отбрасывает) и «дело».

Сближают исследователи языка это слово и с греческим «tel(e)os» — цель, конец, предел, срок. Отсюда — телеология, или финализм, то есть наука о целеполагании и целесообразности всего сущего.

В современном русском языке это слово тоже многозначно. Причем даже нормативные словари расходятся в наборе его значений.

Так или иначе, при всех семантических комбинациях-расхождениях, «тело» — это а) некий материальный объект, занимающий часть пространства, и часть пространства, занятая материальным объектом, то есть и форма, и содержание, б) живой организм в его естественной, природной форме и природная форма живого (или мертвого) организма, то есть опять же — и форма, и содержание, в) основная часть чего-либо (туловище, корпус, основа).

Говоря кратко, тело — это и микрокосм жизни, и жизнь микрокосма, и главная часть микрокосма.

Слово «плоть», если говорить о его светском понимании, фиксируется большинством словарей а) как устаревший синоним слова «тело», б) как составная часть ряда фразеологизмов («во плоти», «войти в плоть и кровь», «плоть от плоти» и др.). Этимология его тоже достаточно «туманная».

Ясно, что оно индоевропейское и что в славянских языках и в ряде других (например, литовском) оно имело значения, близкие к значению слова «кожа».

В богословском дискурсе «плоть» и «тело» в целом противопоставлены «духу», «душе» — как «сосуд греха». Однако все не так просто, и лингвистическая апология тела и плоти занимает в богословии очень важное место.

Слову «плоть», которое долгое время шло в орбите греческого богословского «sarks» (плоть, мясо, отсюда, кстати, — «сарксизм», буквально разрывание мяса), пожалуй, «досталось» греховности больше, чем «телу» («усмирение плоти», «плотские утехи» и т. п.). «Тело» же, хотя частично семантически и «ушло» в терминологию (физическую, астрономическую и др.), тем не менее в ортодоксальном христианском контексте тоже продолжило быть преимущественно «греховно маркированным».

Совершенно понятно, почему начиная с рубежа XIX—XX веков раздавались голоса «в защиту» плоти и тела (например, В. Розанов).

В современном российском обществе бытийный статус этих слов двойственен.

С одной стороны, мы живем в эпоху настоящего разгула так называемого неоязычества, то есть всего «плотского» и «телесного» в их карнавалльно-порнографическом «изводе».

С другой — «плоть» и «тело» суть неотъемлемая часть семейно-демографической проблемы. Вообще чисто русское пренебрежение к телу-плоти, к этому сосуду духа и души, наплевательское отношение к собственному здоровью и т. д. — одна из ключевых проблем России XXI века.

Вторая сторона этой проблемы — русское пренебрежение к семье, родству, «крови», кровным узам, к тому, что «плоть от плоти», «плоть и кровь». Тот же В. В. Розанов был абсолютно прав, обвиняя русских в их плотской и телесной «хлестаковщине».

Слово «тело» и в богословском контексте («Тело и Кровь Христовы»), и в светском («телогрейка», «телодвижение», «телесная немощь») — вполне «рабочий» языковой материал для российского жизнестроительства XXI века.

Фразеологизмы со словом «плоть», а также такие однокоренные слова, как «плотный», «(пере)воплотить», «(пере)воплощение» и т. п., — стержневые слова духовной культуры. Их употребление должно всячески приветствоваться, равно как и (пусть отчасти и ложноэтимологическое) сближение с корнем «плот» («оплот», «плотник» и др.). Это — именно «жизнестроительство», строительство «тела жизни», его формы и содержания.

ТОЛПА

История русского слова «толпа» — классический пример, если так можно выразиться, мутации, перерождения его смысла. «Хорошее» слово как будто бы стало «не очень хорошим», даже — «плохим».

Повезло слову «толпа» или нет в истории языка? Судите сами.

Вообще говоря, изначально этот древний индоевропейский корень выражал идею вместилища, вместительности, объемности, емкости, в целом — пространства, которое потенциально может быть чем-то заполнено. Наши далекие праиндоевропейские и праславянские предки несколько тысяч лет назад могли сказать примерно так: «У этого горшка хорошая толпа» или «Хороший у тебя дом, сосед, большой, толпа — что надо!..»

Тысячу лет назад на Руси под словом «толпа» подразумевалось «собрание людей», «войско», «воинство». То есть осмыслялась эта самая «толпа» как нечто большое, многолюдное, но организованное. И наделенное тем, что сейчас называют позитивной энергией.

Постепенно в значение этого слова стали словно бы вкрадываться отрицательные оттенки. «Толпа» стала пониматься как что-то неорганизованное, тесное, непредсказуемое, часто — агрессивное, опасное. В. Даль в середине XIX века дает такое толкование: «скопище, сборище, сходбище, толкотня». Толпой стали называть стадо скота. «Толпить» — значит «сгонять, теснить в кучу». «Толпище» — «место, где толпятся, и самая толпа; толкучка, толкучий рынок».

В различных русских диалектах есть много вариантов «несимпатичного» исполнения этого корня: «толпыга» — тот, кто лезет, толпится; «толпега» — грубый, неотесанный человек, толстая, неуклюжая, неповоротливая женщина и т. п.

Но это ладно. Понятно: в толпе тесно, и много всяких «толпег» толкаются локтями.

Судя по всему, особую роль в «дискредитации «толпы» сыграли все-таки не крестьяне или мещане, а высшие слои общества.

Дело в том, что история последних примерно трех веков — это история развития индивидуалистического сознания. Рост индивидуализма неизбежно «ударил» по так называемой морали толпы.

Есть «Личность», «Я», «Индивидуальность», «Гений» — а есть «толпа», которая является некой косной материей, «безликой массой людей в ее противопоставлении выдающимся личностям» (С. И. Ожегов), стадо «тварей дрожащих» (Ф. М. Достоевский), «человеческий материал», «быдло» (что, кстати, значит крупный рогатый скот, происходит от слова «быть» и в целом не подразумевает ничего дурного, просто — живое существо...).

А если есть гордый «Гений» и «толпа» и у «Гения» вдруг что-то не складывается, то кто виноват? Ясно: толпа. Помните стихотворение «Поэт и толпа»?

Интересно, что в XIX, а особенно в XX веке в обиход активно вошло слово «масса» («массы») как своего рода идеологический термин. Есть «вожди», а есть «массы». «Вожди» ведут массы за собой. «Массы» — это как бы вновь организованная толпа. Потом появляются научная и околонучная массовая культура (коммуникация, сознание, искусство, информация и проч.).

Слово «толпа» уходит на периферию языкового сознания, все больше становится бытовым. С чем у вас ассоциируется это слово? Наверное, с метро в час пик...

Видите: «толпа» — это сначала пространство, которое может быть заполнено, затем — большое количество людей (без знака минус), далее — толкотня, давка, хаос и грубые «толпеги», потом — агрессивно-косная масса, мешающая самовыразиться «Гению», и, наконец, словно бы процесс пошел вспять — снова: много народу, толкотня.

Может быть, слово «толпа» со временем вернется к своему исходному значению? И тогда мы сможем сказать друг другу как-нибудь так: «Эй, приятель, а у этого гаджета большая память — классная толпа» или «У твоей тачки большая толпа — все поместится»...

Может быть, и сможем сказать...

Только давайте то же самое, только без очень-очень надоевших «гаджета» и «тачки». Пусть эти слова употребляет «толпа», а мы выразимся как-нибудь поинтереснее.

ТОСКА

«Тоска» — очень русское слово. Можно сказать, что «тоска» — это словесная эмблема, например, русского так называемого критического реализма. Чехов, Горький, Гончаров и др. классики так или иначе «склоняли и спрягали» «русскую тоску», имея в виду «свинцовые мерзости русской жизни» (М. Горький).

Интересно, что однокоренные слова есть практически во всех славянских языках, но из них это слово все больше и почти везде ушло в разряд устаревших, а русский язык не только не расслабляется с «тоской», но и активно с ним работает («тосковать», «тоскливый», «тощища», «тоскун», «встосковаться», «тоска смертная», «тоска зеленая», «тоска нашла, навалилась» и т. п.).

Дело в том, что «тоска» — в высшей степени амбивалентное слово. Это «слово-кентавр», «слово-Янус». Разберемся.

Индоевропейский корень, давший нам «тоску», «teus», несет в себе общую идею простоты (осушения, опустошения, опорожнения). Отсюда же, кстати, русские слова «тщета» и «тощий».

Тоскливый человек — это человек опустошенный. «Духовно тощий». «Тщетный духом».

Обычно в толковых словарях «тоску» разводят на два основных значения. Первое — душевная тревога, уныние. Второе — это скука (а также что-либо скучное). То есть человек в тоске, с одной стороны, «пуст», но с другой — «тоскует» по (ха-

ракторное глагольное управление!) полноте. Это — «неудовлетворенная душевная, духовная пустота». Быть душевно-духовно пустым — плохо. Но хотеть быть «душевно заполненным» — хорошо. «Тоска» — это как бы трагедия, но с надеждой.

О «тоске» много писали русские философы. Все по-разному, но отмечая все в один голос именно эту «внутреннюю антитезу» «тоски». Н. Бердяев говорил о тоске по «трансцендентному» и одновременной «неслиянности» с ним. И. Ильин очень точно определял тоску как «томление души», как «недоуменный и беспомощный стон о религиозном опыте» (но не сам этот опыт!). То есть «тоска» — это, в общем-то, состояние большинства современных невоцерковленных россиян. И шире — вообще людей, стремящихся к духовной жизни.

Скорее всего, если судить по истории русского языка, тоска всегда владела русскими. Мы имеем целую «галерею» исторических синонимов этого слова. С древности — фольклорная «кручина» и библейское «уныние» (являющееся смертным грехом, потому что восходит к корню «*pau*» — «мертвый»), затем — «ипохондрия», «сплин» и «хандра» (обыгранные Пушкиным в «Евгении Онегине») и т. д.

Сохранилась в первую очередь именно «тоска» как самое трагически емкое, но все же сохраняющее надежду на выход из «трагедии пустоты». В современной речи это слово достаточно частотно. Употребляется оно, что очень показательно, и в качестве междометия («Вот тоска-то!»), максимально конденсирующего эмоции. Значит, все не так безнадежно.

УМ

«Ум», согласно толковым словарям, есть «способность человека познавать, мыслить, основа сознательной, разумной жизни». Кроме того — «такая способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта» («блестящий ум»). Наконец, слово «ум» употребляется как специфическая синекдоха («лучшие умы России»).

Мы видим, что все значения этого слова так или иначе «крутятся» вокруг, если так можно выразиться, «головы»: «мысль», «сознание», «познание», «разум», «интеллект»... Ум как бы напрямую связан с головным мозгом. Не случайно сниженными синонимами слова «умный» являются слова «башковитый» и «мозговитый». Еще говорят: «с головой», «семи пядей во лбу».

Может ли умный человек быть плохим? Запросто. Мало того, умный человек может быть душевно нечутким, лишенным способности любить, глубоко чувствовать или во многих ситуациях словно бы не видеть реальности, в конечном счете вести себя «неадекватно» — остаться в дураках. В народе так и говорят: «Умный-умный, а дурак».

И у Грибоедова тоже очень много Чацкого постигает «горе от ума».

Что-то здесь не так... Народная фразеология дает множество, может быть, и не вполне ясных для нас изречений, например: «С ума спятил, да на разум набрел». Или: «Ум за разумом не ходит». «Ум хорошо, два лучше, а три — хоть брось» (ср. современное: «Одна голова хорошо, а две — мутант»). Или: «Ум с умом сходились, дураками расходились».

Вообще отношение к уму в народе и в «высокой» культуре было не столь уж однозначно положительным.

Уму явно чего-то не хватает... Он не самодостаточен. В чем-то даже ущербен.

Тысячу с лишним лет назад в древнерусском языке «ум» значило и мысль (понимание), и душу, а «разум» понимался не только как рассудительность и разумение, но и как знак, указание.

Вообще корень «ум» осознавался значительно шире и был связан с чувством, верой, интуицией, даже инстинктом, хотя тогда наши предки, разумеется, таких слов не знали.

Этимологически «ум» состоит из корня «у» и суффикса «м».

Древнеиндоевропейское *у* (*ау*, *ав*) вбирало в себя два смысла: идею понимания, осознания и идею восприятия окружающего мира органами чувств. То есть быть умным — это и понимать, и чувствовать мир, а значит — видеть его полно, адекватно. Образно говоря, и головой, и сердцем (а также глазами, ушами, кожей и всем, чем можно).

Очень важно знать, что слово «ум» по происхождению тесно связано с такими словами, как «явиться», «явно», «явь», «наяву». Получается, что быть умным — значит видеть мир «явно», «наяву», то есть таким, какой он есть, а не таким, как им его хочет видеть наша сухая «мозговая» логика, «рационально просчитывающая» реальный мир.

«Ощущение» («чувствование») и «понимание» («осознание») должны идти вместе. Поодиночке они ущербны.

Русский язык «компенсировал» современное однобокое понимание «ума» словом «мудрость».

Хотя слово «ум» и «мудрость» в словарях синонимов обычно стоят рядом, мы помним, что синонимы — это слова, *близкие* по значению, а не одинаковые. Согласитесь: «мудрый человек» и «умный человек» далеко не одно и то же. Можно даже сказать, что это совсем разные люди. «Ум» — это, выражаясь математическим языком, «необходимое, но недостаточное». Умного может постигнуть «горе от ума», умный может оказаться «в дураках». А мудрый — выше этого. Он обладает больше чем умом. Он видит мир цельным, «явным», потому что и воспринимает его всеми имеющимися у него душевными, духовными и интеллектуальными возможностями.

Что такое «сойти с ума»? Это значит перестать видеть мир таким, как он есть на самом деле, «умобредодествовать», «доумствоваться до безумия», как говорили в XVIII—XIX веках.

В тех же XVIII—XIX веках говорили об «умовредительстве», «умоииступлении», «умогубительстве», «умопритулении», «умоодурении» и «умокичении». И все эти и многие другие слова подразумевали, что ум в «гордом мозговом (интеллектуально-рассудочном) одиночестве», без союза с душой, чувством представляет собой весьма и весьма опасную силу, таящую в себе огромный деструктивный, саморазрушающий потенциал.

Современный рациональный прагматизм всячески «продвигает» идею самодостаточности ума. Вроде бы жизнь можно математически просчитать. Интеллектуально систематизировать, статистически «прогнозировать».

На эти грабли человечество наступало уже не один раз.

Может быть, пора вернуть «уму» то, что он утратил со времен древнего «у»?

ХЛЕБ

Хлеб, если выразиться современным расхожим эпитетом, — культовое слово в русском языке. И не только в русском — в абсолютном большинстве языков мира.

Огромное словообразовательное гнездо (от «хлебопашества» до «нахлебника»), десятки и сотни устойчивых выражений (от «хлеб — всему голова» до «и то хлеб»). Казалось бы, с хлебом, как говорится, все ясно.

Но далеко не все ясно с этим словом.

Этот вроде бы широко употребительный корень тем не менее весьма загадочен с точки зрения своего происхождения, этимологии.

Может быть, это древнегерманский корень. Из германских языков он попал не только в русский, но и в финский, и эстонский. В английском языке (английский язык относится к германской группе) есть такое слово: «loaf» — булка, кочан, голова. Так вот оно одного происхождения с нашим «хлебом».

Может быть, «хлеб» восходит к еще более древним временам и родственно, например, латинскому слову «libum» — жертвенная лепешка. Заметим: «жертвенная». То есть хлеб всегда во все времена и везде был предметом культа, «магической субстанцией».

Есть версия, что оно произошло из уральских или алтайских языков.

Существует даже гипотеза, что наш родной хлеб — древнекитайское слово, которое звучало примерно как «глиэп» и означало — рис, зерна риса. Это что же такое получается? Наш любимый «каравай-каравай», который мы испекли на чьи-то там именины и который выбирает, кого хочет, выбирает китайский рис?..

Так или иначе, первоисточник этого слова неизвестен. Пока. Потому что лингвисты-этимологи работают, и рано или поздно мы все-таки узнаем, кто же наш хлеб — «немец», «итальянец» или «китаец»? Но мы видим, что даже сама тайна слова играет объединительную роль: германцы, русские, китайцы — все они, так сказать, этимологические «сохлебники».

Мы сказали в самом начале, что хлеб — слово «культовое». «Культ», «культура» — это слова по происхождению глубоко сельскохозяйственные. Латинский корень «cult» несет в себе идею возделывания земли, «пахоты».

Ясно, что хлеб — главная сельскохозяйственная, опять же, культура и его «культ» совершенно закономерен и оправдан. Отсюда многозначность слова. «Хлеб» — и «пищевой продукт, выпекаемый из муки» (здесь и далее — формулировки из словаря С. Ожегова), и «такой продукт в виде крупного выпеченного изделия», и «плоды, семена злаков, размалываемые в муку», и сами «такие злаки», и «пропитание», и вообще — «средство к существованию, заработок». И зерна, и колосья, и батон-буханка, и в целом — все то, что мы едим, и все то, что мы зарабатываем, чтобы жить.

Хлеб — как расширяющаяся вселенная: от крошечного зернышка, бросаемого в землю землекопом, до обобщенного образа основы всей человеческой жизни.

Хлеб — это «наше все». Не случайно мы так часто говорим «хлебушек», «хлебец», словно задабривая его уменьшительно-ласкательными суффиксами.

В современном городе человек совсем не так трепетно относится к хлебу. Хлеб в городе — уже не центр мироздания. Мы постепенно забываем богатейшую русскую «хлебную фразеологию». Про «заработать на хлеб с маслом» еще помним, а про «много снега — много хлеба» уже не помним. А зря. Потому что, как говорили на Руси, «хлеб на стол, и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска!» И каких бы изысков ни придумывала бурно развивающаяся человеческая цивилизация, все равно, согласно русской пословице, «калач приестся, а хлеб никогда».

ЧЕЛОВЕК

Слово индоевропейское. Этимология спорная.

Мы будем говорить именно о «человеке», а не об индоевропейских «синонимах» этого слова: «антропос», «вир», «мен» и др., где первоначальные смыслы могли быть самыми разнообразными: от «камня», «середины» и «смерти» до «мочить» и «столб».

Согласно самой распространенной лингвистической версии (которой уже около 140 лет), слово «человек» восходит к двум древним формантам.

Первая, отраженная в «чел», имела первичный смысл, который в современном языке может быть передан «биологически» (род, стая, табун, косяк и т. п.) и «социально» (клан, семья, «тейп», общество, общность, масса, толпа, отсюда русское «челядь»).

Вторая («век») тоже «раздваивается» в этимологической ретроспективе. Во-первых, опять же в известной мере «биологически», «век» — это дитя, детеныш, потомок, отпрыск, продолжатель рода, юноша, девушка, сын, а также проявление жизненной силы, энергии (поскольку потомство — это и есть проявление жизненной силы). Этот компонент родствен русскому слову «век» (жизнь человека, эпоха, здесь же — сила, здоровье, победа и т. п.). Во-вторых, «социально»: батрак, работник. Пожалуй, самое древнее славянское этимологически синтезированное значение слова «человек» в целом: отпрыск рода, а значит — член общества, общности, «порождение» и «часть». Симптоматично и наличие формы множественного числа «люди», тоже индоевропейского слова, которое имело исконное значение «народ», «расти», «разрастаться». Хотя фиксируется и значение «находится в услужении, на службе».

Как видим, все разнообразие этимологии может быть сведено к двум доминантам, которые четко отразились в русском языке, условно говоря: со знаком «плюс» и со знаком «минус» (дворовые, слуга, лакей).

Как XX век «поступил» с русским словом «человек»? Он прежде всего в советскую эпоху зачеркнул негативное социальное значение. Хотя в разговорной речи значение «некто, кто может выполнять определенную работу», сохранилось. Но в этом смысле оно является отчасти синонимом слова «профессионал», «кадр» («кадры решают все»), отчасти слову «свой», «нужный».

С другой стороны, так называемый гуманизм на протяжении нескольких столетий всячески затушевывал родовую составляющую семантики слова, одновременно педалируя биологическую. То есть «человек» — это а) особый, высший биологический вид, б) личность, индивидуум со своими правами («Человек — это звучит гордо» и проч.). «Человек» же как отпрыск/часть родовой общности (в том числе и общечеловеческой) и как проявление силы этой общности постепенно уходит на второй план. «Человек» мыслится в гуманистической философии исключительно биолого-социально-космополитически.

Русский язык дает тысячи и тысячи словообразовательных и контекстуальных исполнений слова «человек». Здесь есть и обширнейшая идиоматика («Человек человеку друг, товарищ и брат»), и ложная этимологизация («чело века»), и многое другое. Все эти «изводы» слова рассмотреть невозможно. На наш взгляд, очень показательны, как минимум, три словосочетания, отражающие здоровый консерватизм русского языка. Это: «человек Божий» (+ «божий люд»), «род человеческий» (+ «род людской») и «русский человек» (+ «русские люди»).

Первое словосочетание, с точки зрения, например, английского языка («God's human»), является неким избыточным абсурдом, семантической тавтологией и оксюмороном. Русский же язык переносит социальную вертикаль («челядь», «крепостной» и т. п.) на космическую, выстраивая прямую связь между Богом и человеком (каждым, отдельно взятым!), причем вектор этот и тот, кто зависит от Бога, слугит ему.

«Род человеческий» в том же английском звучит как «human race», то есть подчеркивается биологическая, расовая, а значит — «разъединяющая» составляющая. «Human race» — это раса людей, а не других животных. «Race» — это еще и народ (то есть народ = раса). «Род человеческий» — это объединяющее, синтезирующее словосочетание: «все мы рождены людьми и потому едины», «мы дети человечества».

«Русский человек» на английский может быть переведен либо как «Russian» (без «человека»), либо с гендерно-биологическим «аппендиксом» («Russian man», «Russian woman»).

Слово «человек» в русском языке, на наш взгляд, упорно «консервирует» исконные этимоны, давая их многомерное, если угодно, «соборное» исполнение, уходя от плоскостного, одномерного бытования.

Заметим, что чисто биологическая и чисто социальная (внеациональная, внеродовая) семы как бы упорно отталкиваются русским языком. Противопоставление человека «остальному» животному миру в русском языке (если не брать биологическую терминологию) нерелевантно. Русское слово «человек» упрямо снимает и гендерную оппозицию. Оно же успешно изживает «батрака», «крепостного» и т. п. «Права человека» как социально-юридическая зона неких глобалистско-космополитических деклараций в реальной, повседневной жизни превращается в «права потребителей», «права матери и ребенка» и т. п. Слово «человек» словно бы «ускользает» из социальной (юридической, финансовой, экономической) зон, то есть зон полностью и безоговорочно десакрализованных.

Актуальными же остаются следующие семантические лучи: «человек — Бог», «человек — человечество», «человек — народ». И во всех этих лучах «человек» выступает как индивидуальное проявление соответствующих сил: Бога, Человечества, Народа. В дальнейшем возможна и необходима более подробная проработка этих трех лучей тезауруса с привлечением огромного свода словообразовательных моделей, терминологии («Богочеловек»), окказионализмов («человекоугодие») и т. п.

ЧЕСТЬ

«Честь» — это и то, чем обладает человек (достойные уважения моральные качества, принципы, целомудрие, незапятнанная репутация, доброе имя), и то, как к нему, соответственно, относятся окружающие (почет, уважение). Это то сокровенное «внутреннее», которое необходимо сохранять для правильного отражения во «внешнем».

В сущности — что такое честь — объяснить невозможно. В этом смысле честь — некий онтологический аналог совести, благородства и т. п., того, что греки определяли то как «арэтэ», то как «калокагатия», китайцы — как «жэнь» и «вэнь» и т. д.

Синонимические словари «раскладывают» слово «честь» на — как минимум — три синонима: «репутация», «почет» и «невинность». Социально и гендерно «честь» тоже «разобщена»: «девичья честь», «честь офицера», «дворянская честь» и проч.

Но по сути честь — это «универсальное неуловимое», «дао души», тот инвариант духа, который может реализоваться во множестве вариантов. Честь — это, если выражаться культурологически, врожденная этическая доминанта, эманурующий эйдос, иначе говоря, личностный стержень.

Бесчестность — это обезличивание, в конечном счете — бездуховность, бездушие и бесчеловечность.

Этимологически слово «честь» — один из самых синкретичных индоевропейских концептов. В различных языках он дает очень симптоматичные рефлексy. «Честь» в своих различных культурно-языковых исполнениях сопряжена с такими понятиями, как «понимать», «мыслить», «познавать», «соблюдать», «замечать», «намереваться», «чувствовать» и др. «Честь» — это как бы «все во всем», синкретическая пуповина взаимодействия индивида с миром, микрокосма с макрокосмом.

В современном русском языке «родственниками» «чести» являются, к примеру, такие слова, как «читать», «читать», «считать» (+ «число», «чет», «чета») и, разумеется, «честный». Этот факт может многое прояснить.

Современное расхожее представление о том, что честному человеку трудно жить и что вообще «честь» — некий атавизм, мешающий «делать карьеру» и т. п., натывается при лингвокультурологическом анализе этого корня на ряд препятствий.

Выясняется, что «честь» — не абстрактное нечто, не моральная условность, которую легко устранить. Нет, в современном прагматичном «офисном» мире «честно прочитать» (бизнес-план), «честно сосчитать» (прибыль), «честно чтить» (коллег, сотрудников), «быть честным в чете» (в браке, в дружбе) — обязательные элементы «экзистанса», без которых невозможна никакая «бездушная карьера».

«Честь» — словно бы некая пантеистическая субстанция мира — разлита во всем, в каждой мелочи жизни. И странным образом в высшей степени актуально звучат такие, казалось бы, безнадежно устаревшие идиомы с этим словом: «честно выполнить», «была бы честь предложена», «честь по чести», «много чести» и т. д. Все эти «репутационные маркеры» оказываются архисовременными. На Западе, кстати, понимание этого уже давно пришло (данный феномен называется «репутационным», или «мягким», правом).

Концепт «честь», будучи древнейшим синкретическим культурным концептом, парадоксальным образом «приспособился» к современному миру, «мимикрировал» под постпостиндустриальную прагматику и успешно работает «на позитив».

ЧИСТОТА

В современном русском языке *чистый*, находящийся в состоянии *чистоты* — значит отделенный от всего того, что мешает субъекту или объекту (вещи, человеку, идее и т. д.) быть идеальным, безупречным, безукоризненным. *Чистый* — значит негрязный (*чистые руки*), лишенный нравственных изъянов (*чистая душа*), свободный, открытый, незанятый (*чистое поле*), нетяжелый, необременительный (*чистая работа*), лишенный беспорядка, парадный, прибранный (*чистая часть избы*), неразбавленный, без примесей (*чистое золото*).

Французский скульптор Огюст Роден объяснял, что такое работа скульптора, следующим образом: берешь мрамор и отсекаешь все лишнее. Этот творческий принцип можно вполне назвать «принципом чистоты».

Корень *чист* есть практически во всех индоевропейских языках. Звучит он, конечно, по-разному, но так называемая база у всех разных *чист* одна. Первоначально она несла в себе идею отделения, резания, отсекания, разъединения.

Если мы вспомним, как Бог создавал мир в Библии, то мы поймем: Бог как раз чистил мир (в исконном смысле этого корня), разделяя свет и тьму, море и сушу и т. д.

Древнейшее значение «резать», «разделять», «делить» со временем трансформировалось в «отрезать лишнее», «отделять ненужное». Оттенки смысла могли быть самые разные. Например, у древних индусов (у них наше *чист* звучало примерно как *чид*) этот корень значит «просверленный», «продырявленный», у исландцев (*хит*) — сделанный из среза кожи (о мешке), у литовцев — жидкий, то есть «не обремененный» густотой, у русских (где-то с XI века) — без зарослей (о лесе), свободный от обязательств и т. д. и т. п.

А в дальнейшем во всех языках сформировалась идея *чистоты* как святости, избранности, непорочности.

Современный человек одержим идеей физического и энергетического очищения (от кишечника до «ауры»). Здесь есть и рациональное соображение (все хотят быть здоровыми), но есть и явный мистический «атавизм». Любой культ, любая религия в мире рассматривала и рассматривает духовное очищение как основу святости. А духовное очищение невозможно без физического. К примеру, составная часть поста — диета.

Обряды очищения — основные обряды на земле. Чем больше чистоты, тем больше добра. Чем больше нечистоты — тем больше зла. Понятно, что одно из распространенных наименований черта, сатаны, дьявола — *нечистый*. И вообще — все, что относится к злу, тьме, — *нечистая сила, нечисть*.

Все *чистое* (= светлое, доброе) идет в рай, а *нечистое* (= темное, злое) — в ад. Католическая религия говорит, что существует еще и *чистилище*, где «недостаточно чистым» (или «небезнадёжно нечистым») дается шанс очиститься.

Чистота, как мы видим, — очень высокое и «чистое» слово. Оно вносит в мир определенность, ясность, дает людям идеальные ориентиры. Это «слово-образец», «слово-идеал». Мы с вами понимаем, что *чистая правда* — это, в общем-то, утопия. Не бывает абсолютно *чистых людей, чистых душ и чистых побуждений*, полной и безоговорочной *чистосердечности*. Но к этому нужно стремиться. *Чистота*, говоря высоким слогом, — путеводная звезда человечества.

Но, к сожалению, понятие *чистоты* может быть опасно извращено и стать страшным оружием в руках «нечистого».

Мы прекрасно помним, что стоит за словосочетанием *чистый ариец*. Кровь, горе, газовые камеры.

Старшее поколение россиян помнит, что могло крыться за словами *чистота партийных рядов* или *партийная чистота*. Репрессии, поломанные судьбы, унижение.

И в наши дни призыв *очистить Москву от приезжих* может быть истолкован как призыв к ненависти и агрессии. А готовых к агрессии «чисто конкретных пацанов» (выражаясь их собственным сленгом) у нас, к сожалению, еще предостаточно.

Слово *чистота*, как и множество других слов, обладает колоссальной внутренней энергией. Можно сказать — атомной. А атом может быть как «мирным», так и совсем наоборот.

Поэтому, конечно, *да здравствует чистота!*

Но вместе с тем: *осторожно, чистота!*

ЯЗЫК

Начнем с того, что в современном русском языке есть (извините за тавтологию) целых три слова *язык*, три омонима. Строго говоря, это, конечно, омонимы. Но все же существует некая глубокая смысловая связь между ними. Итак.

Во-первых, есть орган речи, который можно *держаться за зубы, развязать, прикусить*, которым можно *чесать, трепать и болтать*, с которого постоянно что-то *срывается* и на котором все время что-то *вертится*. Говяжий язык можно скушать... не как орган артикуляции, а как блюдо. Есть язык — у колокола. Языки могут быть и, например, огненными. Но это — метафоры.

Во-вторых, существуют языки, на которых говорят. Этих языков бесчисленное количество: бывают языки пчел, брокеров, глухонемых, русский, эсперанто, программирования, танца, дорожных знаков... *Языком* можно назвать пленного. Раньше на Руси *языками* называли переводчиков-«толмачей». Есть такая наука — *языкознание*, или *языковедение*, которая занимается изучением языков.

Наконец, в-третьих, существует *язык* в значении народ, нация. Это старое значение, оно уже почти вышло из употребления. В последний раз это значение актуализировалось в 1812 году, когда на Россию напал Наполеон. И это нападение называли *нашествием двенадцати* (то есть двенадцати) *языков* (то есть народов).

Какова же связь между *прикусить язык*, военнопленным, нацией и языком пчел? И существует ли она вообще?

Надо сказать, что специалисты по истории слов, этимологи далеко не единодушны в вопросе об общем корне всех этих *языков*, об «этимоне».

Например, одни ученые считают, что слово *язык* этимологически связано с *узкий*. Другие настаивают на том, что узкий тут совсем ни при чем. А по-настоящему язык родствен словам *вязать*, *узы* и *вить* (скручивать, сплетать). Первые исходят из того, что люди сначала «осознали» язык как то, что находится у нас во рту (орган артикуляции). Вторые — из того, что первоначально *язык* значило речь.

Вторая версия, пожалуй, более достоверна. И действительно: язык — это прежде всего то, что связывает, объединяет. Язык — *связывающие узлы, сплетающее витье*. И в этом смысле народ — это в первую очередь не этнически однородное целое, а люди, говорящие на одном языке. Так считали многие, к примеру В. И. Даль, создатель уникального «Толкового словаря живого великорусского языка». Он постоянно повторял: русский — это тот, кто говорит и думает по-русски. Сам-то В. И. Даль по происхождению был датчанин... Ну и что? Куда уж быть более русским, чем В. И. Даль?

Сейчас очень распространено определение языка как средства коммуникации, то есть сообщения, общения, связи. Термин «коммуникация», ныне очень модный, заимствован из латыни. Мы постоянно говорим о «массовой коммуникации», о «средствах массовой коммуникации», о «коммуникативных функциях языка» и т. д. и т. п.

Удивительно, насколько самые, казалось бы, новейшие открытия и теории всегда «стары как мир»!

Несколько тысяч лет назад в древнейшем праиндоевропейском языке был корень, который звучал примерно как долгое «у». В нем уже было заключено зерно значения «вязи-витья — уз». У в разных языках трансформировалось в *уг, энг, инг, ы, ыз, оз, йез* и т. п. Отсюда, кстати, вышли английское *tongue*, латинское *lingua*. И наш язык. Который объединил огромное пространство, населенное десятками народов.

И вот в современном мире именно проблема языков становится одной из главных проблем сосуществования народов. Идут бесконечные споры о «статусе» языков (национальный язык, официальный язык, государственный язык, язык межнационального общения и т. д. и т. п.).

Межнациональные конфликты в подавляющем большинстве случаев начинаются именно со спора о статусе языков и заканчиваются (если заканчиваются!) нахождением компромисса в таком споре. Ученые и политики изо всех сил ищут средства налаживания, регулирования «межкультурной коммуникации».

Где же ключ к решению всех этих проблем?

Во внимательном, вдумчивом изучении языка. Любого: английского, французского, латинского... Но прежде всего — своего родного.

Потому что других родных у тебя уже не будет. Русский язык — это твои родственные *узы*. Как семья, как народ.

И других «ключей» к решению проблем твоих «связей с миром» не существует.

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Альберт ИЗМАЙЛОВ

«ЧЕМ ПРОЩЕ СТИХ,
ТЕМ ОН ТРУДНЕЕ...»

*К 130-летию со дня рождения
Игоря Северянина (1887–1941)*

Наверное, есть какая-то тайна в природе Севера, дарящая людям нежные чувства к окружающему миру, живому и неживому. Истоки рождения и становления ласковой, мелодичной лирики Игоря Северянина здесь — на северной земле: «Да, север, сумерки и май...»

«Благодаря чтению и слушанию всего этого образцового, в особенности же благодаря оперной музыке, произведшей на меня сразу же громадное впечатление и зачаровавшей ребенка, — вспоминал Игорь Северянин в 1924 году, — мое творчество стало на двух основных принципах: классическая банальность и мелодическая музыкальность»¹.

Писал он много, но печатал только то, что интуитивно чувствовал своим, милым, жизненным. В его печатных поэзах светилась бесстрастная нежность. Он, как музыкант, целуя головку духового музыкального инструмента, извлекает нежный звук, так поэт в костер бросает хворост нежных слов, чтобы его пламя согрело землю и человечество.

Жизнь порой била, обманывала, но не обламывала его, не сжигала. Он вновь и вновь целовал цветущее лицо весенних яблонь, жег молнией своих изысканно-простых поэм надменные вершины. Он уходил туда, в интервал олуненных аллей, в наготу берез, где нежно свежее лесная глубь, где легко кружатся яблоневые снежинки.

Среди поэтов Серебряного века есть личности, которые своеобразным образом стремились создать свой мир, переосмыслить пространства, время, искусства.

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

¹ Игорь Северянин. Царственный паяц. СПб., 2005. С. 41.

Северянин не признавал давления на творчество ни с какой стороны. Его бранили за смешение стилей, хотя это и было новым стилем, северянинским. Человек, по Северянину, способен на многое, ему нужно только поверить в себя, сказать: «Я буду!»

Он размышлял о добре и зле, правде и неправде, о людях, о России.

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать.
О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

И главным критерием в оценках многих явлений была для него нравственность.

Жизнь человека одного —
Дороже и прекрасней мира.
Все для него, все для него —
От мелкой мошки до тапира.

Нельзя заставить замолчать из сердца льющееся слово. Слово нежное, проникновенное, простое.

Нельзя победить одним сопротивлением. Необходимо наступление. И поэт умел подчинить себе нежно, настойчиво, настоятельно, доверчиво. Умел заступить, но не наступить. Он наступал, как весна, «полный нежности и ласковой тоски».

Он общался с В. Маяковским, Д. Бурлюком, В. Каменским...

О стихотворениях северного барда Игоря Северянина поэт и художник Давид Бурлюк вспоминал: «...от него пахло не только льдистой свежестью строгого морозного взрыва бодрого таланта, но и новым задором неведомым доселе... о Северянине многие говорили и говорят: „не футурист“, но так говорят о каждом из футуристов, поскольку без него уже нельзя дышать, не то что говорить... надо помнить, что Северянин буйствовал, „футурил“ пусть в воротничке „эго“ в Петрограде в безудержной цитадели всяческого пушкининства... и этот дух футуризма в казенном Петербурге возрос и вел свою работу в хрупкой по виду, по звуку и диапазону в поле Игоря Северянина. Он в Петрограде озадачивал „новыми“ словечками, он будоражил классы критиков и умы молодежи... Нежность — это специальность Северянина, но в первых идейных схватках ее поэт, применив как оружие, изуродовал много сердец... И только такой поэт мог возникнуть в Петербурге. В Северянине большая тонкость столицы, большое спокойствие, выдержка и знание себе цены. Северянин не торопится, он ждет, что собеседник выскажется первым...»²

Позднее Д. Бурлюк писал: «Во время моего визита одиннадцатого февраля 1915 года Северянин видел во мне очевидно человека, с которым, даже не споря, он все же был во внутреннем раздражении, он написал мне в тетрадь две строки:

Да, Пушкин мертв для современья,
Но Пушкин пушкински велик...»³

Нежность выплескивалась в письмах: «...не переставал о Вас думать. И не перестаю. И не перестану. Да. Кратко и утвердительно. Меня к Вам влечет. Мне лазурно

² РО РНБ. Ф. 552. Д. 1. Л. 130-142.

³ РО РНБ. Ф. 552. Д. 1. Л. 143.

с Вами...» — писал он театральной и кинематографической актрисе Л. Д. Рындиной в 1912 году.

Актриса, писательница Лидия Дмитриевна Рындина писала в своем дневнике в 1913 году: «И главное в моей жизни — этот год, я скажу в конце сегодняшнего дневника. — это Игорь, да, Игорь Северянин, что говорит, что полюбил меня, что дарит мне свои стихи, что пишет их о мне, что проводит со мной долгие ночи. Я прихожу из театра... одеваю свой белый чепчик и сажу, и говорим, говорим, и целуемся, и я, не любя, как-то люблю, и нет сил оттолкнуть, и люблю Сергея⁴, но и Игоря... Душа Игоря мне близка, мучительно тянет меня к себе его талант...»⁵

В марте 1914 года она вновь была в Петербурге, записывала в дневнике: «...Игорь Северянин около меня. Мне посвящена его новая книга „Златолира“ вся целиком. Много стихов мне пишет. Что я? Да, я совсем уже холодна... Игорю я плачу за лето боли и огорчений...»

Северянин писал ей: «Я всегда был и буду твоим истинным другом... Меньше всего видел и ценил в тебе женщину, несмотря на то, что ты очень красива и интересна. Всегда чувствовал глубину твоей души, которую эти человечки не могут познать...»

Право поэта — быть искренним до нежности. «Посвящение поэта в поэзию, — писала М. Шагинян о Северянине, — происходит любовью; каждая строка тут автобиографична».

Слагатель нежных, музыкально-лирических поэм невозмутимо шел по своей поэтической улице, по своей зеленой тропе, не обращая внимания на окружавшие его времена и события.

Где же истина суждений об этом новом поэте? — вопрошали литературные критики. Она в том, что в его поэтических образах все же больше нежности, задушевности: там, в парке, плачет девочка, «которой жаль ласточки с переломанной лапкой»; там поздней осенью «хромает ветхий месяц, как половина колеса»; там мороз «выпивает лужи», затягивая их хрупким хрусталем. Поэт умеет услышать деревенский напев: «...зашадила, загуляла по деревне молодуха / было в поле, на воле. Было в день Святого духа».

Критики видели в его стихотворениях то безвкусицу, то незнание, то изысканность и задушевность. Николай Гумилев писал о раннем творчестве Северянина: «...его стих свободен и крылат, его образы подлинно, а иногда и радующе неожиданны. У него уже есть свой поэтический облик...»⁶

Нельзя было остаться равнодушным от северянинских строк: «и сел на сером клене в атласный интервал»; «лиловеют разнотонами станы тонких поэтесс»; «пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа». Да, это была «грибная поляна» для пародистов, фельетонистов, любителей грибных деликатесов. И мало кто замечал в этих «изысках» иронического северянинского фейерверка, искрящегося электрическим светом из «столицы на Неве».

Северянин «жемчужно» хохотал над суждениями литературных критиков о нем, ибо считал, что «решительно все имеет право излиться в искусстве», и что «Жизнь подражает Искусству гораздо больше, чем Искусство — Жизни», и что «вымысел всегда сильнее правды»⁷.

⁴ Сергей Соколов — ее муж. Рындина переехала из Варшавы в Москву в 1906 году. Во время поездки с отцом в Германию она познакомилась со своим будущим мужем, официально стала женой Соколова в 1907 году, после его развода с Н. Петровской.

⁵ Лица: Биографический альманах.10. СПб., 2004. С. 21.

⁶ Игорь Северянин. Царственный паяц. СПб., 2005. С. 590.

⁷ Там же. СПб., 2005. С. 551—552..

У него многое было наоборот. И слова (окалошить, миражить, экстазить...), и суждения о любви, о Пушкине (который писал о своем увлечении Н. Н. Гончаровой: «я огончарован»).

Противоречивые тексты литературных критиков о творчестве Северянина продемонстрировали новаторскую, необычную, сложную поэзию мастера лирико-виртуозных стихосложений.

Северянина называли большим мастером нежности. В его творчестве всегда ощущалось нежное, искреннее чувство к женщине, поэзии, России. И это чувство заставляло поэта строже относиться к творчеству:

Чем проще стих, тем он труднее,
Таится в каждой строчке риф.
И я в отчаянии бледнею,
Встречая лик безликих рифм.

Многие помнят его «взгляд балтийской волны», его неторопливый выдох:

Для отрезвления народа,
Который впал в угрозный сплин,
Не Лермонтова с парохода,
А Бурлюков на Сахалин...

Он не любил одних поэтов, славословил других. Проникался, «питал благосклонность», называл некоторых стихотворцев «ласковыми, девственными». Читал, разбирал их стихи, стиль, рифмы. Соглашался, возмущался, удивлялся.

«Основываясь на „народном слухе“, как наиболее непосредственном, — писал он в письме поэту, прозаику Б. Д. Богомолу, — мы можем — и, может статься, должны?.. — ввести в поэзию новую форму дисгармонической рифмы, а именно диссонанс»⁸.

Он и в значение слова «нежность» как бы вносил дисгармонический смысл, использовал его для раскрытия источника поведения человека, ибо специалист в сфере искусства, связанный в своей работе со словом, всегда будет искать необычный способ его использования. Искать целерациональность.

Нежность, как средство влияния, как оружие в борьбе за лидерство, как сегодня называют, «мягкая сила», брала души и сердца читателей, слушателей в плен, направляла думы, дела, поступки. Меткое народное изречение напоминало: «Мягкое слово кости ломает». И доверчивое чувство всегда обязано соседствовать с разумом.

У Северянина большие запасы «мягкой силы» в сфере творчества, публикаций, культурного влияния. Как самобытного поэта с истинным чувством поэзии и как формы выражения, и как способа существования его высоко ценили как российские, так и зарубежные литераторы и читатели.

Язык Северянина колебался меж двух волн: экзотикой и банальностью, приверженность к которой декларировал сам поэт: «„Сирень“ и „день“! — нет рифм банальней! Милей и слаще нет зато». В музыке его стихов слышен то задор, то созвучие, то несогласованность, то какофония, то гармония.

Весной 1916 года Северянин проходил военную службу в казармах 145-го пехотного Новочеркасского полка на Охте. В эту пору он писал:

⁸ Там же. СПб., 2005. С. 77.

На Охте гнилой, в казарме каменной.
 Где днем тоскливо, а ночью хоть плачь,
 Я, мечтами, как камнем, подавленный,
 Приказывал сердцу: молчи же, не плачь...

В Новочеркасском полку он подружился с начинающим литератором Л. Борисовым. Они говорили о литературе, технике стиха, месте поэта в обществе. Однажды Северянин сказал: «Всю жизнь буду писать о мечте, о грезах, о красивой жизни. Ненавижу реальность, то, что вы называете реальностью. Я сотворю свою другую жизнь...»

Его тревожила война, приближение предреволюционных настроений. Все это объясняло его странное поведение, необычное чтение стихов, некоторая вычурность, эксцентрическая самоуверенность и, конечно, новаторство и традиционность русской поэзии, простота и естественность, лиризм и даже сентиментальность. С годами характер его творчества менялся, стихи становились проще, лиричнее, в них входили мотивы воспоминаний о прошлом, остро переживаемое одиночество.

Поэт был склонен и к романтике, и к холодному рассудочному восприятию мира, но был далек от политических пристрастий, от более зоркого видения туманного горизонта. Он всегда стремился обосноваться в тех территориально-географических местах, где было мало поэтов, но много интересного для поэтического восприятия. Ему были интересны красочные истории местной жизни.

Времена не выбирают. В них живут. И творчество Северянина — это своеобразный диалог в пространстве царской России, буржуазной Эстонии и в составе СССР. Выжить поэту в этом противоречивом пространстве можно было, только избрав общечеловеческую тему, приемлемую для всех политических режимов. Такой темой, в которой «специализировался» поэт, стала тема, обозначенная для кого-то «хрупким», для кого-то «сильным» понятием — нежность.

Прожив в двух антагонистических друг к другу пространствах, он пытался сделать вывод: мы живем плохо не только из-за какого-то внешнего коварства, а, скорее, из-за своего собственного вредительства, предательства, расточительства. Мечты и мысли вдохновляли нас на построение лучшей жизни, а жить приходилось вечно сиром, в зле добра и доброте злобы. В январе 1918-го он писал: «...виновных нет: все люди правы, / но больше всех — противший прав!»

Так что же есть поэт? Поэт — это «неприкаянная душа, что бродит в мире, всех жалея».

Он был впередсмотрящим на корабле жизни, плывущем только вперед, к неразгаданным тайнам бытия.

И вечно море будет ласкать солнце, а солнце — море, а поэт — трепетать, как «в бурю снасть на корабле».

«Дульцинея вод» для него была эстонская Тойла, маленькое местечко на берегу Балтийского моря.

Все эти краски ароматов,
 Всю филигранность настроений
 Я ощущаю белой ночью
 У моря, спящего в стекле...

Судьбы многих поэтов Серебряного века сложились трагично. Он подолгу жил в эстонском поселке Тойла, в 1918 году оказался вне России, в 1921 году принял эстонское гражданство.

В его личной жизни не все складывалось так, как ему хотелось. Он полагал, что «жить с поэтом — подвиг, на который не все способны», и он никому не позволял осуждать поэта.

Жизнь протекала трудно: безработица, безденежье, болезни.

В 1931 году он писал: «...„Коммунизму“ и „капитализму“ — этим двум понятиям, этим двум мироощущениям — никогда не ужиться вместе. Их столкновение ужасающе-страшное — в конце концов неизбежное, и у меня нет ни малейшей уверенности в победе капитала. Собственно говоря, жестоки и бессердечны обе системы, и я не приверженец ни одной из них. Остается надеяться лишь на то обстоятельство, что коммунизм в Европе выразится в более культурной и терпимой форме, нежели там, на востоке...»⁹

Несмотря на невзгоды, писал, творил, сочинял. Его стихи переводили на французский, испанский, польский, эстонский, хорватский, сербский, болгарский, румынский, чешский языки, на эсперанто. На его стихи слагали песни, романсы. Художники писали его портреты.

А за окном проходила «еще одна осень», желтели и алели листья, шли «серые деньки, бури на море, холодный воздух по утрам».

В сентябре 1940 года он писал: «Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: в последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрят как на шутов и бездельников, обрекая их на унижение и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдете много строк протеста, возмущения и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы»¹⁰.

Северянин с помощью «мягкой силы», нежного, мягкого отношения к тем или иным моментам современности стремился преодолеть трагические, мрачные условия жизни, с которыми сталкивался как в старой и новой России, так и на капиталистическом Западе.

В 1940 году в Советской Эстонии некоторые стихи Северянина были опубликованы в журналах «Огонек» и «Красная новь». В Ленинграде в 1941 году готовился к выпуску альманах, куда должны были войти его стихи о русских композиторах. Началась война, и издательство было уничтожено бомбежкой. После начала войны, в 1941 году он хотел эвакуироваться в советский тыл, но, будучи тяжело больным, не смог этого сделать. В декабре холодного 1941 года Игорь Северянин умер в оккупированном Таллине. На его могиле была сделана надпись — двустишие из одного его стихотворения:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Он умер одиноким, но не одинокими остались его поэтические творения.

⁹ Там же. СПб., 2005. С. 269.

¹⁰ Там же. СПб., 2005. С. 221.

ВСЕГДА ПО-СВОЕМУ

Владимир Шемшученко. Избранное (книга стихотворений). — СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2016. — 160 с.

Владимир Шемшученко отнюдь не новичок в поэзии, более того, этот поэт отмечен немалым числом премий — тем интереснее проанализировать недавно вышедший из печати сборник «Избранное» на предмет определения своеобразия, уникальности поэтической мысли и поэтического слова. Что же бросается в глаза при первом уже знакомстве со стихами Владимира Шемшученко и что, напротив, требует пристального отслеживания, едва ли не герменевтического подхода? Попробуем эти индивидуальные черты (условно, конечно же!) пронумеровать.

Во-первых, поэзия Владимира Шемшученко — это мужская поэзия. На поэтическом горизонте (впрочем, не только на поэтическом, в быту и на службе тоже!) сейчас продолжается такой период, когда женщины и ведут себя, и пишут подчеркнуто по-мужски, а противоположный пол не чурается женственных признаний, шквала обид и прочих атрибутов отнюдь не своего гендера. У В. Шемшученко все четко по-мужски. *Ненависть — высшей пробы! — / Сыну в сердце вложу* (с. 151). *Плачет сука, и я с ней плачу, / Ненавидя и благодаря* (с. 149). *Двадцатый век оттяпал полдуши / И треть страны, в которой я родился* (с. 146). *И вдрызг разругались соперницы-кошки, / Изрядно помяв меховые манто. / Вот глупые твари. Свернуть бы им бошки!* (с. 143). *А собачьи глаза — Вон какие стихи сочиняют!* (с. 128). *Любимая, я — идиот — / Европа стихи не читает* (с. 95). *К чертям занудный ход календаря!* (с. 102). *И в рюкзак уложить тишину и усталость* (с. 41).

Во-вторых (впрочем, это вытекает из первого!), Владимир Шемшученко — поэт эпатажа, отстаивающий свое право на эмоции, достаточно часто альтернативные классическим поэтическим ожиданиям. Но этим голосом говорят сейчас многие, очень многие, которым эти стихи, если бы они их услышали, были бы до боли близки и дороги. У поэта Геннадия Калашникова есть выразительная строка: «*Вся суть поэзии — касанье, она не зеркало — ладонь*». То, о чем рассказывает лирика Владимира Шемшученко, *касается* буквально каждого соотечественника-современника: «*Неладно со времен царя Гороха...*», «*Обшарпанный футляр, а в нем аккордеон...*», «*Я устал. Мне уже никогда...*», «*Стало страшно читать и писать...*», «*Петь не умеешь — вой*». Мы привели сейчас самые первые строки (и, соответственно, названия некоторых стихов), тематически различных, но равно остающихся в памяти и структурирующих образ поэта.

Ролан Барт выдвинул идею о «третьем смысле» кинопрочтения произведений. Первый смысл — социально-этический, второй — эстетический, однако фильм фиксирует всегда несколько больше, чем хотел сказать автор. Примерно о том же пишет в своей книге «Простодушное чтение» и Сергей Костырко: «*А у художества, как известно, своя логика, и противоречие между тем, что намерен был сказать автор, и тем, что сказалось, почти всегда неизбежно*». Мы сейчас ведем речь о том, что у Владимира Шемшученко немало строк уделено «русской болезни», поскольку талантливый поэт, подчас независимо от своих установок, то есть интуитивно, становится всеобъемлющим зеркалом социума. Причем упомянутая тема работает и на образный ряд: *И хлебнув с утра весенней влаги, / Провода трамвайные поют* (с. 85). Тут проступает очень напряженный нерв оценки: всё ли, что есть в жизни, долж-

но проникать в книгу или всё же не всё? Отражаем ли мы происходящее (науке известен такой термин, как сверхсмертность мужчин, — понятно от чего) или утоляем извечный голод, свою неумную тоску по идеалам и образцам повседневного поведения?

Вот одно из самых сильных стихотворений «Счет»: *Я иду, заливаясь слезами, / Всеотзывчивость нашу кляня... / А навстречу — со злыми глазами! — / Боже, как они любят меня!* (с. 142). Нас всех (не только мужчин! не только много переживших!) достаточно часто захлестывают отрицательные эмоции, которые, оказывается, тоже нужны личности, что блестяще доказал в своей книге Томас Гордон, защищая права детей на гнев и зависть, обиду и злость. Кстати, американского психолога трижды представляли к Нобелевской премии, но его смерть сняла этот вопрос с рассмотрения. Мы же пишем об этом потому, что сильным эмоциям ой как необходим свой язык. «Язык не может быть сокровенным. Если он сокровенен — он не язык», — подчеркивает в романе «Полевые исследования украинского секса» Оксана Забужко.

Тем ярче в сборнике «Избранное» у Владимира Шемшученко звучат альтернативные, добрые стихи, например, о сыне, подобрившем котенка, или о дятле за окном. *Котенок спит, а рядом спит счастливый / Поэт, не написавший ни строки* (с. 127). *...Лукавый кругленький глазок... / Обыденно... Но так красиво! // ...И он бросает вызов мне / Трехстопным ямбом в телеграмме. / На нем атласный колпачок / И боевое оперенье... / Ну ладно, ладно, дурачок / — Ты лучшее стихотворенье!* (с. 130).

Продолжим наш подсчет особенностей поэтики Владимира Шемшученко. И так (это уже в-третьих!), стихи Владимира Шемшученко подкупают необычным для поэтического языка соединением, сочетанием, сопряжением живой интонации разговорной речи, что, по сути, мы уже продемонстрировали, и яркими аллюзиями, цитатами из классики, а также упоминаниями современных поэтов и писателей. Это строки из Блока и Маяковского, Ломоносова и Пастернака, Александра Пушкина и Александра Грина. Это аллюзия *алых парусов* и аллюзия Э.-М. Ремарка: *На писательском фронте без перемен* (с. 118). Упоминаются Юрий Кузнецов, Геннадий Айги, Захар Прилепин, Глеб Горбовский. К отдельным стихам предпосланы эпитафии из Пушкина, Блока, Мандельштама, Исаковского. Есть посвящения. Марине Кудимовой, например. Таким путем создается лирика, весьма насыщенная именами и образами.

В-четвертых, в стихах сборника много Петербурга, даже если судить только по названиям: «Петербург», «Васильевский остров», «Петербургский вальс», «Наводнение», «Город Гамлет». Впрочем, и вся страна представлена: Караганда, Курилы, Киев, Феодосия, Донецк, Соловки, Онега...

В-пятых (что связано с сильными протестными переживаниями!), в стихах много «политики», они как пронзительная, пронизывающая оценка непростой нашей современности, включая до сих пор «беснующихся укров» и таджиков, вынужденных зарабатывать среди тех, кого выселяли и проклинали. *Посмотрите в окно — кто метет и скребет наши улицы? / Это дети оравших до времени: «Русские вон!»* (с. 137).

Александр Иличевский хорошо сказал о прозе: «В моем понимании, любой роман — это исследовательская работа, способ познания мира. Желание что-то написать возникает тогда, когда что-то не понимаешь. Текст — это попытка размышления по поводу того, что тебе неизвестно» (Новый мир. 2012, № 5. С. 227). Полагаем, что исследовательский посыл есть не только у романа, но и у стихотворения, которое тоже становится инструментом не одного лишь отражения, а еще и анализа события. Вот, например, очень точная зарисовка узнаваемых эмоций: *Скитается взгляд по вагону, чего ни коснется — болит!* (с. 46). Добавим: стих —

это еще и аутоисследование, интерпретация собственного поступка: *Здравствуй. Знал, что вернешься, и верил — / Я тебя отпустил, чтобы этим тебя удержать* (с. 38).

Впрочем, продолжать выделенные выше «во-первых», «во-вторых» и далее не следует: начинает угасать самое главное. Дело здесь вот в чм. При таком эпатаже и такой «политике», при такой многоликости Петербурга и таких списках имен объединяющим началом, пронизывающим каждый блок, каждый «отсек» своеобразие, у Владимира Шемшученко является яркий лиризм, замечательное чувство необходимости той или иной всегда по-мужски сильной эмоции.

Он вытащил меня из пьяной драки / И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...» / Он умер тихо, но его собаки / Заснуть всему кварталу не дают (с. 36). *Время любить — без любви умирают, / Вянут, как сбитая градом трава* (с. 37). *Не вы гоняли голубей, / Но вы — поймете...* (с. 22). *Не гляди на меня. Лучше слушай, как мокрою лапой / Закопная ель одичало скребется в стекло. / Пересилив себя, ты сумела назвать меня папой / И сама испугалась — давненько мне так не везло* (с. 92). *Снега хочется! Солнца! / Рук твоих! Черт возьми!* (с. 106).

Лирика Шемшученко демонстрирует умение не только пережить, но и выразить эмоцию. Как? Да по-разному и всегда по-своему, так, как мало кто в поэзии эти эмоции выражал. Рассмотрим один интересный содержательный, сюжетный ход и один ход, один прием сугубо формальный, грамматический, поясняя сказанное примерами.

В сборнике парадоксально большое место уделено... собакам или, выражаясь галантным научным языком, концепту «собака», что тоже больше свойственно сугубо мужской поэтике. Считается, что лучшие собаки у Чехова. В поэзии, конечно же, вспоминается Сергей Есенин. Стихотворение Ивана Бунина «Одиночество» заканчивается словами: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить». Так и у нашего автора эмоциональная нить протянута к собачьему бытию и сердцу. *Вот метель, беспощадно диктует стихи, / И наплевать ей, что псы и поэты похожи* (с. 72). *Псина сторожевая / Вдруг замолчала у ног* (с. 40). *Подходит хозяин, хромя на правую ногу, / И гладит собаку по шерсти, скрывающей шрам* (с. 114). *У меня на руках абрикосовый дремлет щенок* (с. 113). Образ собаки сродни поэту по силе переживаемых чувств и невозможности выразить их словами. Для животного это абсолютная невозможность, а для поэта — это не что иное, как извечная неудовлетворенность очередным плодом собственного творчества, опять не утолившим авторские ожидания.

Поэзия — это движение образов, художественная бесконечность их прочтения. *И соло василька в большом цветочном хоре...* (с. 52). Как мы уже подчеркнули, в этих поэтических образах частым гостем становится узнаваемый Петербург. *...И снежные хищники с крыш / Не прыгают на прохожих* (с. 95). *Постою, помолчу, погляжу на мятущийся снег. / Он еще не лежит на карнизах свалывшейся ватой. / Он летит и летит, и моих не касается век. / Он, конечно же, синий, и пахнет, естественно, мятой* (с. 90).

Он летит и летит... Вот мы и приблизились к характерному для Владимира Шемшученко грамматическому приему, который поэт замечательно разрабатывает. Конец этого стиха: *Снег уже не идет. Он уходит, уходит, уходит...* (с. 90). Повтором современного читателя не удивишь, но ведь здесь повторяется так называемое настоящее актуальное, сиюминутное. Повторяется — и потому продлевается. Вот финал еще одного стихотворения: *Тонкий ломается лед — Кто-то под окнами ходит. / Что-нибудь произойдет / Или уже происходит...* (с. 40). Из других стихов: *Заносит меня в Петербурге метель, / Заносит, заносит, заносит* (с. 72). *И листает, листает, листает / Календарь новогодний зима* (с. 84). *Я, словно снег, иду, иду к тебе* (с. 104).

Говорит, гладит, дремлет, спит, примеряет, прощу, ждет, поем, врывается, роняет, ржет, стирает, целую, знают, сторонятся, кружит, пахнет, согреваю... Мы сейчас выписали из финальных строк глаголы-сказуемые. Обратим внимание: это всё формы настоящего времени. В музыке есть такой значок: фермата. Тяни звук, сколько хочешь: если подольше, то звук станет лучше, выразительнее. Так и поэт формой настоящего времени продолжает, продлевает звучание стиха, хотя стих будто бы уже и закончен.

Повтор требует большой осторожности: это весьма сильный прием. Случайно ли, что в сборнике лишь три стихотворения выстроены по эффектной модели. Два по модели: *Это... Это... Это... А на реке светает — Это издалика, / Это растет, нарастает* (вот оно опять, настоящее время!)... *Это еще не звук, / Это из сердцевины... / Это небесный паук / Звездной наткал паутины... / Это корова-луна / Тучу поддела рогами. / Это кричит тишина / Между двумя берегами* (каков образ реки и потрясающей тишины над нею!)... *Это — здесь и сейчас!* («привилегированные точки» Э. Канта) — */ Заговорить стихами... / Это — последний шанс / Не превратиться в камень* (с. 4). В другом стихотворении трижды повторяется группа придаточных, начинающихся с «когда»: *Когда нет преданного друга, / Когда не подадут руки, Когда никто не интересен...* (с. 27–28). Двадцать один ответ в общей сложности протягивает читателю поэт на заголовочный процессный вопрос: когда же «мысль превращается в слова».

Много лет назад в стихотворении Якова Белинского мы отметили прием обрыва не строки даже — обрыва на половине слова. Речь шла об осенних листьях: *Не апрель — наряжаться, / Время гибнуть кружа, — Додержаться... / Держаться... / Держаться... / Держа...* У Владимира Шемшученко в стихотворении «Картина» встречаем: *И штрих за штрихом, словно наземь убитая птица, / И ярость мазка, как прорвавшая иллюзы вода, / И чья-то судьба — просто загнутый угол страницы. / Гадала цыганка. Гадала, гадала, гада...* (с. 29).

Я так чувствую, что скоро перепишу весь сборник, а главное от анализа все ускользает, почему стихи лучше не разбирать, а читать и читать. И ценить этот дар в Другом. У Федора Ермошина есть интересное сравнение наименований лиц с шахматными фигурами. «Поэт — наиболее чувствительный, чутконохий, но и самый зыбкий агент в этом мире речи. Если сравнить язык с шахматами, то пешками будут журналисты, турами — прозаики (с их эпической обстоятельностью и неповоротливостью), политики — конями (не знаешь, куда увильнет, и от корявого косноязычия до афоризма один ход), поэт — ферзем: он может ходить, как ему вздумается, он дерзок, размахист и почти всесилен, но его гибель наиболее разительно сказывается на всем балансе сил» (Знамя. 2007. № 10. С. 187).

Трудно сказать, что осталось за кадром, что не вошло в «Избранное», но в любом случае в этой поэзии есть что исследовать и есть что просто читать.

Вера ХАРЧЕНКО

УЧИТЬСЯ ХОДИТЬ

Денис Соболев. Легенды горы Кармель: четырнадцать историй о любви и времени: Роман. Изд-во «Геликон Плюс», 2016.

«Легенды горы Кармель» Дениса Соболева, как и его роман «Иерусалим» (2005), принадлежат новейшей русско-израильской литературе, главной особенностью которой является интенсивное интеллектуальное и культурное вживание

в израильскую почву — не идеологическое или политическое, а магическое и, если так можно выразиться, герменевтическое. В стиле фрагментарного романа Соболев собирает реальность и историю по кусочкам, в каждом из которых отражается вся вселенная — и в то же время не остается закрытой и бесспорной ни одна идея. Как и в «Иерусалиме», мысль автора занята отчаянным поиском свободы среди хаоса истории. В центральной, на мой взгляд, главе новой книги «Девочка и корабль» эта мысль достигает предельного воплощения в чудесной и спасительной встрече двух поколений русских израильтян: потерянной в культурном вакууме девочки-подростка, выросшей в Израиле, и интеллигента, принадлежащего к поколению ее родителей:

Неожиданно лишь чувство одиночества и боли, ее безнадежной непринадлежности ко всему этому показалось ей подлинным — своего рода нежданым и безупречным компасом, бьющимся в ночном хаосе шторма. Лена обхватила свои локти и в минутном восторге вжалась в кресло. Дом качался, и вслед за ним у нее беспричинно и счастливо раскачивалось сердце. «Это я уплываю, — вдруг подумала она с какой-то удивительной, не свойственной ей ясностью. — Уплываю, потому что теперь уже навсегда буду другой». И вдруг морская ночь, палуба гостинной, книги вдоль мачт и эта качка легкого шторма снова оказались прозрачным пространством сна. «Спасибо, — сказала Лена этому странному человеку, — спасибо», — повторила она, погружаясь в сон — и еще в тот неожиданный мир правды, который оказался миром тишины (с. 230–231).

Именно это «становление другим», метаморфоза личности и ее бытия составляет суть мифотворчества Соболева в его хайфских сказках. Они населены историческими личностями, пиратами, привидениями, магами и бродягами, и все они претерпевают чудесное преобразование в гравитационном поле истории, ландшафта и архитектуры Хайфы и сконцентрированного вокруг нее мироздания. Наподобие героя «Пейзажа, нарисованного чаем» Милорада Павича, рассказчик идет по следу разбросанного его историческими и интеллектуальными предками семени запретной любви — прежде всего любви к истине. Эта любовь и есть та сила, которая преобразует героев, спасая или губя их.

Для многих героев романа это преобразование оборачивается жестоким испытанием. Жизнь и душа героя первой сказки разрушены войной, но еще в большей мере они разрушены бездушием окружающего его мира. И тогда место реальных, но внутренне пустых людей занимает фарфоровая кукла, которая, как и душа героя, заново «учится ходить», вызывая в нем «ликование и страх». Любовь и страх, направленные на один и тот же объект, превращают судьбу героя в изначальную, культурообразующую сцену, на которой основной фаустовский миф о гомункуле критически преломляется под скептическим взглядом средневекового еврейского поэта и мудреца, создавшего, по легенде, куклу, вызывающую любовь, но к любви неспособную.

Новая жизнь, зарождающаяся в глубинах искусственного, механического мира, остается на грани существования. И только момент обучения новой жизни, инициации, путь преобразования остается «апофеозом почвенности», укорененности индивидуума в бытии. Так героиня второй сказки, обменивающаяся со своим возлюбленным письмами посредством пещеры в глубинах горы Кармель, учится «выходить из дома», «не плыть вместе с временем», так словно «перед ней вечность», а по ее словам, «именно это и значит оставаться человеком». Влюбленные роют тайный подкоп навстречу друг другу, и этот подкоп — «дорога к вечности», выход «из тюрьмы, которая называется жизнь».

В пути находится и герой третьей сказки, художник Исаак, пытающийся научиться слышать «язык вечности». И он научается этому: вечность открывается

ему в виде «всей боли мира», «безграничной человеческой жестокости», которая превращает его сердце в магические углы сострадания. Однако, раздав весь жар своего сердца людям, в конце пути он остается «тихим и пустым», как фарфоровая кукла. Ему придется заново «учиться ходить». Четвертая сказка мыслит от противоположного: ее героиня, вынужденная жить в стае бабуинов, так и не смогла пройти «бабуинизацию», полностью научиться не быть человеком. Сказка «О любящем и любимом» также служит негативным примером: она рассказывает о неудавшемся обучении языку любви, погубившем ее героев. Любовь, дорога, обучение вечности и человечности неизбежно оказываются связаны с трансгрессией, преступлением и наказанием, оказываются своего рода духовным пиратством.

Под знаком пиратства — парадигмы равновесной системы присвоенной и даренной — стоят и другие сказки Соболева. В мире иллюзий и их крушения, как в последней сказке «Про ретривера и бурундука», истина может быть только украдена или, точнее, реапроприирована; в мире насилия и времени свобода и вечность не даруются — им тяжело обучаются или, точнее, обучаются заново, как учатся заново ходить после тяжелой болезни и беспамьятства. Таков, на мой взгляд, основной посыл и, возможно, призыв хайфских сказок Соболева, одновременно сильных своей философской аллегорической глубиной и чрезвычайно хрупких в своей символической сложности, энциклопедичности и многозначительности. Новая книга, как и предыдущая, вышедшая одиннадцать лет назад, отражает глубокие творческие процессы, происходящие в русской литературе в Израиле.

На середину первого десятилетия XXI века пришелся первый пик новейшего русско-израильского неконформистского романа, зрелого творчества авторов, эмигрировавших в конце 1980-х — начале 1990-х: Александра Гольдштейна, Некода Зингера, Елизаветы Михайличенко и Юрия Несиса, Александра Бараша, Дениса Соболева. Экспериментальные фрагментарные «вместороманы», тексты-«faction», «биоавтографии», романы в новеллах, рассказах или эссе, романы-дневники, сетевые романы — так постэмигрантская русско-израильская литература участвовала в поиске новых романских форм, содержаний и идей вместе с русской литературой в метрополии и в других странах. Дело было не только в поэтическом новаторстве, но и в сохранении за литературой права на интеллектуальное, даже философское высказывание-поступок, права быть тем, что Гольдштейн назвал «литературой существования». Позднее Соболев придал этому понятию онтологический смысл эквивалентности литературы и жизни.

Со временем начало казаться, что та волна эмиграции была мощным, но наивным прыжком в никуда, что прошедшее с тех пор десятилетие было эпохой кризиса и разочарования. Что ж, русскую литературу в Израиле отпевали уже не раз. Однако, видимо, таков внутренний цикл этой литературы: к середине 2010-х она расцветает снова. Появляются новые романы Зингера, Михайличенко и Несиса; свою вторую, израильскую, половину (и новую жизнь) обретает роман Михаила Юдсона «Лестница на шкаф», и в печати появляются главы его нового романа «Мозговой». На этом фоне выход романа Соболева, ожидаемый благодаря журнальным публикациям в «Неве» и «Артикле», видится весьма симптоматичным. Оглядываясь на прошедшее десятилетие, можно сказать, что несостоявшийся проект «средиземноморской ноты» Гольдштейна и Бараша не исчез вовсе, а перевоплотился и приобрел новое звучание. Проза Соболева не универсальна и не национальна, не мажорна и не минорна; это не роман места и не роман идей; он не метафизичен, но и не антиметафизичен. Эта проза рождается как средиземноморский текст в русской литературе, но к своей экологической нише она относится так, как русский интеллигент относится к своему альтер-эго, к «иному», к возможному — с самоуглубленным

и прочувствованным усилением понимания, взаимопостижения. Сказочник Соболева, как и герой любимых им Стругацких, болен «тоской по пониманию»; его взгляд устремлен в глубину фантастического «леса», в котором растут и преображаются многочисленные языки, символы, тексты и культуры — реальные и воображаемые. Каждую минуту ему приходится заново понимать этот лес и учиться по нему ходить.

Роман КАЦМАН

СУДЬБА ПОКОЛЕНИЯ

Саша Кругосветов. Сжечь мосты. М.: Интернациональный Союз писателей, 2017. — 102 с. — (Серия: Фестиваль Бориса и Глеба).

Небольшая, но очень емкая по смыслам книга о судьбе молодого человека, чье взросление и возмужание пришлось на яростные 90-е. Алексей, главный герой повести, родился в 1971 году. Казалось бы, его ждало успешное будущее, хотя бы потому, что дед являлся членом бюро обкома и был дружен со всеми «отцами города». «Да и сам он (дед. — Е. З.) был, конечно же, настоящим „отцом города“». Казалось бы, и «володеть землей малороссийской» по праву любимого внука комгородничего суждено Алексею. Но судьба сложилась иначе.

Любимый друзьями по уличным проказам незлобивый, доброжелательный юнец создал свою «бригаду». «И пошло, поехало... Гуляй, русская душа, жизнь одна. Водка, наркотики, через все прошел. Вот и результат — узилище, три ходки, ужасный удар кастетом по голове, частичная потеря зрения, больница, нищета. И вот, когда, казалось бы, стал подниматься — тату, дизайнерское бюро, работа, которая нравится, — внезапный конец, неожиданный удар ножом от пьяной сожительницы. И нелепая смерть от потери крови».

Читателю дана возможность осмыслить, что стало причиной (или причинами) столь трагичной судьбы молодого человека? Крах страны, семьи, личности?

Действие происходит на Украине 90-х: родной город героя Кременчуг, какое-то время благополучный для него Ужгород, большой портовый город Николаев, в котором было плохо с самого начала, Киев, где состоялась самая короткая и самая безжалостная в его жизни «игра». Украинские реалии 90-х те же, что и в России: разгул бандитизма, беспредел. «Такая вот щедрая, да любящая, ласковая к детям и внукам важняков советская Родина» рухнула. А вместе с ней и, казалось бы, нерушимая семья. Алеша остался один. Неожиданно пропадает дед. Уехал по делам и не вернулся. Отец и мать давно в разводе. Мать, бывшая преуспевающая певица, ни поддерживать, ни сыну умное слово молвить не может. «Сама больная. Голова у нее поехала. Связалась с сектантами». Отец живет в Ленинграде. После смерти матери квартиру родственники прибрали. Типичная история «неприсмотренного» ребенка — путь в «криминал», тем более «новый мир» к этому располагает.

Отчетливо звучит в книге библейская нота: история блудного сына, но отвергнутого отцом, страшась полностью взять на себя ответственность за сына. Нет, Алеша ездил в Ленинград каждый год на каникулы, иногда и два раза в год. «Отец проводил с ним все дни каникул, с утра до вечера. Даже, когда у отца появилась новая семья и второй сын. Алеше было хорошо в доме отца. Рядом с отцом все предельно ясно. Определенно. Спокойно. Это были маленькие командировки в Эдем. Конечно, он никогда так не формулировал, не думал. Просто чувствовал себя в доме отца почти как в раю. В жизни все вставало на свои места. „Там для меня горит очаг, как вечный знак забытых истин“. Забытые истины... Забытые... Но ведь они

существуют. Доброта, сила, открытость. Спокойствие, честность». Когда сын подросток, отец регулярно посылал ему деньги, давал хорошие советы. Но на переезд сына в Ленинград не соглашался. «На меня распространится проклятие его судьбы. Боже мой. Как я могу так думать о сыне? По существу, я всю жизнь думал именно так. Жалел его, любил, помогал, как мог, переживал, но старался держаться по-дальше». Мистика или все-таки боязнь осложнить свою устоявшуюся жизнь?

И проходит через всю книгу рефреном: «Отец, почто меня оставил?» «Я имел на зоне все, что хотел — хорошую одежду, курево, лучшую хавку. Но именно тогда я и записал в дневник: „Отец, почему ты меня покинул? Почему я один, папа? Почему ты не со мной? Мне так плохо“. „Отец, ты один у меня остался. Неужели ты не понимаешь, что я брошен всеми?“» Где границы ответственности родителей за судьбу детей? Это один из вопросов, на которые предстоит ответить читателю. Отдаленность от отца автор сравнивает с богооставленностью.

Еще одна важная составляющая трагической судьбы героя — весьма распространенное ныне поветрие: жизнь он воспринимал как некую компьютерную игру, когда все можно переписать, проиграв одну жизнь, начать с чистого листа другую. Красноречивая особенность: в книге не главы, но Games: Game 1, Game 2, Game 3... Такое восприятие жизни порождает инфантилизм, безответственность за свои поступки, иллюзионизм, легкомыслие. И чтобы начать новый раунд игры, приходится врать и изворачиваться. И каждый эпизод как отыгранный гейм с провальным концом.

Это очень умело написанная книга. Сочные описания советской действительности, когда отцы города распоряжались по своему усмотрению государственной, то есть общенародной, собственностью, а чиновники жили для своего интереса — «как во времена Гоголя, так и во времена юного Алексея». Резкие выразительные штрихи, характеризующие новые времена, пришедшие на смену эпохе «развитого социализма».

Книга написана в форме монологов Алексея, его «подруги» Ирины, отца героя, но монотонности нет. Умело прописанные диалоги, выразительные языковые характеристики. Динамично развивающийся сюжет, быстрая смена декораций, математически точно заданный ритм — что неудивительно, если учесть, что за псевдонимом «Саша Кругосветов» скрывается крупный ученый, автор свыше сотни научных работ в области математики и электроники, чьи научные разработки — а их немало, 27 — внедрены в практику.

Финал — открытый: через четыре года после смерти сына отец приезжает в Киев, чтобы посетить могилу. Он вспоминает, «как Алеша малышом был. Тихим, улыбчивым, незлобивым. Покладистым. Как таскал его в Ленинграде, тогда еще в Ленинграде... обнимет за шею нежной детской своей рукой, головку задумчивую на плечо положит. Я на соплю исхожу, — как этого малыша можно не любить?», как читал сыну детскую книжку «Как крокодил солнце проглотил». «Воспоминания отца о безвременно ушедшем сыне, о его на излете советском детстве в финале книги — одни из сильных лирических страниц, светлых, хоть и трагичных моментов, — отмечает в предисловии к книге поэт Олег Ефимов. — Несчастный отчаявшийся отец второй раз переживает смерть сына, а может быть, не смерть?» Открытый финал с элементом мистики или все-таки реальности? Действительно ли погиб сын или все-таки жив и продолжает игры, приняв жесткое решение? «Я больше не тебе сын. У тебя нет сына. А у меня — отца. Не робей. Последуй моему примеру — сожги мосты».

Саша Кругосветов, автор популярной серии книг для детей и юношества о приключениях капитана Александра, публицистических работ, написал умную книгу, адресованную как подрастающему поколению, так и вполне зрелым людям. Глав-

ный послыл в эпиграфе — молитва благоверным князьям Борису и Глебу: «вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте невреденными от всякого прилога неверия и нечистоты...»

Елена ЗИНОВЬЕВА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Евгений Лукин. Избранное. Стихи, поэмы, переводы. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2016. — 328 с.

Титаническую задачу решает петербургский поэт, прозаик Евгений Лукин: в наш мир, мир видеоцивилизации, где торжествует наследник древних дионисийских мистерий — перформанс, он хочет вернуть прекрасный, ушедший в глубины бытия Логос. Его поэтическое кредо изложено в предисловии к сборнику: «Казалось бы, культура Логоса потерпела сокрушительное поражение, аполлоновский путь приблизился к своему завершению. Ничего подобного: он всего лишь перестал быть мейнстримом, всего лишь, поскольку слово является основным инструментом логического мышления, и отказаться от него — значит отказаться от божественного творческого начала вообще. При этом светлый аполлоновский путь остался верен своей изначальной просветительской цели — всесторонне постигать явления вечного мира в сакральной системе координат». На этом аполлоновском пути поэт обращается в первую очередь к древнейшим истокам русского национального самосознания, обнаруживая в них важные для нынешней России нравственные смыслы. Так, почти пятнадцать лет работал он над текстами древнерусских песен «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», считавшееся «утерянной страницей» древнерусской песни, и «Задонщина» и в итоге, не искажая дух первоисточника, переложил знаменитый памятник древнерусской литературы на современное наречие. Это поэтическое переложение, включенное в сборник, высоко оценили академик Д. Лихачев и другие знатоки древнерусского эпического наследия. Послание праотцов и сегодня звучит актуально для нас, потомков, запутавшихся в хаосе разлада последнего десятилетия минувшего века: «Князья, вы забыли о брате и друге, // ...Вы сами от славы отцов отошли. // Вы, внуки Всеслава, повсюду, повсюду // Ковали крамолу и сеяли смуту, // Друг другу обиды и горе творя. // И вот, разжигая раздор самочинный, // На Русь накричали поход половчинный: // За распрями следом является пря» («Слово о полку Игореве»). Древний призыв сражаться «за землю Русскую, за веру христианскую, за обиду великого князя» с понятными для разных эпох вариациями рефреном проходит через всю историю России, этот неизбывный код русской нации пронизывает и воскрешенные Е. Лукиным тексты. Логическим для поэта стал переход от переложений памятников древнерусской культуры к созданию масштабных поэтико-эпических полотен, поэтико-философских текстов, наполненных значимой для русского мира православной символикой. Поэтические легенды «Крещение Владимира», «Падение Царьграда» и — что ныне большая редкость — драматические поэмы, где действие сочетается с прямой речью персонажей поэм. «Ксилургийский скит», поэма, посвященная обители Богородицы, первому русскому монастырю на Святой горе Афон, основанному попечением равноапостольного князя Владимира Святого. Драматические поэмы «Костер Амасийский» о первосвятителе Пермского края — преподобном Стефане Великопермском, «Каменный

мед» о сербском богослове XVII века Юрии Крижаниче, потрясенном приоткрывшейся ему тайной Руси: «Ужели Русь и Дух неотрешимы, // И нет предела этому простору, // Как нет предела Богу?» В сборник вошло и большое эпическое произведение — стихотворное либретто «Радонежская оратория» (положенная на музыку композитором В. Малаховской, она стала ярким явлением в современной культурной жизни). Для Е. Лукина обращение к личности русского святого, которого он называет духовным основателем независимого Российского государства, закономерно. Своим благословением Сергей Радонежский подвиг князя Дмитрия Ивановича и русских воинов на победу в Куликовской битве, по современным понятиям, благословил выступить за суверенитет русского государства, а тема суверенитета России актуальна и сегодня. В одном из своих интервью Е. Лукин сказал: «Народ существует, пока имеет собственный миф, оберегает свои святыни, чтит память своих героев и святых». Воскрешение и сбережение прошлого во имя настоящего и будущего своего народа — принципиальная творческая позиция поэта. Историческими аллюзиями проникнута и лирика Е. Лукина: русская провинция, окольная Русь, «где в темном ольховнике бродят поверья», где «все по наитию — значит, от Бога»; часы на воротах вокзальных, где «острая стрелка — клинок харалужный, // Ипатьевский штык со щербиной натружной, // Впопад подвернувшийся Углича нож»; Петербург с его церквями — Пантелеймоновской, «где слава светится морская, // О днях Гангута и Гренгама», Преображенским собором с оградой турецкой ковки, чудесной кирпичной церковью Артиллерийской бригады в Павловске. Неотъемлемая часть поэзии Лукина — переводы, в известной степени отражающие и греко-варяжские связи Руси, никогда не пребывавшей — вопреки мифам — в изоляции от мирового культурного пространства. Это произведения древнегреческого поэта Тимофея Милетского, варяжского скальда эпохи Ярослава Мудрого Харальда Хардрада, переложение Вергилия. В книгу вошел цикл «Рыцарские песни» немецкого поэта Б. фон Мюнхгаузена (1874–1945), правнука прототипа знаменитого литературного персонажа. Строки одного из его стихотворений: «О, вечный мир! Какой ехидна // Тебя придумал сторяча? // Он никогда не слышал, видно, // Возвышенную песнь меча» — своего рода заявка еще одной важной темы, темы бесчеловечности войны в творчестве поэта Е. Лукина, составителя уникальной антологии «Книга павших», где опубликованы — многие впервые — переводы стихотворений поэтов из двенадцати стран мира, павших на полях сражений Первой мировой войны. Отдельные страницы из антологии воспроизведены в данной книге. В основу поэмы «Ад Грозного» (1996) лег личный опыт поэта, участника боевых действий. Е. Лукин знакомит читателя и с современной зарубежной поэзией: иракскими верлибрами американского поэта Б. Тернера, стихами канадца Л.-Ф. Эбера, болгарина Ц. Марангозова, норвежца А. Русте. В примечаниях к книге даны необходимые комментарии, биографические справки. А в конечном итоге весь сборник подчинен одной идее — возвращению слову первоначальной ценности, сакрального смысла. «И ты стремись, вещая речь, // От порчи слово уберечь» («Заклинание»).

Марат Басыров. ЖеЗәл: Роман. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2016. — 206 с.

В заголовке романа обыгрывается название известной серии — «Жизнь замечательных людей», «ЖЗЛ». Герои романа — несостоявшиеся писатели и поэты, они не стали известными, но их судьбы ярки, трагичны, поучительны, иными словами — по-своему замечательны. В чем причина несостоятельности эрудированных (диапазон познаний от античности до современной литературы), целеустремлен-

ных, упорных, трудолюбивых людей, приоритетом для которых являлось творчество? Специфика 90-х годов, на которые пришлось их молодость? Но, молодые и сильные, они умели — оставляя достаточно времени для творчества — зарабатывать себе на жизнь. Продавали часы и пиво, работали на стройках и на заводе, трудились дворниками и сторожами, открывали рекламные агентства и — в отличие от времен советских — не озабочивались записями в трудовых книжках. Их образ жизни, когда они «просто жили, питаясь своей молодостью», был достаточно традиционен для начинающих: встречи в ЛИТО, квартирные посиделки, где «тесный круг слушающих и кто-то один шаманит голосом», разговоры о литературе — «Париж и Лос-Анджелес» в маленькой кухне. Необходимый литературный котел, в котором могло получиться нечто путное. Не препятствовали становлению талантов и мимолетные интрижки без взаимных обязательств, легко переносилась житейская неустроенность. Но почему же взлета даже не до вершин, а хотя бы до середины литературного олимпа не случилось? Ответ — в романе Марата Басырова, романе автобиографическом, но в большей мере посвященном его друзьям, чем ему самому. Повествование ведется от первого лица: пять глав, пять новелл, пять героев: их характеры, творческие портреты, житейские перипетии, обстоятельства, под влиянием которых совершается эволюция личности и ее деградация. (Место действия — Петербург и окрестности, наверняка кто-то распознает в персонажах романа конкретных людей.) Автор не просто сторонний наблюдатель, он активно участвует в жизни друзей, не раз помогает им в сложных ситуациях, просто проявляет сочувствие, чтобы поддержать и ободрить. Судьбы героев неоднократно пересекаются, иногда одни и те же эпизоды предстают в разных главах, но в другом ракурсе, повторы приносят новое смысловое наполнение. Неспешное повествование ускоряется, приобретает стремительность, размеренное течение жизни сменяется каскадом событий в жизни каждого из героев, завершающимся разочарованиями, крахом надежд. Никто из героев новелл не стал Писателем, Поэтом. Ни обаятельный, легкий в общении Алик, гипнотизировавший слушателей своими безумно длинными рассказами. Устав притворяться писателем, пережив ряд личных драм, он в конце концов благополучно женился и обрел покой. Не достиг высот и харизматичный, брутальный, честлюбивый Омар, любимец женщин и человек без паспорта, познавший и бомжевание, и голод, когда его муза питалась исключительно неустроенностью и маргинальщиной. После долгих мытарств он укатил в Подмоскovie, а с ним, по словам рассказчика, «уехала целая эпоха, чертово время, когда мы все были счастливы». А спустя много лет, разбирая стихи Омара, автор-повествователь в изумлявших когда-то строках Омара увидит претенциозный бред. «Исчезла магия, которую излучал сам автор, энергия, с которой он их читал. В отдельности от Омара слова оказались мертвы». Дикая метаморфоза произошла с неутомимым графоманом Сориним, прекрасным строителем, плохим поэтом и автором неудобочитаемых романов: из крепкого мужчины он превратился в развалину-алкоголика. Наполнена подлинным драматизмом судьба Сергеева, автора угрюмых коротких стихов и таких же коротких угрюмых рассказов, чья жизнь постоянно протекала вне семьи, вне дома, а музой в итоге стала женщина-инвалид. Ответ, почему герои оказались творчески несостоятельными, на поверхности: таланта не хватило. Ангелами, у которых не хватило крыльев, называет своих сотоварищей автор, размышляя «обо всех нас — таких сильных и слабых, таких романтичных и таких восторженных, опьяненных жизнью и раздавленных ею, смирившихся и не сдавших своих позиций. Я думал о сломанных крыльях Алика. Думал о Валере Сорине, у которого их никогда не было и не будет. И снова о Николае Сергееве, вцепившемся в инвалидную коляску, чтобы, не дай бог, не взлететь. И об Омаре, с детства боявшемся высоты, но все равно

рвущемся в небо...» Но есть и более глубокая тема, сквозная линия романа: механизмы разрушения судьбы, своей и чужой, которые запускала наркотическая зависимость героев от самого процесса писания. Заявленное Аликом в первой главе: сознание формирует бытие, а не наоборот — обрело в романе доказательную базу, что отражено и в завершающей главе «Сергеев»: «Именно его больное сознание образовывало ту реальность, в которой ему приходилось жить». Контрастом к судьбам героев является судьба Маргариты, отказавшейся от «писанины» во имя реальной жизни, пусть и исполненной проблем и неурядиц, но с которыми она успешно справляется. Это она обещала когда-то написать обо всех, кто ее окружал, о поэтах и писателях, чьей музой она могла стать, но не стала. Ее обещание — написать о своих друзьях и — больше — о поколении нынешних сорокалетних — выполнил Марат Басыров. Он получил писательскую известность в 2014 году, когда его роман «Печатная машина» вошел в шорт-лист премии «Национальный бестселлер», его называли новым Буковски. 8 сентября 2016 года Марат Басыров ушел из жизни.

Николай Заболоцкий. Таинственный город. М.: Рипол-Классик, 2016. — 318 с. — (Легендарные книги литагентства ФТМ).

Малоизвестная страница творчества поэта Николая Заболоцкого (1903–1958), впервые переизданные после выхода в свет два переложения для детей произведений о путешествиях в экзотические страны, Африку и Тибет. Для детей начинающий литератор стал работать, так как нуждался в регулярном заработке, и приглашение ассоциации «Писатели детской литературы» пришлось кстати. Выступал под псевдонимами Я. Миллер, Яков Миллер, иногда подписывался просто инициалами. Литературные переложения приключенческой повести о путешествии в Тибет и писем о работе русского врача в Африке были сделаны им по совету Маршака. Книга «Письма из Африки» под авторством Беюла и в обработке Н. Заболоцкого вышла в 1928 году. В предисловии к книге сообщалось: «В этой книжке нет ни одного слова выдумки. Все, о чем прочитаете, — случилось на самом деле. Написал эту книгу русский доктор, который в 1925 году уехал в Африку, чтобы изучать свирепствующую там сонную болезнь и лечить негров. За время своих путешествий доктор хорошо присмотрелся к негритянской жизни, да и сам испытал немало приключений. Все это он описывает в своих письмах, которые посылает в Ленинград своим родственникам». В письмах подробно рассказывается о быте коренного населения в районе озера Чад, во Французской Экваториальной Африке: охота на бегемотов, львов, слонов и охотничьи хитрости негров, способы рыбалки, традиционная еда и одежда, болезни негров. И характерные заключения: «И вот в такой стране, где до сих пор людей продают в рабство, где может быть, и людоедство еще кое-где сохранилось, где негры устраивают бессмысленные боины из-за всякого пустяка, где население гибнет от нищеты и невежества, в этой стране до сих пор не строятся ни школы, ни больницы...» «Таинственный город» под псевдонимом Я. Миллер вышел в 1931 году. В его основу легла книга британского военного медика и археолога-любителя Л.-А. Уоддела (1854–1938) о путешествии в Тибет. Заболоцкий, сохранив общую канву повествования, сократил его почти вдвое, ввел новые сюжетные линии, новых героев. У главного героя, молодого англичанина, под видом паломника, проникшего в запретный для европейцев Тибет, появились верные друзья: старый товарищ отца индус Нен-Синг и тибетец Хамбо. Действие развивается очень динамично: умопомрачительные приключения, смертельные опасности и чудесные спасения, аресты, побег, погони. Главный герой волею случая оказался не только в запретном городе Лхасе, но и в эпицентре заговора лам против

регента, ставленника китайцев, проводившего в последний путь уже четырех далай-лам, едва достигших совершеннолетия. Органично, искусно растворены в тексте познавательные описания экзотической страны: пейзажи, флора и фауна, монастыри, дворцы, культовые сооружения, святилища. Воспроизведены быт тибетцев, религиозные обряды и молитвенные приспособления буддистов, легенды, в том числе и созвучная западной науке, установившей родство первобытного человека с первобытной обезьяной. И история Тибета, его отношений с внешним миром и изверский захват независимого Тибета англичанами (о последнем точно не писал Л.-А. Уоддель). Н. Заболоцкий идет по стопам Жюль Верна, но адаптирует повествование к более динамичному XX веку. Присутствует и неизбежный идеологический компонент. Это и главный герой «Таинственного города», провозглашающий достойным имени человека только человека-борца, труженика и героя, способного побороть все трудности и все-таки достигнуть своей цели. И тема социального неравенства — противопоставление убожества жизни простых тибетцев и роскоши лам, благоденствующих за счет одураченного народа. Недаром после всех приключений главный герой тибетской эпопеи и его друзья становятся участниками индийского освободительного движения. Созвучны эпохе и патетические (или «квазипатетические»?) финалы: «Беда, если негр простудится. ...Ни от какой эпидемии не умирает столько несчастных негров, как от простой простуды. И сколько нужно времени, чтобы вывести негра из этой нищенской, рабской жизни! Да, негр должен стать свободным и культурным человеком. Только тогда по-настоящему зацветет брусса, и свободно вздохнет вся черная закабаленная Африка!», «И кто может поручиться, что в одно прекрасное время тибетский народ не сбросит с себя позорное иго англичан? Кто может с уверенностью сказать, что вместе с англичанами не полетят в воздух ламы — эти жирные тунеядцы и угнетатели невежественного люда? История справедлива и беспощадна. Миллионы людей зывают к мести. Восток проснулся. За его спиной — тысячелетия рабства, впереди — новая свободная жизнь. Мы ждем... мы верим... мы работаем...». Книгу предваряет содержательная статья филолога Игоря Ложилова, где он устанавливает подлинное имя автора «Писем из Африки»: за таинственным Бюлом скрывался доктор Яков Иванович Чабров (1883—1953), осевший во Франции после участия в военных кампаниях Первой мировой войны; определяет источники «Таинственного города»; выявляет связь «заказной работы» с творческой лабораторией Заболоцкого-поэта; с туристической практикой, с интересом поэта к духовным традициям и практикам разных религий, в том числе, что отнюдь не было поощряемым в 1920—1930-е годы, к духовной жизни Востока.

Юлия Щербина. Время библиоскопов: Современность в зеркале книжной культуры. М.: Форум, Неолит, 2016. — 416 с.

Фундаментальное исследование книжной культуры наших дней: новейшие книгоиздательские форматы, неоднозначные эксперименты, стратегии чтения в формате Web 2.0, компьютерные игры, библиотерапия и библиофобия, проблемы графомании, плагиата, книжного пиратства, писательские технологии, взаимоотношения писателей с издателями и читателями. Доктор педагогических наук Юлия Щербина размышляет о том, каким странным метаморфозам подверглись традиционные практики обращения с книгами, насколько неожиданно изменились многие понятия в новых культурных условиях. Классифицирует происходящее в мире книг, использует не устоявшиеся в обыденном сознании термины. Неовинтажная книга, coffee table book, партворки, «виммельбухи», флипбуки, флипбэки... Несть числа творческим экспериментам. Ю. Щербина ищет ответ на серьезные во-

просы. Что есть писательство в современном мире? Каковы критерии подлинного творчества и что отличает его от графомании, болезненного влечения к бесполезному сочинительству? Почему писатель не брезгает плагиатом, а читатель — книжным пиратством? Литература и критика — друзья или враги? Да и существует ли сегодня литературная критика, способная создать вокруг себя интеллектуальное пространство и смоделировать литературный процесс, или растворилась в рекламных рубриках глянцевого журналов, в необъятных просторах Интернета, где судьями выступают вообразившие себя экспертами дилетанты, для которых книга — инструмент самопозиционирования, самореализации и публичного продвижения? Анализируя происходящее в книжном мире и в литературе, исследовательница обращается к конкретным книгам и авторам, современным и предыдущих эпох. Сравнивая книжную культуру прошлого и настоящего, совершая исторические экскурсии, она убеждается, что ничто не ново под луной. И то, что мы считаем ультрановым, иногда просто хорошо забытое старое: эксперименты с заглавиями произведений и обложками, игры со шрифтом, способность чтения (особенно поэзии) оказывать целительное воздействие известна со времен Рамзеса II — при входе в его книгохранилище располагалась табличка с надписью «Лекарство для души», плагиат введом со времен Геродота. Даже книжное пиратство отнюдь не порождение виртуальной культуры и зло цифровой эпохи, а почти ровесник Гутенбергу. И библиоскопы, те, кто предпочитает разглядывать книги не читая, появились не сегодня. Сам термин принадлежит французскому издателю и библиофилу рубежа XIX—XX веков Узанну, который так характеризовал библиоскопа: «Он довольствуется знакомством с поверхностью вещей и никогда не обременит себя усилием проникнуть в глубь книги». Другое дело, что прежде библиоскопия была маргинальной и по большей части осуждаемой, а нынче, утратив негативную оценку, стала доминирующей стратегией. И все-таки новое есть. Яркая примета современности — визуализация культурных форм. Книга перестает быть самоценной, на ее основе появляются арт-объекты, игры, инсталляции, книгу используют как элемент интерьера, делают из нее платья, скатерти, торшеры, шкатулки, серьги, сумки... Благодаря Интернету возникли особые стратегии читательского поведения, специфические формы высказываний о литературе, самым актуальным искусством становится «искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали». Ю. Щербинина высказывается жестко: «Прежде книгу почитали и берегли как святыню, как сакральный предмет, *икону культуры* — сейчас ею распоряжаются как функциональной вещью, или модным атрибутом, или забавной игрушкой, а то и как „отжившим свой век“ предметом для вторичной обработки». Утверждение, что в ряде новейших культурных практик просматривается постодичание — сквозная, магистральная идея книги. «Новое средневековье». Хотя... «средневековые люди не перedelывали книгу ради творческого самовыражения». Раньше создатели книг жаждали прежде всего гармонии формы и содержания, теперь — потребительского интереса. Сегодня писателю книга нужна для престижа, издателю — для прибыли, читателю для самовыражения. «К популярности сакральность не пришьешь. Повивальной бабкой писательского детища становится на Муза, а Мода». Писательство, утратив мессианскую направленность, превратилось в отрасль легкой промышленности по производству интеллектуальной продукции. Профи-хлестаковщина царит в литературе, полагает автор: тексты не вынашиваются и не рождаются, но конструируются, кроятся, вытачиваются, склеиваются на потребу издателю, публики. «Главный диагноз современной литературы — недоношенность и преждевременные роды. Производство текстов поставлено на конвейер, главными принципами стали количество и скорость». Автор показывает, как писатель встраивается в систему потребительской культуры, а литература при этом несет неизбежные смысловые

потери. Время библиоскопов... И все-таки... Ситуация неоднозначная и двойственная, считает Ю. Щербинина. В каждом явлении есть свои плюсы и минусы. В конечном итоге книга неуничтожима до тех пор, пока жива человеческая мысль.

Владимир Василик. Крест Великой Отечественной. СПб.: Алетейя, 2016. — 276 с.

Сборник статей доцента СПбГУ, диакона Владимира Василика, где истоки Второй мировой войны и фашизма, различные аспекты Великой Отечественной войны рассматриваются с точки зрения человека церкви. В. Василик вскрывает оккультную, неоязыческую сущность гитлеризма; противопоставляет антихристианской идеологии Гитлера идеологию советскую, пусть атеистическую, но все-таки не оккультную. Как суд Божий рассматривает важнейшие битвы Великой Отечественной войны. Проводит параллель между сражением под Прохоровкой, знаменитым лобовым столкновением немецких танковых войск с нашей армией и битвой Александра Невского с крестоносцами на Чудском озере. Отмечает знаковость освобождения Севастополя, города не только русской славы, но и колыбели русского православия, где в древнем Херсонесе крестился князь Владимир. Ряд статей посвящен освобождению Европы и разоблачению нынешних спекуляций об «оккупации» Европы советскими войсками, о «вине» СССР за неудачу Варшавского восстания. Фальсификацию истории Великой Отечественной войны В. Василик считает духовным помрачением. С цитатами и ссылками на документы автор разоблачает мифы о потерях Красной армии, гражданского населения и вермахта в войне, о судьбе военнопленных, о партизанском движении, о штрафных батальонах. Жестко выступает против так называемого «оправдания» генерала А. Власова и ему подобных. Многие страницы посвящены патриотическому служению РПЦ во время Великой Отечественной войны. Это и послания патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, первым, еще до выступления Сталина, воззвавшим к памяти святых вождей русского народа — Александра Невского, Дмитрия Донского, «полагавших души свои за народ и Родину». РПЦ собирала средства на нужды армии, в немалой степени способствовала созданию среди союзников положительного образа СССР. Священнослужители служили в армии и получали боевые награды, участвовали в партизанском движении, рыли окопы, шефствовали над госпиталями, ухаживали за больными и ранеными, давали убежище детям и старикам — и окормляли верующих. Особые страницы — подвиг ленинградского духовенства, малоизвестные факты, например, то, что для отпевания покойных жители блокадного города подтаскивали тела к храмам, иногда тела заслоняли вход в храм, где уже находилось от 30 до 100 трупов. Сила русского православия, считает В. Василик, была в том, что, несмотря на десятилетия гонений на Церковь, в душах русских людей сохранилась вера. Он приводит примеры парадоксального сочетания советского и православного начал: письмо солдата М. Черкасова: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу»; Г. Жуков, что всю войну провозил с собой Казанскую икону Божией Матери; Б. Шапошников, что носил образ св. Николая, храмы посещали и Л. Говоров, В. Чуйков. К вере приходили или вспоминали о ней и простые солдаты, и военачальники. Не единожды автор указывает на символику дат: так, трагический день 22 июня 1941 года по церковному календарю был днем всех святых, в земле Российской просиявших, и явился своеобразным эсхатологическим знамением мученического периода в истории России, но в 1941 году он промыслительно стал и началом освобождения и возрождения Церкви. «Русские святые стали той духовной стеной, которая остановила бронированную немецкую машину с оккультной свастикой». Глубоко символично и то, что штурм Берлина завершился 2 мая, которое в 1945 году приходилось на Великий вторник, день, посвященный воспоминанию Страшного суда. И нацист-

ский Берлин вполне напоминал Ниневию, о которой пророчествовал святой пророк Наум: «Горе городу кровей, городу обмана и убийства!.. Нет врачевства для раны твоей, болезненна язва твоя. Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?» Дата фактического окончания войны, 6 мая 1945 года, пришлась на день Пасхи Христовой, победы жизни над смертью, любви над ненавистью, правды над ложью. Символические даты есть и в истории блокады Ленинграда: ее начала и снятия. Отдельная глава посвящена размышлениям о христианских смыслах поэзии военных лет, о символе креста в тогдашних стихах. Один из первых поэтов, обратившихся к этому символу, был К. Симонов: «...крестом своих рук ограждая живых, всем миром сойдясь, наши прадеды молятся за в Бога не верящих внуков своих» («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?»). Как молитва воспринимается его же стихотворение «Жди меня», смыслы Креста, Голгофы, Крестного пути и Тайной Вечери — разделения хлеба заложены в стихотворение «Слепец». Христианскими по смыслу и духу, зачастую прямо отсылающими к Библии, вплоть до почти прямых цитат, были военные стихи А. Ахматовой. На протяжении долгих десятилетий вклад Церкви в победу целенаправленно замалчивался. Только после 1988 года стали появляться публикации на эту тему, книга В. Василица одна из таких публикаций, эту лакуну заполняющая.

Дмитрий Володихин. Рюриковичи. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2015. — 484 с.; ил. — (Жизнь замечательных людей. сер. биогр.; вып 1520).

Государи, воеводы, святые... В книге — более трех десятков биографий. Очерки разные по объему, в зависимости от имеющихся в распоряжении историка источников. Особенно мало известий о ранних государях московской ветви, даже с датами нет ясности. Имена героев очерков известные — по учебникам, историческим романам, фильмам, картинам: Владимир Креститель, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Дмитрий Донской. И малоизвестные, такие, как Дмитрий Суздальско-Нижегородский, правитель некогда могучей державы XIV века, «забытой» историками и нами, умелый воитель Юрий Звенигородский, князь Иван Шуйский, отстоявший Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория. Среди героев — погибшие в Орде Михаил Черниговский и грозный враг Москвы Михаил Тверской. Многомерные портреты, неоднозначные оценки, емкие заглавия очерков. «Лихоимец Игорь», стоявший (согласно летописям) у истоков древнерусской государственности, скверный полководец, погибший из-за собственной жадности. «Искатель престолов» Юрий Долгорукий, настоящий «полевой командир», кондотьер, стремившийся к овладению Киевом, и успешный строитель в не любимой им Ростово-Суздальской земле, чью мощь продолжили крепить его потомки. Государи московские — от Даниила Московского, заложившего фундамент московского доминирования до Василия Шуйского, последнего Рюриковича на русском престоле, при котором «целая эпоха сгорела в беспощадном пламени гражданской войны». Особое место в галерее портретов занимает Иван III Великий, превративший крошево удельной Руси в огромное и сильное Московское государство. При нем в «Русском хронографе» русские книжники-интеллектуалы вывели отечественную историческую мысль с провинциального уровня на мировой, впервые Русь была представлена как великая православная держава, именно тогда появились историософские идеи «Москва — Третий Рим», Москва «как новый Иерусалим». Но самый внушительный портрет в этой галерее, естественно, портрет Ивана IV Грозного: артист на троне, достойное дитя XVI века, века великих страстей, «театра европейских монархов» и шекспировских пьес. Д. Володихин скрупулезно, в деталях восстанавливает прошлое: бурная хроника походов, отдельные битвы, перипетии

усобиц, дипломатия, отношения с соседями, роль церкви, деяния, заслуги и промахи властителей. И всякий раз — выразительная характеристика соответствующей эпохи: времен разбрасывать камни, когда брат шел на брата, с радостью отдаваясь буйству мечей и пляскам властолюбия, круша и истребляя само себя и собственную землю — Русь, и времен собирать камни — строить и укреплять Русь. Автор приводит малоизвестные факты: не в Корсуни, а в Киеве совершилось крещение князя Владимира; а Христова вера утвердилась на Руси не «огнем и мечом», а почти бескровно. Он приоткрывает тайны «Слова о полку Игореве», поэмы о неудачном походе второстепенного князя, и тайны судьбы несчастного младенца Дмитрия Углицкого. Реабилитирует род Шуйских, не уступавших в знатности московским Рюриковичам и несших на себе все бремя военных предприятий России. Выступает в защиту царя Федора Ивановича, достойного полководца и оратора, успешно делившего с Годуновым государственные обязанности. Историк восстанавливает, выходя за пределы времен Смуты, биографию Дмитрия Пожарского и историю древнего рода Пожарских-Рюриковичей, потомков знаменитого Всеволода Большое Гнездо. Рассматривая спорные вопросы нашей истории, высказывая свою версию, автор приводит и все существующие ныне гипотезы и точки зрения на вопрос. Так, нет точного ответа, кем был Рюрик, годится любая гипотеза. Но могли ли скандинавские народы «передать опыт государственного строительства» Руси, если большинство их собственных государств сложится позднее, чем на восточнославянских землях? Беспочвенной публицистикой в глазах историка выглядят современные негативные мифы об Александре Невском. Совершенно неожиданны в трактовке автора опричнина и массовый террор времен Ивана Грозного. На протяжении веков Русь не знала массовых репрессий: террор был глубоко чужд русскому обществу и во времена Батыевы, и при святом Сергии Радонежском, и на заре существования единого Московского государства. Это «новшество» пришло на Русь из политической культуры Западной Европы XVI столетия, которая отличалась гораздо большей жестокостью, нежели русская. Российская дипломатия, связывавшая царский престол с множеством престолов европейских, приносила Ивану IV ценные сведения о тамошних политических «новинках». Русская политическая культура оказалась инфицированной. «Вирус массовых казней вошел в нее, и до сих пор непонятно, как от него избавиться. Если Московское государство, с легкой руки первого русского царя, действительно заимствовало практику массовых политических репрессий у Европы, то это был опыт, требовавшийся Русской цивилизации меньше всего». Интересная точка зрения? Д. Володихин пишет страстно и увлеченно, текст наполняется живыми «показаниями источников», само время звучит на разные голоса, «звучат голоса» и историков разных времен. Династия Рюриковичей правила Русью семь с половиной веков. По биографиям тех, кто включен в эту книгу, отчетливо прослеживается, как изначальное Киевское княжество в течение нескольких столетий превратилось в иное государство — то самое, в котором мы живем и поныне, — Россию.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66,
т. (812) 640-44-06 www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

СВЯТЫНИ ЕЛЕОНА

(по запискам русских паломников)

Часть 5

Пещера преподобной Пелагии

С южной стороны часовни Вознесения к стене мечети пристроено маленькое прямоугольное здание без каких-либо украшений, покрытое арабским куполом. Здесь в IV веке в опустевшей еврейской гробнице спасалась преподобная Пелагия, антиохийская красавица актриса, обращенная к Богу проповедью епископа Нонна и совершенно изменившая образ жизни.

Вот что можно прочесть в ее житии: «Преподобная Пелагия Антиохийская родилась язычницей, была необыкновенной красоты; предавшись развратной жизни, она приобрела огромные богатства, проводила жизнь в роскоши и излишестве, прельщая сердца слабых нравственно. Однажды она вошла в Антиохийский соборный храм и поражена была проповедью местного епископа о Страшном Суде и загробных муках грешников. Всеосвящающая Божественная благодать видимо коснулась души этой грешницы, и Пелагия занялась с этого момента своим нравственным самоуглублением и самобичеванием своей греховности. Уязвленная сердечным сокрушением, она приняла святое крещение, поселилась, по преданию, в этой небольшой пещере, где более десяти лет провела в суровых подвигах, лишениях, посте и молитве»¹. В мужской иноческой одежде преп. Пелагия прожила в малой пещере, где и была погребена (457 г.).

Московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков, посетившие Святую Землю в 1593—1594 годах, свидетельствуют: «А с полуденную страну тояж горы Елеонския стоит церковь, а в ней гроб святыя Пелагеи, бывшей преж блудницы; а владеют тем местом турки, и стоит та церковь за печатью турских людей»².

Отечественный писатель-паломник А. Н. Муравьев, побывавший на Елеонской горе в 1830 году, также упоминает о пещере преп. Пелагеи: «С западной стороны мечети (близ места Вознесения. — А. А.) под сводами древних монастырских келий заключенная дверь означает вход в пещеру св. Пелагии, где скончалась в убо-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 144.

² Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 65.

жестве и чистоте ангельской сия знаменитая красою жена антиохийская. Еще во цвете лет своих она успела внять тайному гласу совести и променяла бездну житейскую на Элеонскую утесистую гору, избрав себе приют посреди ее высоких воспоминаний»³. Неподалеку от пещеры преп. Пелагии А. Н. Муравьеву довелось видеть «места четырех событий евангельских, означенные полуврытыми в землю или опрокинутыми столбами»⁴.

Один из них, грозно памятный, заменил то ветхое дерево, под тенью коего Сын Божий предрек сынам человеческим последний день и Страшный Суд и, взвесив в дивной речи всю суету временного и всю тяжесть вечности, листьями смоковницы⁵ определил таинственное мгновение взаимного их сближения, обещая долгое еще в те дни терпение и подобно потоку нежданную гибель. Давно уже исчезло древо сие, тщетно бывшее свидетелем предостерегательной речи Творца к своему созданию; но и самое его истребление не напоминает ли о иссечении каждого древа, не приносящего плода доброго? и о сей грозной секире⁶, которую положил Спаситель к корню нашего мира, до времени Суда. Не далеко оттоле явился с пальмою в руках ангел Марии, за три дня до Ее смерти. Со времени торжественной разлуки с Сыном Она по чувству материнской нежности часто посещала гору Масличную, где все говорило о последних минутах Его пребывания на земле, и здесь на Элеоне предстал Ей вестник желанного свидания, означая пальмою венец житейского подвига и скромный сан заступницы на небесах⁷.

В 1844 году на Елеоне побывал архимандрит Порфирий (Успенский). Поклонившись месту Вознесения Спасителя, он осмотрел и пещеру св. Пелагии. «За оградой Елеонского св. поклонения есть остаток древнего здания. В нем, как бы в небольшом приделе подземном, стоит каменный гроб, накрытый цельным большим камнем, — пишет о. Порфирий. — Сбоку под этой крышей проломано отверстие, сквозь которое можно всунуть руку и ощупать пустоту гроба. Сей гроб вмещал в себе останки св. Пелагии. Он приставлен к правой стене придела, но так, что кругом его можно обойти, хотя с чрезвычайным трудом. Суеверие людское полагает, что кто протеснится и обойдет вокруг сего гроба, тот мало грешен. Посему поклонники стараются протаситься там и тем уверить себя и других, что за ними немного грехов. О, суеверие, суеверие! Когда ты перестанешь тиранить род человеческий?..»⁸

«Недалеко от места Вознесения, на юг, находится пещера или келья преподобной Пелагии Антиохийской, — пишет Виктор Каминский (1851 г.). — Пещера эта довольно обширна, и внутри ее сделано большое каменное надгробие, указывающее, где сокрыт прах преподобной. Прежде был обычай исповедовать поклонников над этим памятником, чтобы и их возбудить к глубочайшему раскаянию, подобному тому, какое принесла здесь пред Богом покоящаяся. Но с тех пор, как турецкое корыстолюбие взобралось и на Елеон, обычай этот оставлен, и сюда ходят только для поклонения»⁹.

³ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 186.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ ...Листьями смоковницы определил таинственное мгновение... Перечисляя признаки приближения Страшного суда, Иисус Христос сравнил их с появлением листьев на смоковнице как признаком приближения лета (Мф. 24: 32–33).

⁶ ...О посечении каждого древа... и о сей грозной секире... Слова из проповедей Иисуса Христа (Мф. 7:19; Лк. 3:9).

⁷ Там же. С. 186–187.

⁸ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 2. СПб., 1895. С. 250.

⁹ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 154.

В начале 1850-х годов на Елеоне побывали русские богомольцы во главе с игуменом Антонием (Бочковым). «Посетили ту пещеру, где тесным путем, сокровенная от всех во глубине недр Елеонских, спасалась преподобная Пелагия, вторая Мария Египетская, — пишет о. Антоний, — видели опустелый ее гроб и подивились с благоговением этой решительности, которая похитила от зубов врага свою жертву»¹⁰.

...Рядом с мечетью возле «Стопочки», прилепившись к стене мечети, стоит малое прямоугольное здание, ничем не украшенное: это пещера св. Пелагии. Видимо, это была пустая еврейская гробница, в которой и поселилась преподобная. На дорогу выходит решетчатая калитка, через которую небольшая дорожка приводит к глухой двери. Первое, довольно высокое и просторное помещение, видимо, позднее пристроенное, устлано циновками: здесь молятся мусульмане, почитающие преподобную. Оттуда несколько крутых ступеней приводят в меньшее, сводчатое помещение, освещенное малыми окошечками под крышей. Здесь направо от входа стоит каменный саркофаг с греческой надписью. На стенах сохранились еврейские надписи: евреи почитали здесь свою древнюю пророчицу Фульду, в опустелой могиле которой, видимо, и жила преп. Пелагия. Самое место ее подвигов, а может быть, и могила, рядом, в маленькой низкой каморочке, с заложным единственным окошком, через которое затворница принимала пищу и беседовала с посетившим ее здесь диаконом Иаковом.

Мусульмане, владеющие этим святым местом, открывают его для православных в день памяти преподобной, 8 октября, когда из соседнего Елеонского монастыря сюда приходит русское духовенство и совершает молебен¹¹.

Монастырь преп. Пелагии расположен напротив часовни Вознесения и пещеры преп. Пелагии. Этот участок был приобретен в 1845 году Иерусалимской патриархией. В 1992 году стараниями архимандрита Иоакима, прибывшего с Хиоса, началось строительство нового храма в честь Вознесения Господня. По официальной версии, были нарушены пункты израильского законодательства, по которым муниципальные власти запрещают строить новые христианские храмы на Елеонской горе и в других районах Иерусалима. 23 июля 1992 года, когда храм был уже практически возведен, прибыла команда полицейских с бульдозером, и церковь была варварски разрушена. Сохранился лишь нижний храм, оборудованный в крипте строившейся церкви. Его спасло чудо: большая круглая деревянная икона Вседержителя, сорвавшись с места, вдруг закружилась перед бульдозером. В этот миг бульдозер сломал зуб, запутавшись в железобетонном перекрытии нижнего храма. После этого израильские полицейские прекратили снос постройки и удалились. В ночь на 8 июля 1995 года неизвестные злоумышленники ворвались в разоренный монастырь, связав архимандрита Иоакима, нанесли ему тяжелые побои и убили его мать, причисленную ныне Иерусалимской православной церковью к лику святых мучениц.

Действующий подземный храм имеет три придела: центральный — в честь Вознесения Господня, левый — во имя преп. Мелании Римляныни, правый — во имя преп. Пелагии. Драгоценный напрестольный крест, которым 3 мая 1991 года, в праздник Вознесения, благословил храм Иерусалимский Патриарх Диодор, содержит частицу Животворящего древа и частицу мощей преп. Евфимия Великого. В иконостасе в киоте находится другой крест, смонтированным небольшим распятием из слоновой кости, принадлежавшим, по преданию, равноапостольной Елене. Над иконо-

¹⁰ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 31.

¹¹ Святая Земля. Париж, 1961. С. 67—68.

стасом звездой отмечено место, о которое чудесным образом «споткнулся» бульдозер, а в притворе храма верующие прикладываются к той самой круглой иконе Вседержителя, которая остановила разрушение храма. В пристроенной к храму крипте находятся мощи мч. Анастасии, матери архимандрита Иоакима.

Русский Спасо-Вознесенский монастырь

Вблизи места Вознесения Господня на самой вершине горы Елеонской расположен русский женский монастырь. О покупке участка Елеонской горы для нужд Русской православной церкви мечтал еще первый начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский) в первое свое пребывание в Иерусалиме. 18 января 1844 года он сделал в своем дневнике такую запись: «Русскую миссию устроить **на горе Елеонской** или, по крайней мере, в монастыре св. Креста, или Илии пророка. Для покупки горы Елеонской и для постройки монастыря на месте Вознесения Господня собрать добровольные подаяния в России. Их будет много»¹². Однако осуществить это довелось одному из его преемников — архимандриту Антонину (Капустину)

В 1869—1871 годах архимандрит Антонин приобрел здесь, один за другим, целый ряд участков в острой конкуренции с французским кармелитским монастырем «Pater noster» («Отче наш»). Об истории этого соперничества сообщает архимандрит Киприан (Керн) (начальник РДМ в 1928—1930 годах): «В описываемое время, при протекции со стороны Наполеона III в Палестине появилась активная деятельница католичества, княгиня де ла Тур-д'Овернь, выбравшая местом своей деятельности именно Елеон, где она основала кармелитский женский монастырь в надежде захватить постепенно и всю гору. Но, благодаря энергии и выдержке о. Антонина, один за другим скупаются им от частных владельцев отдельные участки земли, выстраиваются необходимые постройки, производятся археологические раскопки, строится церковь, колокольня, стены, производятся насаждения маслин, кипарисов, сосен, и теперь на том месте красуется обширный русский женский монастырь с 180 монахинями, совершенно окруживший со всех сторон кармелитскую общину княгини Тур-д'Овернь. Общая площадь нашего елеонского владения составляет теперь 53748,54 квадратных метров с 50 постройками и необходимыми хозяйственными сооружениями»¹³.

Всего было приобретено 11 участков, составивших единое целое. Это было не просто хозяйственно-административное соперничество с католической общиной; действия о. Антонина носили духовно-нравственный характер. Как отмечал о. Киприан (Керн), «трепетные евангельские воспоминания навевают христианскому сердцу одна из сравнительно ранних покупок о. архимандрита в непосредственной близости от Иерусалима, а именно вершина Елеонской горы, это дивное место Палестины, где поистине небо ближе всего к земле, где сама природа вещает о возносящейся к Творцу прославленной человеческой плоти»¹⁴.

Из дневника о. Антонина (Капустина): «2 ноября 1870 г. После обеда ездил на Елеон и принял (мысленно) во владение прикупленную землю. Хороший кусочек. Две старые цистерны. Множество старых больших камней и бездна мозаических

¹² Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 360.

¹³ Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817—1894). М., 1997. С. 170.

¹⁴ Там же. С. 169—170.

камешков. Предлагают и еще прихватить кусок тоже с востока за 20 золотых. Возвратился домой в сумерки»¹⁵.

Место это, по словам о. Антонина, представляет «самую высшую точку священной горы, занято теперь смоковничным садом, а когда-то было усеяно зданиями, принадлежавшими, вероятно, какому-нибудь монастырю, и — может быть — еще не одному. Нам обязательно показали открытый в одном месте на незначительной глубине в земле остаток великолепного мозаического пола с изображением птиц, рыб и пр., весьма похожий на сохранившийся в церкви Крестного монастыря и составляющий одну из редкостей Палестины»¹⁶. <...> Недавно напали на целую кучу золотой мозаики и множество кусков белого мрамора. Несомненно, тут была церковь. Да будет она и опять некогда, по благословию Воздвигшего тут руце Свои и благословившего всякое доброе начинание!..»¹⁷

Отец Антонин решил превратить вершину Елеона в цветущий сад. Дневник о. архимандрита за 1873 год позволяет восстановить подробности: «9 января. Отправление на Елеон ящика с 60 кипарисами. Зазеленеет Св. Гора. 11 января. Поездка на Елеон. Кипарисные соображения. Будущие рощи, аллеи, куртины, парки и все другие пространства»¹⁸.

Параллельно осуществлялись археологические открытия. «18 января. Продолжая рыть к северу от золотой мозаики, напали на базу стоявшей когда-то тут колонны. Похоже на базы Вифлеемских колонн. Значит, несомненно, напали на древнюю церковь. 24 января. При мне откопали базу и бруски колонны, как раз vis-à-vis с открытой прежде. Ясно, что мы напали на развалины небольшой базилики. Эта пара колонн была первая от алтаря, восточная стена которого совнутри, по древнему обычаю, одета была золотой мозаикой. Приятно убедиться, что это была греческая и, следовательно, несомненно, православная церковь»¹⁹.

Труды о. Антонина были по достоинству оценены в отечественной печати. Так, в «Путеводителе по святым местам града Иерусалима (Одесса, 1908) читаем: «Архимандрит Антонин исподволь основал здесь целую русскую колонию: построил поместительный двухэтажный дом-приют для паломников, устроил цистерны с хорошей питьевой водой и разнообразные хозяйственные постройки, развел прекрасный сад и с величайшим усердием и непреклонной энергией стал производить тут раскопки, увенчавшиеся полным успехом. Из-под груды мусора удалось ученым людям открыть целые сооружения: мозаиковые полы с изображениями и надписями первых веков христианских, множество мраморных обломков и остатков колонн, глубокие фундаменты с гробовыми под ними пещерами, с каменными костехранилищами, а также ясные следы древнего христианского храма времен императора Константина Великого»²⁰.

Приобретая участки земли в разных местах Палестины, о. Антонин со временем возводил на них храмы, вокруг которых образовывались монашеские общины. Но прежде чем приступить к строительству церкви, о. Антонин устроил на Елеоне странноприимный дом, где могли бы останавливаться для отдыха русские паломники, обыкновенно восходившие на Елеонскую гору после посещения пещеры Лазаря Четверодневного в Вифании. В этом странноприимном доме, построенном о. Антонином, паломников встречал один из иеромонахов миссии в облачении; он служил мо-

¹⁵ Из дневников архимандрита Антонина (Капустина) // Богословские труды, № 36, М., 2001. С. 216.

¹⁶ Херсонские епархиальные ведомости, 1871. № 16. С. 326.

¹⁷ Там же. С. 329.

¹⁸ Цит. по: Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 192.

¹⁹ Там же. С. 192.

²⁰ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 150.

лебен или в здании, или под открытым небом и провозглашал здравие гостей. Потом следовало посильное угощение, обыкновенно чисто русское: чай вволю и хлеб. Желавшие жертвовали на воздвижение храма и на поддержание странноприимного дома, но жертвования эти были невелики, и большинство отделялось серебряной монетой, если не пятачками. Осмотревшись и отдохнув, паломники с террасы странноприимного дома могли вдоволь налюбоваться одним из прекраснейших в мире видов. Здесь перед зрителем расстилается панорама восточной части Иудейской пустыни, долина Иордана и Мертвое море²¹.

Строительство храма

Приобретенное место на Елеоне сначала было обнесено каменной стеной, засажено масличными и смоковничными деревьями, а в 1873 году было начато строительство храма во имя Вознесения Господня. Отечественный палестиновед В. Н. Хитрово, побывавший в эти годы на Елеоне, вспоминал: «От храма Вознесения („Стопочка“. — А. А.) немного на восток находится русское место, купленное архимандритом Антонином, тут так же, как и в других местах, говорят, копали землю и нашли пол древней церкви; теперь отец архимандрит строит здесь новую церковь»²².

Однако недостаток денег мешал быстрому окончанию этого доброго начинания. «Постройка русской церкви на Елеоне, — писал о. Антонин в 1876 году, — давно остановилась, к сожалению, от недостатка средств. Стены выведены кругом на сажень вышиной и начаты уже окна²³. Это была бы одна из древнейших церквей Иерусалима, вновь возвращенная богослужению. Характер букв, найденных на помосте ее мраморной плиты, с греческой подписью²⁴, относит ее к V или к VI в.»²⁵.

К началу русско-турецкой войны 1877—1878 годов церковь была доведена до уровня окон, и такой ее оставил о. Антонин, вынужденный выехать из Палестины на время войны. Трудность тут была еще и в получении различных разрешений, фирманов, обходе турецких законов, задабривании чиновников Серая и т. д. Постройка церкви и школы в турецкое время была обставлена в Палестине особыми трудностями. Рассказывают, что к о. Антонину очень благоволил некий Салим-эффенди, видный чиновник Серая, и благодаря ему удавалось многое сделать. Салим-эффенди был большой любитель чаепития, и на этой почве о. архимандрит умел ему весьма угождать и часто посылал ему «чай-москоби». Несомненно, что личное обаяние начальника миссии преодолеvalo немалые трудности и облегчало ему его деятельность²⁶. Тем не менее султанский фирман на строительство выдан был только в 1882 году²⁷.

Наконец в 1881 году храм уже был завершен, и о. Антонин заботится о его внешнем и внутреннем убранстве. Интересна запись в дневнике, датированная чет-

²¹ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 142.

²² Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 112.

²³ Следы перерыва в строительстве можно видеть в разнице кладки нижней и верхней частей стен.

²⁴ Надпись читается так: «Феодосии, славнейшей кувикуларии». См.: Церковный вестник, 1880. № 28. С. 5. Кувикулария — дворцовая должность и придворное звание, весьма распространенное в Византии. Здесь: кувикулария — фрейлина императрицы, по всей вероятности, Евдокии (443—460).

²⁵ Церковный вестник, 1876. № 32. С. 5.

²⁶ Киприан (Керн), архим. Указ. соч. С. 171.

²⁷ Маркиан (Попов), иером. Путешествие в Палестину, на Афон и по России в 1911 году // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 218, примеч. 17.

вергом, 13 марта. «За окном шум непогодный. 12 часов (ночи). Черчение будущего иконостаса Елеонского, целомраморного, длившееся часа до третьего»²⁸.

Приведенные записи доказывают авторство самого архимандрита Антонина в проектировании как храмов и колоколен основанных им монастырей, так и их внутреннего убранства. О том же свидетельствует управляющий Иерусалимским консульством В. А. Максимов: «Что касается красоты воздвигаемых зданий, можно только хвалить строителя, придумывающего и приготавливающего планы без помощи архитектора». Непосредственными исполнителями его архитектурных идей на Елеоне стали мастера-итальянцы: Антонио Лонгодорни, который, по словам о. Антонина, «выстроил мою Елеонскую башню своими руками всю от первого камня до последнего», Джованни Батиста Бизелли, выполнивший «не виданный в Святой Земле еще до нас купол церкви в 24 окна», и Гектор Белатти, автор росписи купола²⁹.

Храм представляет собой памятник неовизантийского стиля, крестово-купольный в плане, с резко выдающимися на все четыре стороны света полувошьмериками апсид, выступающими из основного массивного четверика собора. Восьмерик барабана (по 3 окна на каждой грани) увенчан по-византийски не слишком выгнутым, плоско-сферическим куполом, напоминающим Софийский собор в Константинополе. Если учесть, что и обстраивающие храм боковые апсиды решены в два яруса — полувошьмерик на полувошьмерике, — пирамидальный силуэт тянущегося вверх храма точно передает идею *восхождения* — по-человечески угловатого Вознесения.

Такой же одухотворенной цельностью удивляет внутреннее пространство здания. Иконостас был доставлен из Москвы, от купца П. Д. Каверина, через Одессу парохомом в Яффу в 1884 году В 1885 году тем же путем доставлена хрустальная люстра для храма — от камергера Ю. С. Нечаева-Мальцева³⁰. На клиросах находятся остатки двух колонн от древнего храма. Пол устлан мраморными плитами, посередине которых видны раздробленные древние куски того «белого мрамора одной из древнейших церквей Иерусалима», найденной о. Антонином³¹.

В официальном донесении в Св. Синод от 28 октября 1885 года о. Антонин писал: «Елеонская церковь находится на самой вершине святой горы Вознесения, на участке земли, купленном мною в собственность Духовной Миссии в 1871 г. ...Должно сознаться, — писал о. Антонин, — что мы хотя (сравнительно) и поздно являемся собственниками в Святой Земле, но приобретаем все хорошие вещи»³². (Впоследствии трудами архим. Антонина был создан небольшой, но ценный в научном отношении археологический музей из находок, обнаруженных при постройке храма и других зданий на русском участке. Следует отметить, что о. Антонин был известным ученым-археологом; им раскопаны «Судные врата», остатки городских ворот, через который Спаситель прошел на Голгофу³³.)

В финансировании елеонского проекта участвовали многие достаточно известные лица. Граф Г. С. Строганов, шталмейстер Высочайшего двора, совершивший паломничество в Святую Землю в 1880 году, пожертвовал 7000 франков, графиня Н. А. Стенбок-Фермор — 10 000 рублей «на благолепие храма Вознесения на Елеонской горе». Среди других пожертвований — золоченый крест для купола храма

²⁸ Цит. по: Лисовой Николай. Указ. соч. С. 192.

²⁹ Там же. С. 192.

³⁰ Там же. С. 194.

³¹ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 24.

³² Цит. по: Лисовой Николай. Указ. соч. С. 191—192.

³³ Святая Земля. Париж, 1961. С. 63.

(А. Д. Расторгуев), золото для купола (Л. М. Соболева). Все имена архимандрит Антонин записывал в специальной книге, которую планировал опубликовать³⁴.

Но перед освящением храма возникли новые сложности. Иерусалимский патриарх Никодим обратился в Петербург с жалобой на «большой скандал», якобы учиненный о. Антонином тем, что он решил назвать новый храм Вознесенским, в то время как подлинное место Вознесения («Стопочка») находится вне русских владений. В силу этого протеста о. Антонину пришлось переименовать елеонский храм в церковь Спаса с целью разрешить противоречия³⁵.

«Недалеко от места Вознесения Господня находится русское место, составляющее самую вершину священной горы, — писал в 1884 году протоиерей А. Ковальницкий, очевидец строительства монастырских зданий. — Мы здесь порадовались, смотря на вновь воздвигающуюся прекрасную русскую церковь, имеющую быть посвященной Вознесению Господню; эта церковь черне уже совершенно окончена... За сим пошли мы к месту закладываемой колокольни, которая, по мысли русских строителей, должна возвышаться настолько, чтобы быть видимой со Средиземного моря и служить указательницей местности Святого Града для приближающихся к Святой Земле русских паломников»³⁶.

Об этом же храме пишет Евгений Марков в своей книге «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891): «На горе Вознесения христиане до сих пор не могли иметь храма Вознесения. Только на днях, заботами архимандрита Антонина и русскими жертвами, отстроен еще не освященный при нас православный храм Вознесения, несколько в стороне от центра горы, и белая башня его, хотя сколько-нибудь, оспаривает теперь у турецкой мечети господствующее положение любимой горой Христа. <...> Мы простояли всю ночь в неосвященном русском храме Вознесения, белые стены которого, совсем еще голые от икон и украшений, бесприютно глядели на молящуюся толпу. Завтра, на Вознесение, готовились, было, освящать вновь построенный храм, но торжество было отложено по случаю отъезда патриарха, к большому разочарованию русских богомольцев»³⁷.

К этому времени на Елеоне была выстроена колокольня, и наконец, несмотря на все затруднения, 7 июня 1886 года (по ст. ст.) состоялось торжественное освящение храма и колокольни. На этом освящении присутствовал Иерусалимский патриарх Никодим, смирившийся с усилением русского влияния. Он произнес похвальное слово в честь строителя храма о. Антонина и его ближайшего помощника по строительству, иеромонаха Парфения; на о. Парфения он возложил наперсный крест³⁸.

Храм был освящен «во имя ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, без приурочения какого-нибудь храмового праздника». В русских официальных источниках церковь стали именовать Спасо-Вознесенской, а неофициально называли и называют просто Вознесенской, как и хотел о. Антонин³⁹.

Это знаменательное событие было отмечено в отечественной православной печати: «На самой вершине горы сооружен благочестивым усердием православно-русских людей великолепный изящно-художественный храм Вознесения Господня в строго византийском стиле с гигантской колокольней, около 30 сажень вышины,

³⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 195.

³⁵ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь), 1986. С. 35.

³⁶ Ковальницкий А., прот. Из путешествия в Святую Землю. СПб., 1886. С. 104.

³⁷ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 68, 71–72.

³⁸ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь), 1986. С. 35.

³⁹ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 192–194.

с которой открываются бесконечные виды вокруг на огромном пространстве от Яффы и Средиземного моря до Иордана, Мертвого моря и Иудейской пустыни. Храм этот окончен постройкой и освящен 7 июня 1886 года при деятельном участии известного ревнителя Православия и русской идеи в Палестине, начальника Иерусалимской русской миссии, архимандрита Антонина»⁴⁰.

С тех пор на вершине горы Вознесения не умолкает церковнославянская служба. Выстроенная прекрасная церковь византийского стиля является одним из лучших украшений Иерусалима.

Колокольня («Русская свеча»)

Одновременно с храмом на самой вершине Елеона (828 м над уровнем моря) строилась 64-метровая четырехъярусная колокольня. Отец Антонин бросил клич к русским людям о построении колокольни при храме на Елеоне: «Не найдутся ли христороубцы для возведения иерусалимского Ивана Великого на горе Вознесения? Очень, очень бы желали здесь сего»⁴¹. Этот призыв не остался со стороны христороубцев без ответа.

Поскольку колокольню строил итальянский мастер, по внешнему виду она мало отличается от кампанил средневековой Италии. «Своей острой вершиной, вонзенной в лазурное небо, она как бы напоминает египетский обелиск, что при разнообразности стилей в Палестине, в сущности, и не режет глаз, хотя невольно закрадывается сожаление при виде этой колокольни, что вершину Елеона не украсило златоглавое подобие Ивана Великого, — писал архимандрит Киприан (Керн). — Колокольня строилась тоже очень медленно. О. Антонин очень часто, насколько ему позволяли дела, посещал Елеонскую гору или когда бывал занят, то из окна своей угловой комнаты в Миссии наблюдал за постройкой в подзорную трубу»⁴².

С площадки верхнего, четвертого яруса ясно видна на востоке блестящая синь Мертвого моря. По преданию, одной сажени не хватило о. Антонину, чтобы на западе можно было увидеть Средиземное. 12 июля 1886 года архимандрит записывает в дневнике: «Долго сидел на своей высокой колокольне и раздумывал о временах далеко-будущих. Роды родов будут подниматься на высоту, где я сижу, а о чем будут думать они?... Верно, не о том, кто доставил им случай полюбоваться на целокупный образ вечно-вещей Палестины...»⁴³

Вскоре колокольня в обиходе получила название «Русская свеча». Так на Святой Земле была поставлена свеча русского народа, с которой раздается русский благовест русского колокола. Величественная колокольня русского елеонского храма господствует ныне над всеми окрестностями Иерусалима. Впоследствии выяснилось, что с колокольни можно лицезреть не только Мертвое море, но и Средиземное. «С высоты ее наблюдатель видит, как на ладони, Мертвое море и Заиорданье, а при помощи бинокля в ясную погоду, даже синеву Средиземного моря»⁴⁴, — писал профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский. Об этом же упоми-

⁴⁰ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 149—150.

⁴¹ Церковный вестник, 1885, № 14. С. 240.

⁴² Киприан (Керн), архим. Указ. соч. С. 171—172.

⁴³ Цит. по: Лисовой Николай. Указ. соч. С. 194.

⁴⁴ Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), как деятель на пользу Православия на Востоке и в частности в Палестине (по поводу десятилетия со дня его кончины). СПб., 1904. С. 43.

нает и архимандрит Киприан (Керн): «С верхней галереи Елеонской колокольни в ясные дни видно даже вдали сверкающее Средиземное море, тогда как в другую сторону, по направлению к Востоку, раскрывается единственная в своем роде панорама: вблизи Вифания и дорога в Иерихон, пустынные холмы вплоть до Иордана и Мертвого моря, Лавра преп. Феодосия, едва приметная вершина Сороковой горы у Иерихона и уходящее в даль Заиорданье. Тут как бы окидывается взором весь путь земной жизни Спасителя от горы Искушения до горы Вознесения. А за Мертвым морем тонут в лиловом тумане горы Моава»⁴⁵.

Особое место среди благотворителей принадлежало близкому другу о. Антонина — соликамскому купцу Александру Васильевичу Рязанцеву (1807—1889), который заказал в Москве колокол в 308,5 пудов, диаметром 2 м 13 см, с горельефными иконными изображениями. Колокол был отправлен из Одессы на пароходе и выгружен на берег в Яффе. Вот что сообщалось по этому поводу в «Церковном вестнике» за март 1884 года: «20 февраля, с колокольного завода Н. Д. Финляндского в Москве, отправлен в дорогу колокол, отлитый для храма в Старом Иерусалиме, на св. горе Елеонской, весом 308 пудов 20 фунтов, пожертвованный членом Русского Палестинского Общества, соликамским купцом Рязанцевым. Провоз колокола приняли на себя безвозмездно общества Московско-Курской, Курско-Киевской, Юго-западной железных дорог и русское общество пароходства и торговли. Колокол этот будет первым на горе Елеонской»⁴⁶.

В августе 1884 года этот колокол «с помощью христианнейшей графини О. Е. Путьиной» был перетащен с пристани в Яффе в загородный русский сад близ могилы св. Тавифы⁴⁷. Теперь предстояло перевезти колокол на Елеон. «В воскресенье, 27 января, — пишет о. Антонин, — сделано было надлежащее воззвание к люду Божию о помощи. 105 человек (на 2/3 женщины) спешно прибыли утром во вторник в Яффу и принялись за дело. Благодаря общему одушевлению, в течение 7 дней колокол, несмотря на тысячу затруднений, был благополучно доставлен на наши Постройки. 5 февраля вечером ему была восторженная встреча, поднявшая на ноги весь город»⁴⁸.

По свидетельству очевидца, «все 60 км, отделяющие Яффу от Иерусалима, они тянули колокол при помощи веревок и полотенец, вместо лямок. Половина пути пролежала по сыпучим пескам, так что в день нельзя было проходить иногда более одной версты. Затем шли подъемы, спуски и повороты... За этот труд архим. Антонин не мог предложить народу ничего, кроме пищи, да и едва ли между ними нашелся бы человек, ожидающий какую-нибудь плату»⁴⁹.

На другой день, 6 февраля, о. Антонин призвал паломников поднять колокол на Елеон. После молебна, в 10 часов утра, тысячи людей двинулись в путь. Нужно было спуститься в долину Кедрона, чтобы затем вновь подняться на гору. Только к шести часам вечера удалось подтянуть колокол к ограде Русского участка⁵⁰. «Обогнув Русское Гефсиманское место, по небольшой горной каменистой тропинке начнем подыматься на другое Русское место, на самой вершине Елеонской горы, — писал В. Н. Хитрово. — По этой же тропинке в 1885 году русские поклонники, мож-

⁴⁵ Киприан (Керн), архим. Указ. соч. С. 172.

⁴⁶ Церковный вестник, 1884, март. С. 14.

⁴⁷ См. подробнее: Церпицкая О. Л. Архимандрит Антонин Капустин и русские святые на Святой Земле // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. № 21—22. СПб., 2000.

⁴⁸ Церковный вестник, 1885. № 14. С. 239—240.

⁴⁹ Цит. по: Лисовой Николай. Указ. соч. С. 196.

⁵⁰ Там же. С. 196.

но сказать, на своих руках, внесли из Кедронской долины колокол в 300 слишком пудов, пожертвованный пермским купцом А. В. Рязанцевым»⁵¹.

На следующий день, 7 февраля, приступили к выгрузке колокола и установке на место. Еще в конце 1884 года был заложен фундамент колокольни. Подвезенный сюда колокол был осторожно выгружен в пространство, окруженное фундаментом колокольни, и затем поставлен вертикально на деревянные брусья. Затем, по мере возведения следующих ярусов колокольни, колокол каждый раз поднимали на новый уровень⁵². «Могучий медный голос этого колокола заглушает даже колокола миссийского собора Св. Троицы, уступая лишь еще большему колоколу святогробской колокольни»⁵³, — писал впоследствии архимандрит Киприан (Керн).

«Русская свеча», поставленная на Елеоне, свидетельствовала о торжестве православия в Святой Земле. «Мощный звон ее колоколов оглашает всю гору и даже Иерусалим, громко свидетельствуя иноверцам об успехах русского дела в Палестине, а истинно русским людям доставляя несравненное духовное наслаждение... — отмечал проф. КДА А. А. Дмитриевский. — Отец Антонин был большим любителем „толстого“ звона»⁵⁴.

Русский паломник-эмигрант А. П. Ладинский, посетивший Святую Землю в 1936 году, пишет о елеонской колокольне со «стратегической» точки зрения: «За Гефсиманией поднимается Елеонская гора, одна из тех гор, с вершины которых посланцы синедриона ждали появления луны, чтобы возвестить костром о начале нового лунного месяца. На горе находится наш монастырь и гигантская колокольня. В этой простой и грозной башне есть что-то от крепостного строительства. Недаром во время ее постройки Россию обвиняли в каких-то скрытых империалистических замыслах в Палестине. Действительно, она господствует над всей страной, озирает, как страж, Иерусалим, покатые склоны горы, глядит далеко во все стороны, до самого Мертвого моря. Прекрасный стратегический пункт. Говорят, что башней восхитилось воинственное сердце Вильгельма II. Он дважды взбирался на нее во время своего путешествия в Палестину и тотчас же послал две телеграммы: одну — восторженную — русскому императору, другую — султану, с просьбой уступить место по соседству. Султан подарил ему участок между Елеонской горой и Скопусом, где теперь германский санаторий. Но во время землетрясения в 1927 году германские сооружения пострадали, а русская башня покачалась и осталась на месте, построенная с расчетом на землетрясение»⁵⁵.

Игумен Парфений (Нарциссов) (1830–1909)

После освящения Спасо-Вознесенского храма в нем регулярно совершались богослужения, и его фактическим настоятелем стал игумен Парфений. Профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский долгое время, в конце XIX века, жил на Святой Земле. Он составил биографию о. Парфения, с которым был близко знаком.

⁵¹ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 113.

⁵² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 196.

⁵³ Киприан (Керн), архим., Указ. соч. С. 172.

⁵⁴ Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), как деятель на пользу Православия на Востоке и в частности в Палестине (по поводу десятилетия со дня его кончины). СПб., 1904. С. 38–39. См. также: Церковный вестник, 1881, № 9. С. 6.

⁵⁵ Ладинский А. П. Путешествие в Палестину // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 240–241.

Отец Парфений (в миру Пармен Тимофеевич Нарциссов) был сыном причетника села Заградчины Ранненбургского уезда Рязанской губернии. По бедности своей он окончил только три класса духовного училища. Затем помогал отцу на клиросе. В возрасте 15 лет стал послушником Данковского монастыря. В 1879 году в возрасте 48 лет, уже будучи иеромонахом, он посещает Святую Землю в качестве паломника. «Здесь, — пишет профессор А. А. Дмитриевский, — он сближается с начальником Русской Духовной Миссии, о. архимандритом Антонином (Капустинным), на которого о. Парфений произвел весьма благоприятное впечатление. Архимандрит Антонин сначала возложил на него чреду служения в Троицком соборе (на Русских постройках) <...>

В свободное от треб и служений время, отец Парфений любил проводить целые дни и даже недели на Елеонской горе и проживать в келейке при приюте для паломников. Он надзирал за производившимися здесь постройками и раскопками древних зданий и погребальных крипт. Когда, наконец, храм был окончен и в 1886 году освящен, разрешены были по четвергам и воскресеньям, а равно и в дни праздников, богослужения. Отец Парфений делается единственным совершителем богослужений, привлекая к участию в них наших богомольцев и богомолков, знающих церковный чин и владеющих хорошим голосом. Его служения, исполненные благоговейной простоты и полного душевного единения в молитве пастыря со своей случайной паствой, охотно и с любовью посещались паломниками, горячо любившими простеца о. Парфения за его истинно-русское радушное гостеприимство на Елеоне <...>

По освящении храма и колокольни, заботы о русском Елеоне о. Парфения не только не прекратились, а еще больше возросли. Неугомонный и неутомимый старец о. Парфений, не покладая рук, работал на своем участке, то раскапывая некрополь — древние кладбища, то очищая от мусора обширные мозаичные полы древних храмов и зданий, то выравнивая существующие здесь неровности и ямы, то прокашивая стоки для дождевой воды и ямы для посадки различных деревьев. В своих повседневных неустанных трудах он старался все делать своими собственными руками, надеясь лишь на свое, Богом данное, крепкое здоровье. На собственных старческих плечах в кошелках он то таскал землю для засыпания неровностей и удобрения под посаженные им деревья, то носил издалека в *тулумах* или кожаных мешках воду, когда на Елеоне не было еще достаточного количества благоустроенных цистерн для поливки деревьев и цветов, к которым он питал особенную любовь. Вся нынешняя, без преувеличения можно сказать, райская красота, все многочисленные рощи кипарисов, масличных деревьев и сосен — все это дело мозолистых рук и выносливых плеч о. Парфения.

Не следует при этом упускать из внимания, что у о. Парфения врагами в этом деле были не только каменная, лишенная влаги земля и жгучее знойное солнце, но и полудикое, воровское, мусульманское население соседней с нашим участком деревушки, которое, при первом удобном и неудобном случае, пользуясь покровом темной южной ночи, нередко произвольно передвигало пограничные, сухой кладки, оградки, вырывало цветы и злаки, похищало за день сделанные древесные насаждения и тащило даже предметы его незатейливого домашнего обихода и обстановки... С восходом солнца созерцал старец с болью в душе следы воровских проделок своих беспокойных соседей, горько сетовал на них своим случайным посетителям, но не досаждал своим обидчикам, стараясь жить с ними в мире и согласии, и с удвоенной энергией продолжая по-прежнему работать на своем любимом участке <...>

Кто бывал в Иерусалиме и знал почившего доброго старца, тому он навсегда рисуется неизменно в одном виде. Невысокого роста, худенький, с голубыми добрыми

глазами и с светло-русскими жиденькими волосами на голове, и с длинной раскидистой бородой, под старость поседевшей и получившей пепельный оттенок, весьма подвижный и несколько суетливый, с скороговорной великорусской речью, с добродушным, ласковым, симпатичным лицом, одетый неизменно в простой пестрый, самой дешевой цены подрясник, в шляпе на голове (в городе по делам) или в суконной шапке (на работе) и с посохом или корзиной в руках. Таким он был известен всем <...>

Слава о Парфении росла среди паломников и обывателей града Иерусалима, пожертвования к нему на Елеонский храм притекали обильно, а вместе с тем, конечно, росли и нелепые слухи среди злых людей, алчущих наживы за чужой счет, о его личных, богатых, денежных средствах. На деле же, в силу своей нестяжательности, о. Парфений почти ничем не владел, так как все деньги, полученные от благодетелей, он тратил на храм, разведение деревьев и на окормление паломников. Следует также сказать, что о. Парфений был большим молитвенником. На самой южной части Елеонского участка, вдали от жилых помещений, он своими руками вырыл пещеру, где нередко проводил в бдении целую ночь»⁵⁶.

Более подробные сведения об о. Парфении содержатся в Архиве Русской духовной миссии.

О. Парфений (Пармен Тимофеевич Нарциссов, 28 июля 1830 – 14/15 января 1909), член РДМ (1886–1908). Послушник в Данковском Покровском монастыре (1849 или 1851 г.). Пострижен (1863 или 1865 г.), рукоположен в иеродиакона (1865 г.), в иеромонаха (1871 г.). В 1873 году перемещен в Ольгов монастырь, в 1874 году – в Скопинский Свято-Духов монастырь. Состоял при Рязанском лазарете Общества Красного Креста (1877–1878 гг.); награжден набедренником (1878 г.) и знаком Красного Креста (1879 г.). В 1879 г. отправился в Св. Землю, по приглашению Начальника РДМ исправлял должность иеромонаха РДМ (1879–1881 гг.), зачислен в штат (1881 г.). Избран в члены-сотрудники ИППО (1886 г.). Уволен на покой (1897 г.), с проживанием на Елеоне и совершением литургии в церкви Вознесения и церкви Св. Марии Магдалины; возведен в сан игумена (1906 г.). Награжден золотым наперсным крестом Кабинета Его Имп. Величества (1882 г.), патриархом Иерусалимским Никодимом – наперсным крестом на Красной ленте, выдаваемым иерусалимскому духовенству (1886 г.), палицей (1893), императором Вильгельмом II – Прусским орденом Красного Орла 4-й ст. (1899 г.)⁵⁷.

Русские богомольцы, посещавшие Спасо-Вознесенскую обитель, восхищались подвижнической деятельностью о. Парфения и уделяли ему место в своих паломнических записках. «Мы напились русского чая из русского самовара в русских постройках Масличной горы, где есть комнаты для богомольцев. Неутомимый отец Парфений заведует раскопками, построением и древесными насаждениями этого нового русского владения, – вспоминал Евгений Марков. – Он сам и садовник и настоятель. Его стараниями и собственными руками, с помощью добротных рук богомольцев, везде разбиваются сады оливок, винограда, кипарисов и пальм. По счастью вновь возникающая русская обитель воздвигнута не только на очень видном владычествующем месте Масличной горы, но и на очень историческом месте, которое, по-видимому, и в древности считалось одним из важнейших пунктов этой евангельской горы.

В нижний этаж русского дома захвачены, откопанные под мусором, покои какого-то роскошного древнего дворца, судя по надписям и историческим соображениям, скорее всего, дворца императора Феодосия. Не говоря о множестве найденных

⁵⁶ Дмитриевский А. А. Памяти члена Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. игумена Парфения, убиенного 14 января 1909 г. на горе Елеонской. СПб., 1909. С. 2–11.

⁵⁷ АРДМ; Дмитриевский А. А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.; СПб., 2009. С. 453–464.

мраморных обломков, в покоех этих прекрасно уцелели интересные мозаиковые полы, изумительного вкуса и искусства, с чрезвычайно живыми изображениями рыб, птиц и разных животных. В домике отца Парфения тоже есть комната с круглым мозаиковым полом и отрывками мозаиковой надписи. По-видимому, в старину здесь стояло, во всяком случае, какое-нибудь одно громадное здание, послужившее теперь основой для всех наших новых построек; под глубокими фундаментами этого неведомого здания открывается множество гробовых пещер, из которых некоторые мы посетили, но большая часть их завалена и недоступна. Добытые из них каменные гробики, из белого известняка, не годились бы, кажется, для новорожденного младенца: в них заключались кости покойников после того, как тела их истлевали в погребальных пещерах»⁵⁸.

В начале 1890-х годов на Елеонской горе побывала группа русских богомольцев, в числе которых был паломник Петр А-истов. В своих записках он повествует о посещении «русского Елеона» и о встрече с о. Парфением.

<...> Вступив в железные ворота, мы очутились на просторе громадного двора, обнесенного каменным забором. Здесь-то, у ограды, окружающей владения нашей Миссии, мы остановились и остановили своих ослят. Сами же направились в церковь Вознесения, что на Елеонской горе. Церковь эта богослупно украшена иконами и свежа от недавней еще окраски. В церкви мы застали еще в половине отслуженную обедню, отстояв которую, отправились осматривать колокольню, находящуюся на северной стороне на возвышенном холме и отстоящую от церковного сада на расстоянии 30 ступеней. Внутри колокольни, чтобы подняться на самый верх ее, нужно пройти 272 ступени, по железной винтовой лестнице. Верх снабжен полным звоном колоколов. Вид с высоты колокольни восхитительный. Мы долго любовались оттуда Иерусалимом и всей окружающей его окрестностью с ее каменистыми горами. В особенности чуден был вид Мертвого моря и Иорданских гор.

Сойдя с колокольни, мы направились в музей древностей, найденных при постройке храма. Здесь же в музее мы спускались в пещеры, а затем осматривали ризницу. Отсюда по склону горы мы направились через молодые маслинные сады и виноградники к келье старца монаха. Келья эта представляет из себя небольшой квадратный каменный домик, окрашенный в белый цвет. Приближаясь к домику, мы встретили самого старца, по приглашению которого вошли в его небольшую, но уютную комнатку с одним окном, в изобилии украшенную образами. Не желая долго беспокоить почтенного старца и обременять его лишними разговорами, мы вскоре удалились.

Недалеко от этой кельи находится еще такая же. Но так как старец, живущий в этом домике, очень редко выходит из него и к себе принимает также неохотно, то мы и не вошли туда, а направились прямо в дом о. Парфения, ревностными трудами которого совместно с о. Антонием были собраны все суммы, потребные на постройку и украшение храма и воздвигнут храм Вознесения. О. Парфений принял нас самым радушным образом. Нам был предложен чай и завтрак, после которого, побеседовав некоторое время, мы отправились в дальнейший путь»⁵⁹.

Кончина архимандрита Антонина (Капустина) (1894 г.)

Архимандрит Антонин (Капустин), пробыл начальником миссии 29 лет, с 1865-го по 1894 год, то есть до самой своей кончины. 19 марта 1894 года, в присутствии российского консула С. В. Арсеньева, о. архимандрит изложил свою последнюю волю:

⁵⁸ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 75.

⁵⁹ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 112–113.

«Синоду он передавал все земельные имущества и печатные книги своей библиотеки.

Миссии — музей древностей⁶⁰.

Эрмитажу — найденный им при раскопках бюст Ирода Великого (копия его хранится в Музее).

Киевской Академии — телескоп Секретана, а другой, меньший, брату Михаилу Ивановичу, жившему в Перми и также большому любителю астрономии.

В Далматовский монастырь — наперсный крест.

Святому Гробу — панагию с сибирскими камнями.

Кафедральному собору в Перми — другую панагию.

Публичной библиотеке в Петербурге — собрание рукописей греческих и южнославянских, но с условием, чтобы за них было выплачено 5000 р. Русскому посольству в Константинополе с тем, чтобы оно их обратило на постройку церкви муч. Антонина в Ангоре (Анкира), где он и пострадал.

Свою „повесть временных лет“ — 19 больших тетрадей в четвертую долю листа его дневников, изо дня в день водимых с 1841 года, он завещал Синоду, но с тем, чтобы для печати ими воспользоваться было можно только через 40 лет после его смерти, т. е. в 1934 году»⁶¹.

Архимандрит Антонин скончался 24 марта 1894 года и был погребен у северной стены построенного им храма Вознесения Господня. Отпевание усопшего в Свято-Троицком соборе Русской духовной миссии совершил патриарх Иерусалимский Герасим. О скорбной церемонии отпевания и погребения о. Антонина повествует архимандрит Киприан (Керн).

Трогательным и великолепным, по всем правилам витийного искусства, но в то же время и глубоко прочувствованным словом простился с покойным его друг архимандрит Фотий Пероглу, некогда синайский узник и будущий Александрийский патриарх. От лица родной Академии простился находившийся тут же, в качестве паломника, профессор Казанской Академии С. Тернавский.

Похоронная процессия от Миссии до Елеона превратилась во всенародное шествие, и самое его погребение было насколько печальным, настолько и величественным зрелищем, редким даже для привычного к таковым Иерусалиму. К 6 часам вечера дошли по кружному пути до Малой Галилеи. Из церкви вышел митрополит Иорданский Епифаний и встретил процессию с краткой литией. О. архимандрит завещал похоронить себя в храме на Елеонской горе с правой стороны. При копании могилы оказалось, что скала на том месте препятствует этому, и поэтому могилу его устроили в левой части храма. На следующий день там служил заупокойную литургию митрополит Епифаний, а в Воскресенском храме сам патриарх.

Пройден путь длинный и скорбный, путь от Урала до Елеона. Недаром прожиты одиннадцать седмин, создано в Св. Земле столько для русского имени и для Православной Церкви, сколько не создать и несколькими поколениями. России оставлен богатый залог в Палестине. Сумеет ли она его сохранить? Найдутся ли новые Антонины, могущие продолжить его дело и выполнить то, что завещано им?

Большая мраморная плита закрывает на вершине Елеона его прах. Кругом все дышит и говорит о вознесшейся к Небесному Отцу и Творцу всяческих пре-

⁶⁰ Музей этот, после войны перевезенный на Елеон, за неимением помещения в миссии, занятой английскими судебными установлениями, находился все эти годы в жалком состоянии. Кое-как запакованные вещи, попорченные при переноске, брошенные и забытые, были только в 1929 году разобраны, приведены в порядок и снова стали доступны осмотру и изучению. Вся работу по устройству музея и спасению многих вещей произвели египтолог профессор Г. И. и Елисавета Сергеевна Лукяновы.

⁶¹ Киприан (Керн), архим. Указ. соч. С. 199.

ображенной плоти. Легкий ветерок из пустыни качает вершины сосен и кипарисов. А вдали, за Мертвым морем серо-лиловые тени, будто дымкой подернутые вершины Моава, такие близкие и в то же время где-то далеко-далеко утонувшие во мгле жаркого летнего дня. В сердце богомольца, пришедшего на Елеон помолиться у могилы об упокоении души этого большого русского человека, с болью и тоскою невольно закрадывается жалость, что мы, русские, погребли под этой длинной белой плитой не только самого отца Антонина, но и самую память о нем. Потому-то вот и воскресение ее является для всех нас нашим **общим делом**⁶².

В левой части храма находится огороженная железной решеткой гробница строителя елеонского храма и долголетнего знаменитого начальника Иерусалимской духовной миссии архимандрита Антонина (Капустина). Надпись на надгробной плите гласит: «Здесь погребен архимандрит Антонин, Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Род.: 12 августа 1817 г. Сконч.: 24 марта 1894 г. Вечная ему память!»⁶³

Начало XX столетия

В 1903 году начальником РДМ был назначен архимандрит Леонид (Сенцов). Как и его предшественники, о. Леонид уделял большое внимание Елеонской общине. Будучи еще студентом, он приезжал в Иерусалим, знал о. Парфения и сочувствовал его заветному желанию устроить на Елеонской горе женскую обитель⁶⁴.

Хотя идея создания обители на Елеоне принадлежала о. Антонину, который намеревался основать тут мужской монастырь, о. Леонид отказался от этой мысли, поскольку за много истекших лет нашелся только один прижившийся на Елеоне монах — это был некий монах Памво, служивший сторожем: в его обязанности входило впускать паломников в восточные ворота, когда они поднимались на Елеон из Вифании и выпускать их в западные ворота, когда они следовали далее на «Стопочку» и русские постройки. Поэтому о. Леонид принял решение основать на Елеоне женскую обитель⁶⁵.

История собственно Елеонского монастыря начинается с 1906 года, когда Св. Синод определением от 29 ноября/8 декабря принял решение об обращении женского общежития на Елеонской горе в женскую общину, с условием — испросить предварительно благословение патриарха Иерусалимского Дамиана. Открытие общины состоялось 12 августа 1906 года, в день рождения о. Антонина. Игуменом был назначен о. Парфений (Нарциссов), настоятельницей (старшей сестрой) — монахиня Евпраксия, в миру Мария Васильевна Миловидова, бывшая послушница Московского Алексеевского монастыря. Приехав в Иерусалим на поклонение в 1880 году, она долго жила в различных греческих монастырях, пока, познакомившись с архимандритом Антонином и его помощником игуменом Парфением, не стала их постоянной помощницей. В 1912 году мать Евпраксия была награждена наперсным крестом. Скончалась она 12 декабря 1914 года, прожив на Елеоне 26 лет⁶⁶.

Отец Парфений продолжал свои труды по строительству, раскопкам и садоводству. Число насельниц новой общины быстро увеличивалось и к 1907 году возросло до 100 сестер. Начали строить новые корпуса, гостиницу, богадельню, открыли

⁶² Там же. С. 200.

⁶³ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 194.

⁶⁴ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь), 1986. С. 45.

⁶⁵ Там же. С. 45.

⁶⁶ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 198.

золотошвейную и иконописную мастерские. (До 1924 года обитель скромно называлась общиной со старшей сестрой во главе.)

Вот что сообщалось в отечественной печати о новоучрежденной обители: «Ближайшим, наиболее усердным учеником и сотрудником архимандрита Антонина был отец Парфений, ставший после смерти его деятельным продолжателем по благоустройству русской колонии на Елеоне. В настоящее время восьмидесятилетний старец Парфений весьма энергично и успешно благоустраивает эту колонию, возводя новые благолепные постройки, разводя сады и внося всюду порядок и дух мира и согласия. Трудом и энергией о. Парфения приводится к благополучному концу постройка женской общины в Елеонской русской колонии. Община эта в 1906 году, по ходатайству начальника Русской миссии архимандрита Леонида, утверждена Святейшим Синодом и в настоящее время успешно ведет святое дело духовного просвещения. Община ныне состоит из 150 сестер, под руководством игуменьи Евпраксии.

Давая живой пример высокой христианской жизни и истинного благочестия, сестры общины в то же время служат поучительным примером неустанного трудолюбия и благоразумного ведения домашнего хозяйства. Различные виды рукоделия, как шитье, вышивание, иконопись, доведены в общине до совершенства. Хозяйство, и особенно садоводство и огородничество, ведется сестрами в широких размерах. В то же время прекрасное чтение и великолепное пение сестер в храме составляют истинное украшение общины и служат причиной того, что богослужение общины привлекают множество богомольцев. В настоящее время оканчивается постройкой в русской Елеонской колонии новое обширное здание странноприимницы и гостиницы для паломников, а также оканчивается постройка часовни над вновь открытым мозаичным полом как остатком древнего великолепного храма, постройка коего, по предположению ученых, восходит к 4 и 5 векам. Вообще, ученые раскопки, которые ведутся на Елеоне со времени и по мысли архимандрита Антония, ясно доказывают, что св. гора Елеон издревле была драгоценной христианской святыней, что здесь были великолепные храмы, на постройку и благоустройство коих христиане несли огромные денежные затраты. Елеон издревле был светочем христианства, таковым он должен оставаться и ныне и всегда, пока на земле будут истинные христиане»⁶⁷.

Русские ученые паломники, посещавшие Иерусалим, занимались здесь археологическими раскопками; целый ряд открытий был сделан ими на Елеонской горе. Произведенные на русском участке раскопки показали, что до арабского нашествия на Иерусалим и Палестину здесь существовал великолепный православный храм; при раскопках были найдены два мозаичных пола, один из которых, с армянской надписью V—VI веков, являлся одним из редких образчиков мозаичного дела. На остатках другого мозаичного пола сохранились изображения птиц, рыб и т. п., причем по своему стилю эта мозаика была весьма похожа на ту, что сохранилась в храме Крестного монастыря. Кроме того, здесь было найдено также множество погребальных пещер⁶⁸.

Но на этом не закончились открытия русских археологов на Елеонской горе. В апреле 1892 года на русском месте, при дороге, ведущей от Гефсиманской погребальной пещеры Пресвятой Богородицы на вершину Елеонской горы, Православное палестинское общество начало постройку двух домов. При рытье фундамента рабочие обнаружили две пещеры. Первая из них имела направление к северу от постройки, под восходящую на гору дорогу. Во второй пещере была найдена надгробная плита с надписью, которую по начертанию букв можно было отнести к VI веку. Пе-

⁶⁷ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 85.

⁶⁸ СППО, 1887. С. 181—182.

ревод первых двух слов не встретил затруднения: «Гробница Иоанна». Больше трудностей представили последние два слова. Их можно было прочитать как «армянина Таронского», то есть из известной армянской области Дарон или Тарон⁶⁹.

Открытия, сделанные русскими исследователями на Елеонской горе, помогли уточнить историю христианских общин, обосновавшихся здесь после Вознесения Спасителя. Дело в том, что в те же годы на южном склоне средней вершины Елеонской горы по дороге в Вифанию иностранными учеными был открыт шаг в 500 от дороги на восток мозаичный пол с надписью. Он был обнаружен при закладке фундамента дома под твердым слоем земли от 6 до 10 футов толщиной. На южной стороне пола имелась греческая надпись: «Для упокоения Евсевия пресвитера Феодосия диакона, Евгения, Елпидия, Евфрата, Агафоника монашествующих»⁷⁰. Поэтому в связи с тем, что открытая надпись — греческая, а найденная русскими археологами на вершине Елеонской горы — армянская, можно было сделать вывод о том, что в древнехристианскую эпоху армяне имели свой участок на вершине горы, а греки владели местом на ее склоне⁷¹.

В 1907 году был заложен фундамент нового собора во имя Страшного суда, которому не суждено было быть достроенным⁷². К 1910 году на средства русской благотворительницы Ирины Григорьевны Силаевой, проживавшей в Иерусалиме в собственном доме недалеко от Русского квартала, была выстроена часовня на месте Обретения главы св. Иоанна Предтечи⁷³. Еще в византийский период на этом месте существовала церковь, мозаичные полы которой также были обнаружены и вскрыты архимандритом Антонином во время елеонских раскопок. Сохранились три мозаики: белый ковер с черными бриллиантовыми ромбами, красными и белыми посередине, посреди него почти квадратный ковер (3,5 x 3,2 м), окруженный бордюром и разделенный на 35 частей, квадратных вперемежку с круглыми, каждая из которых содержит изображение птицы, животного, граната или кисти винограда особой расцветки. Отдельно выделено на полу углубление, где лежала честная глава Предтечи⁷⁴.

На Елеоне, «идеже село Иродово быша», Иоанна, жена Хузы, после казни св. Иоанна Предтечи закопала его честную главу, и здесь же в IV веке эта глава была дважды обретена подвижником Иннокентием, как об этом повествуется в Четьи-Минее от 24 февраля⁷⁵. В книге «Армянские святые места в Иерусалиме» (М., 2003) излагается армянский период истории Елеона.

В течение 2000-летней истории существования армянский Иерусалим пережил периоды как расцвета так и падений и потерь. Одной из них была утрата монастыря на Масличной горе, на месте которого стоит сегодня Русский Елеоно-Вознесенский монастырь. От Армянской церкви, основанной в начале VI века, сохранилась искусно исполненная мозаика со следующей надписью на древнеармянском: «Это запись в память об отце Иакове, выполненная по просьбе некоего [почитателя]»⁷⁶. В этом монастыре, в углублении мозаики, покоилась голова Св. Иоанна Крести-

⁶⁹ СППО, 1892. С. 355—356.

⁷⁰ СППО, 1895. С. 95.

⁷¹ СППО, 1895. С. 97.

⁷² К истории Елеонской горы // Журнал «Святая Земля», № 4, 1934. С. 90.

⁷³ Как строительницу, И. Г. Силаеву похоронили возле южной стены часовни и ежегодно совершали панихиду у ее могилы.

⁷⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 196.

⁷⁵ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 15.

⁷⁶ Иммануил (Атаджанян), иером.; Мадоян Геворк. Армянские святые места в Иерусалиме. М., 2003. С. 77.

теля. По одной из армянских версий, после эта глава была перенесена в Армению и по сей день находится в Гандзасарском монастыре, что в Республике Арцах (Карабах)⁷⁷.

Длинное здание с плоской крышей в северо-восточном углу монастыря напоминает о том, что в 1907 году здесь было начато строительство большого соборного храма во имя Страшного суда Господня, но события Первой мировой войны, а затем революции положили конец постройке. Успели достроить только нижний храм во имя Св. Филарета Милостивого, служащий ныне трапезной для насельниц обители (освящен митрополитом Анастасием (Грибановским) в 1925 году)⁷⁸.

К востоку от Спасо-Вознесенского храма расположен дом архимандрита. Он построен на восточной оконечности выровненной платформы, за которой начинается восточный склон Елеона. «Двухэтажный дом с музеем тех предметов, которые найдены на Елеоне при раскопках, обширные паломнические приюты, в которых нередко проживает наше консульство во время лета, и множество других сооружений, с тенистым садом и цветниками, составляют в настоящее время дополнение к указанным русским сооружениям на Елеоне»⁷⁹, — писал А. А. Дмитриевский. Ныне здесь располагается небольшой археологический музей.

Первый этаж дома частично покрыт напольной мозаикой, открытой 31 мая 1871 г.: все, что осталось от большого ковра размером 8,5 x 10 м, видимо, превышавшего размерами современную сохранившуюся часть (7,35 м x 3,5) в 4 раза. Мозаика замечательна по тонкости исполнения и точности изображений: агнец, бегущий фазан, утка, рыбы, двойные кисти винограда. Не исчисляя подробнее найденных о. Антониной в разных местах мозаик, надписей и архитектурных фрагментов древних сооружений, отметим лишь еще один уникальный памятник, находящийся теперь в доме игуменьи, в ее келье-кабинете. Это фрагмент большой белой мозаики с двумя черными овалами и греческой надписью: «Феодосия, славнейшая кувикулярия». Видимо, на этом месте стоял дом, в котором кувикулярия (постельничая) жила со своей госпожой — опальной императрицей Евдокией⁸⁰.

«Попутно с деятельным приобретением земельных участков в различных местах Святой Земли для нужд паломнического движения и оборудования их, о. Антонин не оставлял и научного археологического исследования их, — писал архимандрит Киприан (Керн). — Им производились раскопки на Елеоне, в Яффе, в Иерихоне и Силоаме, в Гефсимании и других местах. Найденные, подчас ценнейшие вещи составили очень интересную коллекцию предметов, маленький, но богатый музей. Особенно ценную вещь, бюст Ирода Великого, о. архимандрит подарил Эрмитажу, оставив в своем музее его копию»⁸¹.

О раскопках, проведенных о. Антонином на русском участке Елеона, упоминает в своих заметках паломник Николай Русанов, побывавший здесь вместе с группой саратовских гимназистов, автор книги «Ближний Восток» (Саратов, 1911). Как и прочие авторы, он берет за «точку отсчета» колокольню, с высоты которой «видны одновременно два моря, Средиземное и Мертвое». «Позади колокольни — дом для отдохновения молящихся и маленький женский русский мо-

⁷⁷ Там же. С. 79.

⁷⁸ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 198–199.

⁷⁹ Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), как деятель на пользу Православия на Востоке и в частности в Палестине (по поводу десятилетия со дня его кончины). СПб., 1904. С. 43.

⁸⁰ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 197–198.

⁸¹ Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894). М., 1997. С. 186.

настырь, — пишет саратовский пешеходец. — В одной из его комнат собраны обломки древних гробниц, части карнизов, колонных орнаментов, найденных в земле при закладке фундамента церкви. Внизу усыпальница, где видны гробы, высеченные в скале; на верхних досках гробов вырезаны кресты и надписи, что здесь покоятся тела армянских царей. Здесь же часть древнего мозаичного пола VI века, с изображением рыб и птиц; под этим полом были открыты цистерны с несколько аршин глубиной»⁸².

Свой рассказ о посещении Спасо-Вознесенской обители Николай Русанов завершает «официальной частью»: «В храме Вознесения был отслужен благодарственный молебен, после которого было многолетие государю императору, государыням императрицам, наследнику цесаревичу и всему Их царствующему Дому, Всероссийскому Святейшему Синоду и Преосвященнейшему Гермогену с богохранимой его паствой. Пели два хора: один из учеников, другой из монахинь. Игуменья монастыря предложила нам после молебна рыбное угощение и вообще отнеслась к нам в высшей степени сочувственно, ласково и внимательно»⁸³.

Спасо-Вознесенская обитель в записках иеромонаха Серафима (1908 г.)

<...> Выйдя за ограду места Вознесения, любясь величием окружающей природы и чудной местности, я незаметно вступил в пределы русского места на горе Елеонской. Вижу пред собой величественную колокольню и церковь Вознесения Господня. Идя, мы встретили старца труженика отца игумена Парфения, который нас ласково принял и показал все постройки, воздвигнутые и воздвигающиеся. Водил нас в пещеру, в которой как предполагают, была скрыта всечестная глава святого Иоанна Крестителя. Потом, поднялись на высокую колокольню, с которой прекраснейший вид на всю окружающую местность. На колокольне я обратил внимание на большой в 309 пудов колокол, что это здесь великая редкость, и оказалось к моему удивлению, что этот колокол пожертвован нашим пермским купцом А. В. Рязанцевым; весьма было приятно встретить такое совпадение. И действительно, великое дело совершил покойный А. В.; он этим своим добрым делом оставил по себе вечную незабвенную память во всех грядущих родах и поколениях. Здесь на русском месте основывается женская община; уже живет порядочно сестер.

Зайдя в церковь, я обратил внимание на могилу в церкви великого труженика русского в Палестине, незабвенного отца архимандрита Антонина — начальника Миссии. С именем его связаны главнейшие страницы русского дела в Святой Земле. Архимандрит Антонин оказывается наш земляк, из Пермской губернии, из семьи бедного сельского священника. Окончив Киевскую Духовную Академию, он принял монашество; прожив недолго в России, был назначен начальником духовной миссии в Афины, а потом в Константинополь. В 1865 г. он был назначен начальником духовной миссии в Иерусалим, где и прожил 30 лет до смерти. Справедливо говорит В. Н. Хитрово: можно почти с полной справедливостью сказать, что свою жизнь архимандрит Антонин положил за Русское дело в Святой Земле: почти все, что есть там русское, совершено или начато им. Один, без поддержки, почти без средств, в течение целых 30 лет, держал он высоко русское знамя, отбиваясь от врагов, а еще более — от лже-братии.

Я с глубокой признательностью поклонился могиле этого великого русского труженика на пользу Святой Земли и вознес свои убогие молитвы о упокоении его блаженной души в недрах Авраама и сопричтении с праведными. Вечная тебе память, достоуважаемый собрат и земляк, инок-печальник русского дела на Святой Земле, не умолкавший ради Сиона, и не успокоившийся для Иеруса-

⁸² Русанов Николай. Ближний Восток. Саратов, 1911. С. 203.

⁸³ Там же. С. 204.

лима! Дела твои и гроб твой в созданной тобой церкви вечно будут напоминать всем грядущим родам и поколениям о тех неусыпных трудах и скорбях твоей страдальческой жизни среди бури житейского моря. На северной стороне Елеона местность называется «Малой Галилеей», от того, что во времена Спасителя на ней останавливались, когда прибывали на праздник Пасхи галилеяне. Облбызав все драгоценные святые места на горе Елеонской, простившись со старцем Парфением и настоятельницей женской общины, я направил свои стопы обратно⁸⁴.

Гибель о. Парфения (1909 г.)

Иеромонах Серафим общался с игуменом Парфением в 1908 году, а вскоре елеонский старец стал жертвой злодеяния. В ночь с 14 на 15 января 1909 года его подвижническая жизнь увенчалась мученической кончиной. После трудового дня о. Парфений удалился в свой уединенный дом, а утром был найден лежащим на полу, весь в крови, с глубокой раной на шее. На полу были видны кровавые следы босых ног, вещи были разбросаны, и ящики открыты, как будто что-то искали. Причины злодеяния и виновников его следствие не выявило. Глубоко почитаемый и всеми любимый старец, оплакиваемый не только русскими, но и иностранными друзьями, был похоронен снаружи храма Вознесения, возле северного его крыла у ног своего любимого старца о. Антонина⁸⁵.

Место вечного упокоения о. Парфений указал себе еще при жизни — у ног своего любимого старца, снаружи храма, в углу северной абсиды. «Я послушник о. Антонина и хочу лечь у ног его», — говаривал приснопамятный старец, и желание его было исполнено его почитателями⁸⁶.

Описание похорон о. Парфения принадлежит перу профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевскому, посетившему Святую Землю в 1910 году и побывавшему на Елеоне у могилы старца.

«<...> 15 января было торжественное богослужение на Елеоне по случаю годовщины со дня трагической кончины приснопамятного игумена Парфения, сотрудника отца архимандрита Антонина и благоукрашителя и строителя Елеонской женской общины, — отмечал проф. А. А. Дмитриевский. — Стечение молящихся было громадно. После литургии и панихиды из храма все крестным ходом отправились к могиле почившего, украшенной цветами, зеленью и апельсинами. На деревянном кресте висел в футляре серебряный венок весьма изящной работы. По окончании богослужения все были приглашены на поминальный обед»⁸⁷. (На территории обители сохранился дом игумена Парфения, зверски убиенного искавшими «монастырское золото» злоумышленниками. В доме расположена сейчас монастырская библиотека.)

Из воспоминаний А. А. Дмитриевского (1910 г.): «Я подробно осмотрел иконописную, золотошвейную, помещения для паломников, службы, включая сюда и баню для монахинь со скотным двором. Елеон Русский сравнительно с прежним ушел значительно вперед и своим благоустройством всецело обязан покойному отцу Парфению, заботливая, неутомимая рука коего лежит на всем. Даже раскопки отца Парфения с чудным мозаичным полом покрыты ныне и вклю-

⁸⁴ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 64–65.

⁸⁵ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 45–46.

⁸⁶ Профессор А. А. Дмитриевский. Памяти члена Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. игумена Парфения, убиенного 14 января 1909 года на горе Елеонской. СПб., 1909. С. 11.

⁸⁷ «В его лице воскрес отец архимандрит Антонин». Из писем А. А. Дмитриевского князю А. А. Ширинскому-Шихматову // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 274.

чены в особую часовенку⁸⁸, в которой происходит неусыпное чтение Псалтири. А густые кипарисные роши и громадный масличный сад по восточным склонам Елеонской горы меня просто изумили, так как в 1887–1888 годах ничего подобного здесь не было, а в 1898 году торчали лишь небольшие чахлые кустики. Несомненно, русскому Елеону предстоит громадная счастливая будущность и ему не будут помехою даже грандиозно-величественные сооружения немцев, получивших миллион марок от щедрот немецкой императрицы⁸⁹ и немногим уступающие последним сооружения здесь же англичан. Весьма энергичная мать Евпраксия⁹⁰, правая рука отца Парфения, женщина сильной воли и не без средств, дает несомненные ручательства за то, что заветы отцов — архимандрита Антонина и игумена Парфения — ею будут свято храниться, а немецкие, англиканские и католические поползновения соперничать с русским Елеоном и даже превзойти его поддержат в ней, несомненно, энергию и готовность не уступать им пальму первенства или, по крайней мере, не ударить себя пред ними в грязь лицом. Помогите ей, Господи»⁹¹.

Год 1911-й

В начале XX столетия, незадолго до Первой мировой войны, русскими паломниками была привезена из России в дар Елеонской обители Черниговская икона Божией Матери, написанная на полотне (размер 50 на 36 дюймов), русского письма с византийским влиянием. Не будучи вначале установленной в главном Вознесенском храме, она была помещена в алтаре тогда еще не законченной трапезной церкви во имя Св. праведного Филарета Милостивого. Своим благолепным, несколько скорбным ликом икона полюбилась сестрам обители, и они стали прибегать к ней в своих молитвах.

Другая на Елеоне очень почитаемая икона Божией Матери — именуемая «Взыскание погибших». В 1911 году группа паломников плыла из России в Святую Землю на поклонение святым местам. В числе их был старец, раздававший на пароходе листочки с историей и чудесами иконы Божией Матери «Взыскание погибших». В группе были три паломницы, которые впоследствии проживали в числе монахинь Спасо-Вознесенского женского монастыря на Елеоне: схимонахиня Феодулия, схимонахиня Феврония и монахиня Дария. Во время плавания началась буря. Она настолько стала угрожать небольшому пароходу, на котором плыли паломники, что они взмолились Пресвятой Богородице и обещали Ей соорудить икону. Пароходик благополучно доплыл до Яффы, паломники сложились и заказали боль-

⁸⁸ Часовня освящена во имя св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня на месте Первого и Второго обретения его главы, (иначе «Часовня Обретения»), построена на личные средства Ирины Григорьевны Силаевой (+ 1927). Жила в Иерусалиме недалеко от Русских построек. Похоронена на Елеоне возле южной стены часовни.

⁸⁹ Имеется в виду немецкий госпиталь и лютеранская церковь «Августа Виктория», построенные в 1910 году кайзером Вильгельмом II. В 1898 году император Вильгельм и его супруга Августа Виктория посетили Иерусалим. В 1903 году был приобретен участок на Елеоне, а в 1907 году заложен храм. В 1914 году место становится военным объектом, на территории госпиталя разместились резиденция Германо-турецкого штаба. Церковь построена в монументальном стиле. Гигантская колокольня (65 м) уступает «Русской свече» только потому, что находится не на самой вершине, а чуть ниже.

⁹⁰ Игуменья Евпраксия (в миру Мария Миловидова) приехала в Иерусалим в 1890 году из Московского Алексеевского монастыря, управляла Елеонской общиной с 1903-го по 1914 год.

⁹¹ «В его лице воскрес отец архимандрит Антонин». Из писем А. А. Дмитриевского князю А. А. Ширинскому-Шихматову // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 275.

шую икону Божией Матери «Взыскание погибших», которую пожертвовали в Елеонский монастырь. По сей день на Елеоне 5 февраля служится всенощная этой иконе⁹². В настоящее время в Спасо-Вознесенском храме в южном крыле креста в отдельных мраморных киотах с золочеными колонками находятся привезенные из России чудотворные иконы «Елеонская Скоропослушница» и «Взыскание погибших»⁹³.

1911 год был отмечен интересными заметками о Спасо-Вознесенской обители.

Иеромонах Маркиан (Попов): «3 февраля. После чаю ходили на Елеон с миссийским иеромонахом отцом Тихоном⁹⁴. Довольно высокая гора Елеонская, и мы с трудом на нее взошли <...> Пришедши в монастырь, побывали у иеромонаха Илариона⁹⁵, который напоил нас чаем; были также у настоятельницы, матушки Евпраксии⁹⁶, зашли потом в храм; чудная церковь, — устроена покойным архимандритом Антонином. За алтарем еще свежая могила, украшенная цветами, мученически скончавшегося иеромонаха Парфения, много потрудившегося для сей святой обители и убиенного, как говорят, зависти ради, врагами всего русского⁹⁷.

<...> Вечером служили большим собором торжественную всенощную, после которой вокруг церкви был крестный ход; затем у настоятельницы пили чай и закусывали, а затем, придя на ночлег, прочитали все вместе вечернее и причастное правило и стали размещаться, кто где мог на краткий отдых, так как время было уже позднее, а завтра надо было вставать рано. Выйдя в коридор, я увидел лестницу, ведущую наверх дома, и, быстро поднявшись, очутился на плоской крыше монастырского здания; стояла чудная, лунная, тихая ночь, все кругом как бы замерло и безмолствовало; с высоты Елеонской горы видна была вся окрестность на многие версты: вот серебрится при лунном свете Мертвое море, за ним возвышаются величественные Моавитские горы, налево виден безмолвный Священный Иерусалим, сильно выделяется темный силуэт Омаровой мечети, внизу, под самой горой — Кедрский поток, Гефсимань. Сколько священных воспоминаний навеивает на душу вся эта библейская местность и как все это дорого и мило сердцу верующего христианина!»⁹⁸

Протоиерей Александр Глаголев: «Мы стали подниматься по крутой, пыльной тропинке на вершину горы Елеонской, к месту Вознесения Господня. На склоне горы взоры паломника невольно обращаются назад, и здесь пред нами предстала величественная панорама Иерусалима, который, при свете заходящего солнца, казался особенно красивым. Пред нашим мысленным взором невольно воскресала обстановка великой эсхатологической беседы Господа на Елеоне. <...>

Направившись отсюда к востоку, мы скоро увидели среди построек огромную пятиархусную колокольню русского храма Вознесения, Еще издали мы услышали звон,

⁹² Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 53.

⁹³ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 194.

⁹⁴ Тихон (Гончаренко; 1868—1940?) иеромонах Загоровского Рождества Богородицы монастыря; член РДМ (1910—?). Упоминается в списках 1927, 1933 годов (Архив РДМ).

⁹⁵ Иларион (Игнатий Шемутитов; 1865—?), иеромонах Московского Заиконоспасского монастыря; член РДМ (1903—1914). Из крестьян. Исполнял должность эконома при миссийской братской трапезе. Награжден набедренником (1904), орденом Св. Анны 3-й ст. (1913). Заведовал Тиверидским приютом (1927) (Архив РДМ).

⁹⁶ Евпраксия (Мария Миловидова), монахиня, первая настоятельница (1906—1914) Спасо-Вознесенской женской общины на Елеоне; в 1912 году награждена наперсным крестом; скончалась 12 декабря 1914 года, прожив на Елеоне 26 лет.

⁹⁷ Маркиан (Попов), иером. Путешествие в Палестину, на Афон и по России в 1911 году // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 218—219.

⁹⁸ Там же. С. 230.

продолжавшийся во все время нашего шествия к церкви. Сначала мы недоумевали, что это значит; но скоро оказалось, что население русской женской обители, извещенное заранее о нашем прибытии на Елеон, захотело почтить нас колокольным звоном, что иногда в Палестине, как и на Афоне, делается при встрече паломников (это было, например, и в обители Саввы Освященного при нашем посещении ее). Но этим наша встреча не ограничилась. При нашем приближении к храму, на паперть вышли все сестры обители и встретили нас пением тропаря и кондака Вознесению Господню.

После посещения церкви, очень поместительной и благолепной, нас пригласили в монастырскую столовую, где предложен нам был чай, после которого, несмотря на позднее время, мы совершили торжественное (Вознесению) всенощное бдение. Пел прекрасный хор из сестер обители, совершало богослужение все наше экскурсантское духовенство, а светские студенты принимали участие в чтении и исполняли другие церковно-служительские обязанности. Это богослужение, истово совершенное на самом месте Вознесения Христова на родном языке, в кругу своих соотечественников, произвело на всех нас глубокое, неизгладимое впечатление.

Была уже ночь, когда мы вышли из ярко освещенного храма на темный двор монастыря. Мириады ярких звезд сверкали на совершенно темном небе; в воздухе ощущалась свежесть, сменившая дневной зной. После ужина нас разместили в уютных комнатах приюта при обители, и мы заснули, утомленные дневным путешествием.

Наутро (7 июля) была совершена торжественная литургия, на которой вместо причастия сказано было краткое «слово» проф. свящ. А. А. Глаголевым об одушевлявших паломников религиозных чувствах на святом месте, а после нее — панихида по почивающему на левой стороне храма архим. Антонине (Капустине), начальнике нашей Духовной Миссии, основавшем эту обитель и построившем храм (освящен в 1886 г.) и вообще так много сделавшем для русского паломника в Палестине устройением русских мест на разных пунктах Святой Земли; по епископе Порфирии (Успенском), также много принесшем пользы русскому паломнику, и по игумене Парфении, престарелом сотруднике о. Антонина, злодейски умерщвленном на Елеоне 15 января 1909 года (могила его вне храма, возле алтаря). После предложенного нам обеда мы отправились осматривать разные монастырские постройки: посетили мастерские и музей, пока еще небольшой. Здесь находится открытая часть древнего мозаичного пола с изображением древнехристианских символов: рыбы, агнца, феникса и др. Таковой же мозаичный пол открыт в одной часовне и в столовой.

В заключение мы взбирались на самую колокольню, откуда открывается прекраснейший вид на всю почти Палестину. С чувством полного духовного удовлетворения и глубокой благодарности оставляли мы этот русский уголок Св. Земли, где так приветливо и с любовью приютили нас соотечественницы и где нам Бог привел испытать столько отрадных религиозных переживаний. Невольно чувство благодарности наполняет душу при воспоминании об основателе этого русского местечка в Палестине о. архим. Антонине, питомце нашей Киевской Академии (сконч. 24 марта 1894 г.), положившем столько трудов и забот по приобретению русских владений и в других местах Св. Земли и трудами рук которого до сих пор пользуются и будут пользоваться тысячи русских паломников. «И не забудет Палестина архимандрита Антонина», как верно сказано в одном стихотворении, посвященном принопамятному о. Антонину»⁹⁹.

⁹⁹ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 55–58.

Contents

Prose and Poetry

- Natalia Kravchenko.** Poems • 3
Boris Krasin. Lieutenant L. Unscribed Novel • 8
Andrey Shatskov. Poems • 41
Evgraf Svetlanin. To Run from the Shadow. Novel • 47
Victor Shiraly. Poems • 95
Alexander Lomtev. Very Middle Asia. Novel • 99
Tatiana Skrundz. Stories • 119

Publicistic Writings

- Igor Yakovenko.** Intellectual Courage • 137

From the Archive

- Alexander Gladkov.** Diary. 1975 (January—June). *Publication and Comments by Mikhail Mikheev* • 163

Russian Thesaurus — XXI

- Vladimir Yelistratov.** Unfallen Leaves of Russian Language • 193

Petersburg Bookman

- Portrait of a Poet.** *Albert Izmailov.* „The Simpler the Verse, the Harder It is ...“ **Reviews.** *Vera Kharchenko.* Always in Own Way. *Roman Katzman.* Learn to Walk. *Elena Zinovyeva.* The Fate of Generation. **Book Island.** *Elena Zinovyeva's publication* • 208

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Shrines of the Mount of Olives (by Notes of Russian Pilgrims). Part 5 • 231

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 04.04.2017. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 92
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28